

Содержание

Двадцать лет Центру общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова. 1990 — 2010 (<i>Ю.М. Осипов</i>)	7
Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Знание об экономике под присмотром естествознания и опекой философии	11
<i>В.В. Ильин</i>	
От «пост» к «прото»: трансформации «денежного мира»	20
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
«Общество знания» или «общество непонимания»?	28
<i>С.А. Строев</i>	
Либерализм: судьба «победителя»	45
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Экономика в условиях отсутствия морали	56
<i>К.В. Молчанов</i>	
К вопросу о социальном проектировании: диалектический аспект понятия «экономика»	63
<i>С.С. Воронина</i>	
Глобализация: «торжественные» похороны социальной справедливости? Взгляд с точки зрения философии хозяйства	74
<i>И.В. Пшеницын</i>	
Судьба России	81
<i>А.А. Акинин, А.А. Шевелев</i>	
Россия на пороге социохозяйственных перемен: проблема экономического развития и модернизационный дискурс	91
Раздел II	
Инновации	
<i>А.Б. Николаев</i>	
Современное производственное инновационное развитие — сущность и формы проявления	113
<i>Н.Д. Елецкий</i>	
Переход к инновационному развитию: значение и границы применимости зарубежного опыта	126
<i>П.В. Скотный</i>	
Инновационная методология как проблема современного знания	139
<i>А.А. Залетный</i>	
Основные проблемы инвестиционного банковского процесса в современных российских экономических условиях	146
Раздел III	
Актуальная философия	
<i>В.А. Кутьрев</i>	
Бог и/или Разум	157

<i>Н.В. Родионова, И.А. Богданова</i>	
Возможность этического оправдания экономических целей	168
<i>И.Ю. Фомичев</i>	
Коллективизм в современной философии управления организациями	177
<i>Д.Л. Родзинский</i>	
Антикультурный феномен «чистого» сознания в чань-буддизме	184
Раздел IV	
Рецензии и отклики	
<i>Т.В. Левина</i>	
Метатеория сознания, или Первобытная живопись как критика языка	197
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Кое-что о человеческом лице Швеции, или Черновые заметки о чистовом хозяйстве	205
<i>В.Ф. Шаповалов</i>	
Парадоксы искусства советского периода	213
<i>И.И. Рудяк</i>	
Душа экономики и виртуальное потребление: «Иное» Ю.М. Осипова и «Встречи с Иным» Н.Б. Шулевского	225
Научная жизнь	
Двадцатилетие	241
Жизнь в обществе постмодерна (<i>В.С. Сизов</i>)	245
<i>А.А. Антропов</i>	
Некоторые аспекты естественнонаучных и технико-технологических трактовок и аналогов экономических процессов и явлений	263
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Слово об Академии	280
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Самоутверждение России — потребность исторического момента	283
Наши авторы	291
Содержание за 2010 г.	294

Contents

Twentieth Anniversary of Center of Social Sciences of Lomonosov Moscow State University. 1990 — 2010 (*Yu.M. Osipov*)..... 7

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Knowledge about Economy under the Watch of Natural Science and under the Wing of Philosophy..... 11

V.V. Iljin

From «Post» to «Proto»: Transformations of «Monetary World» 20

N.B. Shulevsky

«Society of Knowledge» or «Society of Misunderstanding» 28

S.A. StroeV

Liberalism: Destiny of the «Winner»..... 45

A.V. Kuznetsov

Economy amid Moral Insanity..... 56

K.V. Molchanov

To the Question of Social Project Planning:

Dialectical Aspect of the Concept «Economy»..... 63

S.S. Voronina

Globalisation: «Ceremonial» Funeral of Social Justice?

Point of View of the Social Market Economy..... 74

I.V. Pshenitcyn

The Destiny of Russia 81

A.A. Akinin, A.A. Shevelev

Russia on the Brink of Socio-Economical Changes: the Problem of Economic

Development and Modernizational Discourse 91

Part II

Innovations

A.B. Nikolaev

Modern Production Innovative Development — It's Essence and Forms

of Appearance 113

N.D. Eletskiy

Transition to Innovative Development:

Value and Borders of Applicability of Foreign Experience 126

P.V. Skotnij

Innovational Methodology as a Problem of Modern Consciousness..... 139

A.A. Zaletnyy

Main Problems of the Investment Banking Process in Modern Russian

Economic Circumstances 146

Part III

Actual Philosophy

V.A. Kutirev

God and/or the Reason..... 157

<i>N.V. Rodionova, I.A. Bogdanova</i>	
Economic Aims As Possibility of Ethical Justification	168
<i>I.Yu. Fomichev</i>	
Collectivism in Modern Philosophy of Organization Management	177
<i>D.L. Rodzinskiy</i>	
Anticultural Phenomenon of «Pure» Consciousness in Ch'an-Buddhism	184
Part IV	
Reviews and Responses	
<i>T.V. Levina</i>	
Metatheory of Consciousness, or Cave Art as a Critique of Language	197
<i>G.I. Mojsejchik</i>	
Something About a Human Face of Sweden or Preliminary Notes of Final Economy	205
<i>V.F. Shapovalov</i>	
Paradoxes of the Art of Soviet Period	213
<i>I.I. Rudyak</i>	
Soul of Economics and Virtual Consumption: «Different» by Osipov and «Meeting with Different» by Shylevsky	225
Scientific Life	
Twentieth Anniversary	241
Life in the Postmodern Society (<i>V.S. Sizov</i>)	245
<i>A.A. Antropov</i>	
Some Aspects of Natural-Scientific and Technical-Technologica Interpretations and Analogues of Economic Processes and Facts	263
<i>Yu.M. Osipov</i>	
A Word About Academy	280
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Self-Esteem of Russia — the Need of Historic Moment	283
Our Authors	291
Contents of the Journal for 2010 Year	294

**Двадцать лет Центру общественных наук при МГУ
имени М.В. Ломоносова
1990 — 2010**

20 лет назад, 26 июля 1990 г., распоряжением Совета Министров СССР был создан на правах научно-исследовательского института Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Особенность Центра состояла в том, что он должен был вести исследования и разработки, междисциплинарные по преимуществу, на условиях нештатного привлечения ученых и специалистов по временным трудовым договорам и посредством создания временных творческих коллективов.

Планы были большие, имелись немалые финансовые средства, начало было многообещающим.

Но события 1990-х гг. внесли не самые лучшие коррективы, в результате чего возможности Центра были существенно сужены, бюджет резко сократился, прежний фронт работ было уже невозможно поддерживать.

Однако Центр уцелел, переориентировался, нашел свой оригинальный путь.

Не забывая о междисциплинарности в сфере обществоведения и гуманитарных наук, Центр поставил в сердцевину своей размыслительной деятельности сначала экономику с экономической наукой, а затем философию хозяйства.

Центр смог предоставить заинтересованным ученым дискуссионную трибуну, возможность конструктивного общения, а также публикаций свободно подготовленных текстов в коллективных и личных монографиях, в Альманахе Центра общественных наук, а с 1999 г. в журнале «Философия хозяйства».

В итоге вокруг Центра сложилось замечательное, при этом совершенно вольное, сообщество ученых, объединенное с 1997 г. в Философско-экономическое ученое собрание, а с 2009 г. представленное также Академией философии хозяйства.

Какие же главные итоги можно подвести сегодня, через 20 лет после создания Центра, через два десятилетия его работы?

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — необыкновенная оперативность, эффективность и продуктивность деятельности, правда, с учетом интеграции Центра с лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, а также с учетом делового взаимодействия Центра с экономическим и другими факультетами и подразделениями МГУ, с иными учреждениями и вузами, равным образом, и со многими благосклонно относящимися к Центру лицами предпринимательских и политических кругов.

Второе — концептуальный прорыв, который осуществил Центр со своим ученым сообществом в современном обществоведении и в

гуманитарной науке — это прорыв в постнаучную метафизику, в трансцендентность, что позволило весьма скорректировать, если не изменить полностью, ставшие давно привычными и весьма набившими оскомину представления о человеке, обществе, жизни. На кризис гуманитарной и общественной науки Центр ответил не только его — этого кризиса — убедительной констатацией, но и решительной попыткой преодоления кризиса, вовсе не без успеха. Главными же достижениями Центра стали формирование и развитие современной научной школы философии хозяйства, подготовка и издание фундаментальных философско-хозяйственных трудов. Не будет преувеличением сказать, что Центр общественных наук при МГУ является сегодня признанным в стране и мире центром философии хозяйства — этого нового и перспективного направления обществоведческой и гуманитарной мысли.

Третье — создание Центром эффективно действующего ученого сообщества, способного решать серьезные фундаментальные задачи, достигать заметных конструктивных результатов.

И все это, заметим особо, при совершенно мизерных финансовых затратах, хотя и при благожелательной поддержке со стороны не-малого числа заинтересованных в развитии передовой науки лиц и учреждений.

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что Центр состоялся, он многого достиг и способен еще многое сделать. Не менее уверенно можно заметить, что аналогов подобного центра воистину живой мысли нигде не просматривается — ни близко, ни вдали.

Центр общественных наук — уникальная демократическая институция, удачно консолидированная на достижение солидарного творческого эффекта.

Центр вполне осознает, в какую эпоху и при каких обстоятельствах ему довелось и доводится работать. Он не питает никаких иллюзий относительно общей ситуации в мире, обстановки в стране и у ближайших к России соседей. Центр видит если и не все, то очень многое, и достаточно откровенно об этом говорит, в том числе и властей предрекающим.

У Центра активная гражданская и общечеловеческая позиция, он не уходит от проблем человека, общества и всего мира, не прячется за наукообразными ширмами. Сегодня это особенно важно отметить — Центр находится на переднем крае, он не отгорожен от препятствий и трудностей, но все они ничто перед радостью свободного творчества, которым ученое сообщество Центра оказалось счастливо наделенным.

Многая лета Центру общественных наук и его ученому сообществу!

Ю.М. Осипов,
директор Центра

Ю.М. ОСИПОВ

Знание об экономике под присмотром естествознания и опекой философии

Аннотация. Утверждается, что социально-экономическая реальность не является в основе своей ни материальной, ни механической и даже формально математической, а потому подлежит более всего метанаучному и метафизическому рассмотрению. Дается попытка такого рассмотрения.

Ключевые слова: экономика, хозяйство, наука, метафизика, кризис экономической теории, философия хозяйства, экономическая метафизика.

Abstract. It is claimed, that socioeconomic reality is not at the root neither material, nor mechanical and not even mathematical, and that is why it should be considered as metascientific and metaphysical. This article is a

Keywords: economy, household, science, metaphysics, crisis of economic theory, philosophy of economy, economic metaphysics.

Теоретическая экономия вышла из философии, дополняясь фактами и сентенциями из хозяйственной практики. В эпоху Просвещения, когда необычайно расцвели наука и научная философия, экономическая мысль стала стремительно онаучиваться, все более оставляя философию, пока не превратилась из туманного раздела философии в самостоятельную и весьма при этом четкую науку — сначала в политическую экономию, долгое время еще несшую в себе следы философии, а затем в гораздо более по внешнему виду научную науку — экономическую теорию, наиболее онаученное направление которой стало фактически не чем иным, как математической, а лучше было бы сказать, математизированной, экономикой, а наиболее вроде бы гуманитарные разделы современной экономической науки, как тот же новый институционализм, получили явно выраженный формально-логический характер, что как раз более всего соответствовало науке, а не философии.

В итоге естественнонаучный, или физический, или материально-механический, или формально-логический, или математический подход к объекту изучения — экономике, хозяйству, окончательно одержал победу над философским подходом, не оставив места не только

метафизике с ее идеализмом и трансцендентностью, но даже и более логически стройной диалектике.

Научное видение и соответствующая интерпретация экономического объекта дали о нем определенное, как раз и называемое обычно научным, дискурсивное представление, которое и лежит в основании современной теоретической экономики, ее концептуальных разрешений и категориальных построений.

И все было бы ничего, если бы добытое строгим научным методом знание (с формулированием всяких истин, принимаемых за конечные, на крайний случай, временно конечные)... соответствовало бы в достаточной мере не то что в широком плане хозяйственной, но хотя бы в узком смысле экономической (товарно-денежной) реальности. Триумф научного мышления в гуманитарной, обществоведческой, хозяйственной сферах оказался кратковременным — и ежели он еще признается в академиях и университетах, то не более как гарант институциональной стабильности, интеллектуальной стойкости, экономической доходности, но уж никак не доказательство гносеологической истинности.

Все дело в том, что сама социо-хозяйственная реальность является по преимуществу не только не физической, но и, строго говоря, не научной — не сциентистской, она в основе своей не материальная, не механическая и, как это ни странно звучит по поводу онтологически счетно-расчетной экономики, вовсе не формально математической, а потому не подлежит ни ограниченному научно-физикалистскому видению, ни невольно уклоняющейся от реальности виртуально-сциентической интерпретации.

Экономика в наиболее адекватной самой себе, т. е. наиболее экономической, выраженности, это прежде всего деньги и цены, а эти последние вовсе не материальны и не механичны, а потому и не особенно научно-математически трактуемы и моделируемы. Деньги и цены идеальны, это продукты и принадлежности непосредственно сознания, они не существуют отдельно от этого последнего, это абсолютно осознанные вещи-моменты экономического бытия, которое тоже сплошь осознанно. Деньги вовсе не в карманах и не в банковских хранилищах, а прямо в головах людских, и являются они вовсе не осязаемыми вещами, а всего лишь виртуальными цифрами, оформленными в числа и только в числа, т. е. не в количества осязаемых вещей, как обычно думается, а лишь в количества или суммы цифр — не более и не менее! Любые осязаемые вещи, если это требуется, являются лишь удобными и не очень носителями денежных цифр, которые вовсе не от этих осязаемых вещей, а прямо от сознания, от человеческих голов, где они рождаются, бытуют и где, лишённые вдруг значения и надобности, умирают.

Деньги и цены — совсем не то внешнее, что надо непременно человеку познать, а то внутреннее, что как раз уже составляет знание человека, которым он эффективно пользуется и которое, заметим, не очень-то спешит показывать и разбазаривать. Деньги и цены — не только продукт, но и орудие сознания, — как раз экономического, умело ведущего экономический счет-расчет — в деньгах и ценах, т. е. в экономических цифрах и числах.

Оцененные деньги и однеженные цены — вот, собственно, и вся в сердцевине своей экономика, самое в ней экономическое. Одно не оторвать от другого, хотя деньги и цены — не одно и то же. У них разные, но взаимосвязанные функции, без исполнения которых никакой экономики просто нет. Безденежное и безоценочное хозяйство — не экономика!

И если деньги и цены идеальны, и они суть принадлежности сознания, то о какой-токой большой и всепроникающей физике здесь вообще может идти речь — разве лишь о написанных на бумажках цифрах, точнее, каких-то линиях, кружочках и крючках, как и, разумеется, о красках, чернилах и цветах, с помощью которых лишь зрительно (физически) проявляются все эти экономические цифры, — ни о какой другой физике здесь не может быть и речи!

В глаза людские бросаются, конечно, металл, бумага, как и помещенные на них цифры, а вот в воображение вторгается совсем другое — ценностные значения цифр, которые никак не связаны собственно с физикой — ни с физикой материальных носителей этих цифр, ни с физикой их — этих цифр — фигурального отображения, а потому в сознании запечатлевается не столько физика (физический образ) экономических цифр, сколько их идеальное значение, призывающее для своего объяснения не столько науку, сколько... какую-нибудь магию, ибо тут не физики с химией более всего, а самой настоящей... алхимии — вполне и действующей, и полезной, и судьбоносной.

Нет, мы не оговорились, произнося это ужасное и пугающее слово — алхимия, ибо имеем в виду самую что ни на есть органичную экономической реальности — можно сказать, и онтологическую — алхимию, которая вершится сама по себе в экономике и вершится именно алхимически — неизвестно как, скрыто, таинственно — и никакого семантического или же аксиологического качества эта чудесная алхимия при себе не несет — она просто работает себе и работает, исполняя нелегкую экономическую миссию — *стоимостную*, делая деньги деньгами, а цены ценами, а главное — все и вся однообразно и поразному оценивая — в оцененных ею же деньгах. Что, разве здесь не алхимия, причем вполне и трансцендентная, разве тут физика, естествознание, наука?

Нет, это не наука, во всяком случае, не совсем наука, хотя в чем-то и кое-где наука тут и есть, например, в обобщении и представлении тех же экономических технологий (организационных, институциональных, управленческих, торговых, финансовых, банковских, инвестиционных, реализующихся вполне успешно на практике и без науки, но улучшаемых иной раз и с помощью науки, экспертно), и если здесь не наука, а что-то совсем иное, то это иное относится к тому, что можно было бы назвать *метанаукой*, а в противовес физике — *метафизикой*, т. е. уходящим за пределы науки и физики и вторгающимся в иные — нефизические и ненаучные — сферы.

Да, экономика, понимаемая как обменно-оценочное, или товарно-денежное, хозяйство, — непрерывный счет, осуществляемый в деньгах и через цены. И тут необходимо осознать, что это не физический и не научный счет, даже и не как таковой математический, это метанаучный, метафизический, как и метаматематический (внематематический) счет, который вершится сам и по своим, выходящим за пределы любых научных, физико-математических, естественных принципов, не говоря уже о законах... э-э... вершится по своим *соображениям* (да, да, именно так — *соображениям!*), которые не совсем, конечно, лишены принципов и законов, но... сами по себе не очень строго «принципны» и не очень строго «законны», почему и метаестественны. Даже само действующее экономическое сознание, продуктом и принадлежностью которого являются главные фигуранты экономики — деньги и цены, не знает довольно того, что, как и зачем с этими фигурантами и любыми производными от них параметрами в экономическом мире происходит, а что говорить о сознании, извне познающем экономику, т. е. познающем само действующее экономическое сознание, если оно, это познающее сознание, не может при всем своем желании ни смоделировать действующее в экономике сознание, ни занять его место? Для научным образом познающего сознания действующее в экономике сознание есть не что иное, как *метасознание*, с которым онаученному сознанию можно как-то общаться, но которое никакое научное сознание в себя впустить не может, ибо там — внутри, в сердцевине — не более чем аналогия какой-нибудь «черной дыры».

У экономики *свой* счет и *своя* математика, которые не есть и не могут быть без экономики, вне экономики, вместо экономики, и не потому, что экономика вообще должна быть в реальности, а потому, что экономика принадлежит в основе и по сути своей другой — совсем и не физической — реальности, которую можно для краткости определить как *материальность*, где как раз и царствует своя, совершенно неизвестная и неперевариваемая обыкновенной наукой, алхимия. И тут интересно то, что, сталкиваясь с этой загадочной онтологической ал-

химией, наука неизбежно превращается тоже в алхимию, но уже иного рода — гносеологическую, тварную, искусственную. И если экономика есть полная тайны и риска алхимическая игра самой реальности, то экономическая наука — всего лишь не лишенная несуразностей алхимическая игра ищущего затейливого применения праздного ума.

Тут важен один проясняющий экономическую онтологию факт — экономика не имеет, в отличие от природного и технического миров, никаких абсолютных параметров, постоянных величин и незыблемых истин, кроме, пожалуй, утверждения, что экономика есть товарообмен, деньги и цены. В экономике все относительно, текуче, неопределенно, что не значит, конечно, что нет пусть и временных и переменчивых, но достаточно выраженных, упругих и даже прочных опор, зацепок и конструкций, позволяющих уверенно действовать на воспроизводственную перспективу, вести программируемую игру.

Экономика — царство не столько свободы и анархии, сколько некоего, скажем так, *своеволия*, с которым всем приходится иметь дело, которое никогда не исчезает и не теряет своей действенности.

Да, все в экономике считают и рассчитывают, все что-то планируют и что-то всегда реально конструируют, но это оказывается возможным лишь при участии каждого экономического агента в общеэкономической игре, ведущейся непременно с участием самой экономики, которую ничем и никем заменить невозможно, не переведя в целом хозяйство в какую-то иную — неэкономическую — организацию.

В любом экономическом числе-парамetre всегда сидит нечто (часть), что возникает само по себе, что есть продукт экономического своеволия, что предстает трансцендентным, а сами числа-параметры всегда оказываются в той или иной мере своевольными (не свободными, а именно своевольными), что позволяет сделать заключение, что экономика есть в целом неодолимое никем, ничем и никогда *самоволие*, что вовсе не говорит ни об отсутствии каких-то онтологических принципов, ни о невозможности добиваться от экономики каких-либо субъективно желаемых результатов.

И ежели экономика — механизм, то вовсе не механический механизм, даже не органический, а какой-то более сложный, неопределенный и вольноопределяющийся механизм, которому, пожалуй, и нет вполне адекватного определения — разве лишь, да и то лишь по скромной аналогии, какой-нибудь стохастический, синергетический, стихийный.

Экономика — это механизм сначала осознанного и самовозникающего *произвола*, а потом уже столь же осознанного и самовозникающего *порядка*, опять же порядка, никогда не выходящего из зоны действия как вполне своевольного, так и вполне управляемого произвола.

Вот почему тут не очень применима человеческая математика, ибо эта математика требует какого-то априорно выставленного порядка, того самого механического порядка, которого в экономике попросту нет и быть не может. Экономика сложнее, неопределеннее и куда произвольнее, к примеру, той же шахматной игры, которую еще можно как-то компьютерно смоделировать; экономика сродни, пожалуй, футболу, игровое течение которого вполне смоделировать никак нельзя, хотя можно посредством указаний тренеров, замен игроков и решений судьи повлиять на общий исход развивающейся произвольно игры. На экономику тоже можно влиять, в том числе и на ее общий исход, но не моделируя экономику саму по себе, а лишь предвидя ее возможные реакции на управленческие импульсы и вероятное поведение.

Экономику можно представить гигантским счетно-решающим устройством — неким мегаустройством, состоящим из мириад вооруженных техническими средствами организменных счетно-решающих устройств, причем таким мегаустройством, которое работает непременно само и непременно через посредство как мириад микроэкономических «черных ящиков», так и единого макроэкономического «черного ящика», а посему выдающих на гора всякую информацию о движении экономики, всех ее элементов и параметров, но не раскрывающих полностью механизма ее выработки.

Отсюда вывод, тяготеющий к рангу закона: *экономический параметр (прежде всего, цена) может быть по числовому значению любым, но не каким угодно*, и решается это самой экономикой, что не исключает *любых, но не каких угодно субъектно-субъективных манипуляций с величинами экономических параметров*.

Тут произвол на произвол, воля на волю, инициатива на инициативу, а в результате — *воспроизводственный момент* («момент» здесь адекватнее «порядка»), ибо ближе к неравновесному процессу, чем к равновесной систематике).

На деньги и цены, как и на любой иной экономической параметр, можно целеположенно влиять, но нельзя ни утвердить раз и навсегда те же деньги, их ценность, ни определить сразу и надолго все разбросанные по экономическому пространству цены. Точно так же нельзя смоделировать экономику в целом, заменить моделью реальность, хотя можно моделировать какое-то представление об экономике, обязательно при этом оговаривая, что моделируемое представление об экономике никогда не бывает моделью собственно экономики.

Внутри экономики и вместе с нею можно считать и решать сколько угодно — на правах самостоятельного счетно-решающего устройства, но никак нельзя все это проделывать вне экономики, за нее, вместо нее, ибо экономический счет-расчет есть непременно социальный

(сознаниево-ноосферный), непременно самоорганизационный и непременно трансцендентный.

В экономике метафизика важнее физики, и именно метафизика все главное и определяет!

Да, всякое или почти всякое экономическое решение в экономике опосредовано счетом-расчетом (даже и математикой), и хотя этот счет-расчет напоминает физический, но это не совсем так, если совсем не так, ибо помимо относительности и неустойчивости экономических чисел, а соответственно и любых экономических исчислений, в экономическое решение вплетается не только много неэкономического и нерационального, но еще и немало трансцендентного — того самого скрытого от самого считающего и рассчитывающего субъекта счета-расчета, который всегда имеет место где-то в глубинах что частного человеческого, что общего социального организмов, но который сам считающий и рассчитывающий субъект вроде бы не производит. Решения тут выскакивают как бы сами по себе, как те же черти из табакерки — зачастую и неосознанно.

Все то же самое можно сказать и об объективистских решениях экономики в целом, того же рынка, когда решение есть, а вот вследствие чего и почему именно такое решение всегда остается в той или иной мере загадкой, нередко вообще неразрешимой (отсюда и сакральное: «Так решил рынок!»).

Экономические решения вообще крайне редко принимаются в условиях информационно-аналитической полноты — более типична тут неполнота. И, однако, решения всегда принимаются, хоть и не всегда оказываются вполне приемлемыми и тем более удачными. *Экономика — пространство информационно-аналитической неполноты!* Отсюда и риски, и неправильности, и сбои, и промахи, и провалы, но и неожиданные удачи, выгоды, победы. Экономика — игра с неполнотой, причем неполнотой настолько значительной, что списать эту неполноту на простые отклонения и мелкие неурядицы никак не удастся: неполнота тут — органическое свойство, а не случайная девиация.

Любопытно, что научно-физический подход к экономике и сам страдает неполнотой, ибо рисует хотя и внешне стройную (математически-де обоснованную), но крайне ограниченную, оторванную от реальности, содержательно обедненную картину экономики, каковой в реальности просто нет. Экономическая теория лишь неустанно воспроизводит в разных вариантах инженерно-физический миф об экономике, имеющий к этой последней весьма условное отношение.

Характерно, что теоретическая экономия никогда не могла и не может до сих пор определиться со своим собственным предметом, оправдывая сие недоразумение сложностью предполагаемого предмета и

неконтролируемым разнообразием гносеологических к нему подходов. Данная ситуация вполне объяснима, если принять во внимание, что теоретической экономии хочется отыскать вполне научный предмет посреди... не столь уж научного контекста, — и этот возможный вроде бы предмет от науки, естественно, упорно ускользает.

К рубежу XIX — XX вв. обозначились явные признаки кризиса теоретической экономии, бывшей тогда по преимуществу политической экономией в ее классической интерпретации. Помимо попыток подправить классику, не приведших, конечно же, к конструктивному успеху в пределах допускаемой наукой аксиоматики, были предприняты серьезные усилия по отходу от классики, все еще зараженной-де философией и переходу к еще более научной, чем прежде, экономии, освобожденной от неопределенной философии, но зато обильно оснащенной «точной» формально-математической парадигматикой. Казалось, что выход был найден и кризис чуть ли не преодолен, но... со временем пришлось убедиться в еще большем, чем во времена господства политической экономии, отрыве экономической теории от реальности, а потому теоретическая экономия стала все более тяготеть к простому описанию этой самой реальности, пренебрегая ее концептуальным объяснением. Фактически произошло не что иное, как вырождение теоретической экономии, ее превращение в воистину вульгаризированное (упрощенное, поверхностное, эклектическое) знание об экономике.

В то же самое кризисное для теоретической экономии время случилось и новое обращение к философии, однако не к той философии, из которой вышло когда-то экономическое знание, как и не к той научной философии, которую ранее восприняла политическая экономия, а к философии вообще — как к особому способу и течению мысли, способному не просто обогатить теоретическую экономию, но и иначе взглянуть на объект экономики, по-иному его и трактовать.

В итоге родилась *философия хозяйства*, занявшая самостоятельное место в сфере познания человека и общества, их жизнеотправления, преодолевшая ограниченность теоретической экономии, вышедшая на предметный и познавательный простор, давшая заметно иное видение и понимание объекта, чем это было когда-то у философии, а затем и у вышедшей из философии теоретической экономии, как раз то самое видение, вместе с ним и ведение, о котором уже шла речь выше применительно к однеженному хозяйству — экономике.

Философия хозяйства как таковая возникла в начале XX в. да не где-нибудь, а прямо в Московском университете в связи и по итогам защиты С.Н. Булгаковым одноименной докторской диссертации. После десятков лет забвения она вновь явилась на свет в том же Москов-

ском университете, получив в настоящее время и заметную институциональную оформленность.

Что же касается более чем столетнего кризиса теоретической экономики, ныне в основном представленной в виде экономической теории с экономиксом во главе, теперь о кризисе не говорит только ленивый. Характерно, что теоретическая экономика из онтологической науки все более превращается в некую функциональную дисциплину, все более занятую разработкой, оправданием и преподнесением *экономических технологий*, что, правда, вовсе не гарантирует эти технологии от тех же болезней, что оказались столь прилипчивыми к теоретической экономике. Перевод объяснительной науки в деятельскую технологию никак не означает прекращения кризиса физикалистского по сути своей научного подхода к нефизическому в основе своей объекту познания и технологических манипуляций.

Нет, конечно, мы вовсе не против экономических (по преимуществу, финансовых) технологий, мы лишь возражаем против неоправданного применения естественнонаучного и инженерно-технического подходов к экономике, которая пока еще остается социально-гуманитарной системой с присущей ей метафизической (сознаниевноосферной) подосновой и вовсе еще не превратилась в *техномику*, которую, возможно, и удастся когда-нибудь вдоль и поперек инженерно-технически строить и перестраивать, навсегда расставшись со свойственной экономике неуловимой и немоделируемой трансцендентностью.

Неестественная в основе своей онтология экономики не означает, что между естествознанием и экономикой не может быть плодотворного взаимодействия, прежде всего по линии влияния естественнонаучных подходов на экономическую, как и вообще гуманитарную мысль.

Никто не возражает против, например, экологической теории или той же идеи генома, как и идеи клона, теории синергетических процессов, идеи того же аттрактора, равным образом и идее атома, кванта, кварка, теории нанопроцессов, как и идее энтропии, обратной связи, «черного ящика», соответственно и концептуальных заходов квантовой механики, топологии, теории катастроф и т. д.

Иное дело, что не все это может быть воспринято собственно теоретической экономикой, обычно с тревогой относящейся к внешним ментальным воздействиям из опасения утери столь драгоценной для нее предметной и парадигмальной специфики.

Что же касается философии хозяйства, то она, безусловно, открыта для такого рода интеллектуального взаимодействия с естествознанием, никак на специфику философии хозяйства не покушающегося, но зато ее, несомненно, обогащающего.

В.В. ИЛЬИН

От «пост» к «прото»: трансформации «денежного мира»

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации от эпохи «пост» к эпохе «прото», характеризуется их смысл. Показана взаимосвязь анализируемой ситуации с финансовой экономикой в контексте виртуальной реальности.

Ключевые слова: «прото», «пост», виртуальный, денежный мир, экономическая и финансовая цивилизации, постчеловек, экономизм.

Abstract. The article discusses the process of transformation from the era of «post» to the era of «proto» and characterizes their meaning. The relationship of the analyzed situation with the financial economy in the context of virtual reality is shown.

Keywords: «proto», «post», a virtual monetary world, economic and financial civilization, post-human being, economism.

В современной социально-философской, культурологической, политологической мысли понятие «Я» можно разделить на три основных плана: *эпистемологический* («Я» как центр познания), *психологический* («Я» как самость) и *социальный* («Я» как саморепрезентация). В эпистемологическом плане наше познание обусловлено нашим «Я», и здесь нет затруднений в смысле идентификации. Но в психологическом и социальном планах проблема идентификации и идентичности является одной из важнейших. Особенно в условиях современного общества, представляющего собой *иную*, порой неожиданную и нежеланную среду экономического и социокультурного обитания. Здесь можно говорить о множественном «Я», состоящем из различных личностных образов. Следовательно, идентификация понимается как процесс определения индивидом самого себя, процесс построения идентичности, поскольку в ходе идентификации человек приписывает себе те или иные «Я»-образы.

Индивидуальная идентичность — отношение человека к самому себе, становление которого происходит прежде всего в процессе социального, культурного и духовного взаимодействия. Причем духовный фактор во многих случаях является определяющим. Однако как в таком случае можно говорить об идентичности человека, если одной из главных характеристик современности является кризис традиционной духовности? Но действительно ли этот кризис имеет такие угрожающие параметры? И в чем заключается сущность того, что сегодня называют «духовным», или «антропологическим», кризисом?

О нем говорят давно. *Впервые* эту проблему — потери духовности — поставил Эразм Роттердамский в своей знаменитой «Похвале глупости». Это было начало «экономической цивилизации», обусловившей «денежный строй», отсюда *кризис теолого-схоластического разума*, отчужденность от новой жизни религиозной духовности, человека, отступившего перед натиском всех тех «греховных» недостатков, не отвечавших существующим христианским канонам.

Второй этап стал переходом от просветительских моделей торжества разума к концепции «экономического человека». Это означало измерение человека через контекст теории стоимости. «Экономический человек» — это результат, итог экономических революций XVII — XVIII вв. в Европе.

Третий этап — переход от человека гуманно-культурного к «*постчеловеку*», что означает конец (смерть) «традиционной», ренессансно-просветительской модели человека. И это, действительно, смерть, но смерть *конкретно-исторического типа человека*, скорее всего, его высшей формы, за сохранение которой и дальше всеми силами борются воспитанные на идеалах Просвещения педагоги, философы, культурологи, политики и т. д. Но постмодерновая реальность не дает основания надеяться на улучшение этой ситуации, т. е. оставаться в измерениях системы обычных ценностей.

Ведь эпоха Постмодерна обуславливает становление *постчеловека*, *постреальности* и *постдуховности*. Выражением последней есть *философия постмодернизма* — без традиционного субъекта, который не нужен, поскольку отпала потребность в объективной действительности (*объекте*), без истины, без реальности, без сущности. Это — отражение, образ нового мира «без устоев и связей, без весомой объективности, быстро и ускользающего, искаженного и играющего. Мир без любой концептуальной опоры и стойкой матрицы, которая объединяет все... Нет, не хаос утвердился, хотя и он имел место, не совсем уже и стихия, хотя и она была, не такая уж и анархия, хотя и ее хватало» [1, 10]. Следовательно, это *постмодерновая реальность*, и ей отвечает «экономический человек», но уже как человек «денежный», с присущим ему «монетарным сознанием».

Для него актуальна другая система ценностей. Постмодернистская философия поставила под вопрос весь идейный и мировоззренческий багаж, накопленный Европой, ослабив привлекательность бывшего интеллектуального пространства. Теперь *разумное и мыслящее* — *вещи не тождественные*. Разум не означает мыслящее. Тот, кто хочет мыслить по-современному (в контексте информационного, технологического, экономического и «оденеженного» бытия), должен перестать «играть» в классику, размышляя только о сущности, законах, субстан-

ции, категориях, принципах. *Не основы, а пределы возможного интересуют нас сегодня.* В пространстве *границы — предельности* — мышление имеет не понятийный, а парадоксальный характер. Здесь невозможно сохранить ясный взгляд субъекта. Здесь нет ни истины, ни обмана. Приблизившись к границе возможного, невозможно идти по «логике бинарных отношений» («добро — зло», «положительное — отрицательное») [2, 158], — говорит Ф.И. Гиренок.

Действительно, теперь благосостояние, карьера, капиталы, собственность не приобретаются и не достигаются *по правилам*. Постмодерн создает все условия для непредсказуемости, неожиданности, он ломает все рациональные схемы и конструкции. Побеждает тот, кто «играет» «не по правилам», и это предопределяет не только победу, но и авторитет во всем мире. Причем миру безразлично, кто победил — «левые» или «правые», «добрые» или «плохие». Постмодернизм, таким образом, — это не мода, а позиция, возможно, безрассудная, открывающая новые горизонты мысли. Новая, виртуальная, реальность, возникающая в результате постмодернистских новаций, это замена *логики объективности субъективизмом*. Поэтому измерение человека в виртуальной реальности нуждается в *динамике* субъективных изменений, а не в благоустроенной объективной *статике*.

Постмодернизм вызвал скептическое ощущение завершенности и истощенности всех культурных форм: остается лишь играть ими, по-новому объединять, повторять то, что было сказано другими. В этой ситуации все, кроме денег, потеряло значение и реальность. Главной стала приставка *«пост»*: постмодернизм, постгуманизм, постиндустриализм, постинституционализм, постструктурализм, в конце концов, постчеловек. «Конец времен» действительно помещает себя в конце: после авангарда, реализма, индустриализма, коммунизма, после идеологии, тоталитаризма и интеллектуальных дискурсов... «Смерть Бога, провозглашенная *Ф. Ницше* в конце XIX в., откликнулась в конце XX в. целой серией смертей: смерть человека, смерть автора, смерть реальности, смерть истины» [3, 198]. А вместе с ними — *смерть смысла*.

Но не значит ли это только *смерть старого*? Ведь чем больше «пост», тем больше признаков *нового* во всех сферах жизни. Теперь появилось достаточное количество примет *Нового Начала*, из-за чего необходимо определить основы не только «финансового», но и «начального» ощущения эпохи — то, что можно назвать «началом века» («началом времен»).

Что представляет собой философия *Начала*? Сто лет назад, на рубеже XIX — XX вв., переплелись умонастроения конца и начала: *декаданс* и *авангард*. Причем авангард не только художественный и философский (символизм, футуризм, прагматизм, интуитивизм), но и

политический (социализм, большевизм, анархизм, сионизм, фашизм), научный (открытие рентгеновских лучей, радиоактивности, кванта, электрона, специальной теории относительности, кризис «материи» в физике, зарождение психоанализа, в экономике — маржинализм, неоклассика, институционализм), технологический (автомобили, авиация, телефон) и религиозный (пятидесятничество, антропософия, богостроительство и пр.). Декаданс сменяется авангардом — «решительным разрывом с прошлым и страстным стремлением к будущему» (М. Эпштейн) [3, 198 — 199].

Очевидно, что и конец XX в. имел не только свой «декаданс» («пост»), но и свой «авангард», который можно назвать «*прото*» (от греч. *Protos* — первый, начальный, ранний). Уже в середине 1990-х гг., в разгар разговоров о постструктурализме и постмодернизме, интеллектуальная инициатива начала переходить к новому поколению — первооткрывателям *виртуальных миров*.

Новорожденное поколение Интернета перестало интересоваться *деконструкцией*, доказательством отсутствия «*означаемого*», «*реального*». Это поколение направило себя к новым, фантастическим, *протовиртуальным объектам*, которые оно само могло конструировать. В финансово-экономической жизни основой этих стремлений стали развитие *электронных финансовых технологий*, их небывалые ранее возможности по операциям с денежными потоками и ресурсами. В мир, в котором, казалось бы, уже не могло быть ничего нового, вдруг «ворвались *конструктивная новизна*, пафос бушующего заселения новых территорий *психореальности, инфореальности, биореальности*» [3, 200]. Стремительное развитие компьютерной техники качественно изменило духовность и мировоззрение. Собственно, сделало их ненужными.

Все, что предыдущее поколение воспринимало под знаком «пост», в последующем своем историческом прогрессе оказывается «прото» — не завершением, а первым эскизом, началом новой нейрокосмической эры, информационной и трансформационной среды. Одним из основных содержаний новой эры является *интенсивная работа денег*, которые ради своего дальнейшего роста активно используют не только геополитику, но и науку: сращение мозга и Вселенной, техники и органики, создание мыслящих машин, работающих атомов и квантов, доведение всех онто-жизненных процессов к скорости мысли.

Оказывается, это не «конец реальности», о которой говорили все постмодернисты, а только начало новой, виртуальной, реальности. Ей отвечает эра «виртуальных денег», по-новому выстраивающая социально-экономическую жизнь, главная характеристика которой — динамизм. Ход истории не только не приостановился, но даже ускорился.

В динамическом обществе история — это гераклитовская вода, постоянно протекающая. Это не конец, а начало новой эпохи «размножения» авторских и персонажных личностей, «странствующих» по виртуальным мирам во все более отдаленном отношении к своим бионсителям.

Человечество начинает выходить за пределы своего биовида, подсоединяя себя к десяткам приборов, вживляя в себя провода и протезы. Между организмом человека и созданной им культурой устанавливаются новые, значительно более тесные отношения симбиоза. Все, что человек создал вокруг себя, теперь заново интегрируется в него, становится частью его природы. Но это — не смерть человека, а «очеловечивание» приборов, орудий и машин, благодаря которым они приобретают человеческие функции движения, высчитывания и даже мышления, и человек становится *больше, чем когда-либо, человеком*. Но в измерениях *будущего бытия*, властно входящего в социокультурную и экономическую жизнь. И не просто человеком, а человеком совершенно нового вида. Благодаря развитию компьютерных и биогенетических технологий этот человек приобретает новый смысл: теперь он — целостное природно-искусственное существо, объединяющее в себе свойства универсальной машины со свойствами человеческого индивида.

С точки зрения традиционного подхода мы видим процесс компьютеризации как передачу человеческих функций машине. Но сегодня возможно и другое понимание: история цивилизации как процесс *очеловечивания машины*. Если раньше мы говорили о процессе очеловечивания природы, т. е. живого организма от амебы до обезьяны, питекантропа, мыслителя, то сейчас — о процессе *технологизации*, а за ним — переход на новый, иной уровень духовности и культуры, пронизанной «духом экономизма». Так же, как развитие человеческих функций «очеловечивает» природу, переход к финансовой экономике «оденуживает» культуру и социум. Тем более, что мы имеем дело уже не с человеком в старом его понимании и восприятии. Тот человек не столько исчез, сколько перерос себя, переступил границы своего социокультурного вида. Он воспринимает и превращает теперь мир в тех диапазонах, которые раньше подчинялись лишь приборам. Для такого человека рациональная логика дела, логика денег, их четкий прагматический язык стали наиболее понятными.

Наверное, только мозг человека вписывается в информационный и трансформационный пейзаж будущего, где вместо биоматерии и живой ткани будут сверхпроводящие нити, сети, нейроны, транзисторы, по которым будут идти сигналы, значения, мысли, импульсы воли и желания. Предвестник этого будущего образа человека — *валютный*

рынок. Он охватил весь мир подобно сети и, как любая сеть, имеет определенные объединяющие узловое звенья особого значения, которые образуют рынок *киберпространства*, не связанный с необходимостью что-то сеять, собирать, вырабатывать, обменивать. Валютный рынок не знает никакой неуверенности — его соглашения осуществляются мгновенно. Электронные импульсы протекают по всему миру со скоростью света, и уже доллары летят из Сингапура в Сан-Пауло, поток йен направляется в Центральный банк Заира, евро летят в Россию, а южноафриканские ренди превращаются в канадские доллары [4, 301]. Все это возможно, если ориентируешься в расчетах, экономических факторах и статистических показателях. Постигнуть это способен современный человек, т. е. *постчеловек*, ориентированный на *протожизнь* и не отягощенный «духовными» предрассудками.

Сегодня часто можно услышать жалобы на то, что молодежь мало читает, а больше общается с компьютером. Но это — не трагедия, а показатель новой эпохи: жизнь в ней требует освоения огромного количества информации, чего не могут дать сегодня книга и человек. Чтение, слушание, писание, разговор, все эти действия губами, глазами, ушами, руками — неэффективные средства интеллектуального общения: «это волны, на которых к месту старта доставляют ракеты» (М. Эпштейн). Это узкие биоканалы, из-за которых по капле в час вынуждены проходить целые океаны информации — как правило, 99,99% остается вне сознания. Поэтому таким сильным становится стремление к компьютеру и интеллекту, представляющим собой прообраз всемирной и мгновенной связи знаний и мыслей.

Необходимо учитывать, что информация — накопление знания — это только начальная, упрощенная форма интеллектуального обмена. Соотношение между накопленным знанием и живым мышлением стремительно изменяется в пользу мышления, как и соотношение между *прошлым* (опредмеченным в машинах, приборах и пр.) и *живым* трудом. Прежде знание накапливалось в малоподвижных формах: рукописях, книгах, библиотеках, что делало невозможным его быстрое и масштабное преобразование. Теперь основные информационные ресурсы человечества могут обновляться мгновенно, и они доступны каждому пользователю Сети.

Информационный век прокладывает дорогу *трансформационному веку*, которым должен стать XXI в. Это эпоха перехода информации в трансформацию, поэтому мироощущение «пост», знаменующее «конец века», является сегодня устаревшей характеристикой. Человечество сегодня становится «биологической протоплазмой» техногенной цивилизации, носителем «прото-интеллекта», «дебютантом» на сцене *технотрансформационной цивилизации*. Ее предпосылкой является

«финансовая цивилизация». В ней *деньги стали скорее всеобщим рынком, чем средством для рынка.*

Теперь рынок — это движение «большого тела самого капитала, а не движение товаров, устанавливающих ставки валют... Более значительную и быструю прибыль можно получить на финансовых рынках, чем на коммерческих, так как финансовую собственность можно передать мгновенно электронными средствами, в то время как движение потока товаров между странами может длиться недели и месяцы» [4, 304]. *Финансовый рынок предлагает более быстрые и большие прибыли, но он требует совсем другого мышления, другой реакции на изменения, происходящие в действительности, другого человека.*

Рост, развитие цивилизации превращают человека, даже наиболее значимого, в «*атом*». Собственно, это также отвечает духу времени: деньги не «любят» апофеоза, они ориентируются на покой, тишину. Поэтому от будущего не следует ждать расцвета выдающихся личностей (они и теперь нивелированы общим распадом старого бытия и субъективацией нового), подобно титанам Возрождения, Просвещения или ницшеанских *сверхлюдей*. Законодателями моды и поведения в XXI в. будут не герои и гении, и не «*трудовые массы*» марксизма. Будущее принадлежит интеллектуальным, мыслящим индивидам, которые смогут «встраиваться» в более могущественные, сверхличностные системы искусственного разума. Благодаря мыслящим и счетным машинам, интеллектуальное могущество которых будет возрастать в геометрической прогрессии, отдельный человек, даже талантливый, уже не сможет идти впереди и вести за собой человечество.

Сказанное дает основание считать, что новое «начало века» отличается от направлений XX столетия. Оно учитывает и воспринимает критику, которую постмодернизм направил против идеологии, утопии, тоталитаризма. Авангардное презрение к традиции, отрыв от прошлого, политический и эстетичный радикализм, вера в чистоту новой идеи или стиля, которые в скором времени завоюют весь мир, вера в избранность немногих гениев, диктующих свою волю «темным» массам, — все эти черты горделивого начала (дебюта) остаются в истоках прошлого столетия.

Умонастроение нашего времени, определяемое как «прото» — это осознание того, что человечество живет в самом начале неизвестной цивилизации; что мы притронулись к каким-то неизвестным источникам силы, энергии, знания, способным наконец нас уничтожить; что все наши достижения — это лишь слабые прообразы, несмелые начала того, что содержит информационные и биологические технологии будущего. Можно назвать это мироощущение «*протеизмом*», являющимся альтернативой «пост» (постмодернизм, постструктурализм, постиндустриализм...). Если «пост» отталкивается от *прошлого*, буду-

чи вместе с тем им околдованным, не имея силы выйти из его магического круга, то «прото» соразмерно с будущим, грядущим, а не с прошлым.

«Протеизм» свои начала берет от *Протея* — бога морей и волн в древнегреческой мифологии, способного приобретать образы разных существ, превращаться в огонь, воду, дерево, животных. Цивилизация будущего *протеична*, поскольку она состоит из потоков *энергии и информации*, которые легко изменяют свою материальную форму в конкретных условиях прохождения через ту или другую среду. Очевидно, что в любом случае над материальным бытием будет властвовать принцип трансформации, обратимости, протеизма. Но это не дух в традиционном понимании и не «духовная республика», о которой мечтали борцы за «духовную чистоту» бытия. Это — видоизмененная материя, благодаря преобразованиям «приобретающая разные образы, переходит от одного изменения в другое» [5, 264], как писал еще в свое время *Ф. Бэкон*. И не просто материя, а энергия и информация, способная приобретать вид формулы, гена, организма, светового луча, квантового взаимодействия. В контексте современной науки материя выступает скорее как принцип пленения, связывания энергии и информации, которые все с большей легкостью, как Протей, освобождаются от этих пут, равно как сегодня электронные деньги освободились от металлических и бумажных форм в процессе торгового обращения, одновременно избавившись от нравственно-духовного влияния и культурологических императивов. В эпоху господства иных измерений деньги потеряют свой нынешний смысл, поскольку протеичное бытие будет иметь потребность в других энергиях. Такова логика начала — протеизма — развития современной цивилизации, в которой будущее наступает сегодня.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Постмодерновые реалии России // *Философия хозяйства*. 2006. № 6.
2. *Гиренок Ф.И.* Философия как исследование пределов возможности мыслить иначе? // *Философия хозяйства*. 2006. № 5.
3. *Эпштейн М.* De'but de siecle, или От пост- до прото-. Манифест Нового века // *Знамя*. 2001. № 5.
4. *Везерфорд Дж.* История денег: Борьба за деньги от песчаника до киберпространства. М., 2001.
5. *Бэкон Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1978.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

«Общество знания» или «общество непонимания»?

Не наш мы Новый мир воздвигнем,
И царем будет в нем Ничто...

Аннотация. В статье исследуется перводвигатель современного, Нового мира. Авторское «добро» гласит: этот мир есть продукт абсолютного забвения и непонимания человеком истины и самого себя. И это забвение-непонимание выражают антипонятия-концепты информации, хаоса, виртуальности, ничто, искусственного интеллекта, коммуникации, Сети. На основе и посредством данных концептов создан социотехнологический монстр, «общество непонимания», которое творит искусственного человека, искусственное бессмертие и «вторую»... настоящую смерть.

Ключевые слова: Новый мир, виртуальность, информация, непонимание, концепт, ничто, хаос.

Abstract. The article investigates the prime mover of the modern, New world. Author's «Good» states: this world is the product of absolute oblivion and misunderstanding of the person of truth and itself. And this oblivion-misunderstanding express anticoncepts-conception of the information, chaos, virtuality, nothingness, artificial intelligence, communications, Networks. Based on these concepts, the socio technological monster was established, «Society of misunderstanding», which creates an artificial person, artificial immortality and «second»... a real death.

Keywords: New world, virtuality, information, misunderstanding, concept, nothingness, chaos.

Основные концепты Нового мира-инкогнито

Современный мир предстает перед нами как мир-инкогнито, как заколдованное царство, неприступное для всех существующих научно-философских методов. Этот мир вне судьбы и времени, выживший выкидыш его выкидышей¹.

¹ «Наша (евроамериканская. — Н.Ш.) современная цивилизация зародилась не в огне мировых войн XX столетия, а в оледенении “холодной войны”» 1946 — 1986 годов, основными видами оружия в которой были коварство, подлость, клевета, разврат, предательство и прочие мерзости. В нашей победе в этой войне не было ни крупинки благородства, героизма, жертвенности, идейной одержимости. И это наложило печать на всю нашу последующую историю. Мы родились как плод клятвпреступления, коварства, диверсии, подлога и блуда, объявив себя затем наследниками всего того, что сделали другие. Мы

Смысловый портрет этого мира создан в *философии хозяйства* Ю.М. Осипова. «Поднялся над планетой новый мир — как вполне сказочный антигерой-призрак. Обволакивает ее, проникает в нее, втягивает в себя. И глупеют цари, испаряются царства, стираются культуры. ...Новый мир явно антисофиен — до суперкрасивого безобразия. Поэтому-то он и эсхатологичен. Он будет еще жить, сея смерть, но он уже мертв — в безнадее. Жить ему в общем-то, точнее, как-то быть — в мертвых. *Мир-мертвец!* ...*Мир — уничтожитель мира!* Все съест, всех съест, сам себя съест!.. Мир, которому всегда не по себе, всегда неуютно, всегда тесно. Отсюда мир-зыбь, мир-призрак, мир-взрыв, а соответственно *мир-вертеп*, *мир-агрессия* и *мир-агония*. ...Мир-растлитель, ибо иного выхода кроме растления всех и вся у него нет. ...*Бес-покойный, без-душный, без-умный!* *Мир-война!* Мир-удовлетворение, но не мир-добро, в то же время и мир-беда, и мир-несчастье — *мир-зло*» [2, 43 — 45, 59].

Постмодернизм назвал современный мир Хаосмосом, сочетающим в себе явный хаос и скрытый порядок, непонимание себя и незнание этого непонимания. И суть этого мира определяется евронаукой. А особенности современной евронауки, названной мудрыми наукологами и туалами «постнеклассической наукой»², всецело до последней наночастички, наноклобочки и нановонючки определяются реальностью, созданной этой же наукой, которая всей мощью своей непреклонной *воли* к новизне-самоцели³ отвергает традиции, прошлое, пред-

при этом боролись за выживание и иного пути выживания у нас не было. Мы родились как исторический убудок и развились в глобального монстра, призванного завершить историю человечества, не в силу стремления к этому, а в силу холодного расчета и предопределенности неживой материи» [1, 15 — 16].

² О качестве понимания этого мира красноречиво говорит сам термин-инвалид «постнеклассическая наука». Более уродливого, бессмысленного, развратного и абсурдного термина не знает вся история науки. Поскольку «не» отрицает классическую науку (а другой науки быть не может, ибо классичность и научность суть синонимы), то «пост», отрицая неклассическую науку, восстанавливает «классичность», а, перенося «не» или «пост» на науку, получаем в итоге «классическую ненауку» или «классическую постнауку».

³ Наука не замечает, что культ нового ради нового есть способ *уничто-жения* сущего, ибо в непрерывном обновлении постоянным началом, *константой*, служит именно уничтожение, а не цветущее бытие; каждая новация науки (и прогресса) требует жертвоприношений природы, человека, духа; каждая единица нового оплачивается ценностями жизни, которая по-старому питает своими смысловыми энергиями и душевной кровью архинокации науки. Модернизация культа новизны в культ инноваций продолжает то же *уничто-жение* сущего

данное вообще. С традицией жизни евронаука связана лишь внешне. Но сама традиция, допустив свое отрицание, тем самым провиденциально встроила евронауку посредством *хаоса, кризисов, информации и виртуализации* в общий план inferнального мира. Но план этот недоступен человеку и прогрессу, иначе они бы не смогли его выполнять.

Но хаос, кризисы, информация и виртуализация сами по себе не имеют содержания, являясь средством порождения другой реальности — Нового, абсолютно радикального и последнего Нового мира, в котором технология соединяет в некое околобытие микро-, мезо-, макро-сферу и черные дыры. Человек открыл миры, которые недоступны чувствам; в этих мирах он работает, но жить в них нельзя. Объекты микромира, мегамира, виртуальность никто не видел, но деятельность человека смещается именно в них. Человеку стали доступны глубины морские и земные, несоизмеримые его чувствам и разуму. Но он, мятежный, ищет дыры черные, безумный хаос, скорость неземную, творит отбросы, вползает в виртуал и презирает отчий Дом Земли!

Но суть Нового мира коренится в том, что мир этот принципиально отвергает понятийное мышление, сами понятия как высшие формы знания-понимания, заменяя их каким-то осклизлым и сопливым постмодернистским уродцем — «*концептом*». Парадокс: посредством науки человек создал искусственный мир, который для своего функционирования не нуждается в понимании вообще, для которого понимание становится помехой, а то и ядом⁴. Перводвигателем этого мира

другими средствами. Нужно обновить само понятие «Новое», раскрыть его зависимость от бытия, которому «старое» столь же дорого, как и «новое»; но всего дороже для бытия пульсации, диалоги его вечных смыслов, которые сохраняются в новых формах и в старом содержании, в новом вздоре и в старом горе. Постоянное обновление скрывает внутреннюю пустоту Протея прогресса.

⁴ Промежуточным этапом на пути движения Нового мира от знания-понимания к знанию *без понимания* служит рефлексивный концепт Д. Сороса. «Последние двести лет мы живем в Эпоху Разума, т. е. достаточно долго, чтобы обнаружить, что возможности Разума также достаточно ограничены. Мы готовы вступить в *Эпоху Ошибочности*. Результаты могут быть также очень вдохновляющими и вскружить голову...» [3, 101]. Ну, а вскруженная голова чего только не накружит! А само суждение об ошибочности всякого знания разве не истинно, *Laurea Honoris Causa* Дж. Сорос? А каковы критерии ошибочности разума, чтобы случайно не вляпаться в истину? Но финансы делают ставку на эпоху ошибочности и непонимания!

И П. Фейерабенд сочинил концепт «пролиферации», который заменяет разумно-понятийное мышление безграничной свободой и счастьем, таящимся в произволе *непонимания*. «В науке все дозволено, кроме Разума!». «Именно

становится растущее непонимание. Человеку не нужно понимать, *что есть, скажем, виртуальность, почему и для чего* симуляция труда считается работой. Достаточно знать, *как поступать, какие программы использовать в информационных бдениях, какие кнопки нажимать*, чтобы получить свою порцию пиццы и «кака-колы». И еще парадокс: чем меньше в современной деятельности понимания, тем оглушительней ее эффективность, которая требует все большего непонимания человеком дел своих.

Но если мир отвергает свои самопознание и понимание, то возможно ли постижение этого мира извне? Невозможно, ибо понимать-то нечего. Для знаний материал есть, а для понимания нет ничего, кроме ничто. Можно играть для научной утешки в понимание, но самому миру это безразлично. Открытый космос не нуждается в дыхании. Открытый Новый мир нуждается не в понимании, а в непонимании происходящих в нем событий. Но если в космосе дыхание нужно лишь попавшему туда человеку, то в Новом мире понимание не нужно никому: ни этому миру, ни человеку. А поскольку всегда есть люди, алчущие понимания, то им нужны не концепты, а хотя бы диагностическое описание этого Нового мира.

Изложим постмодернистскую концепцию самих концептов концептуальным же языком. Бездушно-спидушное семизначие «концепт» обозначает всяческую заумь, ибо наукам положены не концепты, а «конспекты», «аспекты», «проспекты», «функцепты», «конструкты», «мудепты»; искусству положены «аффекты», «эффекты», «консенсусы», «развертки», «перцепты», «перфекты» — фу, хватит.

Словечки «концептуальное мышление», «концепция» незаметно вытесняют термины «теоретическое мышление», «теория». И замена эта не безобидна, ибо *понятия* можно заменить только *непонятиями*, а *понимание* — *непониманием*. И наш философский инвестор выступает как диверсант, разрушающий понятийное мышление. Нельзя дважды войти в одну и ту же теорию, успевшую стать в перерыве концепцией, сеющую неразумное, недоброе непонимание. Концепт — это феномен искусственного нечеловеческого знания, суррогат, узурпировавший трон понятия.

Концепты свободно создаются как детали знаковой машины текста, производящей универсалии, которым присущи авторские амбиции

Разум включает в себя такие абстрактные чудовища, как обязанность, Долг, Мораль, Истина, которые использовались для запугивания человека и ограничения его свободного и счастливого развития. Так будь же он проклят!» [4, 322]. Проклинать разум не осмеливались даже религиозные фанаты! А так говорит ученый Нового мира!

(идеи Платона, перводвигатель Аристотеля, cogito Декарта, диалектика Гегеля и др.). Концепты творят насилие над своими элементами, но в то же время устраивают между ними «добрососедские связи» (концепт «деньги» скручивает все свои и чужие элементы в бараний рог, но в то же время позволяет им по-добрососедски продаваться и проституироваться). Концепты суть центры пересечения множества проблем, которые они решают становлением (Откуда человек? Из обезьян? А откуда эти твари? Из амёб? А откуда амёбы? Спрашивайте у концепта бесконечного становления). Концепты реальны, но не актуальны(!), идеальны, но не абстрактны (концепт «объем» объемлет пассажиров автобуса, но он не придает им дополнительных сил, не сводится к ним, дистанцируется от них, но снова и снова в них пребывает, иногда убивает, иногда усыпляет; объем не имеет вещества, он идеален, но количество пассажиров автобуса доказывают, что он не абстракция, а идеальная реалья). Концепты — это не сущности и не вещи, а схемы событий. Концепты — это планы событий, но без самих событий, которые нуждаются в неинформационной и в несобытийной основе, откуда идут импульсы научного творчества. (Концепт «глобализм» не имеет внешних координат, а только внутренние интенсивные координаты, в качестве которых выступают финансы.) Концепты не имеют телесности, не способны к итальянскому дискурсу; они осуществляются в вещах, но не имеют с ними ничего близкого (концепт «число» нетелесен, недискурсивен, безразлично измеряет вещи, всячески избегая того, чтобы не испачкаться их материей). Концепты уникальные автореферентные и самопрезентабельные штуки. Они сами себя представляют другим субъектам, сами творят свои предметы, сами их исследуют, сами оценивают их истинность, сами пишут и рецензируют трактаты о них, сами планируют научную работу ученых. Все в концепте и для концепта, все из концепта через концепт и в концепт. Концепты ничего не отражают, не выражают самих себя; они одновременно творят себя и свои объекты, устраивая свой дом за пределами философии и науки — в сфере имманенции, которая представляет собой мысль до мысли, резервуар для концептов, храня в себе древний хаос наш родимый. Концепты — не образцы и не образы вещей, хотя за чем-то соотносятся с ними. И лишь концепт самого «концепта» служит образцом и образом самого себя и для самого себя. Концепты становятся *фигурами*, когда нужно разоблачить иллюзии имманенции, которая дает приют и ночным трансценденциям, и блудным универсалиям, и бездомным объектам созерцаний, и безработным субъектам коммуникалий, и смыслом, вечно скитающимся, и дискурсивным прохвостам, и гламурным пропозициям хаоса. Концепт «Поппер» стал Фигурой и попер из науки все истинные суждения, заменив их безошибочной

критической ошибочностью. В концептах нет своей энергии, но в них есть интенсивность порыва в смысловое царство никуда. (Концепт «кризис» не имеет собственной энергии, но кризису присущ порыв и взрыв самого себя.) Концепты трансцендентны, но существуют имманентно, как летний зной и морковь, которые неведомо откуда и зачем пришли в наш мир, зачем потом покидают его, уходя в небо и в сырую глину. Концепты — это центры, в которых непрерывно перекликаются, вибрируют элементы, не знающие смысла, семьи и гражданской ответственности. Концепт содержит ограниченное число элементов, иначе он растворился бы в хаосе. Концепт — точка сгущения, скопления и... оскопления элементов от смыслов.

Создание концептов — это основная задача философии. Тела, ментальность, интеллект, психика существуют только для того, чтобы творить *концепты*. Можно говорить, например, о концепте тяготения, молекулы, воробья, большого взрыва и др. Но концепту нужна имманенция, способная согреть его бездушное, лишенное смысла бытие. В Античности имманенцией было созерцательное мышление, в Новое время — рефлексивный рассудок, в XX в. — интерпретации.

Если отнестись к концептам благожелательно, то в них можно узреть ребяческий взгляд мысли на самое себя, когда она еще не достигла половой зрелости, находясь на стадии дологических и допонятийных созерцаний; можно в концептах видеть и взгляд на мысль тех существ, которые идут на смену мысли из искусственных миров, не обещая ей даже минимальной пенсии. Но в любых ситуациях концепты не терпят понятий, зная, что понятия видят насквозь их ложь.

В Новом мире мышление может осуществляться только посредством концептов, видеоклипов, лишенных всякого понимания, которое ставит его в тупик. А вот непонимание всегда свободно и произвольно творит, не ведая что, не думая ни о чем и не зная никаких ограничений. И побеждает понимающих.

Вообще-то мышление и знание в формах непонимания — уникальные феномены, не имеющие аналогов в истории мысли. Мистика, иррационализм, скептицизм, агностицизм, алогизм ограничивали понятия или отрекались от них в пользу интуитивного, понимающего ведения. Пожалуй, лишь коаны (бессмысленные изречения типа: «Каков звук от хлопка одной ладоней?») дзен-буддизма напоминают современную форму непонимания. Но и в дзен-буддизме коаны, бессмысленное служили средством достижения понимания. Непонимание как внутреннее устремление мысли, как цель и как форма мышления — это всецело продукт искусственной цивилизации, творящей себя из непонимающего знания.

И все же реальным телом концептов служат информационные ячейки Сети. Новомир заменяет личностное, понимающее мышление безликим комбинированием концептов в Сети, где нужно не понимание, а действие в соответствии с программой. Концепт «разум» означает в Новомирии искусственный интеллект, из которого вычтены все витальные, социальные, субъектные и смысловые элементы; концепт «личность» — это персонаж, в котором нет телесности, социальности, профессии, а есть только виртуальное тело, живущее на экранах, на сценах, в кино, в Интернете. Концепты сканируют вещи, мысли, людей, чтобы заменить их оригиналы бледными немочами копий. Мышление в понятиях заменяется концептурбацией, а наука — текстурбацией. О, если бы вы знали сами, Европы темные сыны, что созидают ваши руки, куда идут ваши умы!

Концепты появились именно в евронауке, в рамках которой невозможно знать предмет и в то же время понимать смысл знания, его прародителей: если знаешь, то не понимаешь, если понимаешь, то практически обесцениваешь знание. В евронауке есть некая тайна, проявляющаяся только в негативных последствиях этой науки. И эта глубинная тайна евронауки обитает в концептах, которые обладают смысловой значимостью лишь в той мере, в какой они не воплощены ни в вещах, ни в знании, ни в слове. Концепт содержит потенцию чистого предмета еще до его исхода из хаоса и грешного воплощения в материи. Философии должна выделять посредством концептов потенции, которые могут вылезти из хаоса и стать вещами. А имманенции как возлюбленные концептов встретят эти потенции под пепельными вуалями непонимания. Поэтому понимание евронауки отсылает нас к некоему ненаучному предмыслию. Концепт — это предмысль в немыслящей среде; имманенция — это постмысль в немыслимой среде. Имманенция просеивает хаос, выявляя в нем автомутации, способные стать концептами.

Поэтому в Новом мире субъект познания заменяется искусственными деятелями — *концептуальными персонажами*. Концептуальный персонаж — это нечто вроде невидимой руки Адама, некий таинственный агент, творящий гипотезы, теории; он обладает зыбким присутствием где-то между концептом и имманенцией, между интуицией и словом, между порядком и хаосом. Но, даже оставаясь неназванным, он обязательно должен быть в сознании читателя в качестве носителя смыслов. Концептуальные персонажи не имеют тел, но они воплощены в разных концептах, которые же и порождены ими в сожительстве с имманенциями. Концептуальный персонаж творит концепт, а вместе с ним новое бытие, новую мысль, новую науку. Поэтому нет единственного бытия самого по себе, которому принадлежат все мно-

гообразии реальных. Концептуальный персонаж обеспечивает множественность и качество актуальных и виртуальных. Он ныряет в хаос, ищет свои имманенции и вместе с ними создает актуальности, которые сразу же начинают играть в кости. При этом каждой выпадающей кости соответствуют скрытые черты и черты какого-то концепта. Концепты не выводятся из имманенций; их нужно сотворить, для чего имманенции и требуются концептуальные персонажи, для которых главным является не субъект и объект, а поиски своего родного хаоса, куда они поставляют доверившихся им субъектов.

Постмодернизм утверждает, что именно тотальный кризис является творцом Нового мира, в котором сознание, ум, науки, люди становятся несоизмеримыми с реалиями кризиса, черпающими энергию в распаде форм, в распаде и потреблении самого распада. Именно тотальный кризис требует спецзнаний в виде концептов, дающих людям работу, но избавляющих их от понимания. Не работает в Новом мире и психика, ибо все ее функциональные архетипы возникли на основе признания субъекта автором и причиной переживаний. В Новомирии переживания десубъективируются и деобъективируются, вследствие чего психику охватывает беспредельный, беспредметный и безотчетный страх, ставший в XX в. особым — экзистенциальным — измерением человека. Этот страх питается ощущением какой-то неизбежной опасности, большей, чем сама смерть, ибо последняя не вызывает в психике таких потрясений, как непонятный страх. *Реалии Нового мира превосходят способности сознания, психики и ума к переживаниям и пониманию, которые становятся страхом, саморазрушением сознания и ума.*

Вполне понятно, что суть глобального кризиса непонятна науке, которая косвенно является его творцом, не понимая самое себя и смысл своего знания. Хайдеггер увидел причину кризиса в феномене «бегства от мышления!», охватившего Запад XX в. Люди не понимают про-исход-ящего, ибо пуще смерти боятся мышления, бегут от него, прячутся от него в непонимание, подбрасывая тем самым горячий материал в топку кризиса. Вернее, мысль и свобода в страхе бегут от западных людей, предающих понятийное мышление концептам прогресса. А демиургом Нового мира становится знание-информация, знание-непонимание. Поэтому не столько человек созидает Новый мир, входит него в него, осваивая его, сколько он сам входит в жизнь людей, осваивая и потребляя ее, переделывая ее по матрице своего непонимающего знания в технологии прогресса. Есть у Нового мира свои пророки, слуги, реализующие его непонимаемость, его вражду к понятиям и любовь к патологии, уродствам непонимания.

Посланцем и пророком Нового мира стала *информация*, выступающая субстанцией, творцом, режиссером, актером, делая своими органами материю, энергию, человека. Информация из атрибута бытия становится самим бытием, превращая его в при-*бит*-ое *Бит*-ие. Информация стала демиургом Нового мира, переделывая вещи, людей, знания в сгустки чисто информации. Информация — очевидность и в то же время таинственная непостижимость. Информация — это сведения, сообщения, знания о чем-то, но информация — это самодействующий аноним, присутствующий везде, во всем, всему диктующий свою раз-бит-ную волю. Человек апофатически сознает, что информация — это не знание, а его замена. Но что же за демон обитает в информации, делая ее непостижимой для человека? Поскольку суть информации непостижима и невыразима языком макро-, микро- и земного мира, то представить ее может лишь искусственный мир, состоящий из информации. Информация — это знания без понимания. Например, суждение «рука есть орган человека» — это знание-информация-понимание; а вот знание руки без знания ее организма, — это уже чистая информация без понимания. Такое знание-информация присуще не только естественному, но и искусственному интеллекту.

Опять парадокс: жизнь людей сегодня связана с эксплуатацией ресурсов ничто посредством информации-непонимания. Но люди не могут осознать себя информационными существами, теряющими способность понимания. Поэтому они и не создают модели, идеалы своего бытия в качестве информационных существ.

Информационные смыслы, идеи, структуры, вещи, законы представляют в составе общего Универсума качественно новый и уникальный мир, несоизмеримый с классической и неклассической наукой, непостижимый ими. Поразительно, но работа человека с информацией, с коренящимся в ней непониманием, является сегодня единственным неограниченным ресурсом, ибо все остальные источники благ конечны и близки к исчерпанию. Незнание, невежество, непонимание становятся спасением людей от своего *губительного знания*! Поэтому человек вынужден лишь служить информации, не замечая и не понимая изменения ролей, когда информации выступает уже не только как производительная сила, но и как свободно самоопределяющийся субъект, ищущий и создающий непонимание как субстанцию своей искусственной жизни. Информация создала беспредметную, знаковую, экранную реальность — искусственный мир искусного ничто; эту реальность человек знает, но не понимает, ибо она предназначена целенаправленно формировать непонимание мира, науки и человека. Все становится битыми битами коварной информации, заменяющий знание-понимание искусным знанием-непониманием. Став привычкой,

непонимание уже не воспринимается людьми как величайшая беда и трагедия. Если бы человек понял информацию, свою роль в ее мире, то Новый мир исчез бы в сей же миг, ибо стала бы очевидной его несовместимость с антропологией, с умом и сознанием человека. Поэтому или человек исчезает вместе с этим миром, или же своим пониманием укротит информацию, превратив ее в средство своей жизни. Но тогда прощай оружие!

Особую роль в экспансии информации играет структурная лингвистика. Дело в том, что язык-текст легко собирает, обобщает, сохраняет, кодирует информацию, подменяя понимание структурами. Структура заменяет смысл отношениями, знаками, пробелами, следами, а познание — деконструкцией предметов. Структура апостериорна, она не вне опыта, хотя и обладает трансцендентными свойствами; она обладает собственной предметностью, коммуницирует с человеком, соблазняя его стать, как ангелы, чистой информацией. Замена бытия и понимающего знания графическим автописьмом реализуется различием-повторением 01100011001011..., вплоть до умопомрачения и абсолютного непонимания. В этом автописьме — минимум графики, знаковости и максимум непонимания; в нем царит техническая рациональность, посредством которой смыслы и мысли крестят имманентными водами непонимания.

Далее, предметом и средством непонимания в человеческой деятельности, и в науке становится *Хаос*, *Хаосмос* (Деррида). Исключительно велика роль хаоса в утверждении непонимания как способа симуляции понимания. Этимологически термин «хаос» означает *зияние, пропасть, бездну, расширяющуюся пустоту, смешение, бесформенную, неструктурированную массу, неопределенную материю, беспорядочную смесь, вакуум, ничто*. В древнегреческой мифологии хаос исторгает из себя ночь и день, эфир и время, рок и уродов. Хаос — это множество элементов, внутренние связи которых слабее внешних; поэтому в хаосе возможны лишь случайные взаимодействия, которые, возникая, сразу же отрицают других и себя.

Хаос не самосушее начало, а у него есть свой хозяин. Поэтому чтобы хаос изучать, его нужно сначала создать! А познание и понимание хаоса уничтожает его, преображая его в упорядоченное бытие, что очень не по нраву его владельцу. Но трубадуры хаоса видят в нем источник и создателя порядка, организации, даже — смысла. Жалкие натуры! Они не видят, что хаос суть искусственная реалья, свалка всех мировых свалок. Для разбитой армии ее состояние — хаос, а для победителей — это порядок; трудно найти примеры хаоса, создающего порядок и структуры. Хаос укрощается не сам по себе, а посредством внешних духовных и силовых воздействий. В обществе есть органы,

охраняющие порядок от творческого хаоса толпы, фанатов, пожаров, наводнений, безумия, разрушения; порядок (закон) есть везде, но везде и бесятся усмиренные силы хаоса, зависящие от порядка, которым они, кстати, питаются. Поэтому не наука изучает хаос, а хаос разрушает науку, превращая академии и учебные заведения в научные свалки, отстойники и отходы понимания. Но наука и Академия не сознают того, что, изучая хаос, оно продуцируют не знания-понимания, а информацию, т. е. непонимающее знание.

Кровным сородственником информации и хаоса в деле распространения и укрепления непонимания стало *Ничто*, выползшее из черных дыр мира и ума, и начавшее диктовать свой закон предметному подворью бытию. Уже Парменид заявил, что небытия (ничто) нет, ибо оно не дано в чувствах, не постигается умом, а в слове не имеет смысла. А ежели кто говорит иначе, тот уже сам стал рабом непонимания. Но небытие все же существует, и его продуктом является непонимание, невыразимость и непостижимость этого непонимания. Но непонимание можно изучать лишь в контексте знания-понимания; непонимание всегда паразитирует на понимании, используя его как донора. Непонимание — искусственный продукт отрыва мысли и знания от софийных смыслов. Если огурцы рассматривать с позиций засолки, то их законом станет бытие-к-соли. Но мир в соленую банку ничто не загонишь. Ничто философствует о мире с точки зрения просоленных огурцов, не ведающих о происшедшей с ними трансформации. Ничто делает непонимающие соленые огурцы орудием умножения непонимания.

Но в XXI в. Ничто, не без помощи человека, теснит Бытие, становясь объектом (?), ведущим принципом современной науки, облекаясь в наряды внешне приличных терминов — *вакуум, время, становление, хаос, виртуальность, искусственное*. Но ведь все указанные термины в отрыве от бытия просто теряют свой украденный смысл, обозначая созидание ради разрушения, изменения ради предательства истины, отсутствие как присутствие, смешение как порядок, возможное как реальное, а искусственное как высший род естественного. Все эти термины выражают непонимание, служат средством его умножения, средством репрессий непонимания над понимающими. За что ничто благодарит своих рабов, становясь онтологией непонимания, в которой коренится их мнимое бытие.

Еврочеловечество поддалось соблазнам Ничто, которое, пообещав ему абсолютную свободу, легкую жизнь и блаженный уход из бытия в обмен на принятие непонимания как высшей ценности. И человек исчезает, не замечая этого, а ничто, заметив это, становится его искусственным дублером, клоном.

Далее, своеобразной нервной системой непонимания в Новом мире является *Сеть*, заменившая бытие и ставшая критерием реальности самого непонимания. Сеть — структурированный, но лишенный места хаос; сеть — замена биогенного и целевого разума информационными технологиями; сеть — это потенция ничто, которая делает гносеологическими импотентами все существа и вещи, охваченные ею; сеть — абсолютная, но беспредметная и нереальная свобода; сеть допускает субъекта действия, но лишает его имени и смысла. Сеть создает техническую, экранную двухмерную реальность, гиблые соблазны которой засасывают в себя вещи и людей. Посредством сети создаются структуры глобализма — технономика, менеджеризм, финансомика, социократия, телетехническая коммуникация всех стран. Сеть будит спящую неоинквизицию, давая ей универсальные электронные средства контроля и программирования людей. Я подключен к Сети, следовательно, я существую, сказал бы сегодня страшный в своей научной наивности Декарт. Сеть — это чистое воплощенное, опредмеченное непонимание в форме всезнания. И Сеть предполагает всепонимающего Паука, который, внедряя непонимание во все ячейки жизни, создает из него Новый мир абсолютного рабства. Просветители мечтали построить «общество знания», а вышло «общество знания-непонимания».

Далее, Новый мир заменяет бытие и понимание *становлением*, представляющим слепую волю времени и ничто. Становление выбивает бытие из смысловых суставов, погружая его в сплошные бифуркации. Дом, который строят, но никак не достроят, говорит о непонимании строителями смысла своего дела. Человек, который учится, но никак не научится, является жертвой непонимания смысла учебы. Становление приносит бытие в жертву текучей новизны, смысл заменяет прогрессом, науку — вероятностным знанием и заблуждениями, знание-понимание — знанием-информацией, непониманием. Становление в качестве констант мира утверждает непонимание, которое стремится к знанию, но никак его не достигает и никогда не достигнет, ибо становление вечно. Становление — это Вавилонская башня, как воплощенное непонимание воли Всевышнего.

Но подлинно системозначащим и системообразующим фактором Нового мира служит *виртуальность*. Слово «virtus» по латыни обозначает возможное, доблесть, энергию, мужскую потенцию, воображаемое, мнимое. Странно! Доблесть, героизм в защите священных ценностей Родины, сочетается с нереальностью. Но менеджеры глобализма склеили мнимое и реальное, создав термин «виртуальная реальность», который буквально означает абсурд, жареный снег, а косвенно — дает новые средства человеческой алчности, разбудившей и

вздрыгнувшей сферу непонимания. Виртуальность — это способ бытия знания-непонимания, искусственного знания, творящего из себя и для себя искусственного субъекта, искусственную реальность.

Технически виртуальность означает *имитацию*, изобразительно-звуковое воспроизведение предметов во взаимодействии с сознанием, включая и *имитацию несуществующего*. Виртуальность существует, пока она воспринимается субъектом, что и отличает ее от теле- и компьютерных программ, которые сами смотрят, оценивают себя, исчезая затем в ничто. Виртуальность обозначает любую интерактивность в Сети. Зародившись в информкомпьютерном мире, виртуальность оказалась востребованной в имитационных видах деятельности людей.

Сознание, дух, мысль становятся пленниками экранной виртуальности, которую «продвинутые» признают более реальной, чем природа и телесный человек. Постепенно к этой аномалии привыкают, она становится нормой, которая служит основой, средством, ориентиром и смыслом жизни. В США виртуальное и фактическое стали синонимами. Моральные силы сознания и духа отступили перед атакой исчисляющего псевдомышления; воображение и воображаемые миры растут как опухоль, а смыслы и телесность исчезают. Мысль, сознание, человек требуют постоянных усилий, чтобы сохранить свою идентичность, отстоять ее перед соблазнами виртуального рая. Программирование и непонимание — часть мысли и человека, а не человек, мысль и бытие — часть программирования и непонимания. В старой распри идеализма и материализма победил виртуализм, доказавший, что непонимание было самым важным концептом этих философских течений.

Виртуальность продуцирует из себя и через своих пользователей определенную идеологию непонимания. Погруженные в виртуальный мир люди мыслят, теоретизируют, но не рефлектируют, превращаясь в агрессивных и трусливых люден, не понимающих своих занятий, влекущих их в никуда. Идеалом виртуального мира являются люди, которые смогут чувствовать, думать, и полностью жить только в этом искусственном мире, поддерживаемом непониманием и симуляционными технологиями. Виртуальному миру от личности требуется только технический интеллект, знающий *как* нечто делается, а все прочее нужно обжечь черным сиянием непонимания, сделав его общей профессией всех людей. Чтобы тело и душа, нет, не были молоды, а чтобы их понимание не мешало прогрессу! Но аппетит приходит и после еды. Виртухаи виртуальности с удивлением обнаружили, что она была всегда, обитая в формах души, сознания, ума; виртуальность представляет даже ангелическое и демоническое направления философии, противостоящие тупому материализму и наглому идеализму. Виртуализм переименовал все идеальное, духовное, трансцендентное в виртуальное,

превратив историю мысли, сознания, ценностей, языка, религии, социальности в становление именно виртуальной реальности. Виртуализм заменяет путь познания от незнания к абстрактному знанию и далее — к конкретной истине движением от абсолютного знания к заблуждениям и далее — к незнанию; путь познания от непонимания через преодоление ошибок к целостному пониманию виртуализм заменяет движением от абсолютного понимания через ряд падений к абсолютному непониманию и к его воплощению в искусственном мире.

Странно, но в этом искусственном мире концептов ощутим дух чисто христианской гносеологии. Наши прародители изначально владели всезнанием и всепониманием; с грехопадения берет начало деградация человека, его знания и понимания вплоть до полного незнания и непонимания им своего бытия. Но в христианстве этой деградации противостоит жертвенная мудрость Спасителя, восстанавливающая утерянные людьми всеведение и всепонимание. И эта мудрость служит духовно-практическим средством спасения человека от неотвратно надвигающегося непонимания и гибели. Христианство — это естественное спасение человека в качестве человека понимающего сверхъестественными средствами.

Но есть, есть в виртуализме свое божество, своя жизнь, свое бессмертие и свой беспощадный и безысходный тоталитаризм технологий искусственного рая. Виртуальность радикально изменяет суть науки, превращая ее в разновидность магии, в орудие созидания искусственного мира и насаждения непонимания. Наука и философия в этом плане становятся ступенями прогрессирующего непонимания, затемнения человеческого разума. Виртуальность — это искусственное спасение человека в качестве живой тени, призрака.

Триумф техноинформационных «целей» над человеком понимающим

В Новом мире катастрофически возрастает удельный вес феноменов, которые стремятся стать свободными и перейти в режим бесконтрольного *саморазвития*. Чем меньше понимания, тем больше нужно свободы, чтобы заткнуть дыры от исчезнувшего понимания, а рост свободы требует произвола и саморазвития.

Новый мир электронного рая радикально меняет суть общества. Социальность как солидарные и взаимответственные связи людей исчезает в их контактах с виртуальным миром Сети. Вначале общество заменили термином «социум», а затем превратили в человеко-машинную *социотехническую систему*.

Если в обществе действия исходят от желаний и целей субъекта, использующего вещи и технику как средства своей жизни, то в социо-

технической системе человек всего лишь «человеческий фактор»; мотивы его действий идут от системы, которая использует его как объект и как средство своих... пока в полной мере непроявленных целей. Использование высоких (?) технологий превращает субъекта в их низший непосредственный компонент, который не понимает смысла и последствий своей активности. Человек становится настоящим винтоусом социотехнической системы, которая охватывает всю его жизнь, выбрасывая его как субъекта в сферу маргинальных чудачеств; как субъект он затухает и не воспроизводится. «Субъект» становится криминальным словечком.

В ситуациях интерфейса, в интерактивных системах человека и машин инициатива решений неотвратимо смещается в пользу искусственного интеллекта. Для человека компьютерные, программные решения выступают как шаманство, непонятное и самим шаманам. Социотехносфера — это сложная, нелинейная система, которая недоступна уму, чувствам, сознанию, интуиции человека, ибо эта система враждебна культуре и биосфере, а потому не может ждать от них милости, действуя сама по себе как судья, диктатор и судьба, истребляя малейшие признаки понимания. Тоталитаризм власти, экономики, идеологии сменяется тоталитаризмом техники, действующей со слепой неотвратимостью автоматического механизма. Социотехника стала судьбой человека, науки, которая тоже оказалась вне большой игры, занимаясь сокрытием своей генетической преступности и человеческой ненужности. Наука в такой системе не понимает, чем она занимается, чем ей заниматься, кому и для чего она нужна.

Превращение общества в социотехническую систему грозит большими бедами из-за несоответствия властных институтов управляемым объектам. В управлении такие системы становятся «оборотнями», превращая рациональные решения людей в иррациональные следствия, которые лишают людей разумения того, что они делают. Управление строится и работает по системному принципу, а биосфера, управляемые социотехнические объекты представляют собой сложные, нелинейные комплексы, которые состоят из множества разнокачественных систем, подчиняющихся информационным императивам. И наука тоже незаметно стала социотехнической системой, вышедшей из-под контроля человека, производя непонятные и ненужные знания без смысла, навязывая их затем людям. Никто не просил науку расщеплять атом, никто не требует от нее клонирования людей, но она внимает не человеку, а прогрессу, который непрерывно требует такие новые знания, которые не обременяли бы людей вопросами смысла и понимания.

Зловещие знамения технокатастроф не учат человека понять их общую причину — виртуальность отменила правила всех наук и знаний, требуя работать по закону непонимания. Сложнейшие телетехнические, информационные технологии, созданные человеком, в сути еще непознанные, а потому — непредсказуемые, ибо они созданы из незнания и непонимания. Отсюда парадокс: технологии есть воплощенные знания, но эти же технологии нужно снова изучать как неведомые и коварные самосушущие объекты. Напрасно! Непонимание, ставшее техникой, можно понять лишь вместе с заменой типа самой техники.

Так, вычислительные комплексы несоразмерны человеку, превышают его способности; создавая огромное поле возможных целей, задавая их выбор и содержание, они самостоятельно стимулируют дальнейший рост и усложнение вычислительной техники, и дальнейшее умаление даже «человеческого фактора», вплоть до его изгнания из демонического царства Техноса. Средство и следствие человека уже стало причиной, лишаящей своего создателя статуса субъекта.

Парадоксы прогресса невообразимы. С некоторого момента прогресс стал производить в качестве основного продукта знания-информацию, искусственные знания, непонимание, воплощая это «добро» в технологиях. Прогресс достиг уровня, когда он может обойтись без человека и науки; прогрессу достаточно иметь идеи, формы, матрицы, проекты, язык человека и науки, а все остальное будет делать автоматизм техновычислений. Прогноз Платона, что все должно существовать «по идее», сбывается. Тело человека, его духовные, социальные, половые, национальные, возрастные даже творческие качества прогрессу уже не нужны, ибо он пошел виртуальными тропами Сети и хаоса, в которых все кошки серые и не мяукают.

В XX в. наука накопила чудовищный массив непонимания, непонятых знаний, которые, перейдя в режим саморазвития, взвились над человечеством атомными грибами. Все излишнее опасно, во много раз опаснее, чем недостаток чего-либо. Нет ничего страшнее, чем непонятые знания. Сегодня непонимание массива научных знаний, непонимание в чистом виде вновь достигли критической ситуации, И никому неведомо, какие грибы и грибки породят эти непонятые знания. А если суть знаний не понимается людьми, которые продолжают их копить, то единственный выход из этой бессмыслицы — планетарная катастрофа.

Сегодня нет никакой осмысленной гносеологической политики относительно научного творчества в биологии, в медицине, в информатике. А последствия творческого произвола в этих науках более опасны, чем в ядерной физике, ибо он готовит условия для срачивания

(скрещивания?) техники и человека непонимающего. Творения человека достигли такой сложности, что единственным ответом на вызов этой сложности становится виртуализация самого человека, его превращение в двухмерное существо информационных технологий. Человек не заметит и не узнает своего исчезновения в экранах мрака. Грядет, грядет за Большим Взрывом большой холокост человеческого мира. Уже сегодня многие видят высшее наслаждение не в понимании, а в уничтожении людей.

Сегодня не только физический, но и умственный труд перестает быть двигателем прогресса. Саморазвитие науки и техники принимает на себя все больше функций, ранее приходившихся на долю человека. Человек участвует в этом саморазвитии не как субъект, а как средство, персонал, иногда как пассажир, которого выкинут на очередной остановке. Иногда он что-то там решает, чем-то управляет, что-то инициирует, что-то контролирует, но не он стоит на капитанском мостике корабля прогресса, а некто в сером. Вал научно-технических новаций катится сообразно своим внутренним законам; создаваемые им артефакты опутывают нас невидимыми сетями и тащат к виртуальным косякам. Непонимание и страх стали уделом все еще оставшихся людей.

Необходимость прогресса диктуется уже «волей» самого прогресса, который без постоянных инноваций, без постоянного выветривания смысла из бытия сгинет. И технический эгоизм правит бал. Частичное разоружение порождает гонку вооружений в космосе, хотя все политики понимают, что военный космос будет решать вопросы войны и мира без человека. Вооруженный космос Античности непрерывно воевал просто так, из-за нечего делать, ибо власти там хватало с избытком для всех богов; и лишь чудовищные алкогольные и сексуальные оргии, немыслимая порочность воюющих богов сгубила их самих и чудную Элладу. И, тем не менее, почти все спутники выполняют военные задачи, ведя виртуальную войну, а генная инженерия и биотехнологии уже растут в своих секретных лабораториях тех, кто осуществит вынос «тела субъекта» из бытия в никуда. И этот искусственный Новый мир уже не впереди, а посреди людей, которые пытаются выжить(!) в нем (слово-то какое придумали!), пользуясь устаревшими (с точки зрения технологий) ценностями любви, семьи, пола, морали, религии. Техническому прогрессу нужен «постчеловек», владеющий искусствами гомо- и аутоэротизма, отринувший семью, Родину, дружбу, саму человечность. «Сделано без человека!», т. е. без понимания — вот высший девиз качества и надежности технопгресса.

Прогресс принуждает все вещи, существа и знания изменить свою идентичность («А=А»), уверяя, что жизнь идет не из БЫТИЯ, а из ВИРТУАЛЬНОСТИ. И цель ее состоит в замене органической жизни

искусственным и симулякрами. А смысл познания заключен в производстве непонимающего знания-информации, непонимания как питательного вещества Нового мира⁵.

Литература

1. *Зиновьев А.А.* Глобальный человек. М., 1997.
2. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М., 2004.
3. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999.
4. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

С.А. СТРОЕВ

Либерализм: судьба «победителя»

Аннотация. Статья предлагает критический анализ либерализма, как современного, так и исторического. Рассматриваются вопросы отношений между индивидами, идеологической борьбы, роли государства. Автор приходит к выводу, что состоявшаяся победа либеральной идеологии оборачивается по многим позициям поражением общества, а сам либерализм начинает выступать как симулякр, не отражающий объективную реальность, хотя и приспособленный для ее активного формирования.

Ключевые слова: либерализм, демократия, государство, гражданское общество, индивид, неравенство, равенство, политкорректность.

Abstract. The article offers a critical analyses of liberalism, both modern and historical. Author considers questions of relations between individuals, of ideological stand-off and the role of state. Author comes to a conclusion that successful victory of liberal ideology at many points turns to be defeat of society, and liberalism itself becomes a simulacrum, which does not reflect objective reality although they are adapted for its active development.

Keywords: liberalism, democracy, state, civil society, individual, inequality, equality, political correctness.

Для начала отметим, что классический либерализм отнюдь не был тем, что сегодня выступает под его именем. Классический либерализм

⁵ Продолжение следует.

выступал по существу как выражение социал-дарвинизма, базовой аксиомой которого было представление о всеобщей войне всех против всех как о естественном состоянии человека. Тотальность этой войны, согласно представлениям либерализма, была ограничена при переходе к цивилизованному существованию определенными пределами и правилами, принятыми в силу их итоговой выгоды для каждого члена общества. При этом лишь взаимная угроза применения насилия является фактором, создающим заинтересованность большинства членов общества в поддержании законности и права. Равными с точки зрения либерализма являются лишь те, кто в случае столкновения может нанести друг другу равный ущерб.

Иными словами, с точки зрения либерализма всякая правовая категория по существу является лишь формальным выражением текущего баланса сил, т. е. формой компромисса между равными (как разумной альтернативы взаимоистреблению) и одностороннего диктата сильного слабому. Изменение соотношения сил автоматически ведет к пересмотру отражающих их правовых норм и категорий. В этом, кстати, классический либерализм полностью сходится как с марксизмом, так и с фашизмом. Существенное различие лишь в том, что марксизм и фашизм в качестве субъектов такой борьбы рассматривают коллективы (в марксизме — классы, в нацизме — нации, в фашизме — государства), а либерализм — отдельных индивидуумов, которые самоорганизуются в коллективы только в меру своих индивидуальных интересов.

При этом, поскольку право в либерализме является следствием общественного договора (вне общественного договора есть только «естественное право» — право каждого делать все, что угодно, с другими, т. е. чистое право силы), права есть только у членов гражданского коллектива. Люди, не входящие в гражданский коллектив и не связанные друг с другом общественным договором об ограничении пределов и способов войны каждого против всех, прав не имеют. Поэтому классический либерализм, не обремененный более поздними и, в сущности, чуждыми его духу моралистическими напластованиями, считает вполне нормальным и естественным как порабощение, так и истребление «дикарей». Причем под «дикарями» подразумеваются не только низшие в отношении своего культурного развития племена вроде негров и североамериканских индейцев, но и вполне культурные народы (индусы, китайцы, персы, арабы и даже многие европейцы, как, например, ирландцы и жители восточно-европейских стран) — если они не являются равными в либеральном смысле — т. е. в смысле способности в случае столкновения нанести равный ущерб передовым в военнотехническом отношении гражданским коллективам.

Отметим этот момент особо: принцип демократии и гражданских прав в классическом либерализме распространяется только на полноправных членов гражданской общины, при этом либерализм не осуждает и не отрицает рабовладения.

Но и внутри самого гражданского общества право в либеральном смысле подразумевает отнюдь не солидарность и взаимопомощь, а лишь соблюдение установленных ограничений в конкурентной борьбе — прежде всего, запрет на неправомерное убийство, физическое насилие или отъем частной собственности. Однако в случае, если уничтожение конкурента осуществляется незапрещенными общественным договором средствами (экономическими, судебными), пусть даже итогом их является физическая гибель конкурента от голода и нищеты, либеральная доктрина не осуждает и даже в определенном смысле поощряет такие действия, как ведущие к вытеснению более приспособленными и жизнеспособными особями менее приспособленных и жизнеспособных — т. е. к биологическому и социальному прогрессу.

В основе либеральных представлений о демократии лежит представление о достаточно широком гражданском коллективе равных людей, т. е. людей имущих и притом имеющих если не равный, то сопоставимый имущественный статус. В классическом случае этот коллектив составляют взрослые здоровые вооруженные мужчины с определенным имущественным цензом, платящие налоги и именно поэтому имеющие право голоса в вопросах использования этих налогов и управления гражданским коллективом. Дети, женщины, больные, инвалиды, неимущие и все, кто не может или не в полной мере может быть равным в либеральном смысле, кто не может на равных исполнять предусмотренные общественным договором обязанности или участвовать в защите гражданских прав и интересов, соответственно, не могут иметь и равных прав.

Государство в рамках либерализма рассматривается как формальная структура, лишь гарантирующая соблюдение установленных общественным договором ограничений взаимной борьбы каждого против каждого. Другими словами, оно выступает в качестве лишь «ночного сторожа». Плюс к этому государству вынужденно делегируется ряд функций, связанных с отношениями гражданской общины с другими организованными обществами — т. е. военные и дипломатические. Что же касается участия государства во внутренних отношениях гражданского общества, либерализм стремится к их минимизации и считает угрозой для индивидуальных прав и свобод. Лозунг либерализма — как можно меньше государственных функций, особенно в вопросах экономики, социального обеспечения и идеологии, сведение государства к функции поддержания формальной законности. Именно поэто-

му либерализм, во-первых, стремится к разделению, взаимному ограничению и контролю ветвей власти в государстве (законодательной, исполнительной и судебной) и, во-вторых, к формированию мощного пласта общественных структур, контролирующих государственный аппарат и пресекающих любое покушение государственной машины на индивидуальные права и свободы.

Общество с точки зрения либерализма формируется как совокупность отношений и коопераций, в которые свободно и по своему желанию вступает индивидуум, стремящийся достичь максимальной пользы и выгоды лично для себя. Собственно говоря, и сама гражданская община в целом (нация) с точки зрения либерализма есть свободное (произвольное) объединение индивидуумов для совместной защиты и реализации своих интересов как с точки зрения ограничения издержек взаимной борьбы друг с другом, так и с точки зрения защиты и навязывания своих интересов в столкновении с «чужими» — т. е. с теми, кто не входит в данное гражданское общество. Коллективизм гражданского общества, таким образом, является не проявлением стадного инстинкта, а более высоким уровнем осознания каждым членом общества своих индивидуальных интересов и объективной выгоды кооперации.

Весьма важным моментом для понимания природы либерализма и его исторической судьбы является то, что либеральное представление о гражданском обществе и демократии есть представление о коллективе более или менее равных (или хотя бы сопоставимых по своим возможностям) свободных собственников, способных к рациональному осознанию своих экономических и политических интересов и имеющих равные или хотя бы сопоставимые возможности для выражения своего мнения. Только в этом случае классические буржуазно-демократические выборы (один полноправный гражданин — один голос) становятся реальным выражением воли реального большинства. А поскольку либерализм исходит из понятия равенства как равенства потенциальной возможности вооруженных взрослых мужчин нанести друг другу ущерб в случае борьбы, арифметическое определение большинства при голосовании есть по существу не что иное, как способ избежать невыгодного всем вместе и каждому в отдельности кровопролития при решении вопроса о том, кто сильнее и чья воля и интересы должны поэтому доминировать.

По мере того как естественное развитие капитализма ведет к концентрации капитала, изначальное гражданское общество относительно равных друг другу мелких и средних собственников расслаивается и распадается. Все большая и большая доля собственности концентрируется в руках все более и более узкого круга лиц, в то время как все

большая и большая доля прежних свободных мелких и средних собственников разоряется и переходит в категорию наемных работников. Нетрудно понять, что люди, качественно неравные в имущественном смысле, не могут быть равны в смысле политическом.

Во-первых, социально не самодостаточный, экономически зависимый, подверженный нужде человек объективно стремится скорее продать свои избирательные права, нежели использовать их для продвижения и защиты собственных интересов в гражданском обществе. Именно поэтому классическая либеральная демократия предусматривает имущественный и целый ряд иных цензов, исключающих социально и экономически не самодостаточных и потому несвободных лиц из числа гражданского общества. Однако по мере того как в обществе нарастает имущественное расслоение, категория мелких и средних свободных собственников все более редет, а силы и фактические возможности оставшихся становятся уже не только качественно не равны, но и не сопоставимы с силами выделившегося круга магнатов. По мере того как объективная база демократии равных распадается, происходит внешняя формальная «демократизация», т. е. допущение к демократическим процедурам и формальным правам все новых категорий заведомо зависимых, несамодостаточных и несвободных людей — представителей культурно отсталых народов, бедняков, нищих, не имеющих постоянной работы, иждивенцев, женщин, юношества и т. д. Эти процессы одинаково наглядно происходили при вырождении и гибели как античных полисов Греции и Римской республики, так и буржуазных демократий Западной Европы и Северной Америки во второй половине XIX — начале XX в. В итоге формируется система *клиентелы*, в рамках которой демократическая форма лишь прикрывает реальную практику скупки голосов бедных масс сверхбогатыми магнатами-олигархами.

Во-вторых, концентрация капитала неизбежно приводит к формированию монополии сверхкрупной буржуазии на доступ к средствам массовой информации, поскольку в рамках либеральных парадигм о стремлении каждого к максимальной реализации своих интересов интерес издателей, журналистов, телеведущих и т. п., естественно, состоит в удовлетворении лишь платежеспособного спроса на их продукцию. Следовательно, существенное имущественное расслоение прежнего гражданского общества естественным образом приводит к тому, что информационное пространство превращается в средство трансляции узкогрупповых интересов монополистической олигархии всему обществу, формируются механизмы массового внушения и манипуляции массовым сознанием.

В дальнейшем эти механизмы лишь совершенствуются: к армии журналистов, газетчиков и телеведущих прибавляются наемные специалисты в области индивидуальной и массовой психологии, профессиональные психоаналитики и политтехнологи, разработчики целых программ внушения и технического оперирования подсознанием и сознанием людей. Тем самым, разрушается вторая базовая основа либеральной парадигмы — способность индивидуума к рациональному осознанию и практической реализации собственных личных интересов.

Качественное неравенство в доступе как к теоретическим знаниям, так и к практическим механизмам воздействия на массовое сознание и поведение, прямая зависимость в возможности нанимать специалистов и формировать каналы массового информационного воздействия и внушения от имеющихся средств приводят к тому, что подавляющее большинство гражданского общества из сознательных индивидуалистов-прагматиков превращается в манипулируемых болванчиков, решения и действия которых определяются не их собственными интересами, а интересами тех, кто конструирует для них картину реальности и формирует у них представления о добре и зле, пользе и вреде и т. д.

Эти два фактора неизбежно приводят к тому, что государство из «ночного сторожа», формального арбитра между свободными равными индивидуумами, управляющего по делам буржуазного класса в целом, все более и более превращается в орудие узкого круга олигархии, а его функции насилия и подавления распространяются теперь не только на неимущих, не входящих в состав буржуазного гражданского общества, но и на редущий класс мелких и средних собственников. Соответственно функции государства расширяются, а степень его вмешательства в частную жизнь граждан, экономические и социальные вопросы постоянно растет. Причем нарастание этого вмешательства, реально отражающее распад прежнего гражданского общества политически равных собственников и установление олигархической диктатуры, внешне позиционируется как якобы увеличение функций социальной защиты и заботы общества о слабых, малоимущих, представителях низших классов и т. п. Эти тенденции развития капитализма при его переходе в фазу империализма мы можем одинаково наглядно наблюдать как на примере фашистских режимов в Европе, так и на примере рузвельтовского Нового курса в Америке. В обоих случаях монополистическая олигархия, стремящаяся к расширению функций перешедшего в ее руки государственного аппарата и разрушению прежней либеральной модели государства как только формального арбитра между свободными индивидами, апеллирует к низ-

шим классам, ищущим социальной защиты и покровительства, патернализма со стороны государства.

Фактически происходит приватизация государства, превращение его из орудия интересов всей совокупности полноправных имущих граждан в орудие частных интересов узкого круга семейств. Эта приватизация государственных функций отражается не только на его функциях как собственно аппарата классового насилия (т. е. на законодательстве и практике правоприменения), но и на образовательных и воспитательных функциях. Школа из средства собственно образования и воспитания свободного, рационально и прагматически мыслящего индивидуума превращается в своего рода фабрику зомбирования, основной функцией которой становится внедрение в сознание формируемых граждан тех идей и представлений, которые будут определять их поведение в выгодном для олигархии русле.

Как было отмечено выше, и классический ранний либерализм, и марксизм в своем основании являются доктринами рациональными и имморалистическими. Они выводят моральные и этические категории из практического интереса и потребностей конкурирующих субъектов (разница лишь в том, что для либерализма этими субъектами выступают отдельные индивидуумы, а для марксизма — общественные классы). Однако в обоих случаях в основу объяснения общественных законов кладется рационально понимаемый интерес (в первую очередь экономический, и затем политический) субъекта, а любые морально-этические категории логически выводятся из этого интереса как формы его отражения и выражения. Однако по мере того, как буржуазное гражданское общество подвергается расслоению, функция объективного и адекватного действительности познания подменяется функцией манипуляции сознанием, искусственного формирования общественных представлений, отвечающих интересам узкой олигархии. Основным отражением этого смещения функций становится стремительное нарастание значения этических категорий и моралистического пафоса в общественно значимом дискурсе. При этом навязываемые, внушаемые, внедряемые в мозги населения посредством СМИ, системы общественного воспитания, специальных методов типа нейролингвистического программирования и т. д. моралистические клише, нормы и запреты носят совершенно иррациональный и безапелляционный характер. В этом и состоит их манипулятивная гипнотическая сила. Если рациональная мораль любое утверждение о том, что хорошо, а что плохо, обосновывает практической полезностью для конкретного субъекта (индивидуального или коллективного), то морализм как средство манипуляции в первую очередь разобщает категории абстрактного «морального» блага и блага конкретного, практически ве-

рифицируемого — т. е. практической пользы и выгоды для конкретного субъекта. Это разобщение позволяет внедрять в сознание объекта управления (как индивидуального, так и коллективного) модели поведения, заведомо для него невыгодные и, напротив, выгодные для того, кто их внедряет. Иначе говоря, выгодные финансовому олигархату, который имеет возможность выступать заказчиком и владельцем всей общественной суггестивной машины.

При этом стоит обратить внимание на то, что раз внедренные в массовое общественное сознание в интересах олигархии, отвечающих конкретному историческому и политическому моменту, клише и мифологемы имеют значительный запас инерции. Они формируют целый комплекс механизмов своего автоматического воспроизводства. Рассмотрим в качестве примера пресловутые толерантность и политкорректность. Эти парадигмы представляют собой наиболее чистый и характерный пример в смысле их очевидной невыгодности для подавляющего большинства граждан Западной Европы и почти столь же очевидной выгоды для транснациональной олигархии. Проанализируем то, как они внедряются в общественное сознание.

Как уже было отмечено выше, исходно задействуются три основных компонента: «свободные» средства массовой информации (которые в рамках капитализма, естественно, стремятся к наибольшей выгоде и потому ретранслируют позицию наиболее платежеспособного заказчика), государственный аппарат (который в условиях концентрации капиталов фактически выражает интересы не большинства избирателей, а платежеспособных заказчиков и спонсоров выборных кампаний) и система общественного образования и воспитания (которая подконтрольна государственному аппарату).

Подавляющее большинство общества всегда настроено конформистски и некритично воспринимает информацию, исходящую от власти или позиционируемую как «общепринятое мнение». Оно с готовностью воспринимает поток безапелляционных моралистических постулатов о коллективной вине белого человека за колониализм, об априорной недопустимости постановки вопроса о кровнородственном, наследственном принципе в отношении гражданских прав и т. п., не подвергая их анализу с точки зрения собственных практических интересов. Что же касается активного меньшинства, способного к рациональному критическому анализу поступающей информации и к формированию собственной позиции на основе понимания собственных интересов, то для каждого отдельного представителя этого меньшинства на самом деле оказывается прагматически выгоднее подстроиться под доминирующую тенденцию, нежели пытаться плыть против течения. Да, конечно, сознательный коренной европеец понимает, что от

внедрения парадигм толерантности, мультикультурализма и политкорректности он, наравне с подавляющим большинством общества, понесет только убыток. Но он также понимает и то, что в случае сопротивления этой доминирующей тенденции лично он, отдуваясь за «общее благо», потеряет гораздо больше. В то время как ловко подстроившись под требования доминирующей тенденции, он вполне имеет шансы лично выиграть, компенсировав этим личным выигрышем тот ущерб, который он все равно неизбежно претерпит вместе со всеми представителями коренного населения.

К примеру, чиновник или преподаватель, будучи сколько угодно «расистом» в душе, но, позиционировавшись в качестве большого ревнителя толерантности и политкорректности, имеет все шансы обойти своих конкурентов по служебной лестнице, не проявивших достаточного идеологического рвения.

Если выразить мысль коротко и афористично, то дураки верят на слово, а умные понимают, что в данном случае выгоднее притвориться дураками. В итоге воспроизводится любопытный механизм, в котором люди публично выражают (и, тем самым, укрепляют и поддерживают в обществе) мнения и позиции, которых требует их социальная роль, независимо от того, что они сами на этот счет думают. Но интереснее в этом механизме другая черта: он делает индивидуально выгодной и выигрышной именно ту модель поведения, которая объективно пагубна для общества в целом.

К этим механизмам добавляются далее различные каналы и способы собственно заработка на программах толерантности, спонсируемых уже даже не из кармана олигархии, а из кармана налогоплательщика через систему государственного аппарата. Они могут принимать самый разнообразный характер от коррупционных схем отмыва бюджетных денег, выделяемых на «гуманитарные» фикции, до вполне «честных» и официальных зарплат рядовых служащих в институтах и учреждениях, связанных с реализацией «политкорректных» программ. Разумеется, финансовая заинтересованность и вовлеченность в проект значительного количества людей создают дополнительные механизмы самовоспроизводства данного проекта. Поэтому инерция воспроизводства один раз заложенных в массовое сознание парадигм коренится теперь уже не только в инертности сформированного «общественного мнения», но и в самой механике воспроизводства общественных отношений, к которым каждый индивидуальный участник общественно-го процесса вынужден приспособиться.

Поэтому даже тогда, когда исторический момент изменился, и заказчик ранее сформированных общественных мифов уже более не имеет в них заинтересованности, они продолжают автоматически вос-

производиться (несмотря на свою очевидную вредность для общества в целом), и правящей олигархии теперь уже и самой проще и дешевле к ним приспособиться, нежели их разрушать. Поэтому следующие мифологемы, которые отвечают интересам заказчиков в новых, уже изменившихся политических условиях и обстоятельствах, теперь приспособливаются и встраиваются в систему ранее созданных и теперь автоматически воспроизводящихся общественных представлений. Так, в обществе формируются целые напластования иррационального моралистического навоза, за которыми все сложнее различить конкретику рациональных прагматических интересов.

В итоге мы видим, что современная мировая общественная система, позиционирующаяся как неолиберальная, на самом деле сущностно не имеет ничего общего с классическим либерализмом. Классический либерализм исходит из представления об обществе как о совокупности конкурентных и кооперативных отношений между политически равными индивидуумами, каждый из которых строит свое поведение на основе рационального осознания своих интересов — прежде всего, материальных, экономических. Такое представление об обществе более или менее соответствует реалиям раннего, домонополистического и доимпериалистического капитализма с его свободной конкуренцией множества мелких собственников, ограничивающих взаимную борьбу рамками «общественного договора». При переходе капитализма в стадию империализма, а затем глобализма объективная почва для либеральных доктрин (система взаимодействия относительно равных индивидуумов) исчезает. В результате либеральные доктрины перестают быть адекватным отражением объективной действительности и превращаются в симулякры, в средства навязывания обществу заведомо ложных, но выгодных олигархии представлений.

В чем состоит суть современного неолиберализма как инструмента капиталократической машины? Она состоит в том, что, навязывая рядовым гражданам неадекватные современной действительности представления об обществе как о равноправном взаимодействии индивидов, современный неолиберализм лишь способствует атомизации, распылению общества — т. е. служит для разрушения тех очагов коллективной самоорганизации, которые потенциально могли бы противостоять капиталократической механике воспроизводства власти и манипуляции общественным сознанием. Реальность же состоит в том, что современное «неолиберальное» государство отнюдь не является «ночным сторожем». Из наемного управляющего гражданского общества государственный аппарат превращается в судью и арбитра во взаимной войне этнических, конфессиональных и субкультурных меньшинств, на которые расчленено и разорвано политкорректностью и

мультикультурализмом то, что прежде было гражданским коллективом.

Однако при этом государство отнюдь не оказывается в положении высшей инстанции, поскольку сам механизм его воспроизводства и функционирования имеет соответствующий капитализму рыночный характер, вследствие чего оно является орудием власти в руках узкой финансовой олигархии. Диалектическое противоречие состоит в том, что, с одной стороны, государство, все более и более тотально вмешиваясь в частную жизнь граждан, присваивает себе все новые и новые права, полномочия и функции, с другой стороны, национальное государство действительно отмирает. Но отмирает оно не в пользу прав и свобод отдельного индивидуума, а в пользу транснациональных корпоративных структур, все более и более перехватывающих функции, прежде находившиеся в исключительной монополии государств.

Современное государство функционирует как своего рода гигантский насос, выкачивающий права и свободы из ведения гражданского общества и передающий их в ведение транснациональных корпоративных структур — экстерриториальных центров силы, не связанных с интересами конкретных этносов, наций, стран и геополитических субъектов. Это ведет к поступательному отмиранию не только базовых для либерализма экономических прав и свобод, но и к отмиранию гражданского права как категории. На место гражданского права приходит прямой и неограниченный диктат коммерческих корпоративных структур, формирующих частные армии, полицию, а в перспективе — и суды. Такое развитие событий, впрочем, было предсказано в рамках марксистской критики как неизбежное следствие поглощения личной собственности широких масс населения все более концентрирующейся частной собственностью узкого круга монополистов.

Таким образом, следует констатировать, что на первый взгляд «восторжествовавшая» «первая политическая теория» (неолиберализм) сегодня выступает не как метапарадигма действительных общественных отношений, а как прикладной идеологический инструмент — как симулякр, не отражающий объективную действительность, но приспособленный для ее формирования.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Экономика в условиях отсутствия морали

Человечеству только кажется, что оно занимается торговлей, войнами, искусствами, политикой. На самом деле единственное, что оно делает, оно уясняет себе нравственные законы, по которым живет.

Л. Толстой

Аннотация. Раскрыты особенности современного социального развития, свидетельствующие о неподготовленности и незащищенности глобального социума перед вызовами информационной революции. Показана несовместимость «идеала любви» и «идеала корыстолюбия», что в условиях отсутствия каких-либо поведенческих ограничений и запретов ведет общество к преимущественному удовлетворению потребностей, противоречащих естественной природе человека. Сделан вывод о необходимости консолидации постсоветского пространства в направлении усилий на восстановление высоких нравственных стандартов человеческого общежития путем поступательного отказа от воспроизводства антихристианских регрессионных ценностей глобализма.

Ключевые слова: мораль, подмена ценностей, задача бытия, постсоветское пространство.

Abstract. The article reveals a high degree of vulnerability of the global society, which is not adequately prepared to the challenges of the information revolution. It argues that the “ideal of love” and “ideal of greed” are incompatible and in the absence of any restrictions and bans lead society to satisfaction of pervasive needs that are contradictive to the basic principles of human nature. The conclusion is made that the post-Soviet space shall be consolidated in efforts aimed at restoring high ethical standards of human coexistence through sustained abandonment of reproduction anti-Christian regression values of globalism.

Keywords: morality, substitution of values, the task of being, the post-Soviet space.

В периоды безумия, насилия и жестокости высшее провидение выполняло функцию цензора и через своих земных посланников усиливало в общественном сознании воззвание к морали как к последнему оплоту целомудрия. На протяжении истории существования челове-

ства избранные личности становились рупорами универсальных моральных принципов, распространение которых усиливалось в зависимости от того, насколько серьезно человечество сбивалось с пути истины. Ценой ошибок являлись многомиллионные человеческие жертвы, но, в конечном итоге, в мире вновь и вновь, пусть ненадолго, но восстанавливались покой и хотя бы подобие справедливости.

Идеи, словно круги на воде, возникают из «ниоткуда» и уходят в «никуда». Для того чтобы развить их, требуется много безмятежного времени. Между тем следует различать идеи сиюминутной значимости и те, которые быстро не окупаются. Большинство произведений, пробившихся к нам сквозь тьму веков, преисполнены именно последними — вечными идеями, основанными на высокой морали. Хотя, быть может, они и дошли до нас только потому, что их авторам, незнакомым с современными средствами массовой информации, не довелось испытать соблазнов многомиллионных тиражей и баснословных гонораров? Вопрос риторический.

Сегодня, когда государство отделено от церкви, права человека и свобода слова превращены в «священную корову», а миром правит «невидимая рука» частного благополучия, основным двигателем мыслительного процесса стала известность при жизни, открывающая дорогу к неограниченным материальным вознаграждениям. Писать быстро, остроумно, с аналитическим блеском на актуальные, модные, популярные и коммерчески оправданные темы — вот, что выдвинулось на передний план творчества для выживания в сумасшедшем ритме информационных потребностей.

Благотворительные компании, освобожденные от уплаты налогов, а потому такие выгодные бизнесу, не получили бы легализации государства, не будь в народных массах распространено убеждение в необходимости их проведения, которое испокон веков подогревалось образами неимущих стариков и голодных детей. И, наконец, государственная машина и рыночная экономика никогда не работали бы с такой эффективностью, если бы не легенды и слухи — прародители рекламы и средств массовой информации.

При помощи рекламы СМИ возвели бытовой комфорт в высшую степень проявления человеческих желаний, превратив современное общество в беспрекословных рабов материальных ценностей. Но, позвольте, чем тогда человек XXI в. отличается от своих средневековых предшественников? Только лишь тем, что моется чаще и не выливает ночные горшки на улицу?

В процессе продолжительного переселения из деревень и поселков в города с многомиллионным населением и ростом доходов человеческие отношения формализовались. Жителей мегаполисов практически

не интересует существование не только соседей по лестничной клетке, но и окружающих. Традиция приема гостей сохранилась лишь для соблюдения приличий. Контакт с другими людьми ограничен необходимостью: работа, магазины, развлечения. Высокие заработки, обусловившие самодостаточность человека, одновременно стали причиной боязни общения, что особенно ощутимо в центрах мирового капитализма. (Например, в Лондоне человек, которого вы случайно задели, всегда извинится первым, только чтобы избежать продолжения неизвестного контакта.)

Изможденные в гонке за повышением уровня жизни, люди стали замкнутыми и раздражительными. В непосредственном общении это лицемерно скрывается. Но, очутившись на центральных улицах европейских столиц, лицом к лицу встречаешься с серой массой равнодушных граждан, которая разбавляется лишь присутствием расового многообразия. Ощущение всеобщего безразличия усиливается, когда с оживленных улиц попадаешь в вагоны подземки. Независимо от времени суток, лица пассажиров выражают изможденную безучастность.

Можно констатировать, что на Западе тенденция «уединения в массе» ничего общего с уходом в философию ради размышления «о главном» не имеет. Все обстоит гораздо проще: формула «деньги могут все» выдвинула сферу услуг на передний план жизнедеятельности человека, лишив его естественных радостей самообслуживания. Зачем тратить время и готовить самому, если за пять минут можно разогреть полуфабрикат в микроволновке или поесть в ресторане быстрого питания — едой, конечно, это трудно назвать, но зато не нужно никаких усилий. Повсеместная демонстрация обнаженных женщин в средствах массовой информации, использование сексуального подтекста в рекламе практически искоренили из жизни романтическую сторону любви, да и женщин красивых просто так уже на улице не встретишь, они еще в юном возрасте становятся достоянием кинопродюсеров, шоуменов, ну и просто состоятельных людей. В современном мире стрессы, получаемые на работе, стали причиной массовой бессонницы, в то время как исторические личности сознательно ограничивали свой сон ради творческого становления.

Жизнь отныне протекает в четырех измерениях: в офисном кресле перед Интернетом, на домашнем диване перед телевизором, в яростном шоппинге в надежде на получение все новых скидок и за рулем персонального автомобиля.

Сегодня компьютер заботится о решении всех бытовых проблем, ничего не требуя взамен, кроме оплаты по счетам. Заплатив немного больше, можно стать членом любого даже самого элитарного и закрытого клуба, не испытывая никакой внутренней дрожи от опасности

быть уличенным в принадлежности к «тайному обществу». Но вместе с тем в богатых развитых странах в гораздо меньшей степени ощущаешь себя живым, чем в так называемых развивающихся странах. Злой гений информационных технологий не дает человеку возможности остановиться и задуматься над главной задачей бытия — *быть счастливым*. Потому что в западном мире люди утратили искренность (не так-то легко признать, что сидишь на вечной игле материального потребления). В результате — исчезает *чувственность* (или *духовность*).

Конечно, книги, музыка, искусство не канули в Лету, но вследствие массового производства обрели несколько другое внутреннее содержание. Движение жуткого конвейера, управляемого медиа-магнатами, стерло грань между подлинным искусством и многотиражным ширпотребом: оригинальная тема разбивается, и вместо одного достойного произведения получаем один бестселлер плюс тысячи книг и их киноэкранизаций тавтологического содержания, которые все продаются в одну цену; впечатление от сотен музыкальных видеоклипов, отштампованных в односложном ритме, не сравнится с эмоциональным эффектом, получаемым от звучания симфонического оркестра; классическая живопись постепенно вытесняется холодным арт-модерном. Подмена понятий прошла незамеченной: красоту заменили мода, имидж и престиж, непостижимость вечного — пустота сиюминутного и наслаждение тривиальным.

Красиво жить не просто не запрещено, а всячески поощряется. Но деньги не переросли в эквивалент счастья. «Золотая лихорадка» сделала из человека раба работы и возвратила его в джунгли, где он, порой сам того не осознавая, больше не наслаждается жизнью, а сторает в борьбе за выживание. Фанатичное преклонение глобального социума перед «золотым тельцом» привело к легализации проституции, абортот, порнографии, наркотиков и однополых браков. Человечество стоит на пороге самовоспроизводства через клонирование. Потому что потребительскому обществу не известны ограничения. В погоне за длинным долларом «демократические» государства опустили планку культурных запросов своих подданных настолько низко, что фактически вернули общество в состояние «хлеба и зрелищ» тысячелетней давности. Как Древний Рим был разделен на патрициев и плебеев, так сегодня мир делится на тех, кто владеет СМИ, и тех, кем владеют СМИ. А медиа-магнаты чувствуют себя не хуже римских императоров.

Устранив СССР в качестве своего главного антипода и оппонента, Запад остался один на один со своими изъянами. Если в знаменитую формулу капитализма Д — Т — Д` добавить переменную «У» — «уважение к ближнему», то это уже будет формула социальной ры-

ночной экономики. А что получится, если переменную «У» возвести в степень «Л» — «любовь к ближнему»?..

Противопоставление идеала «любви к ближнему» идеалу «корыстолюбия» явилось тем превосходством, которого, очевидно, не смогли простить «Homo Sovieticus» в капиталистическом лагере. Не смогли простить того, что высокие моральные принципы, исповедуемые всеми почитаемыми древними и средневековыми мыслителями-затворниками, стали нормой жизни для 280-миллионного государства, только понаслышке знакомого с массовым производством и неограниченным потреблением.

Запад убежден, что процесс перехода от плановой к рыночной экономике окончательно выбьет из постсоветского пространства дух здорового романтизма, превратив всех постсоветских людей в расчетливых прагматиков. Однако подобно тому, как ребенок не становится счастливей, разуверившись в существовании Деда Мороза, так и внушение, что «деньги могут все», не восполняет утраты веры в идеал светлого будущего, которая с годами на постсоветском пространстве будет ощущаться все сильнее. В конце концов, когда вследствие информационной передозировки наступит отказ от потребления, «обществу изобилия» самому придется взяться за белые краски и заняться реставрацией морали. Но тогда для Запада это будет означать самоубийство.

Остается только ждать, что на постсоветском пространстве баланс будет восстановлен естественным способом преодоления низменного существования высокими порывами. В каком-то смысле Запад оказывает нам в этом «услугу», без утайки поощряя и пропагандируя самые низкие способы выживания, повсеместно накапливая отвращение к насилию и пошлости в нашем генетическом коде, который на протяжении тысячи лет впитывал в себя христианские заповеди православной церкви.

С учетом вышесказанного, трудно отрицать, что СССР состоялся не только как государство в высоком понимании этого слова, но и как некая отличная форма смысла жизни, имеющая право на существование. В былые времена советский индивид более всего «страдал» от дефицита и бытовой неустроенности. Однако с падением СССР на смену дефициту качественных товаров индивидуального пользования и предметов бытоустройства, роскоши и комфорта пришли другие, куда более серьезные формы дефицита — дефицит культуры, свободного времени, любви, дружбы, возможностей для самореализации, здоровья, источников восстановления жизненной энергии. Мы пока еще не осознали и не ощутили в полной мере всю глубину и опасность происходящей на наших глазах *трансформации дефицитов*. Ведь в

отличие от гуманных установок реального социализма капитализм движем вперед лишь одной ценностью — коммерческой. Следовательно, на дефицитный товар со временем будет установлена максимальная цена, что сделает его недоступным для массового (широкого) потребителя.

Все то, от чего так тщательно уберегала нас коммунистическая пропаганда, не сделало нас счастливыми. Мы потеряли уважение к себе, как к представителям сверхдержавы, взамен не получив пресловутых материальных благ, обещанных рыночными реформаторами. Вернее то, что мы получили, не компенсирует того, что мы утратили. Ценность материальных благ не сравнима с ценностью всесторонне развитого человека. Да, мы получили возможность увидеть мир. Ну вот увидели, и что дальше?

Нас сегодня ориентируют на европейские ценности. А Европа — это кладбище желаний, где мечты людей заранее предопределены рекламодателями. Запад в своей массе не согревается любовью, ее вытеснили искусственные чувственные суррогаты, в основе которых — животное удовлетворение плотских потребностей.

Дети открыты и доверчивы и поэтому нуждаются в постоянной опеке. Ребенку трудно сделать правильный выбор. Если в детстве ребенка бросить на произвол судьбы, он может погибнуть либо станет бандитом. В дворянской России считалось дурным тоном выпускать в свет юношей и девушек, не достигших 21 года. Идея открытого общества Карла Поппера, насаждаемая сегодня с подачи США по всему миру, хороша для состоявшихся наций, нуждающихся в омоложении. Юные нации, подобно детям, на протяжении длительного времени должны воспитываться на идеалах, проверенных временем («нужные книги в детстве читать»), прежде чем они будут способны противостоять внешнему влиянию.

Ах, какая сейчас на постсоветском пространстве рубка идет — борьба между добром и злом. Какой гигантский выброс энергии. Нас словно подключили к глобальному энергососу и выкачивают из нас энергию для поддержания жизнеспособности Запада, давно находящегося в коме. Кто мог предсказать, что тихим воскресным утром начнется самая крупная в истории война? А сейчас воздушных тревог не объявляют и танков на улице не видно, а война идет полным ходом — на поле боя наших душ. Каждый день тысячи душ соблазняются потребительским дурманом, и общее сопротивление ослабевает. Но Наполеон, войдя в Москву, тоже думал, что овладел Россией.

Старые европейские нации прошли долгий путь — от возвышения к идеалам гуманизма до падения во все смертельные грехи. Все «лучшее» на Западе осталось в далеком прошлом и сохраняется сегодня

лишь в неодухотворенной форме — в виде памятников архитектуры, живописи и литературы. Сегодня западное общество плотно сидит на игле материального потребления и абсолютно мертво с точки зрения духовности. Современный запад — это пепел былых зарниц ума, сердечных костров и пожаров эмоций.

А мы — славяне, словно отсыревшие бенгальские огни, каждый раз тухнем, по-настоящему не разгораясь. То же самое касается народов Африки. Но если у славян есть хоть какие-то традиции, заложенные во время коротких промежутков пробуждения и становления, то африканцы с самого начала были лишены возможности самостоятельного развития, являясь непрерывным объектом «проектного мышления».

За годы так называемой *независимости* многое было утрачено. Получается, что теперь нужно учиться у учеников, которые пошли дальше своего учителя: Северной Кореи, Китая, Белоруссии. У первых двух опыт сложнее перенимать, поскольку культурные корни разные. А вот у Белоруссии можно кое-чему поучиться.

Благодаря 70 годам советской власти и железному занавесу, уровень образования и морального воспитания советских людей достиг такой высоты (в своей массе, а не в единичных случаях), что по сей день позволяет киношникам даже в блокбастерах поднимать проблему перевоспитания личности, в отличие от американского кино, где проблема зла решается лишь путем его тотального уничтожения. Благодаря гуманным установкам реального социализма чувства сострадания, самопожертвования, бескорыстия, взаимной выручки гораздо глубже укоренились в нашей психологии. Если говорить о современном русском кино как об иллюстраторе отличий русской психологии от западной, то оно воплощает собой преемственность традиционного русского феномена отделения государства от народа, экранизацию сказок об Иванушке-дурачке, который выполняет задачи, непосильные царю-батюшке.

Наша беда в том, что мы никак не можем понять, что богатство измеряется не только деньгами и не только их количеством, но и элементарной радостью жизни, осознанием ее безвозвратной текучести. Да, время — деньги, но само время не купишь ни за какие деньги. А значит, оно и есть самое ценное. Ведь еще древнегреческие философы призывали «живите в удовольствии», «радуйтесь жизни». А изречение «помни о смерти» следует интерпретировать не иначе как «пользуйся днем» («сагре діем»), которое в современном западном обществе получило исключительно коммерческое наполнение.

Разве мы приходим в мир, чтобы состязаться друг с другом в благополучии? Не пора ли сказать себе: «Да, западное общество далеко ушло в этом смысле вперед, ну туда им и дорога!». Постсоветское про-

странство (с Россией во главе) просто обречено выполнять роль мирового оплота морали, принятие которой без высоких культурных потребностей, исходящих от широких слоев общественности и народа в целом, невозможно, поскольку неодолимый бытовой комфорт лишь с большой натяжкой можно считать производной любви и счастья, к которым, в конечном итоге, стремится любое разумное существо.

К.В. МОЛЧАНОВ

**К вопросу о социальном проектировании:
диалектический аспект понятия «экономика»**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые положения диалектического развития категории «экономика». Новые определения позволяют расширить представления и возможности экономической науки.

Ключевые слова: экономика, диалектическое определение.

Abstract. The article discusses some positions of the dialectical extension of the category «Economy». New definitions allow extending the representations and possibilities of the economic science.

Keywords: economics, dialectical definition.

Анализ темы социального проектирования, начатый с экономических вопросов, показал необходимость учета социальных факторов, однако после социально-философских исследований он опять приходит к вопросам экономического порядка, но таким, которые оказались не актуализированными в достаточной мере в современной экономической науке [1]. Таким образом, была выявлена некоторая совокупность вопросов, по всей видимости, даже новая грань экономических исследований, которая определила необходимость более глубокого изучения объективных и категориальных оснований экономической науки, по крайней мере, была идентифицирована сфера социального проектирования и соответствующей теоретической деятельности. Это привело к необходимости возвращения к осмыслению экономических категорий и понятий, в том числе «экономика», «экономический строй» и др., их аспектов и т. д., раскрываемых в соответствии с указанной сферой исследований. Большое внимание при анализе вопросов социального проектирования приходится уделять осмыслению экономической жизнедеятельности общества, в процессе чего значимая роль

отводится философии, благо надлежащий инструмент для этого нами уже был заявлен — экономическая философия на современном этапе ее развития [2; 3]. При этом базовые категории политической экономики и ее выявленные рефлексивные аспекты на современном этапе ее развития [4 — 6] дают специфические инструменты для проведения требуемых осмыслений именно экономического образа (вида) на философской основе, точнее — на диалектической основе, которая также уже имеет современное развитие [7; 8].

Однако проводить конструирование новой области экономического познания, обладающей социальной спецификой, пусть и подкрепленное значительным арсеналом современной политической экономики, в том числе рефлексивными возможностями [6], и экономической философии, возможно только при использовании соответствующих категорий, позволяющих дать надлежащее описание рассматриваемых вопросов. При этом под «использованием соответствующих категорий» мы понимаем не только определение новых категорий, но и, главным образом, переосмысление известных категорий в связи с новыми горизонтами познания, развитие известных категорий и приспособление их для решения новых задач. В этом смысле принципиальным является диалектическое раскрытие базовой категории экономической науки — экономики, точнее — ее диалектическое *доопределение*.

Если во времена Ксенофонта и Аристотеля экономика (экономия) могла пониматься однозначно — как правила ведения домашнего хозяйства — то в настоящее время ее понимание, несмотря на уже достаточно долгое существование экономической теории, не является однозначным.

Все начинается с того, что имеются различные понимания самого *экономического*. Так, например, при определении предмета экономической социологии В.В. Радаев отмечает: «Попробуйте определить, что такое экономика... и чем “экономическое” отличается от “неэкономического”. Сразу выяснится, что границы объектов исследования разных дисциплин крайне условны и размыты...» [9, 4]. Действительно, «экономическое», как оказывается, можно рассматривать с разных позиций и с учетом разных положений. Более того, даже содержательное значение слова «экономический» неоднозначно; в частности, В.С. Автономов считает, что оно имеет не только производственный характер, но и «относится к взаимообмену человека с природной и социальной средой постольку, поскольку этот обмен снабжает его средствами для удовлетворения материальных потребностей» [10, 16]. При этом «экономика» и «хозяйство», «экономическое» и «хозяйственное» многими манифестируются как синонимы, означающие все, что имеет отношение к производству и его организации, и, тем самым, экономиче-

ское не определяется. Более того, возникает проблема разделения «экономического», «промышленного» и «хозяйственного». Если «промышленное» обычно поглощается «экономическим», или последнее сводится к первому, то понятия «хозяйство» и «экономика» многим кажутся эквивалентными. Однако они были различены в *философии хозяйства*, которая к тому же обращает внимание на то, что эти категории обозначают не только сферу жизнедеятельности человека, но и способ осуществления данной жизнедеятельности. Хозяйство — это «бытие, рассматриваемое в аспекте его производительной организации, жизнь, рассматриваемая в том же аспекте; производство, рассматриваемое в организационном аспекте» [11, 208], а экономика — тоже хозяйство, но специфическое, отличное от других форм (например, от *натурномики*). Используя диалектическую конструкцию, можно сказать, что различение хозяйства *в себе* — важное утверждение философии хозяйства, которое, как будет показано ниже, позволяет сводить в неразделимое единое и в то же время различать важные аспекты анализируемых категорий, что принципиально важно для понимания их природы и современных исследований.

Но начнем по порядку — с того, что «промышленное» обычно поглощается «экономическим», или последнее сводится к первому; и хотя в ряде случаев не удастся избежать понятия «хозяйство», но все же оно понимается в конкретном определении, что позволяет различить саму экономику.

Как известно из многочисленной литературы, под экономикой (или экономикой общества) обычно понимается общественное производство в целом, в единстве всех его сторон, или общественное хозяйство в конкретном виде как совокупность различных сторон и моментов деятельности человека, включающая средства, технологии и объекты производства, их формы организации и уровень, иными словами, все то, что используется и организуется людьми для создания благ и условий своего существования и для удовлетворения своих материальных потребностей путем трудовой деятельности. В более узком смысле под экономикой понимается конкретная отрасль хозяйства или производства, например, экономика сельского хозяйства⁶.

Итак, обычно экономика понимается как хозяйство (конкретной страны), манифестируемое через производство и его виды, или его часть, отрасль, и главное внимание уделяется тому, *что, как и в каком*

⁶ Термин «экономика» используется также и для наименования общественной науки, имеющей соответствующий предмет, но это значение слова в данной статье подразумеваться, обсуждаться и использоваться не будет.

количестве производится вообще или в конкретном регионе (стране) в то или иное время.

При этом анализ самой новой литературы по экономической теории (например, в работе [12]) обнаружил интересный момент. В самом начале, определяя предмет экономической теории, авторы охарактеризовали эволюцию понимания ее предмета, ее методы, объект изучения и т. д., а также фундаментальные проблемы экономики, несомненно, понимания, что она сама есть такое. Однако определения экономики в учебном издании... нет. Есть фраза о том, что в XVIII в. «появилось знаменитое краткое определение предмета политической экономии как науки о богатстве народов, принадлежащее А. Смиту» [12, 13]. Есть указание на то, что «большинство современных школ экономической теории определяет свой предмет как изучение использования экономических благ с целью удовлетворения потребностей людей» [12, 13 — 14]. И для «полного понимания сути приведенного определения» предмета науки авторами учебного издания рассматриваются потребности людей, ограниченность ресурсов и проблемы выбора, а потом и фундаментальные проблемы экономики, методы исследований и т. д.

Мы не зря остановились на перечислении приведенных положений, так как, еще раз повторим, определения самой экономики в учебном пособии нет. Иными словами, есть экономическая теория, понимаются экономические блага и т. д., но сам предикат — «экономическое» (или «экономика») — не определен. Но вопрос не только в этом. Сначала в логической плоскости, а потом и в тематической нас заинтересовал именно факт отсутствия определения экономики, причем с учетом а) позиционирования ее предмета и фундаментальных проблем [12, 14 — 19], в частности, проблем производства («что производить?», «как производить?» и «для кого производить?»), и б) обозначения социальных и иных аспектов производства («организационно-правовые формы производства», «распределение», «социальная стабильность» и др.). При этом в учебном издании обозначаются даже такие вопросы, как «полностью загруженная экономика при увеличении выпуска одного товара вынуждена была бы сокращать производство другого», или «решение вопроса “как производить?” связано с выбором определенной технологии и необходимых ресурсов» [12, 16], одним словом, все *специфические установки производства*, включая целевые и плановые моменты.

Иными словами, экономика, как следует понимать, отождествляется с производством, но все же с учетом комплекса сопутствующих факторов и аспектов, в том числе управленческих и социальных.

Таким образом, факт сведения экономики к производству, но вместе с тем постепенное обогащение ее понятия целевыми, социальными

и другими аспектами является одной из современных тенденций при понимании экономики, и это определено такими известными специалистами, как А.Г. Грязнова, Н.Н. Думная, А.Ю. Юданов и др.

Однако данный подход, определенный (или обремененный) фактором *дополнительности* — дополнение исходного определения, понятия, — не исключает добавления и других аспектов. Это даже обязательно, например, потому что только «животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”»; для животного его отношение к другим не существует как отношение» [13, т. 3, 29]. А люди вступают в отношения друг с другом. Поэтому экономика включает в себя распределительные отношения по поводу ресурсов и продуктов труда, и эти отношения следует считать спецификой экономики; и в таком случае, действительно, важно не только *что, как и сколько* создано, но и *кто, как и почему* реализует присвоение природных богатств и результатов труда, и тогда экономика включает отношения между субъектами по распределению ресурсов, труда и его результатов, а труд (и производство) сам по себе не свидетельствует об экономике (см.: [14]).

Указанные аспекты, в свою очередь, подтверждают марксистское понимание экономики, тесно связанное с собственностью, вид которой регламентирует распределение, и даже с определенными общественными процессам, ибо, по Марксу, «... революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении частной собственности, в экономике» [13, т. 42, 117].

А уже с учетом Марксовых воззрений существенно другое известное определение экономики на основе производственных отношений, когда экономика понимается как их система. Однако апологетами и последователями Марксовой теории не учитывалось то, что при развитии капитализма понятия собственности, прав и отношения между людьми в процессе общественного производства значительно расширились, что требовало обобщения понятия производственных отношений (это было сделано в современной политической экономии).

Отдельно отметим, что экономика, по Марксу, — это движение частной собственности, которая жаждет своего увеличения, что может быть только в движении⁷.

⁷ В смысле понимания экономики по Марксу возникает интересный вопрос: а может ли быть экономика в обществе, не имеющем частной собственности? Этот вопрос по существу до его акцентирования в современной политической экономии даже и не поднимался в экономической науке. И хотя он не входит в предмет рассмотрения настоящей статьи, так как она посвящена экономике капиталистического общества, но этот интересный для нее акцент совершается. Это говорит о том, что мнение К. Маркса всегда надо учитывать. Недаром многие ведущие специалисты США называют его величайшим экономистом,

Таким образом, движение и увеличение — те аспекты, которые обязательно присущи экономике и в том или ином виде, явно или неявно, косвенно или непосредственно проявляются в различных определениях, но в которых современная экономическая наука обычно скрывает аспекты частной собственности и распределения (почему так можно методологически сравнительно корректно делать — см. ниже).

А вот обращаясь к философии хозяйства, о которой Ю.М. Осипов пишет, что ей «открыты иные смыслы, позволяющие увидеть условность и относительность научной экономии, ее нецелостность, равным образом и оторванность от реальности, которую научная экономия представляет упрощенной, если не вымороченной» [16, 14], следует обратить внимание на то, что в ней понятия «хозяйство» и «экономика», как уже указывалось, обозначают не одно и то же, причем указывается не только сфера жизнедеятельности человека, но и способ осуществления данной жизнедеятельности. Экономика понимается как феномен хозяйственной деятельности человека [17, 217]. При этом Ю.М. Осипов обосновал, что «экономика начинается с *обменом*, с *обменом* она и существует»; иными словами, с *обменом* даже чего-то природного, например алмаза, начинается экономика, т. е. производство не является ее единственным признаком, «а вся экономика, по сути, — сложнейший, как-то сам собою реализующийся, общественный обменно-оценочный процесс... И все в хозяйственном целом как-то взаимосвязано, все взаимодействует, все взаимоопределяется. Экономика совершается»; но она — «феномен явно трансцендентальный», «экономика сама хозяйствует», она «нечто вроде над-общественного субъекта», и «моральное ей, как правило, мешает» [17, 217 — 234]. (Многие из определений Ю.М. Осипова сами загадочны для экономической науки, но их можно разъяснить с учетом расширенного понимания ряда категорий, о необходимости совершения которого говорилось в начале статьи.)

Итак, экономика — не только и не столько производство и распределение, сколько нечто, наперво, *существующее в обмене*.

Далее, согласно политической экономии, обмен присущ товару, точнее без обмена, без мены товар не может появиться — останется потребительной стоимостью, которая может и не быть использована (потреблена) людьми. Товар — то, что обменено, продано, по крайней мере, то, что уже конкретно предназначено для фактического обмена, продажи.

например: «Карл Маркс был наиболее влиятельным среди всех когда-либо живших экономистов» [15, 752].

Поэтому экономика — это не столько производство, которое при-
суще и натуральному хозяйству, а товарное производство, что является
существенным дополнением самых первых из рассмотренных опреде-
лений.

Но в то же время обмен не предполагает... производство: может
осуществляться простое природопользование, охота, сбор и потребле-
ние даров природы. Но как только возникает обмен, хотя бы их ре-
зультатами, то уже возникает и экономика.

Так что философия хозяйства и современная политическая эконо-
мия не сводят экономику только к производству даже с пониманием
его сопутствующих целевых, социальных, управленческих и других
факторов (*специфических установок производства*), рассматриваемых
в экономической науке.

Но обмен, согласно современной политической экономии, кроме
всего прочего, *заставляет* создавать производство.

Однако это *насилие* есть противоречие, которое передается эконо-
мике, вместе с обменом входит в нее, заставляет ее *жить* и
*двигаться*⁸, ибо *противоречие есть корень всякого движения и жиз-
ненности* [18, т. 5, 520].

В то же время именно производство создает запас, т. е. *излишек*,
который в денежной форме составляет прибыль; отсюда — стремление
к прибыли, *нажива* есть главный стимул производства, основанного
на частной собственности⁹.

Иными словами, имеется еще и субъективный фактор развития
экономики.

Тут следует отметить, что и в отношении производства, и в отно-
шении противоречия (и др.) совершены дополняющие себя рассужде-
ния — познание на *круге кругов* — о чем писал Гегель в своем незаб-
венном труде «Наука логики» [18, т. 6, 318] (это замечание относится к
методологии современных политэкономических исследований).

Противоречие манифестирует отношение излишка (добавочного
продукта) к необходимому продукту, что в условиях частной собст-
венности, т. е. частной формы присвоения результатов труда, опреде-

⁸ Существенным преимуществом современной политической экономии явля-
ется то, что она базируется на диалектике и, соответственно, на ее незабвенной
категории «противоречие», заново утвержденных в истинных своих смыслах в
современной диалектической философии (см., напр.: [7; 8]).

⁹ К. Маркс, в частности, определил, что «производство прибавочной стоимо-
сти или *нажива* — таков абсолютный закон этого (капиталистического. —
К.М.) способа производства» [13, т. 23, 632]; *нажива* правит капиталистиче-
ским обществом, а не добродетель.

ляет Марксовы выводы об эксплуатации и о том, что «... революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении частной собственности, в экономике». Так что именно внутреннее противоречие экономики определяет как ее развитие, так и ее социальный конфликтный характер, что уже дает основание для обоснования социальных вопросов *из* экономики, но уже не *через* производственные отношения; этот вывод крайне важен для рассмотрения социальных вопросов, инициируемых экономической сферой, и, главное, для теоретизаций социального проектирования.

Итак, экономика, согласно современной политической экономии, необходимым образом включает в себя противоречие, которое является диалектико-философическим атрибутом экономики, лучше, наверное, сказать — ее жизненным атрибутом.

И именно противоречие манифестирует обозначенные в начале статьи *неудовлетворенности* понятием «экономика» и возможности манипулирования категориями в ней.

Остается добавить, что и потребление играет существенную роль для экономики: без него экономика как производство бессмысленно. Потребление является спецификой общественной жизни людей, а влияние потребления/сбережений на спрос, инициирующий производство, наглядно показал Дж.М. Кейнс в своей *общей теории* [19].

Экономика и соответственно *экономическое* вырываются за пределы современной экономической науки.

Итак, можно сказать, что экономика представляет собою деятельную целокупность производства, распределения, обмена и потребления, в которой существенна собственность, причем не вообще, а в конкретно взятом виде. Можно сказать, что в современной политической экономии экономика понимается как конкретно действующий *способ производства*, обмен и потребление, и в этом определении понимаются в единстве все затронутые выше аспекты и проблемы экономики. Базовое понятие — способ производства — можно понимать в общепринятом значении, хотя все же следует учитывать не только Марксовы и советские разработки этого вопроса (например, целесообразно учесть также доводы В.Т. Кондрашова; см., напр.: [20]). Но в первом приближении достаточно понимать, что способ производства включает в себя а) людей с определенным уровнем квалификации и орудия труда с учетом отношений людей по производству¹⁰, б) через понятие производственных отношений — фактор собственности и, соответст-

¹⁰ Как писал В.И. Ленин, политическая экономия «занимается вовсе не “производством”, а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства» [21, 53].

венно, распределение. При этом понимается, что в общем смысле, «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [13, т. 13, 7]. Слова «обмен» и «потребление» в определении подчеркивают, что экономика понимается как разумное целевое организованное тем или иным образом производство, т. е. *живое* производство, имеющее цель, движение и развитие. Определение «конкретно действующий» подчеркивает то, что экономика не абстрактна, что ее понятие конкретно и должно рассматриваться в действии, в реализации себя, в своей потенции и в готовности к будущему. Быть может, потенциальность и учет будущего кто-то сочтет за нечто излишнее в вопросах экономики, и то, что движение и развитие уже учтены, пусть и неявно, в слове «обмен»; тогда (при обозначенном понимании) определение «конкретно действующий» можно заменить словом «конкретный», которое манифестирует не только *неабстрактность* экономики, но и *данность* рассмотрения вопроса, например, все хозяйство или данную отрасль, ту или иную специфику и т. п.¹¹ С другой стороны, без планирования нельзя обойтись, а в условиях конкуренции и планирования нельзя не учитывать будущее. (Однако все эти обсуждения составляют уже уточнение понятия, которое, получается, в целом выработано.)

Таким образом, в смысле обозначенных выше понятий и рассуждений можно сказать, что экономика представляет собою *противоречивый* вид хозяйства, характеризуемый отношением людей по организуемому производству и обмену (*здесь*: упоминание людей подразумевает потребление, «организуемость» — *специфические установки производства*, а производственные отношения — распределение и вид собственности). Определение «противоречивый» выдвигает обмен на первый план в определении экономики вместе с производством. При этом, неумолимо отражая отношение одного к другому, противоречие, согласно диалектической философии, *снимает* стремление или проявление одного в угоду другому, что в результате может давать даже *прекращение*. Но вопрос еще и в том, что противоречие необратимо проявляется в *явлении*, в частности, в нашем понимании экономики, в ее видении, которое, тем самым, является относительным, что и определяет возможность разных трактовок экономики и других категорий: хочешь — Марксовы, хочешь — неоклассические. И все указанные

¹¹ Термин «конкретный» подразумевает, конечно же, нечто существующее, значит, «действующее», но все же лучше, наверное, в столь сложном вопросе, как понятие экономики, дать чуть более полное, быть может, даже избыточное определение, тем более, что затрагиваются многие аспекты. Но это — уже уточнение термина, а не его зафиксированного понятия.

позиции действия противоречия очевидны в экономике, но в контексте данной статьи следует указать а) явность производства и обмена в противоположность неявиности распределения, потребления и собственности, более того, возможность «отсечения» их в *берущейся определенности*, которая и определяет «только производственное» (одностороннее, внешнее, буржуазное) понимание экономики, и б) экономические кризисы, являющиеся ни чем иным, как *прекращением экономики* (но не ее ликвидацией), точнее — временным прекращением производства, ибо, во-первых, обмен есть, теперь он исчезнет только с самими людьми, и, во-вторых, как было указано выше, противоречие в экономике есть насилие обмена, которое в то же время, согласно современной политической экономии, *заставляет* создавать производство и через обмен заставляет экономику *жить и двигаться...*

Таковы общие представления о начале диалектического *доопределения* экономики, понятие которой, как, впрочем, и иных категорий на основе диалектического подхода к *экономическому* [22], можно дать достаточно полно только в системе: в данном случае с учетом, по меньшей мере, категории «экономический строй», которому (и категории «экономика») будет посвящена одна из следующих наших статей. Однако уже можно сказать, что *доопределение* категории «экономика», начатое в настоящей статье, позволяет не только заложить основы исследований вопросов социального проектирования, но и существенно развить методологический и теоретико-исследовательский аппараты экономической науки, в том числе за счет формализации системы ее категорий и их связей, что также может стать весьма существенным подспорьем для математико-статистических исследований и моделирования конкретной экономики.

Литература

1. Молчанов К.В. Современные философско-экономические основы осмысления модернизации и ее аспектов в современной России // Философия хозяйства. 2008. № 3.
2. Молчанов К.В. Концептуальная актуализация современной экономической философии // Философия хозяйства — 2 (к 10-летию журнала «Философия хозяйства») / Под ред. Е.С. Зотовой. М.; Екатеринбург, 2009.
3. Молчанов К.В. Аксиологическое измерение современной экономической философии и новые возможности теоретических исследований и анализа социально-экономического развития конкретной страны // Философия хозяйства. 2009. № 3.

4. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
5. *Молчанов К.В.* Политическая экономия и экономическая наука. Ч. 1. Современная политическая экономия: новая общественная формация и прибавочная стоимость в ее диалектическом развитии. М., 2001.
6. *Молчанов К.В.* Политэкономия сегодня: рефлексия политической экономии // *Философия хозяйства*. 2004. № 3.
7. *Молчанов К.В.* Современная диалектическая философия и российская диалектика // *Философские исследования*. 2008. № 1.
8. *Молчанов К.В.* Гносеологический вопрос современной диалектической философии // *Философские исследования*. 2008. № 2.
9. *Радаев В.В.* Еще раз о предмете экономической социологии // *Социологические исследования*. 2002. № 7.
10. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.
11. *Осипов Ю.М.* Хозяйство // *Философия хозяйства*. 2000. № 1.
12. *Экономическая теория. Экспресс-курс: учебное пособие* / Под ред. А.Г. Грязновой, Н.Н. Думной, А.Ю. Юданова. М., 2010.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
14. *Войтов А.Г.* Экономика. Общий курс. (Фундаментальная теория экономики). М., 2003.
15. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика. М., 1993.
16. *Осипов Ю.М.* Похвала философии — философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 1999. № 1.
17. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства: В 3 кн. с приложением. М., 2003.
18. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.
19. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999.
20. *Кондрашов В.Т.* Концептуальные основания развития современной экономической теории // *Экономическая теория на пороге XXI века* / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб., 1996.
21. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3.
22. *Молчанов К.В.* Новый подход. Предопределенность современного рассмотрения политической экономии. М., 2001.

С.С. ВОРОНИНА

**Глобализация: «торжественные» похороны социальной справедливости?
Взгляд с точки зрения философии хозяйства**

Аннотация. В статье автор рассматривает понятие социальной справедливости в контексте основных проблем глобализации. Показано, что в современных условиях наиболее полно социальная справедливость может быть реализована лишь на основе стратегии мирового развития, которая заключается в переходе от экономики ко всемирному социальному рыночному хозяйству.

Ключевые слова: социальная справедливость, глобализация, философия хозяйства, личность, С.Н. Булгаков.

Abstract. In article the author considers concept of social justice in context of the basic problems of globalisation. In modern conditions social justice can be realised on base of perspective strategy of world development, which consists in transition from economy to the world social market economy.

Keywords: social justice, globalisation, the philosophy of economy, personality, S.N. Bulgakov.

Провозглашаемые цели современного процесса глобализации — оформление единого производительного, потребительного, рекреационного пространства с согласованными правилами перемещения товаров, услуг, капиталов, идей, агентов труда и др., — кажется, не должны оставлять сомнений в том, что глобализация открывает новую, «небывало светлую» эру — эру социальной справедливости в глобальном масштабе.

Естественно ожидать, что результатом глобализации станет то, о чем мечтали выдающиеся мыслители прошлого, — возникновение целостного, гармонически организованного человечества, единого в понимании истины и справедливости.

Но так ли это? Соответствует ли вера в глобализацию действительности, т. е. тому, что реально происходит в современном мире? Иначе говоря, не происходит ли под прикрытием тезиса о глобализации нечто противоположное — не торжество справедливости, а ее торжественные похороны?

Действительно, не нужно обладать особой прозорливостью, чтобы заметить — в современном мире тенденции, противоположные заявленным целям глобализации, являются едва ли не доминирующими. Так, с одной стороны, прогрессирует вестернизация, т. е. навязывание

незападному большинству человечества западных идеалов и ценностей, насаждение западного образа жизни. С другой стороны, в действительности, современное человечество экономически, политически, ценностно поляризовано, единимо не истиной и справедливостью, а выработкой баланса сил, получением экономических, политических и иных преимуществ.

Ни для кого не секрет и то, что в мире растет имущественное и финансовое неравенство. Пропасть между небольшой частью супербогатых и большинством населения не уменьшается, а увеличивается. Характерно, что это относится не только к распределению богатства между развитыми странами (странами «золотого миллиарда») и остальным миром, но и к распределению внутри самих развитых стран. Так, даже такой яркий апологет глобализации, как З. Бжезинский, отмечает характерную для США последних десятилетий тенденцию: «величина самых высоких доходов достигла почти неприличного уровня, в то время как средняя зарплата едва возросла». Бжезинский обращает также внимание на следующие, с его точки зрения, негативные явления. «Доля богатых в структуре доходов возросла; почти удвоился ущерб от гражданских правонарушений; процент американцев африканского происхождения, живущих за чертой бедности возрос... возможности социального продвижения бедных понизились» [1, 199].

Технологический рост, результатом которого, по идее, должны были стать увеличение материального благосостояния и формирование справедливого общества, на практике же привел к негативным результатам. Техническая среда теснит, деформирует, а порой и уничтожает те сферы, которые относятся либо к уникальным дарам природы, либо к уникальным дарам культуры.

Сегодня уже никто не удивляется политике двойных стандартов. Поэтому достаточно одного примера. Так, на Западе транслируется точка зрения, согласно которой неравномерное распределение ресурсов несправедливо. В связи с этим к России предъявляются претензии, что на ее территории сосредоточены большие запасы нефти, газа, цветных металлов и др., а в Европе и США их нет и подобную несправедливость якобы необходимо устранить. Конечно, это абсурд. С тем же успехом Россия могла бы заявить о несправедливости того, что ей досталась территория с суровыми климатическими условиями (60% территории — Приполярье и за Полярным кругом, на остальной — 8 — 10 месяцев в году зима), с затрудненным выходом в Мировой океан, в то время как территория Западной Европы и США характеризуется благоприятным климатом, а также прямым выходом в Мировой океан.

Несмотря на всю абсурдность такого понимания справедливости и вытекающих из него претензий, оно получает распространение в массовом сознании Запада.

В совершенно ином аспекте решается проблема международной социальной справедливости, если она касается ресурсов Западного мира. Так, философ Карл Баллестрем задается вопросом: «В чем мы, граждане богатого европейского государства, являемся должниками у бедных и преследуемых в остальном мире? Должны ли мы им как бывшим колониальным народам, компенсировать былую несправедливость?... Должны ли мы им как сочувствующие в нужде часть нашего богатства — должны мы с ними делить, т. е. перераспределять богатство?.. Или мы в более узком смысле не должны ничего?». Баллестрем приходит к однозначному выводу, что требования справедливости не влекут за собой особых обязанностей богатых стран по отношению к бедным [2, 101].

Как видим, проблематика глобализации не оставляет без внимания проблему социальной справедливости. Однако решение ее — мягко говоря — весьма своеобразно. Это касается социальной справедливости не только в международных отношениях, но и в отношениях между индивидами, личностями. Такие авторы, как М. Фридман, Э. Гидденс и др., полагают, что конкуренция сама «расставит все по своим местам». Иначе говоря, если в свободном соревновании меньшинство одерживает верх и непомерно богатеет, а большинство не достигает успеха, а порой оказывается на грани выживания или даже вымирает, то, собственно, это и есть искомая социальная справедливость: каждый получает соответственно своим способностям, энергии, предприимчивости.

Приведенные факты (как и множество других) свидетельствуют о том, что реализуемый ныне вариант глобализации (условно назовем его «неолиберальным») ведет человечество в тупик или к катастрофе, и уж по меньшей мере не открывает позитивных перспектив. Что же касается социальной справедливости, то он возвращает человечество в доисторические времена, когда главенствовало право сильного, а слабый был обречен. Это та самая борьба «всех против всех», которую философы XVII — XVIII вв. признавали признаком варварства и которую они считали безвозвратно ушедшей в прошлое с возникновением цивилизованного общества.

Автор настоящей статьи полагает, что вполне реален вариант глобализации, в равной мере альтернативный как неолиберальной модели, так и возврату к уравнительности. Этот вариант основан на заложенных С.Н. Булгаковым и разработанных в современных условиях Ю.М. Осиповым и рядом других авторов идеях *философии хозяйства*.

Вообще говоря, оценить реальность того или иного варианта мирового развития можно только с учетом современной научной трактовки развития сложных систем. Обнаруженные в последние десятилетия особенности социальной реальности, связанные, в частности, с принципиальной нелинейностью социальных процессов, диссипативностью, неустойчивостью социальных систем, вызвали к жизни тезис о неклассичности (или постнеклассичности) методологии современного обществознания.

Важнейшим выводом из тезиса о постнеклассичности современной реальности и соответственно методов ее познания является принципиальная *ошибочность* попыток выявить ведущую тенденцию глобализации посредством простой *линейной проекции* современной (т. е. неолиберальной) модели глобализации в историческое будущее. А это означает, что целый ряд тенденций мирового развития в свете глобализации невозможно спрогнозировать однозначно: предстоит борьба между разнонаправленными вариантами.

Вполне вероятно, что неолиберальный вектор глобализации сменится на принципиально иной — на тот, который в качестве ориентира будет иметь создание социально ориентированного рыночного хозяйства в мировом масштабе. Глобализация, понятая как интенсификация интернациональных связей, создает предпосылки для перехода общества в качественно новое состояние: формирует единое человечество на основе уважения национального суверенитета, самобытной культуры, открывает путь к социальной справедливости.

Очевидно, что понятие социальной справедливости имеет ярко выраженный ценностный аспект, может существовать и проявляется только через отношения. Наиболее фундаментальным из этих отношений является отношение к жизни и достоинству человека как к высшей ценности социального бытия. Более того, с нашей точки зрения, *социальная справедливость это, в первую очередь, и есть отношение к жизни и достоинству человека как к высшей ценности*. Смысл такого понимания отчетливо выявляется в сопоставлении с противоположным понятием. Очевидно, что *несправедливость* в своей глубине есть не что иное, как попрание достоинства человека, унижение человека, отношение к нему только как к средству, как к «винтику в органном вале» (Ф. Достоевский), а к человеческой жизни как к тому, чего можно с легкостью лишить человека во имя тех или иных целей — выгоды, получения прибыли, повышения экономической эффективности, освобождения общества от «неполноценных», «нежизнеспособных» и др.

Теоретическим фундаментом такого понимания справедливости вообще и социальной справедливости, в частности, является *катего-*

рический императив И. Канта: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [3, 270].

С учетом сказанного социальную справедливость в условиях глобализации следует определить как социально-философскую категорию, характеризующую общество с точки зрения качества межличностных, межклассовых, межнациональных и иных общественных отношений, т. е. главное здесь — насколько в обществе проявляется уважение к жизни и достоинству человека, не зависимо от его национальной, расовой, религиозной, классовой и иной принадлежности, не зависимо от того, в какой точке планеты он родился и исходно проживал.

Глобализация создает необходимые предпосылки для задействования ресурсов всего человечества в интересах отдельной личности в масштабах всей планеты.

В современных условиях наиболее полно принцип социальной справедливости может быть реализован, с точки зрения автора статьи, посредством перехода от экономики ко *всемирному социальному рыночному хозяйству*. Иначе говоря, задействование ресурсов совокупного человечества в интересах отдельной личности возможно при условии, если мир будет развиваться от экономики к социальному рыночному хозяйству. Мировое хозяйство не предполагает обязательности «отмирания» национальных государств, а основывается на интенсификации сотрудничества между ними.

Еще Аристотель разграничил «экономику» как естественную хозяйственную деятельность человека по производству жизненных благ и «хрематистику» как противоестественную деятельность человека и человеческих сообществ, направленную только на обогащение. Однако особая роль в разработке философии хозяйства, придании ей статуса философского знания и в доказательстве правомерности идей, рассматривающих мир как хозяйство, принадлежит С.Н. Булгакову.

Следует особо подчеркнуть, что философия хозяйства рассматривает не хозяйство само по себе, т. е. хозяйство как специфическую деятельность, а хозяйство как жизнь, как бытие человека, его присутствие в природе и его природное существование (см.: [4, 164]). Сравнивая экономику и хозяйство, Булгаков признавал за хозяйством более богатый смысл. Экономика в сравнении с хозяйством имеет более ограниченную область применения, потому что относится к одной из специфических областей хозяйственной деятельности человека.

«Человек есть воплощенный дух и одухотворенная плоть, духовно-материальное существо, — отмечал С.Н. Булгаков, — и потому в его

жизни не может быть проведено точной грани между материальным и духовным, все имеет и ту и другую сторону, стало быть, все подлежало бы с этой точки зрения ведению науки о хозяйстве» [5, 121].

Экономика же равнодушна к морали как к важнейшему проявлению духовной жизни, хотя нельзя утверждать, что в экономике совсем нет никакой позитивной морали. Однако даже при наличии относительной морали в экономике нравственным в ней будет признаваться то, что имеет выгоду, эффективность, полезность. В отличие от этого, в философии хозяйства принципы социальной справедливости необходимо распространяются на все социальное пространство: не только на экономические и хозяйственные функции государства, но и на само государство, его характер, устройство, политику. Для философии хозяйства не безразличны и глубоко важны культура, идеология, религия, мораль, психология. Телеология хозяйства не позволяет превращать человека только лишь в средство умножения богатства.

Понятие хозяйства преодолевает понятие социальной справедливости как распределения и перераспределения, поскольку человек хозяйствует индивидуально и общественно одновременно. Хозяйство человека — дело общественное, так как это не просто действия отдельных людей, а целый симбиоз человеческих действий и не параллельных друг другу, а взаимосвязанных и взаимообусловленных. Как справедливо отмечает Н.Б. Шулевский, философия хозяйства напоминает человеку о его спасительном метафизическом долге и природном смысле. «В хозяйстве человек осуществляет свой творящий промысел, а природа выявляет свой метафизический замысел» [6, 65].

В рамках философии хозяйства *преодолевается* также и еще одно ошибочное, с нашей точки зрения, представление — понимание социальной справедливости как равенства всех граждан или их возможностей. Социальная справедливость предполагает учет индивидуальных особенностей человека и условий его жизни. Это означает, что забота о гражданах, социальная защита, социальное страхование со стороны общества, в лице, прежде всего, государства, должны распределяться *дифференцированно*.

Иначе говоря, большинство граждан в состоянии обеспечить себе достойный уровень жизни самостоятельно. Роль государства в этом случае сводится к созданию благоприятных условий для самореализации индивида, к установлению твердых «правил игры», т. е. честной конкуренции (лучше сказать — «соревновательности»), недопущению монополизма и др. Однако для целого ряда категорий населения, а часто и для отдельных индивидов должны предусматриваться особые меры социальной поддержки. Иначе говоря, социальная справедливость предполагает индивидуальный подход. И не только для незащи-

ценных слоев, но и для тех, кто проявил особые способности и таланты. Характерно, что понимаемая таким образом социальная справедливость фактически совпадает с мыслью русского философа Ивана Ильина: «Справедливость есть искусство неравенства. В основе его лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям» [7, 213].

Нам представляется, что концепция философии хозяйства — это не просто экономический, скорее, это цивилизационный мега-проект, который может стать решительной альтернативой глобальному неолиберализму, стать универсальным идеалом для отношений в системе «мир — человек». Ориентация на социальное рыночное хозяйство в мировом масштабе, организованное с учетом как разнообразия социума, так и индивидуальных различий между людьми, создаст условия для социальной справедливости, понимаемой как отношение к жизни и достоинству человека как к ценности наивысшего порядка.

Отнюдь не случайно то, что особо акцентированный нами аспект социальной справедливости не остался без внимания основоположника философии хозяйства: «человеческое достоинство, святейшее из званий человека, равняет всех между собою. Человек для человека должен представлять абсолютную ценность; Идея абсолютного достоинства личности и равенства людей как носителей этого достоинства входит в сознание человечества...» [8, 674].

Литература

1. *Бжезинский З.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007.
2. *Ballestrem K.* Globalisierung und Internationale Gerechtigkeit // *Globalisierung / Mensen V.* (hrsg). St. Augustin, 1998.
3. *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1963 — 1966.
4. *Осипов Ю.М.* Определение философии хозяйства // *Философия хозяйства.* 2008. № 5.
5. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
6. *Шулевский Н.Б.* Метафизика софийного хозяйства С.Н. Булгакова // *Философия хозяйства.* 2009. № 5.
7. *Ильин И.А.* Поющее сердце. М., 2006.
8. *Булгаков С.Н.* О социальном идеале // *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. М., 2006.

И.В. ПШЕНИЦЫН

Судьба России

Аннотация. Статья посвящена естественноисторическому пути России, который совершается вопреки политическим программам, национальным интересам и проектам. Раскрывается судьбоносная связь истории России с народным хозяйством и его философией, порождающей духовный мир человека. В силу этой философии хозяйство принципиально отличается по воздействию на человека от экономики, самой что ни на есть постиндустриальной и инновационной. Таков высший духовный смысл народного хозяйства России.

Ключевые слова: естественноисторический закон, источник развития, народное хозяйство, капиталистическая экономика, труд, работа, производство, целесообразность, разделение труда, Бог.

Abstract. An article is devoted to the naturalistic way of Russia, which takes place in spite of existing of political programs, national interests and projects. Fateful connection of the Russian history with the national economy and its philosophy, bearing the spiritual world of a man, is reflected. In virtue of this philosophy the economy differs crucially from the innovative and postindustrial economics by influence on the man. This is the strongest spiritual meaning of the Russian economy.

Keywords: naturalistic law, source of development, national economy, capitalistic economy, labor, work, production, practicality, division of labor, God.

Мир полон идеями стратегического планирования развития России. Видимо, итоги программ построения светлого будущего мало чему учат, и энтузиасты вновь жаждут определять развитие всего и вся. В нашей статье речь пойдет о судьбе России, о естественном пути, который совершается помимо политических программ и связанных с ними национальных интересов.

Как правило, под развитием страны понимают, прежде всего, экономический прогресс, рост материального благосостояния. Поскольку развитие не сводится к количественному увеличению и экстенсивному распространению, выделяют качественные изменения в факторах производства, нововведения, новые отрасли и потребности. Между тем появление нового, образование новых форм, вовсе не гарантирует прогрессивного развития, а может оказаться развитием болезни человеческого духа, его разложением.

Феномен развития понять не просто. Нет ясности в главном: *что на самом деле является развитием.* Еще в Петровские времена, оценивая

экономическое развитие, великий мыслитель Иван Тихонович Посошков писал о скудости и богатстве. Сомнения в абсолютности экономического прогресса не оставляли русских мыслителей, народников. Это привело Сергея Николаевича Булгакова к идее *философии хозяйства*. Он ощущал духовную скудость экономизма и опасность экономического прогресса. Его философия хозяйства поднимает проблему действительного развития и его источника.

Источник этот — удивительный трансцендентальный феномен! Он отличается от изучаемого науками многообразия форм, в которых развитие лишь проявляется. Формы обладают пространственно-временной протяженностью и множественной определенностью, они трансформируют движение и образуют условия, напротив, источник является локальным, неопределенным, сложным и не формализуемым целым, уводящим исследователя в бесконечность, в трансцендентальность. Источник действительного развития выражает целостность, поэтому его невозможно структурировать, он существует только как единство форм движения. Не восприняв источник, невозможно понять действительное развитие, которое сберегает источник, сохраняет целостность. Определив источник развития, можно обозначить действительное развитие, отделить его от разрушающего целостность образования новых форм. Выделение источника из многообразия форм представляет не обобщение, а проникновение в природу развития. Официальная наука исследует формы, открывает законы трансформации, однако великие мыслители стремились к раскрытию источника и природы развития. Именно об этой непередаваемой словом истине тоскуют их сомневающиеся души.

Действительное развитие страны, конечно, должно соответствовать природе народного духа, способствовать его духовной мощи. Источник такого развития, конечно, связан с жизнедеятельностью народа, с *целесообразной* чувственно-практической хозяйственной деятельностью. Однако, планируя будущее России, на подобные мудрствования внимания не обращают, а говорят об экономическом прогрессе. Он представляется действительным, истинным развитием, а рост материального благосостояния — синонимом человеческого счастья. Прогресс видят в новых технологиях, а будущее представляется новой цивилизацией, порожденной инновационной экономикой. Между тем природа этой экономики покрыта тайной. Созидательное разрушение, присущее инновационной экономике, все больше походит на разрушение по существу, осуществляемое посредством новых технологий, инноваций.

Уважаемый читатель не задумывался, почему взрослеющий человек официально не получает новое имя? — Ведь он становится другим,

совсем не похожим на себя прежнего. Да и бюрократам хорошо — плати деньги за документы на новое имя. — Так нет, от рождения до смерти, и даже потом — в памяти людей, носить человеку старое имя, не переносить. И это правильно! Людям важен жизненный путь человека, а не только внешние изменения.

Совсем иначе обстоят дела в современной экономической науке, когда речь заходит об экономике. Порой складывается ощущение, что даже прыща, вскочившего на экономическом лице, достаточно для переименования этого лица. Вот, например, инновационная экономика. Современная экономика инновационна! Создается впечатление, что раньше или инноваций не было, или они такой роли не играли. Попробуем не поверить, и рассмотрим, например, инновации XVIII в. В 1768 г. в Англии была создана первая механическая прядильная машина Аркрайта, а в 1786 г. Картрайт изобрел механический ткацкий станок. Подведем краткий итог внедрения этих изобретений вслед за Розой Люксембург, которая и рассказала эту поучительную историю [1, 36 — 40]. Внедрение изобретений привело к расцвету торговли африканскими рабами на юге США, обеспечивавшем инновационные отрасли промышленности сырьем, а затем к Гражданской войне в этой стране. В Индии инновации вызвали замещение рисовых полей хлопковыми плантациями, приведшее к голодной смерти более миллиона человек. В Египте они привели к хлопковой авантюре, развалившей крестьянские хозяйства, и к оккупации страны английскими войсками и т. д. За 140 лет две инновации XVIII в. на пяти частях света изменили судьбы миллионов людей в разных странах. Это была настоящая *реальная глобализация, основанная на инновациях в центре этой глобализации*. Глобализующую миры экономику вскоре назвали *капиталистической*.

Многим кажется, что современная экономика иная, поскольку основана на знаниях, на квалифицированной умственной работе в офисах и т. д. Да и капитал в ней другой — *человеческий*, почти ручной, белый, пушистый, если что и развивающий, то только потенциал человека. Так ведь и та экономика основывалась на знаниях и умственной работе определенного круга людей, способствовала их благосостоянию, хотя «узкий слой этих людей, страшно далеки они от народа» — от тех, кто подобно африканским рабам помимо своей воли вовлекался в экономическую капиталистическую глобализацию. К сожалению, экономический прогресс и рост благосостояния всегда требовали жертв. Так и шло развитие капиталистического производства: создавались и освобождались колонии, менялся образ жизни людей. «Узкий слой» разросся до «золотого миллиарда», и население целых стран связало свою судьбу со службой Капиталу, получая от этого дивиден-

ды. Между экономическим центром, глобализирующим миры посредством новых знаний и инноваций, и территориями, подвергаемыми глобализации, продолжается капиталистическое перераспределение доходов, стимулирующее рост производительности.

Современная инновационная экономика — это все та же экономика, порожденная движением Капитала, только повзрослевшая, из шустро сорванца превратившаяся в солидного стареющего джентльмена. Внешние изменения не должны вводить в заблуждение, те же периодические кризисы каждый раз подтверждают, что из средства удовлетворения общечеловеческих потребностей экономика превратилась в самоцель. Это значит, что глобальная экономика порождена Капиталом, господствующей силой, формирующей потребности, мотивы и интересы в соответствии со своей природой.

Осознавая недостаточность любой самой современной и самой инновационной экономики, русские мыслители вновь приходят к спасительной идее хозяйства. При этом, как правило, экономику сводят к экономическим отношениям — возмездным отношениям или, по существу, эквивалентным отношениям обмена. Это предполагает их дополнение отношениями, необходимыми для *жизнедеятельности*, хозяйственными отношениями. В отличие от экономических отношений, хозяйственные отношения рассматриваются широко, включают все сферы жизни. Однако при таком подходе экономика и хозяйство едины, экономика дополняется хозяйством, и никакого антагонизма между ними нет. Они сосуществуют как близнецы-братья, а ощущаемый в нашей жизни антагонизм видится в чем-то другом, например, в противостоянии России и Запада, или русской мысли и экономикса и т. п.

Рассуждая об универсальности экономики, эрудированный экономист обязательно обратится к Аристотелю. У него экономика прямо не связана с денежными отношениями, изучаемыми хрематистикой. Экономике Аристотеля многие понимают как натуральное хозяйство. В связи с этим не понятно, зачем нужно понятие *хозяйство*, достаточно экономики в широком смысле. Тем более что *хозяйство* существует только в русской мысли, а поскольку наука наднациональна, оно кажется литературным излишеством.

Постараемся выяснить, что *хозяйство* выражает такое, чего нет в экономике, даже в ее Аристотелевском понимании. У Аристотеля речь идет об экономии в доме рабовладельца, внутри дома. Изучением связей с природой, со средой обитания, по мнению древнегреческих ученых, должна заниматься не экономика, а другая наука, которая в наше время называется экологией. Экономика у Аристотеля существует отдельно от экологии, и в этом видится коренное различие экономики и хозяйства. Хозяйство выражает как раз единство с природой. Оно

осуществляется на территории и не сводится к домоводству. Хозяйство предполагает любовь к земле, единство с природой, территорией, на которой происходит хозяйствование. Если же речь идет о домашнем хозяйстве, то не только в доме, но и на территории вокруг дома. И эта территория широка, поскольку хозяйствование по своей сути является безотходным, экологичным. Экономика же включает деятельность, отчужденную от природы, от земли, и поэтому создает экологические проблемы и экологию как науку — со своим предметом. В существовании экономики и экологии выражена противоположность экономики и хозяйства.

Типичным примером хозяйства в России было общинное крестьянское хозяйство. Единство с природой выражается в восприятии человеком территории хозяйства как Родины, как места, где у человека *рождается* душа. Человек в хозяйстве ощущает на уровне подкорки, что земля наделяет его душой, и иначе относится к природе. Только у отчужденного от земли человека возникает мысль, что не стоит ждать милостей от природы, а необходимо взять все знанием и силой, инновациями. Родина в сознании такого человека отделена от природы и сводится к отношениям людей, становится, например, социалистической родиной. Патриотизм как любовь к родине в отчужденном от природы сознании становится средством, идеологией, орудием борьбы.

Основоположник философии хозяйства С.Н. Булгаков ясно признавал, что главная проблема современности, проблема, не решаемая экономикой, это проблема «о человеке в природе и о природе в человеке». В напутствие к «Философии хозяйства», «как выражение пафоса и устремления» этой книги, он привел пророческие слова из «Бесов» Ф.М. Достоевского: «Богородица — великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость». Любовью к родной земле пронизана вся философия хозяйства Булгакова. Поэтому хозяйство не сводится к отношениям между людьми — как, собственно, и экономика, поскольку в основание экономики положено отчуждение от природы, необходимо рассматривать также природу в человеке и его связь с природой.

В русском языке точно выражено различие деятельности человека в хозяйстве и в экономике, хотя русская мысль не обращает на это должного внимания. Что человек делает в хозяйстве? Например, в крестьянском хозяйстве? — Он создает семью, строит дом, растит детей; он трудится на земле: выращивает хлеб, собирает урожай, ведет хозяйство. Во всем видна созидательная сущность различных видов труда, соединенных в единое целое — хозяйство, стержнем чего является родовая жизнь человека. А как человек действует в экономике? — Он

производит — т. е. за что-то более важное *изводит* прежде всего себя. — Существует заблуждение, что *производство и труд близкие понятия*. В действительности в хозяйстве человек трудился, созидал, но *не производил*, а производство развивается только с отчуждением от природы, в экономике, и связано с отчуждением человека от труда, его превращением в работу, в средство существования. Производит, работает не только человек — машины, силы природы также производят, а в инновационной экономике даже больше человека.

Атрибутом процесса труда является целесообразность, которая связывает труд с родовой жизнью в хозяйстве. Целесообразность труда совмещает удовлетворение действительных потребностей посредством создания орудий труда с развитием духовного богатства, жизненного потенциала человека. Целесообразность труда *естественна*, она не является продуктом абстрактного сознания, обособленного от чувственно-практической деятельности. Функции сознания рождаются в труде как целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности, вплетены в нее, поэтому они развивают духовный мир человека, а не ограничивают его абстрактными догмами. В силу целесообразности многообразия видов труда в хозяйстве человеческий род развивался.

Понимание природы труда осложнено отождествлением процесса труда с его моментом. Под трудом обычно понимают воздействие орудия труда на предмет. Однако в действительности это только момент труда, работа. Трудом же является целесообразная деятельность в хозяйстве, например, строительство дома с целью создания семьи, рождения и воспитания детей. Трудом является также одомашнивание животных, которые были главными орудиями труда в хозяйстве, выведение культурных растений, выращивание урожая и т. п. Занимаясь трудом, человек, конечно, воздействует орудием на предмет. Эти действия и принято ошибочно считать трудом, хотя в действительности они являются лишь его моментом, работой.

Отождествление труда с работой укрепилось потому, что в экономике моменты труда приобрели самостоятельность в результате *разделения труда*, а наемный работник только работает. Важность разделения труда для прогресса экономики отметил Адам Смит. Его исследование о природе экономического богатства начинается главой о разделении труда. Понимание разделения труда и сегодня определяет характеристика Смита, который утверждал, что величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с которыми он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда. Смит анализировал мануфактуру, где процесс труда был *разделен* на опера-

ции, что буквально и означает «разделение труда». Специализация работников на операциях явилась важнейшим средством повышения производительности. Смит отмечал *глубину* разделения труда, но не отделил основанного на разложении хозяйства разделения труда, порождающего специализацию человека, от образования новых видов труда как целесообразной чувственно-практической деятельности в хозяйстве. В действительности *разделение труда*, что следует из самого сочетания слов, ведет к разрушению целесообразности труда для человека, разложению труда на умственную или физическую работу. Труд, который в хозяйстве был главной жизненной потребностью, соответствующей природе человека, в мануфактуре оформился в работу как средство существования. Совершался многогранный всесторонний процесс отчуждения труда от человека, разрушения хозяйства как источника, разрушение его высшего смысла, философии.

Труд как чувственно-практическая целесообразная хозяйственная деятельность, связанная с производством орудий труда, был *действительным источником* развития человеческого вида и главной потребностью человека, соответствующей человеческой природе, создающей духовный мир человека. Труд в хозяйстве соединял человека с природой, которую Маркс назвал «неорганическим телом человека». Отчуждение от природы, порождающее экономику, разрушает связь человека с его неорганическим телом, с его землей, Родиной и имеет для души человека необратимые последствия.

Труд не является просто источником материальных благ, наподобие производства. Отчуждение от труда, изменения в его целесообразности разрушают человеческую душу, его родовую сущность. При анализе природы любой экономики следует, прежде всего, учесть особую роль изменений в процессе труда. Разделение труда в мануфактуре привело к появлению совокупного работника, волю и сознание которого выражал владелец мануфактуры — капиталист. Возникла *капиталистическая кооперация*. В развивающемся таким образом капиталистическом способе производства каждый работник подчинен совокупному работнику и капиталисту как неотъемлемой его части. Возник основанный на разрушении целесообразности труда новый феномен — капитал. В капиталистической кооперации деятельность приобретает *экономическую целесообразность*, основанную на абсолютизации роста производительности. Хозяйство как источник духовного развития человека, стало жертвой роста производительности труда, чувственно-практическая деятельность человека превратилась в средство существования, в работу, которую лучше человека выполняют машины.

Трактовка Смитом разделения труда как естественного явления, не связанного с капиталом, смешивание им разделения труда и сложной кооперации, отождествление труда и работы отразились в современном признании разделения труда как естественного явления, соответствующего природе человека. Хотя именно общественное разделение труда привело к разрушению хозяйства и развитию капиталистической экономики.

В *капиталистической* кооперации целесообразность труда исчезла. Работа не является чувственно-практической хозяйственной деятельностью, развивающей духовный мир человека сообразно его природе. Возникает иная целесообразность производственной деятельности — *экономическая*, абсолютизирующая рост производительности. Возникает цель, сообразная с ростом экономической эффективности производства, прибыли. Некоторые моменты труда *распределены* между работниками, другие — между работниками и предпринимателями.

Разделение труда резко увеличило производительность, но разрушило хозяйственную целесообразность, превратило деятельность человека в работу, в средство существования, укрепило *отчуждение труда от человека*. Процесс индустриализации усилил взаимосвязь и взаимообусловленность отчуждения и разделения труда, завершилось разрушение действительного источника развития человека, традиционного жизненного уклада народа.

Процесс разложения хозяйства и отчуждения труда развивался одновременно во многих взаимосвязанных направлениях. Природа как естественное тело человека, как среда, в которой человек хозяйствовал и поэтому жил, отчуждается от него. Продукт труда превратился в отчужденный от людей товар, производимый для продажи. Натуральное хозяйство превратилось в капиталистическую экономику. Индустриализация разрушила окружающую человека природу, его неорганическое тело. Разрушение единства с природой проявляется в росте городов, появлении неосваиваемых отходов, изменении жизненной среды, нарастании экологических противоречий и угрозе экологических катастроф. Отчуждение труда, превращение жизнедеятельности в работу породили отчуждение человека от народа, его обездушивание. Разрушились родовые связи и патриархальная семья, хозяйствование которой обеспечивало развитие человека. Разрушение родовых связей выразилось в появлении зависимости человека от чуждых ему традиций патриархальной семьи и народа и последующего освобождения от них. Это привело к утрате человеком совести, падению нравственности и изменению государства, обретению человеком демократических прав и свобод.

В экономической теории отчуждение выразилось в появлении «экономического человека», являющегося изолированным центром принятия рациональных решений в экономике, свободных от нравственности. Именно отчуждение играет решающую роль в присвоении экономическим человеком имущества и возникновении собственности. В условиях отчуждения экономический человек, присваивая товары, становится их собственником. На базе отчуждения возникает феномен собственности.

Разделение труда разрушает духовную природу человека, его внутреннее единство с народом и родом, поскольку деятельность человека утратила целесообразность, превратилась в работу. В результате специфического профессионального характера своей деятельности промышленные рабочие порождают всестороннее отчуждение. Сущность данного процесса — как *отчуждения* — выражается, с одной стороны, в *освобождении* работника от личной зависимости, в освобождении общества от подчинения силам природы в результате развития производительности капиталистического способа производства; с другой — в подчинении общества *капиталу*, естественному продукту общественного разделения труда. Капитал господствует через создаваемую систему общественного разделения труда над каждым человеком и разрушает его духовный мир, совесть и нравственность. Развитие капитала является продуктом разрушения хозяйства, разложения действительного источника развития, и разделения труда.

Хозяйство как симбиоз видов труда создало духовный мир человека. Разложение хозяйства в результате отчуждения от природы разрушает человека. Экономика основана на отчуждении человека от природы и от самого себя и порождает силы, господствующие над человеком. Капиталистическая сущность экономики проявляется в ее воздействии на душу человека. Только кажется, что рост благосостояния принципиально изменил природу современной инновационной экономики. Любая самая современная экономика по своей природе лишь капиталистическая экономика, поскольку экономический прогресс порождает разрушение человеческой природы. В производстве человек изводит себя ради вещественного богатства, изводит свою «бессмертную душу». Русские пока еще не говорят: человек производит детей, производит семью, производит хлеб, производит сад; мы говорим «человек создает или выращивает», и в этом выражается глубокий внутренний смысл, проявляется антагонизм между хозяйством и экономикой в их воздействии на человеческую душу. Деятельность человека в хозяйстве хоть и трудна — душа обязана трудиться — но не изводит человека, поскольку человек живет трудом в единстве с при-

родой и народом, в мире со своей душой. Живет так, как положено ему жить по его природе. Хозяйство создает человека.

Различная природа деятельности людей порождает и различие отношений между ними. В хозяйстве люди связаны родовыми связями, общей Родиной и образуют не только общину, не столько общество, сколько народ. В любой экономике люди образуют общество отчужденных людей, гражданское общество. Отчуждение от природы приводит к образованию городов, антиприродных образований, а горожане становятся гражданами. Гражданское общество и народ также антагонистичны по своему воздействию на человеческую душу, как экономика и хозяйство. Как учит история, гражданское общество является последней стадией жизни народа. Достаточно посмотреть на этапы жизни народов Древней Греции или Древнего Рима. Гражданское общество утрачивает духовную мощь, и цивилизация не может противостоять варварам. В городах дух народа умирает, народ превращается в демос, в социум. Рождается атеизм. При этом все усиленно ищут бога вне себя, задают странный вопрос: есть ли Бог? Сомнения преодолеваются волевым усилием, верой. Но если в Бога надо верить усилием воли, значит объективно, в самом человеке, Бога уже нет.

В экономике человек ищет Бога вне себя, во многом из-за отчуждения от Родины и Народа, отчуждения, порождающего разложение народного духа и человеческой души. Вопрос же о существовании Бога вне народного духа абсурден. В гражданском обществе объективно Бога нет. Непонимание этого выражается в странном вопросе о вере в Бога, хотя обыденному сознанию этот вопрос кажется фундаментальным. Научная формулировка проблемы онтологического существования Бога иная: есть ли Бог в человеке, продолжается ли в нем жизнь народа. А это объективно, и определяет субъективное восприятие человеком окружающего мира, его знание истины.

Отчуждение от природы, переход к городскому образу жизни, подрывает дух народа, нарушает его нормальное развитие. Анализ процесса отчуждения и разделения труда и разложения хозяйства дает объективный научный ответ на вопрос, который нерационально сводится только к вере. Философия хозяйства, как полагал С.Н. Булгаков, должна рационально отвечать на вопрос о рождении в человеке души, об онтологическом существовании Бога. Для человека величайшая радость, если у него есть сырая земля, если он может на ней хозяйствовать, поскольку эта сырая земля, природа — Родина, которая рождает в человеке Божью душу, является Богородицей.

Судьба России связана с хозяйством и его философией. Философия хозяйства в том, что в хозяйстве у человека рождается душа. По воздействию на человека хозяйство принципиально отличается от эконо-

мики, самой что ни на есть постиндустриальной и инновационной, поэтому хозяйство и обладает философией, высшим духовным смыслом.

Литература

1. Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М.; Л., 1931.

А.А. АКИНИН, А.А. ШЕВЕЛЕВ

Россия на пороге социохозяйственных перемен: проблема экономического развития и модернизационный дискурс

Надо понять, прочувствовать всю сложность наших проблем. Откровенно обсудить их, чтобы действовать. В конце концов не сырьевые биржи должны вершить судьбу России, а наше собственное представление о себе, о нашей истории и о нашем будущем.

Д.А. Медведев. Россия, вперед!

Аннотация. В статье дается обобщенная характеристика качества, результативности и концептуальной обоснованности экономической политики, проводимой в современной России. Критически оценивается модернизационный потенциал российской элиты, ее способность выступить консолидированным и эффективным субъектом контррегрессивной политики развития. Формулируются идеологические, политические и институциональные условия радикальной модернизации, способной реализовать сценарий структурной трансформации национального хозяйства, формирования «знаниеемкой» экономики.

Ключевые слова: кризисная элита, финансомика, экономическая модернизация, Большой проект, структурно-институциональный разворот, стратегии «новой индустриализации» и постиндустриальной модернизации, модернизационный прорыв.

Abstract. This article provides a general characteristic of quality, efficiency and conceptual assurance of economic policy, pursued in modern Russia. Modernization potential of Russian elite and its ability to act as a

consolidated and effective subject of contraregressive policy are being critically evaluated. The authors formulate ideological, political and institutional terms of radical modernization, which is able to implement scenario of structural transformation of national economy and formation of “knowledge-consuming” economy.

Keywords: crisis elite, financial modernization, Big Project, structural institutional turn, strategy of “new industrialization” and postindustrial modernization, modernization breakout.

Кризис накопленной некомпетентности

Система «финансового турбокапитализма», или «всемирного казино», перестает соответствовать реалиям современного мира, все более взаимосвязанного, но в то же время раздираемого острейшими противоречиями. США вступают в постимперскую фазу развития, продолжая использовать все те же инструменты — эмиссию доллара и эскалацию совокупного долга страны, сопоставимого уже с мировым ВВП. Вброс дешевой ликвидности ведущими государствами мира для оживления западной экономики спровоцировал «пир во время чумы» — спекулятивную горячку и сверхприбыли крупнейших транснациональных банков. Суть структурного мирового кризиса, начавшегося в 2007 — 2008 гг., — самоликвидация (сначала в ментальном отношении и в форме частичной модификации) одностороннего доминирования американской империи на базе эмиссионно-спекулятивно-долгового капитализма. Все более осознается необходимость глобальной альтернативы геофинансовой экономике, историческая неизбежность возникновения новой модели развития — посткапитализма в той или иной форме.

Приходится констатировать, что в конце XX в. Россия, переживая трансформационный кризис, ускоренными темпами интегрировалась в модель глобального либерализма, которая вошла в завершающий этап своей эволюции и в исторической перспективе обречена. По сей день не создав механизмы самодостаточного развития, включая сильные государственные институты, директивное регулирование и устойчивую финансовую систему, которые обеспечили бы модернизацию до предела изношенной «физической экономики» (по примеру Китая), Россия сыграла в чужую игру по навязанным правилам. Открывшись миру, в котором господствуют могущественные, выведенные из-под политического и социального контроля ТНК, она стала чрезмерно уязвимой. Глубина спада в условиях кризиса подтвердила хорошо известный факт — в современной финансомике Россия выступает ведомым аутсайдером [1, 5 — 18] (деньги здесь — не что иное, как самый совершенный вид ценных бумаг) [2, 293] и не прилагает должных усилий

для модернизационных преобразований архаичной структуры хозяйства (с 1995 по 2008 г. происходило углубление монокультурной специализации).

Результатом псевдолиберальных реформ, а по сути дела, регрессивной (инволюционной) трансформации стали утверждение системы рентного капитализма, обогащение ничтожного меньшинства за счет подавляющего большинства (в стране 5% населения присваивает одну треть национального дохода). «Рублевское сообщество» — зримое воплощение духа стяжательства «свободного рынка». В предкризисный период половина самодельного населения России не делала сбережений, лишь 2% инвестировало в развитие собственного бизнеса, 4% — в собственное жилье, в том числе 2% за счет ипотеки. Пресловутый «потребительский бум» в значительной мере был обусловлен инфляционными ожиданиями, стремлением потратить деньги, пока они не обесценились.

Причинами инфляции в нашей стране были и остаются недостаточность предложения отечественных товаров и узость внутренних рынков, недоинвестирование в создание новых рабочих мест в корпоративном секторе, из которого в настоящее время выталкиваются работники, пополняющие армию безработных и неформальный сектор (еще в 2007 г. он составлял 28% в общей занятости). Иными словами, главная причина инфляции в России — не избыточное предложение денег в экономике, а недостаточность инвестиций в основной капитал, изношенность которого не позволяет выпускать конкурентоспособную продукцию и генерирует инфляцию издержек. Последняя поддерживается также доминированием на рынках естественных и искусственных монополий. Результатом такого положения вещей были и остаются несформированность конкурентной среды и ограниченность внутреннего спроса на инновационную продукцию. В последние годы Россия закупала нового оборудования в 3 раза меньше Индии и в 25 раз меньше Китая (на 600 млн дол. в 2007 г.).

За последние годы утвердился своего рода «самоедская» модель симулятивного развития, выводящая экспортные доходы из экономики, искусственно ограничивающая все элементы экономической динамики: предложение денег, внутренние инвестиции, товарные предложение и спрос. С начала текущего столетия реализовывался инерционный сценарий экономической политики, результатом которого стало не улучшение, а ухудшение структуры хозяйства (еще больше повысилась роль торгово- и административно-посреднической сферы трансакционного сектора), надувание виртуального «пузыря» фондового рынка, не выполняющего ни одной своей базовой функции, кроме расширения «спекулятивных пузырей» на другие секторы

экономики¹², усугубляющаяся технологическая деградация отраслей (особенно в электроэнергетике).

Неустойчивость и тупиковость данной экономической модели связаны с односторонней экспортно-сырьевой структурой экономики, зависимостью от импорта потребительских и инвестиционных товаров (утратой собственных производств), обремененностью корпоративного сектора внешними заимствованиями, слабостью финансовой сферы, неразвитостью рефинансирования, перегруженностью банков «плохими» долгами, и, наконец, так и не преодоленной ортодоксально-либеральной политикой, нацеленной на борьбу с инфляцией исключительно монетарными методами. Подобные условия не способствовали формированию предпосылок для активизации государства в проведении структурного разворота (эффективной промполитики). Если добавить к этому крайне низкую по результативности политику в области поддержки инновационного сектора (высоких наукоемких технологий), вообще крайне слабое стимулирование несырьевой, «умной» экономики¹³, то картина становится вполне определенной.

Финансово-экономический кризис лишь обнажил структурные диспропорции российского хозяйства, его чрезмерную зависимость от экспорта сырьевых ресурсов, ущербность проводимой макроэкономической политики в отношении реального «поля производства». Глубина «кризиса производства» в нашей экономике превзошла отметки 1998 г. и была характерна показателям начала 1990-х.

При текущем кризисе наблюдается опять-таки инерционный сценарий антикризисной политики, «завязанный» на ожидание восстановления мировой экономической конъюнктуры, а не на разработку и последующее проведение структурных реформ. Антикризисные действия власти свелись к денежной накачке крупнейших банков и масштабной поддержке олигархических структур (оффшорных бенефициаров), теперь паразитирующих не только на денежных потоках от ведения бизнеса, но и на государственных финансовых ресурсах. Получив под солидарные с кредитором гарантии государства гигантские суммы, заемщики не брали на себя, впрочем, как и госбанки, кредитные риски, вообще никаких рациональных обязательств: ценовых, инвестиционных, антиспекулятивных. Явным стало единство интересов собственников-банкротов и высшего слоя политического класса, оффшорного

¹² «Дно кризиса будет растянуто. После некоторого улучшения мы видим, что не все пузыри сдулись» (А. Кудрин [3, 2]).

¹³ При каких фундаментальных условиях только и возможно массовое инновационное предпринимательство показано проф. Л.С. Бляхманом в работе [4, 23 — 34].

бизнеса и бюрократии. Поддержка олигархов, а не рядовых налогоплательщиков и представителей продуктивного предпринимательства — таковы главный приоритет государства и выражение его социальной сути. По остроумному замечанию Т. Гуровой и М. Рубченко — «это такая форма экономически целесообразной консолидации элиты» [5, 51]. Однако следовало бы добавить, что у этой формы есть название — «национализация убытков» (при сохранении прежней принадлежности активов крупных компаний).

Все это только усиливает рассогласованность государственной бюджетной политики с содержательными целями социально-экономического развития страны. В таких условиях расходы государства перестают генерировать доходы. Одновременно будут повышаться налоги на бизнес, объекты потребительского назначения. Неизбежными становятся продажа накопленных резервов и возобновление государственных заимствований на долговых рынках и, возможно, дальнейшая коммерциализация бюджетной сферы.

Ключевым элементом российского кризиса стал явный дефицит эффективных управленческих решений антиреcessionной направленности. Проявлениями «провалов» субъективного регулирования явились: недооценка уязвимости выбранной докризисной модели экономического развития; неспособность сформулировать более или менее реалистичную (основанную на социокультурных сценариях) стратегию экономического развития (востребованность последней на фоне благоприятной мировой конъюнктуры была недопустимо низкой)¹⁴ из

¹⁴ «...Решая стоящие перед нами задачи и используя при этом все самое современное, все самое новое... мы, вместе с тем, должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем 1000-летнюю свою историю. Только в этом случае мы сможем правильно определять ориентиры развития страны. И только в этом случае нас ждет успех» (Из обращения президента РФ В. Путина к Федеральному Собранию. 27 апреля 2007 г.). См. также [6]. По сути речь идет о мотивационно-ценностном уровне экономики, управляемым культурной подсистемой общества. Именно в последней вырабатываются духовная программа и внутренняя философия, которые и определяют в конечном счете логику социально-экономического развития каждой страны. С высоты этой позиции становится более очевидным, что новейшая капиталистическая трансформация России — это скорее не экономическая, а социокультурная проблема. Весь вопрос в том, как эта трансформация воплотится в жизнь, удачно или нет. Или совсем особым образом, «когда формально цели представляются достигнутыми, но по существу воплощены не они сами, а их превращенные формы». Таким образом, вводится не только понятие *удачи и неудачи в истории*, но и формулируется «худший вид неудачи: внешне как будто удача, а по существу — *катаст-*

невной формы интеллектуальной беспомощности превратилась в институциональную проблему, отсюда — не востребованность разработок государственного управленческого проектирования; слабость государственного понуждения в деле целенаправленного формирования субъективных предпосылок (например, эффекта амплификации политических целей и установок прежде всего в привилегированных слоях общества; государственных функций целеполагания и программирования развития; национально ориентированной концепции институциональных реформ) для возникновения внутренних источников или драйверов роста и последующего посткризисного развития; организационная немощь и волюнтаризм, игнорирующие мировой опыт и лучшие современные практики и консервирующие нездоровую (где-то агрессивную, где-то разряженную) институциональную среду¹⁵; снижение силы здравого прагматизма в экономической политике [9, 15].

Особо подчеркнем, что проблема не в отсутствии внятности и системности антикризисной политики (даже с учетом «массированной социальной фокусировки мер правительства» и восстановления принципа сбалансированности доходов и расходов бюджета с формированием последних на основе программно-целевого подхода), а в *отсутствии системной государственной программы развития и организации своего национального хозяйства*. В этом смысле даже период «тучных лет» в значительной мере потерян как для России в целом, так и для потенциально конкурентоспособных отраслей и сфер народнохозяйственного комплекса (сельского хозяйства, освоения космоса, авиации и судостроения, ВПК, развития транспортной инфраструктуры, здравоохранения, науки и образования)¹⁶.

Структурный в своей основе кризис рентно-сырьевой модели экономики, обострение злокачественного синдрома «приватизации прибылей и национализации убытков», концептуальный тупик, в котором

рофа. Именно в осознании такой ситуации коренится онтология всех антиутопий» [7, 256].

¹⁵ Подсистемы рыночной экономики взаимосвязаны и дополняют друг друга. Поэтому беспочвенны попытки, как отмечал М.И. Кротов, сконструировать устойчивую экономическую систему на основе согласования элементов, произвольно подобранных из разных национальных систем. Россия, адаптируя передовой мировой опыт, в том числе опыт преодоления кризиса, должна учитывать это обстоятельство [8, 15].

¹⁶ Кризис вынудил высшую власть отказаться от порочного слогана «Россия — тихая гавань» и вспомнить напутствие У. Черчилля будущим политикам: «Какой бы хорошей ни была стратегия, время от времени нужно смотреть на результат». А результат таков: «России нужно движение вперед. Этого движения пока нет. Топчемся на месте» (Д. Медведев «Россия, вперед!»).

оказался мейнстрим экспертного сообщества (концепция системного стратегического планирования пока в разработке), невыраженность политической воли к модернизации экономики и выводу ее на многовекторное инновационное развитие, находящая свое выражение в непрестанной борьбе за влияние различных властных группировок, в неконсолидированности политических элит и утрата правящим классом стимулов к кардинальным переменам — таковы реальные приметы времени, уже не маскируемые с помощью пропагандистского камуфляжа. «Не наши геополитические конкуренты, а мы — да, именно мы выступаем в роли постмодернистских варваров, теребящих труп предшествующего нам технологического и образовательного проекта. За это приходится расплачиваться. Удивительная империя, уничтожающая сама себя последовательно и беспринципно» [10, 17]. Опасность посткризисных сценариев развития в подобном социоэкономическом устройстве, дублирующих старые методы в экономической политике в соединении с чрезмерной открытостью и экспортно-сырьевой экспансией, состоит в том, как бы новый виток «стабилизации» в форме либерального «застоя» не отодвинул реализацию курса на диверсификацию экономики в сторону развития отраслей готовой и особенно наукоемкой продукции. Все это с неизбежностью будет порождать новые угрозы техногенных катастроф и более низкие пороги экономической безопасности страны.

В условиях экономического спада и кредитного коллапса явным становится избыточность госаппарата, все более неэффективного и коррумпированного. Непрозрачность и бесконтрольность организационных структур управления, в том числе и приоритетными проектами, лишь усиливают паразитический характер бюрократического актора, неспособного эффективно создавать для субъектов хозяйственной деятельности приемлемые условия для реализации накопленного знания. А именно это — ключевой фактор такой структурной перестройки хозяйства и экономики, которая открывала бы доступ к получению интеллектуальной ренты, сопоставимой по масштабам (хотя бы 1 к 10) с рентой в топливно-энергетическом комплексе. Без грамотной реструктуризации системы государственного управления и регулирования сделать это невозможно. Глобальный кризис — это одновременно интеллектуальный вызов элитам ведущих национальных государств. Способна ли российская элита дать адекватный ответ на этот вызов?

Элита сырьевой державы: ни идеологии, ни субъектности

Российская элита (с альтиметрических позиций) — это элита сырьевой державы с рентоориентированным стилем поведения. Предметом ее интереса и участия не являются ни фундаментальная наука, ни вы-

сокая культура. Единственный реальный «национальный проект» этой элиты — преумножение ареалов собственного владения с сохранением статуса-кво. Ей глубоко чужда идея цивилизационной, культурно-исторической общности, воспроизводство которой всеми средствами экономической и социальной политики — как главные цель и смысл существования государства российского — по сути, не осознается правящим классом. В соответствии с господствующей в верхах позицией в основе существования единого российского государства лежит перманентный процесс консолидации элит. Консолидация российской элиты возможна только на одной платформе — для сохранения эффективной государственности в пределах существующих границ. Таким образом, на вопрос: в чем состоит наша национальная сверхзадача на обозримую историческую перспективу и в чем соответственно заключается миссия российского государства, власть отвечает кратко и доходчиво: суверенитет (подробнее см.: [11]).

Квазипродукт под названием «суверенная демократия»¹⁷ есть знаковое выражение и идеологическое оформление, во-первых, закрытой модели политического процесса, во-вторых, системы «власти-собственности», в которой произошло сращивание интересов монополий, госкорпораций, частных компаний и бюрократии. Симулякр «суверенной демократии» — это прежде всего словесное прикрытие фактического суверенитета правящей бюрократии, контролирующей так называемую «демократию невежд». Подлинный суверенитет (в единстве трех составляющих — национального, хозяйственного и политического суверенитетов) предполагал бы выдвижение на первый план права коренных народов на достойную жизнь и независимое развитие (в том числе от собственной бюрократии), трансформацию правящего класса из эксплуататорской прослойки и надстройки в функцию национального целого. Экономической базой данной метаморфозы является отход от «строя организованного экономического произвола» к реализации основополагающего принципа «деньги и финансы поставить на службу нации» (Ю.М. Осипов) — как главного субъекта мирового рынка.

Отсутствие прочной мировоззренческой основы, устоявшейся системы базовых ценностей у современной российской элиты — необходимое и достаточное условие неэффективности, а порою и деструк-

¹⁷ Данная политико-правовая конструкция была впервые применена гоминьдановским правительством Тайваня для описания существующей политической системы этого островного государства, характерными чертами которой были демократичность, многопартийность и независимость от континентального однопартийного правительства КНР.

тивности, проводимой политики¹⁸. Дефицит внятных прогнозов, реалистичных программ и прорывных проектов общенационального уровня лишь произведен от декларативно-эклектичного воззренческого набора, микширующего либеральную и государственническую риторику, но не служащего идейной основой для ответственных действий¹⁹. Пресловутый идейный плюрализм прикрывает фактическую безыдейность и прагматику сверхобогащения немногих за счет большинства, которая не нуждается в «больших идеях». Таким образом, без цельного мировоззрения нет ни идеологии развития, ни Большого проекта, задающего образ обновленной России.

¹⁸ «От идолопоклонства занятым идеям, — писал сто лет назад Д.И. Менделеев, — зависит отсутствие у нас способности уловить действительные и простые нужды страны и народа и действовать в их интересе» [12, 87].

¹⁹ «Идейная позиция Касьянова, — высказал свое мнение как эксперта Г. Павловский, — никогда никому не была известна. Был премьером, выполнял поручения президента. А потом выяснилось, что он абсолютно не уважал тот строй, на который работал». Очень характерная оценка. Мэр г. Москвы (уже бывший) и политик федерального масштаба Ю.М. Лужков более сложный феномен. С одной стороны, он «погружен» в идеологический дискурс (см. его труды: [13; 14], в которых встречаются такие мыслеформы и метафоры: «социальная нищета богатяющей страны», «монетизация прав человека», «реформа отношения к людям», «новая культура социального мира», «культура социального партнерства», «стон земли», «земля и воля» и т. д.). С другой стороны, московское правительство уже не раз подтачивало одно из важнейших условий стабильности сложившегося экономического строя с его переходной структурой общества: цивилизованный оборот земельных ресурсов (противостоит самозахвату и самострою) подменялся примитивным их «огораживанием», которое уже не гарантировало неприкосновенности права для большинства оформить в соответствии с федеральным законодательством либо личный земельный надел в составе имущественного комплекса, либо для строительных компаний (инвесторов) земельный участок под застройку объекта с последующим выводом его на рынок недвижимости. Подобная законодательная безответственность власти за принимаемые ею решения в сфере поземельных отношений ведет не к «капитализму для большинства» (Ю. Лужков), а, наоборот, к декапитализации нашей экономики, к использованию национального богатства в узко корыстных целях. В таких обстоятельствах государство либо теряет возможность (способность?!) позиционировать себя как третьей сторона, гарантирующая соблюдение условий первоначального общественного договора, при котором в принципе выгоды должны получать все, кто принимает его, либо нацеливает свою политику на роспуск властных группировок в экономике или ограничивает их функции (В. Ойкен), тем самым уменьшая балласт коалиции, по факту объединяющей все элиты страны.

В то же самое время представители российского правящего класса действуют, как правило, вполне рационально. И на первом месте — установка на самосохранение и защиту присвоенных богатств («правовое обеспечение частной собственности»), приобретенных во внутривидовой борьбе статусов. Очевидно, что во власть отбираются индивидуумы, способные обеспечить сохранение и воспроизводство элитной прослойки, пусть и лишенной позитивной идеологии, но обладающей личными крупными состояниями. Именно решение этой недекларируемой, но реально значимой задачи также осуществлялось и в первом десятилетии XXI в. Характерно, что именно в эти годыкратно выросла низовая и верховая коррупция, отнюдь не обузданная и в настоящее время. В условиях кризиса масштабная господдержка была оказана как раз частным олигархическим структурам (селективная же поддержка промышленности, ориентированной на внутренний рынок, провалена). Довершает картину весьма прибыльный совместный бизнес (с оффшорной регистрацией) крупных частных компаний и высшего слоя бюрократии. Анализ персонального состава владельцев оффшорных структур (например, нефтетрейдеров) и их личных связей с руководителями госаппарата способен пролить свет на темное закулисное системы «власти-собственности». Реальная политика стала заложницей сформировавшегося государственного устройства — порочного механизма перераспределения, работающего на обогащение избранных, а не благосостояние большинства. Под воздействием этого механизма проступает уже не абрис, а вполне отчетливый образ «праздного класса», являющегося провоцирующей силой коррумпированности в системе властно-экономических отношений и роста криминализации экономики. В экономической сфере уровень коррупции в России сопоставим с бюджетом государства и оценивается в 240 млрд дол. ежегодно [15, 295]. Таким образом, коррупция негативно влияет на имидж страны и ухудшает инвестиционный климат.

По справедливому суждению А. Дугина, в России имеет место не коррумпированное государство, а коррупция, прикинувшаяся государством. Коррупция — это внеэкономическое, с помощью административного или силового ресурса осуществляемое перераспределение доходов и богатства. Поскольку большая часть властных отношений и коммерческих сделок с участием (и при посредничестве) государства построена не на основе закона (сам закон часто коррупциогенен), а на коррупции, постольку это и есть система коррупции в облики государства.

Достаточно очевидно, что для обуздания укорененной в государственном секторе коррупции необходимо не только ужесточение контроля и возможного уголовного преследования чиновников (деклари-

рование доходов, расходов и имущества, оценка успешности и карьерное продвижение в зависимости от результатов, отмена презумпции невиновности, запрет на госслужбу в случае доказанной коррумпированности, введение статьи о незаконно нажитом имуществе, прозрачность текущей деятельности, обеспечиваемая сетевыми ресурсами), но и создание системы «сдержек и противовесов» в государстве: разделения властей, политической конкуренции, активизации профсоюзного движения, независимости судов и средств массовой информации. Результативность практики контроля чиновниками самих себя может быть только отрицательной. Однако к такому контролю и сводится (пока!) вся антикоррупционная политика. Даже при имитации эффективных механизмов противодействия (например, механизмов защиты прав потребителей государственных услуг, формирования достоверных обязательств и угроз, смягчающих проблему блокировки эффективных институциональных изменений, оценок регулирующего воздействия, уже на этапе «состыковки» стимулов снижающих вероятность ошибок в контрактных отношениях и оппортунистического поведения [16]) коррупция может стать тем предельным фактором, который заблокирует перспективы успешной реализации стратегии под названием «модернизация». В «сухом остатке» обнаружится значительный перекос в структуре расходов консолидированного бюджета в ущерб поддержанию рабочего состояния общехозяйственной инфраструктуры, совокупного человеческого капитала и вместе с этим повышенная степень неопределенности в долгосрочных перспективах роста. Подобное состояние экономического организма определяется как глубоко депрессивное.

Таким образом, без системных изменений всей государственной машины, опосредованных реформой госсектора и институциональными реформами вообще, качество властных взаимоотношений так и останется на удручающе низком уровне, модели «государства развития» и «экономики развития» будут представлять лишь академический интерес, а любые модернизационные проекты останутся источником паразитарного присвоения политико-административной ренты, а не эффективного инвестирования в развитие.

Отметим, что умонастроение правящего класса в России характеризуется устойчивым психологическим синдромом — нежеланием учитывать последствия долгосрочных решений, непосредственно связанных со стратегическим выбором путей развития. Одно из возможных объяснений такой «близорукости» заключается в констатации крупных коммерческих интересов правящего слоя, которые лишили его способности к стратегическому прогнозированию и планированию.

Так, локомотивом роста в предкризисный (равно как грядущий посткризисный) период могла бы стать реализация стратегической программы по созданию высокоскоростной магистрали Петербург — Владивосток на базе новой транспортной инфраструктуры, в том числе с целью усиления интермодальных перевозок (с гигантским и долгосрочным мультипликативным эффектом). Вместо этого — затратная и неэффективная затея со строительством спортивных комплексов для проведения зимней олимпиады.

Политика правительства в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке односторонне ориентирована на строительство сверхдорогостоящих и экологически рискованных трубопроводов, а не критически важных также для региона дорог, т. е. на обслуживание в первую очередь экономических интересов Китая, а не собственной национальной экономики. Последняя как раз и нуждается в глобальном взгляде на собственное развитие.

Известные претензии на придание России статуса «энергетической сверхдержавы» во многом необоснованны с точки зрения экономических интересов страны. Вряд ли целесообразно омертвлять огромные средства в строящихся и незагруженных трубопроводах, не разрабатывая новые и труднодоступные месторождения, ограничивая предложение энергоресурсов внутри страны. По оценке В. Маневича, удвоение производства национального дохода предполагает увеличение внутреннего потребления энергоресурсов, металлов и химикатов, как минимум, на 60 — 70%, что невозможно без сокращения сырьевого экспорта, которое позволит насытить внутренний рынок сырьем и топливом, обеспечить обрабатывающую промышленность первичными ресурсами по низким (относительно мировых) ценам. Такой разворот политики в сторону интересов национальной экономики повысит ее конкурентоспособность, рентабельность и инвестиционную привлекательность [17, 218 — 219].

В то же время, при ориентации только на «трубы, а не на дороги» неконкурентной отрасли дорожного строительства удалось построить в 2008 г. 2300 км автодорог (из них лишь 1 тыс. км федеральных трасс), при том что с 1995 по 2008 г. протяженность авто- и железнодорожной сети почти не увеличилась. Для сравнения — в Китае за последние пять лет было построено 480000 км автомобильных дорог и 19000 км железнодорожного полотна. Поразителен тот факт, что 1 км четырехполосной автострады обходится в Китае в 2,9 млн дол., в Бразилии — 3,6 млн, а в России — 12,9 млн. 1 км дороги Адлер — Красная Поляна у нас стоит 140 млн дол., для Западного скоростного диаметра Санкт-Петербурга 1 км обходится в 142 млн дол., для четвертого кольца Москвы — около 400 млн за 1 км [18]. Как говорится, по сом-

ments! Общие потери экономики России от плохого состояния дорог, по некоторым оценкам, приближаются к 2 трлн р. ежегодно [19, 21].

Далее, призывы к созданию инновационной экономики сопровождаются по меньшей мере спорными реформациями в общеобразовательной и высшей школе. Общим местом стало утверждение, что ЕГЭ снижает уровень коррупции при поступлении абитуриентов в вузы. Однако гораздо более значимо то обстоятельство, что система единого экзамена ощутимо снижает уровень и качество обучения в общеобразовательной школе, отнюдь не способствуя формированию цельных и самостоятельно мыслящих личностей, столь востребованных экономикой знаний и инноваций. Кроме того, взяткоемкость процесса оценки уровня знаний выпускников (существенно выросла цена часа подготовки к ЕГЭ в школе у репетиторов) и зачисления в вузы вряд ли значительно уменьшилась, обусловленная теперь всеобщей неразберихой и произволом чиновников [20].

Значительные финансовые ресурсы были потрачены не на сколько-нибудь существенное повышение уровня жизни, престижа и социального статуса научно-педагогических кадров, а на внедрение унифицированной (но не обеспеченной качественными стандартами) системы оценки знаний, не совместимой с элитарным (и индивидуализированным) высшим образованием.

Перечень ложных стратегических решений и упущенных альтернативных возможностей можно было бы продолжить. Однако в этом нет необходимости, так как понятно, что речь идет не об очередных «ошибках» или «просчетах», а о системном результате снижения качества и дееспособности правящей элиты, которая не только не способна выступить «контррегрессивным субъектом модернизации» (С. Кургинян), но, напротив, является мощным прокризисным фактором. Изошренная и непубличная политика «разводок» и «распилов» с бюрократической псевдологикой принятия решений по ключевым вопросам не может обрести качество искусства невозможного. Последнее соответствует такому методологическому принципу прогноза как «будь практичным, но ожидай невозможного». И это вполне объяснимо, поскольку реальные политические (а не «карнавальные») деятели в России — суть персонификации бюрократической системы, в которой власть, собственность, теневые механизмы господства сращены друг с другом и не способны породить спрос на мастерство публичной и эффективной политики в интересах большинства. Не случайно говорят о «государстве благих намерений», в котором произошла подмена реальной политики упражнениями в прекраснориторике.

Если отбросить иллюзорные возможности, то ситуация в России изменится только при росте национального самосознания, возникно-

вении политической силы, которая будет способна выразить интересы «немногого большинства», равно как и креативного меньшинства, и выдвинуть *лидера*, не имитирующего и симулирующего структурные реформы, а ответственно определяющего цели, создающего смыслы и реализующего национальную стратегическую программу развития, в которой приоритетность отдается не модернизационным сдвигам как таковым, а проведению качественных изменений в общественно-экономическом устройстве, сохранению преобразенческого потенциала в ходе развития, исключая его узкую ориентацию на экономический рост (механическое увеличение количественных показателей).

Такова альтернативная возможность смены нежизнеспособной системы перманентного регресса на такую модель динамичного развития, которая будет приспособлена к конкретным условиям, объективным и субъективным ограничителям и историческим традициям.

Модернизационный прорыв или необратимый регресс?

Императивным требованием времени является экономическая модернизация России, элементами которой не могут не быть соответствующие институциональные и структурные преобразования, создающие условия для возникновения конкурентной экономики и эффективной системы госуправления. Сверхмонополизированная экономика в сочетании с административным прессингом и избыточной коррупционной составляющей не имеет перспектив.

Модернизация как преобразовательный феномен есть комплексный процесс структурной перестройки и создания качественно «другой» экономики²⁰, производящей конкурентоспособную — как на внутренних, так для внешних рынков — продукцию высоких переделов (в том числе науко- и техноемкие готовые изделия и их компоненты). Она должна быть направлена в первую очередь на реиндустриализацию страны и возрождение ее социально-экономического потенциала. Полагать, что структурно-институциональный разворот экономики России в фазу постиндустриального развития практически возможен через продолжающееся разрушение исторически сложившегося индустриального комплекса, значит не понимать, что «так мы получим не по-

²⁰ «Другое» — это и есть «особенное», но как «вещь в себе», в силу разных причин — от познавательной до хозяйственной — не реализовавшееся в достаточной мере в собственной и эффективно функционирующей системе плано-рыночного хозяйства, максимально приспособленной к российским условиям и благоприятной для постиндустриального типа производства (подробнее см: [21]).

стиндустриальную, а доиндустриальную экономику» [22, 713]. Напротив, только на индустриальный каркас с новой технико-технологической основой будет возможно «насадить» инновационный контур «верхних этажей» экономики. От псевдостабильности и деградации, кризисного спада и разрушения национального имущественного комплекса (модели «ликвидархата») к *новой парадигме управления национальным богатством*²¹, от институциональной каталлактики (Ф. фон Хайек) к *новому способу регуляции рыночных структур*²², к *инвентаризации научно-технического и производственного потенциала, к созданию институциональных условий жизнеспособного способа развития и прорывной модернизации хозяйства*²³, политическая составляющая которых не будет жертвовать ни свободой, ни справедливостью как неотъемлемыми ценностями общества — *единственно приемлемый путь обеспечения коренных «перемен к лучшему»* [26, 69 — 76] в эпоху перелома (1992 — 2017 гг.), т. е. в течение активной жизни одного поколения людей (так называемый *длинноволновый полужикл*). В этой связи даже призыв к эволюционному (на политическом сленге «консервативному») варианту модернизации (что, по сути, предполагает ее «догоняющий» характер) «при отказе от иллюзий быстрого развития» [27] фактически работает на деморализацию актив-

²¹ «Сделать так, чтобы частные интересы вынуждены были отступить перед общественными интересами, чтобы важнейшие ресурсы, составляющие основу национального богатства, осваивались и использовались ради всеобщего блага» (де Голль, цит. по: [23]). Это возможно только посредством усиления государственного активизма, сдвигающего «центр тяжести» институциональных структур, обслуживающих олигархически-сырьевой кластер, в сторону конкурентного рынка национальных товаров длительного пользования и услуг. Вложения в эти вторичные и третичные отрасли даже во «втором эшелоне» развития капитализма «связаны с новейшими специальными знаниями и технологиями, которыми Россия уже не располагает» [24, 136].

²² Подробнее о классическом и неклассическом варианте формирования рыночной экономики см.: [22, 453 — 455].

²³ Французский экономист Робер Буайе писал в этой связи: «...недостаточно восстановить макроэкономические равновесия и проводить мудрую бюджетную политику, полагая, что таким образом будет гарантирован переход к новому способу регуляции. Не менее важны институциональные условия жизнеспособного способа развития. Два этих требования могут вступить в конфликт, так как рынок легче разрушает прежние формы, чем создает новые принципы координации. Поэтому приходится предполагать, что хаотическая и противоречивая трансформация может растянуться на десятилетия» (цит. по: [25, 9]). Что мы и наблюдаем до сих пор. Именно затяжная трансформация вывела за границы обыденного сознания россиян такой фиксируемый социологами неэкономический фактор, как «уверенность в завтрашнем дне».

ных слоев общества. Подобная идеологическая фильтрация опасна еще и тем, что Россия незаметно для себя самой может упустить шанс «оседлать» новую мировую волну технологического цикла.

Необходим переход к активной и даже агрессивной экономической политике стимулирования внутреннего предложения, направленной на импортозамещение на капиталоемкой базе (доля инвестиций в основной капитал должна составить в перспективе не менее одной трети ВВП, из них на госинвестиции должно приходиться 15 — 20%). Во главу угла должна быть положена стратегия насыщения экономики трудосберегающей компонентой, реализуемая и через тесное сотрудничество с ЕС путем трансферта технологий и импорта оборудования, а также приобретения иностранных компаний — разработчиков передовых технологий. Этот технологический коридор поможет России восстановить утраченные позиции, став региональным «мотором роста». По мере создания условий для роста внутреннего предложения товаров вполне оправданным будет активное стимулирование эффективного спроса (в первую очередь, на отечественную высокотехнологичную инновационную продукцию). Расширение совокупного спроса (расходов) может сработать и в качестве основного способа выхода страны из кризиса. По объективным обстоятельствам (в частности, сохраняющееся недопотребление населения) сделать это у нас значительно проще, чем в экономиках с избыточным потреблением и перенакоплением капитала.

Любая правильно сформулированная политика окажется безуспешной без формирования «дружественной» институциональной среды для продуктивного бизнеса (в особенности для лидеров роста или фирм-драйверов), благоприятных условий для разработки и коммерциализации инноваций. Здоровая бизнес-среда, исключая силовой захват собственности и гарантирующая приемлемый уровень защиты прав на нее, — ключевое условие восстановления и расширения инвестиционной активности.

Особо важное значение, подчеркнем это еще раз, имеет структурное стимулирование внутреннего предложения (и спроса) в экономике путем создания новых эффективных производств с более высокой производительностью труда, низкими издержками, способных конкурировать с импортом. Под эти конкретные цели *через национальную небанковскую кредитную организацию*, сравнимую по масштабам с традиционным бюджетным финансированием социальных программ и направленную на создание национальной инновационной системы, должно осуществляться проектное финансирование (в долговой и/или условно возвращаемой формах), выделяться госгарантии, предостав-

ляться разнообразные налоговые льготы для фирм-инноваторов малого и среднего бизнеса.

Не менее значимыми представляются планомерное выстраивание инвестиционного блока в национальной финансовой системе и ужесточение парламентского (в том числе через Счетную палату РФ) контроля за целевым использованием финансовых средств, выделяемых на реализацию приоритетных проектов, шире — за действиями органов исполнительной власти в бюджетно-финансовой сфере. Счетная палата как конституционный орган обеспечения контроля налогоплательщиков за тем, как чиновники тратят собранные с них налоги, должна стать действенным инструментом правовой и социальной направленности государства российского. Других вариантов, кроме закрепления за СП статуса высшего органа финансового контроля (ВОФК), в суперпрезидентской республике просто быть не должно.

Характер эволюции экономико-политической системы в России за последнее десятилетие свидетельствует о неосуществимости модели развития, основанной на сочетании умеренно-авторитарного политического режима с либеральной экономикой. Авторитаризм кланово-бюрократического типа «душит» предпринимательство, «кошмарит» бизнес. Деятельность последнего в сфере потребительского рынка, в свою очередь, не соответствует принципам и критериям справедливой торговли. Политическая же бизнес-элита не желает ограничивать себя никакими разумными стандартами, нормами социального поведения. Если авторитаризм бюрократического типа, идущий рука об руку с олигархическим произволом, отрицает институциональную структуру конкурентной экономики, то сильное социальное государство, проводящее либеральную экономическую политику, способствует превращению ее в мощный фактор развития.

На наш взгляд, не следует злоупотреблять понятиями «мобилизация», «авторитарная модернизация». Для большей части народонаселения России вполне достаточно задействовать экономические стимулы для создания новых рабочих мест, позволяющих использовать отечественные ресурсы и факторы производства хотя бы с *X*-эффективностью по Лейбенштайну. Мобилизация усилий, самоограничение и перераспределение ресурсов на цели развития должны охватить, главным образом, элитные слои. На первых подступах к модернизации куда важнее не мобилизация (как «вненормативное устранение любых преград» социально-технологическому развитию), а нормализация, т. е. приучение власть имущих следовать установленным (ими самими) нормам, последовательное принуждение элиты к исполнению законов. Думается, что представители российской власти должны начать с самих себя, показав воодушевляющий пример остальным.

Иначе в обществе так и не возникнет атмосферы доверия, не будут созданы условия для наращивания социального капитала.

Принципиальное значение имеет формирование в обозримом будущем критической массы двух субэлитных групп: модернизационной субэлиты, способной разработать и возглавить программу «новой индустриальной модернизации»; креативной субэлиты для постепенного «выращивания» постиндустриального сектора экономики.

Если первая субэлитная группа будет обладать государственно-ским мышлением (в противовес установке на личное и групповое обогащение), во многом наследуя созидательный порыв «комиссаров» индустриализации советской эпохи, то вторая — самодеятельным инновационным сознанием и предпринимательской склонностью к риску и успеху, способностью производить новые идеи, технологии и продукты вне рамок государственной дисциплины и патернализма (но при его поддержке), руководствоваться принципами деловой этики. И, разумеется, не обойтись без становления новой политической субэлиты, для которой идея государственного служения будет превалировать над бытующей сегодня практикой соглашательского «кормления» из источников, контролируемых институтами верховной и исполнительной власти.

Таким образом, предстоит сочетать стратегии «новой индустриализации» и постиндустриальной модернизации при одновременном строительстве сильного (но не силового) государства с четко определяемыми полномочиями, а также задачами в сфере социально-экономической политики. Постмодернистская эклектика в политическом и экономическом целеполагании (при доминировании интереса к «трубам и терминалам») не позволяет сегодня выстроить и сделать общенациональной программой действий ни реалистичную систему приоритетов, ни стратегическую политику, нацеленные на преодоление российских дилемм бытия²⁴. Однако без позитивных перемен в

²⁴ Выдающийся русский философ А.С. Панарин сформулировал их таким образом: «Реальные дилеммы, перед которыми то и дело ставит нас история, таковы: иностранное закабаление или суровая национальная государственность, самоубийственная анархия или державный неусыпный присмотр, сепаратизм или централизм, гедонистическая безответственность и “расслабленность” или аскеза (по Н. Бердяеву, ограничение похоти жизни в буржуазно-капиталистической цивилизации. — *А.А., А.Ш.*). Эти дилеммы — не для слабых характеров» [28, 224]. Именно наличие этих дилемм диктует России единственно верную стратегию: переход от выживания, оздоровления и воссоздания российского социума, нации, общего национального дома, самой России (Ю.М. Осипов) к стратегии соревновательности через развитие, а не реализации сравнительных конкурентных преимуществ. Последний вариант приводит

хозяйственном строе России и ее правящий класс лишает себя достойного будущего. Текущей повесткой дня во втором десятилетии XXI в. должен стать переход к новой социально-экономической модели развития на основе Большого проекта, конституирующего не только военно-экономическую мощь страны, не только показывающего России путь от разорения к достатку [29], но и дающего возможность ее населенным территориям приобщиться к «времени мира» (Ф. Бродель). Данный проект требует отказа от философии «догоняющей модернизации» в пользу того или иного варианта органического развития, в своем социокультурном измерении описываемого концепцией пост-современного общества. Шансы для возрождения культурно-исторической целостности национально-государственного хозяйства России еще остаются, хватило бы времени для их реализации...

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М., 2001.
2. *Хикс Дж.Р.* Стоимость и капитал. М., 1993.
3. Аргументы и факты. 2009. № 51.
4. *Бляхман Л.С.* От экстенсивного экономического роста к инновационному развитию: проблемы, перспективы, роль государственных корпораций // Проблемы современной экономики. 2008. № 1.
5. *Гурова Т., Рубченко М.* Антиолигархия 3.0. // Эксперт. 2009. № 32.
6. *Акинин А.А., Шевелев А.А.* На пути к либерально-консервативной парадигме развития России // Проблемы современной экономики. 2008. № 4.
7. *Пигров К.С.* Созидающее слово, или Цивилизация как констелляция смыслов // Цивилизация: вызовы современности / Под ред. М.С. Уварова. СПб., 2009.
8. Политэкономика либерального консерватизма — методологическая основа антикризисной стратегии // Проблемы современной экономики. 2009. № 2.
9. *Петраков Н.* Хвост из будки стал символом нашего времени // Аргументы и факты. 2010. № 7.
10. Сложно и опасно // Эксперт. 2009. № 32.

относительно отсталые в технологическом плане страны, как правило, к одному: быть преимущественно бедными.

11. *Афанасьев М.* Выйти из зазеркалья // Апология. 2005. № 8.
12. *Менделеев Д.И.* Границ познанию предвидеть невозможно. М., 1991.
13. Развитие капитализма в России. 100 лет спустя: Спор с правительством о социальной политике. М., 2005.
14. Сельский капитализм в России: столкновение с будущим: Аграрный вопрос правительству. М., 2005.
15. Доклад Совета Федерации ФС РФ 2007 г. О состоянии законодательства в РФ / Под ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. М., 2008.
16. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб., 1996.
17. *Маневич В.Е.* Кейнсианская теория и российская экономика. М., 2008.
18. *Иноземцев В.* Миллиарды в асфальте // Ведомости. 2009. 14 июля.
19. Мировой экономический кризис и Россия: причины, последствия, пути преодоления: материалы международной научной конференции. 12 — 13.11.2009 г. коллективный доклад. СПб., 2009.
20. Приемный беспредел // Эксперт online. 2009. 14 авг.
21. *Рязанов В.Т.* Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике: Сб. статей. СПб., 2009.
22. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX — XX вв. СПб., 1998.
23. Эксперт. 2010. № 1.
24. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / Под ред. О.И. Ананьина. М., 2008.
25. *Кузнецов В.* К теории переходной экономики // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 12.
26. *Акинин А.А., Шевелев А.А.* Правящий класс и проблема «авторитаризма развития» в России: некоторые итоги рыночных реформ (1992 — 2004) // Россия — великая держава! По итогам международной научной конференции — II малого университетского форума «Россия — великая держава (вызовы современности и поиски проективного оссиеведения)», 7 — 9 декабря 2005 г. М., 2006.
27. *Корня А.* Сурков за эволюцию // Ведомости. 2009. 21 окт.
28. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
29. *Львов Д.С.* Экономический манифест — будущее российской экономики. М., 2000.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Современное производственное инновационное развитие — сущность и формы проявления

Аннотация. Статья посвящена анализу сущности *современной* формы производственного инновационного развития. Содержится анализ того, как в рамках и под влиянием инновационного процесса происходит трансформация воспроизводства и всего общества, каким образом и в каких формах в отдельных странах и мировом хозяйстве в целом общественное развитие приобретает характер инновационного развития.

Ключевые слова: воспроизводство, инновация, инновационное развитие, мировое хозяйство, национальная экономика, современное.

Abstract. This article is devoted to the analyses of the essence of the modern form of production innovative development. In the article it is analyzed how inside the innovation process and under its influence there take place a transformation of the process of reproduction and the society as a whole; how and in what forms the social development takes form of the innovative development in the separate countries and the world economy as a whole.

Keywords: reproduction, innovation, innovative development, world economy, national economy, modern.

Многие исследователи (в том числе и автор этой статьи) неоднократно обращались к проблеме инновационного развития (см.: [1 — 4]). И тем не менее возникают все новые вопросы, требующие ответа. Особенно часто в последние месяцы спрашивают: в чем же состоит связь и соподчинение инновационного развития и модернизации российской экономики?

Нельзя сказать, что выяснению этого вопроса не уделяется внимание. Скорее, наоборот — о взаимосвязи инновационного развития и модернизации российской экономики говорят и пишут много, но часто без необходимого уточнения деталей. Инновационное развитие, например, в большинстве случаев упоминают вскользь, подразумевая, что в этой области все выяснено. В действительности, в исследовании современного инновационного развития остается множество неясностей.

Затронем лишь некоторые аспекты проблемы современного инновационного развития, без чего (по нашему убеждению) нельзя правильно оценить содержание проходящей в России модернизации и построить эффективный регулирующий механизм инновационного развития.

В большинстве случаев анализ инновационного развития ограничивают изучением причинной обусловленности появления отдельных инноваций, их оценкой и измерением их эффективности.

Действительно, если остановиться в анализе на самом поверхностном слое, процессах, непосредственно затрагивающих каждого предпринимателя, то изучение связи отдельных инноваций и инновационного развития может казаться достаточно простым.

Отдельная инновация уже содержит в себе развитие: качественный сдвиг в потоке инноваций, изобретений и отдельных элементах производственной системы, которые поддаются количественному измерению.

Инновационное развитие предстает как поток инноваций, различающихся между собой техническим содержанием, экономическим потенциалом, территориально-хозяйственным и временным распределением. Эти наиболее общие черты инновационного развития присущи последнему во все эпохи. Но ими нельзя ограничивать научный анализ инновационного развития.

Инновационное развитие принадлежит к группе крайне сложных, многослойных и многоуровневых общественных явлений. Слои и уровни не только взаимосвязаны и взаимодействуют во времени и пространстве, они органически переплетены с другими общественными процессами. Абсолютизация отдельного слоя или уровня может привести к искаженной трактовке всего явления.

Если попытаться построить математическую модель инновационного развития, то окажется, что для этого требуется применение принципов геометрии Лобачевского и соответствующее преобразование моноплоскостных уравнений традиционных моделей (таких, например, как модели «затраты — выпуск» или эконометрические) в полиплоскостные.

В статье речь идет не о сравнительном анализе значения инноваций в разные исторические эпохи, не об инновационном развитии вообще, а о природе *современной* формы производственного инновационного развития. Если обратиться к истории, то поступательное движение производства и общества всегда было органически связано с инновациями. Достаточно вспомнить о таких инновациях, как открытие и практическое использование бронзы, железа, стали, электричества, кооперации труда и др. Значение отдельных инноваций остается ог-

ромным и в настоящее время. Создание и использование компьютеров, телекоммуникаций, Интернета говорит об этом весьма красноречиво.

При акцентировании внимания на отдельных инновациях разрывается связь между инновациями в исторически меняющемся воспроизводственном механизме их рождения и использования.

Доминанта специфики современного инновационного развития состоит не в том, что производятся и распространяются инновации, и даже не в их масштабе и темпе появления (хотя это и исключительно важно!), а прежде всего в воспроизводственном механизме их получения, распространения и воздействия на общество. Прежние отличительные черты инновационного развития сохраняются. Но к ним добавляются новые черты, отражающие изменившийся механизм появления и распространения инноваций.

Стержнем воспроизводственного механизма современного инновационного развития (и краеугольным камнем его отличий от механизма инновационного развития прошлых эпох) является *массовое превращение части НИОКР в органическую часть производства, изменение функциональной структуры производства, становление инновационного процесса, где исходным пунктом и ядром являются научные исследования и разработки.*

Прогресс все возрастающей части средств производства, предметов личного и общественного потребления, технологических и организационных форм, решающие сдвиги в конкурентоспособности производственных отраслей, фирм и национальных экономик становятся невозможными без развития инновационного процесса. Об этом неопровержимо свидетельствует стремительный рост таких отраслей, как микроэлектроника, компьютерная техника и информационная технология, фармацевтика и др.; таких фирм, как Дженерал Электрик, Интел, Майкрософт, Филлипс, Сименс, Самсунг, Тойота и др.; таких стран, как США, Япония, Германия, Китай, Южная Корея, Финляндия, Ирландия и многих других.

Вышесказанное нисколько не умаляет значения взаимосвязи между развитием производительных сил и инновационным развитием, что усиленно подчеркивают некоторые авторы¹. Но это лишь одна из общественно значимых взаимосвязей. Производственное инновационное развитие захватывает всю систему условий и результатов производства, присущих ему отношений и организационных структур. Наруше-

¹ Некоторые западные и российские экономисты и социологи при анализе целевой функции модернизации, подчеркивая значение развития производительных сил общества, явно недооценивают значение других факторов (см.: [5]).

ние взаимосвязи между качественными сдвигами в системах (например, технике и технологии производства и созданием предметов потребления, организации подготовки кадров и т. д.) может привести к дестабилизации социально-политической обстановки в обществе.

Необходимо различать использование в производстве знаний (и даже научных знаний) и превращение части НИОКР в функциональную, многоступенчатую часть производства, в ядро инновационного процесса.

Современный технологический процесс производства (в отраслях производства, олицетворяющих прогресс) начинается с научного исследования, дающего новую научную информацию о законах развития природы и общества. Эта информация создает основу для изобретательской деятельности и разработок; в итоге рождаются инновации. Инновации выступают как завершающая часть инновационного процесса, который в современных условиях оказывается встроенным в общественное воспроизводство и одновременно выступает как преобразующая его сила.

Этапы инновационного процесса могут быть обособленными не только во времени. В большинстве случаев исследование и разработка одной и той же проблемы проходят в подразделениях, обособленных в рамках разных форм собственности, административных структур, разных национальных хозяйствах. Достаточно вспомнить исследования по атомной энергии, космической связи, компьютерной технике и т. д. Уже это встраивает неравномерность в инновационный процесс, усиливает неопределенность его воздействия на экономику.

Каждый этап инновационного процесса является сосредоточением людей, их деятельности, средств исследований и средств производства, технологий, технологических и экономических отношений. Все это находится в постоянном движении и изменении и составляет органическую часть (но уже инновационную!) развития общественного воспроизводства.

Некоторые этапы инновационного процесса могут изменяться в количественном и качественном отношении еще до появления собственно инноваций. Создание атомных реакторов оказало воздействие на воспроизводство задолго до появления атомных бомб и атомных электростанций. Воздействие инновационного процесса на воспроизводство оказывается в известной мере независимым от инноваций.

Инновационный процесс приобретает относительно законченные формы с созданием производственных НИОКР-подразделений (ПНИР), подразделений, занимающихся коммерциализацией и распространением инноваций, патентов и лицензий на изобретения. Он втягивает в себя и некоторые части общественных НИОКР, не включае-

мых непосредственно — организационно — в производство — университеты, академии и т. д. Часть деятельности (и ее результатов) этих учреждений по своей природе становится производственной².

Степень и характер развития ПНИР, его удельный вес в воспроизводстве, эффективность его связи с остальными этапами инновационного процесса и функциональными отделами производства становятся одними из важнейших показателей уровня инновационного развития фирм, отраслей производства, национальных экономик и всего общества.

Превращение части НИОКР в функциональную часть производства — это относительно медленный и неравномерно протекающий процесс. Неравномерность обнаруживается в масштабах и времени вовлечения в инновационный процесс отдельных технологических процессов, фирм, отраслей, экономик. Неравномерность порождается не только техническими и чисто экономическими, но и социально-политическими, географическими и даже этническими факторами.

Превращение части НИОКР в функциональную часть производства — это не только новый способ развития техники и технологии, готовой продукции, это развитие всей системы производственных отношений, в том числе и отношений собственности.

Это новые функционально-иерархические структуры внутри производственных НИОКР-подразделений. Появляются исследовательские, опытно-конструкторские, внедренческие и прочие сопричастные с ними группы; создается система руководителей «инновационных» подразделений, специалистов различных категорий, вспомогательного персонала и т. д. Возникают совершенно новые требования к квалификации занятых в этих и вспомогательных подразделениях. В США в производственных лабораториях работает около 26% докторов наук, получивших степень в области науки и техники [6, т. 3 — 6]. Формируются сложные, иерархически структурированные отношения ПНИР с остальными производственными подразделениями; возникает система отношений собственности на условия и результаты отдельных этапов ПНИР и их практического использования.

Вместе с развитием производственного инновационного процесса происходит изменение отношений собственности в воспроизводстве в целом. Вряд ли кто будет спорить с тем, что современный инновационный процесс движется и развивается в системе капиталистического рыночного хозяйства. Нет серьезных разногласий и в вопросе о том,

² Этот момент не учитывается экономистами ОЕСД и ЕС при статистической презентации так называемых бизнес-НИОКР. ПНИР и бизнес-НИОКР — это не совпадающие понятия.

что это исключительно сложный и противоречиво протекающий процесс.

Однако нельзя сказать, что все аспекты этой проблемы достаточно хорошо изучены. Большинство исследователей концентрируют внимание на взаимодействии технологической составляющей инновационного процесса и товарно-капиталистической формы.

Гораздо меньше внимания обращается на трансформацию капиталистических отношений в ходе инновационного развития. А такая трансформация имеет место. Меняется весь стоимостной механизм капиталистического воспроизводства: развивается процесс ценообразования (происходит, например, формирование цены на продукцию отдельных этапов инновационной цепочки, на информационную продукцию); изменяется механизм распределения капитала между функциональными отделами производства и его отраслями (так, появляется и развивается венчурное инвестирование); трансформируется связь между подчинением отдельного капитала рыночному движению нормы и массы прибыли и формированием рентабельности на отдельных этапах инновационного процесса (хорошо известно, например, что некоторые корпоративные производственные научно-исследовательские подразделения продолжают финансироваться, оставаясь нерентабельными в течение ряда лет). В некоторых случаях рентабельность НИИР-подразделений вообще не учитывается. В частности, она не учитывается в подразделениях, занимающихся фундаментальными исследованиями и т. д.

Трансформация капиталистических отношений обнаруживается также в изменении а) роли отдельных форм собственности (и прежде всего, соотношении частной и государственной собственности); б) удельного веса различных групп капиталистических фирм (крупных, мелких, средних) в инновационном развитии в целом и на его отдельных этапах.

В подавляющем большинстве развитых стран на нынешнем этапе решающая часть этапов инновационного процесса финансируется частным капиталом. На долю государственных структур всех уровней в США приходится (2007) около 27,7% финансирования инвестиций в сферу НИОКР [6, v. 2, 233]. Но так было не всегда. Например, в 1958 — 1959 гг. только федеральное правительство США финансировало 58 — 59% инвестиций в сферу НИОКР [7, 17]. Процесс распределения инвестиций между формами собственности оказывается неравномерным во времени и пространстве.

Все это свидетельствует о развитии отношений капиталистического воспроизводства в рамках инновационного процесса и под воздействием его динамики.

Инновационное развитие выступает как развитие производительных сил и всей системы отношений внутри инновационного процесса и воспроизводства в целом.

Вряд ли можно проходить мимо противоречивости (и даже конфликтности) связи отдельной фирмы, присущей ей системы стимулов и контрстимулов, и инновационного развития. Частные фирмы являются основными действующими субъектами современного рыночного хозяйства. Через их деятельность осуществляется инновационное развитие. Изменение их заинтересованности в инновационном развитии, возможностей его осуществления является решающим фактором инновационного развития всего общества.

Отдельная частная фирма, действующая в отраслях, созревших для современного инновационного развития, оказывается объективно заинтересованной в исследованиях и инновациях, которые расширят объем ее продукции, реализуемой на рынке, укрепят ее конкурентные позиции. Рыночный механизм порождает принудительные силы, заставляющие развиваться по инновационному пути под страхом гибели.

Одновременно фирма заинтересована в том, чтобы инновационный процесс не вызывал обесценения уже созданных капитальных активов, не подрывал уже завоеванные конкурентные позиции. Нельзя сказать, например, что нефтегазовые гиганты не поддерживают инновационное развитие. Они вкладывают в него огромные средства, но не торопятся с поддержкой изобретений, которые способны уже сейчас обеспечивать радикальную экономию использования нефти и газа.

Интересы частной фирмы часто приходят в противоречие с интересами ведущих социальных групп. Это особенно ярко обнаруживается при необходимости наращивания военных НИОКР. Результатом является широкое участие в инновационном развитии государства и других некоммерческих структур. Фирмы всегда стремились и стремятся переложить бремя инновационных расходов в областях, где их интерес и возможность увеличения прибыли недостаточно очевидны, на плечи государства.

Таким же оказывается действие изменения состояния конкурентной среды между фирмами и между национальными хозяйствами. Далеко не всегда фирма, занимающая монопольное положение в производстве и на рынке, охотно инвестирует в научные исследования, могущие изменить технологические процессы и конечную продукцию. Например, рост инвестиций американских автомобильных гигантов в производственные НИОКР был прямо связан с нарастанием конкуренции со стороны японских автомобильных ТНК.

Динамика современного инновационного процесса (и инновационного развития в целом) оказывается неотделимой от развития отношений капиталистической собственности, присущих им противоречий.

Прямым результатом развития инновационного процесса является появление и повышение удельного веса в экономике отраслей производства продукции высшей технологической сложности (ВТС) и средне-высшей технологической сложности (таких, как фармацевтика, приборостроение, микроэлектроника, космическое и авиастроение, автомобилестроение, и ряда других). На долю отраслей, производящих продукцию ВТС, в 2007 г. приходилось 13,7% продукции обрабатывающей промышленности мира [6, с. 2, 499, 510]. С динамикой инновационного процесса органически связаны появление новых видов услуг и видоизменение некоторых из уже существующих. Это обнаруживается в области транспорта, связи, финансов, образования, здравоохранения и др.

Возникает и развивается внутринациональное межотраслевое и межрегиональное инновационное разделение труда. Практически во всех странах, активно участвующих в инновационном развитии, происходит неравномерная концентрация этапов инновационного процесса в пределах национальных хозяйственных территорий: растут специализированные инновационные хозяйственные зоны, научно-исследовательские центры и т. д.

Производственная сфера оказывается многоуровневой с точки зрения участия ее отдельных звеньев в инновационном процессе. И это не может не обнаружиться в модернизации.

Исключительно важно то, что инновационное развитие превратилось в важнейшее орудие конкурентной борьбы. В этой борьбе (в долгосрочной перспективе) побеждают те, кто раньше и успешнее других выходят на рынок с новой инновационной продукцией, применяют технологические и не технологические инновации. В результате участие в инновационном развитии становится вопросом жизни и смерти для фирм, отраслей производства, регионов.

Уровень инновационного развития превращается в один из важнейших факторов социально-экономической стабильности стран. Стремление обеспечить себе условия труда и быта, возможность пользоваться предметами личного потребления и услугами, предоставляемыми инновационно развитыми странами, приводит к миграции значительной части высококвалифицированной рабочей силы из некоторых стран. В результате снижается трудовой потенциал этих стран. Возникает и усиливается недовольство местными элитами, «неспособными» обеспечить такие же условия жизни и труда, как в инновационно развитых странах.

Анализ инновационного развития нельзя ограничивать только рамками текущего воспроизводственного процесса. Его значение становится понятным лишь тогда, когда оно рассматривается в контексте его места в историческом развитии.

Философы разных стран (в том числе и России) уже давно говорят о смене индустриального общества каким-то новым обществом (говорят и пишут о Модерне, Постмодерне и т. д.). Исторически современное инновационное развитие было связано с поступательным движением машинного производства, скачкообразно усилившего присвоение и преобразование сил и вещества природы, расширившего их многоотраслевой характер и ставшего на известном этапе ядром современной экономики. Это превращение получило название «индустриальное развитие». Историческая связь не несет в себе элемента исключительности.

Удельный вес машинного производства в экономике, измеряемый чисто количественно, снижается. Однако машинное производство пока не перестало быть ядерной силой. Меняется структура ядра — появляются новые, «немашинные» его части. Но массовое, многоотраслевое присвоение и преобразование сил и вещества природы продолжают оставаться фундаментом экономики. Все без исключения части ядра оказываются так или иначе связанными с инновационным процессом. Одна из коренных черт индустриального общества — многоотраслевое присвоение и использование сил и вещества природы — не исчезает, а переходит в новую фазу, где инновационное развитие играет огромную роль.

Под влиянием изменений в воспроизводстве, вызываемых динамикой инновационного процесса, меняется все общество. Растет удельный вес и меняются условия воспроизводства материальных условий инновационного развития. Так, разработка и производство коллаидеров (и помещений для их размещения) опираются на высокотехнологичное производство. Его динамику уже нельзя непосредственно объяснить изменением рыночной конъюнктуры. То же самое можно сказать о создании некоторых видов атомных и химических реакторов, электронных микроскопов и т. д.

Изменяется социальная структура общества, что обнаруживается, в частности, в изменении характера рабочей силы, увеличении доли населения, имеющего высшее образование, занятой в инновационной сфере. В 2008 г. 34,1% входивших в состав гражданской рабочей силы США закончили колледж [8, т. 579]. 5,6% всех работавших в гражданской сфере работали в секторе, который условно можно назвать инновационным [8, т. 795]. В некоторых отраслях экономики США (например, в фармацевтике, разработке компьютерных систем, в производст-

ве компьютеров и периферийного оборудования) от 20 до 48% рабочей силы имели высшее техническое образование.

Изменяются условия воспроизводства рабочей силы, связанной с инновационным развитием. Конечно, само по себе инновационное развитие не может отменить законов капиталистического рынка: занятые в инновационной сфере вынуждены жить продажей своей рабочей силы; они сталкиваются с жесточайшей конкуренцией и политикой выжимания пота; сфера подвержена кризисам, ей свойственны банкротства и безработица. Но факты показывают, что, например, уровень безработицы среди ученых и инженеров научно-исследовательских подразделений в среднем более чем вдвое ниже, чем среди занятых в остальных секторах экономики. Даже в период кризиса (2009), когда общий уровень безработицы в США достиг 9,7%, уровень безработицы среди тех, кто работал в отраслях, обслуживающих инновационное развитие, колебался вокруг 5 — 5,5% [6, в. 1, т. 3 — 7]. Для тех, кто занят творческой работой, создают необходимые условия труда и быта. Их особо выделяют в социальной структуре общества.

Многие факты говорят о том, что под влиянием инновационного развития постепенно (и весьма противоречиво) меняется система ценностей рыночного хозяйства. Деньги как всеобщее мерило всех ценностей не исчезают. Та же Нобелевская премия сопровождается весомой денежной выплатой и финансовыми последствиями. Но деньги перестают быть важнейшим мерилем общественной значимости того или иного человека, причастного к инновационному развитию. Для инновационной сферы создается система моральных ценностей: ученые звания, престижные премии, общественное признание научных заслуг и т. д.

Таким образом, в рамках и под влиянием инновационного процесса происходит трансформация воспроизводства и всего общества в отдельных странах. *Развитие общества приобретает характер инновационного развития.* Это обнаруживается в органическом включении в производство ПНИР, появлении новых видов продукции и услуг, основанных на научной информации, изменении квалификационного состава рабочей силы и условий воспроизводства части занятых, изменении значения и удельного веса отдельных форм собственности, изменении характера и структуры производственных отношений, общественной системы ценностей и многом другом.

Инновационное развитие выступает как одна из коренных черт перерастания индустриального общества в новую фазу развития.

Инновационное развитие оказывается гораздо сложнее, чем сумма изменений в системе производительных сил, и даже в воспроизводстве в целом, в связи с появлением отдельных инноваций.

Как видно из приведенных выше цифр, внутри национальных экономик высокотехнологичное производство еще не стало преобладающим. Даже в наиболее развитых странах, таких как США, страны ЕС, Япония, Канада, Австралия, сохраняется (и в количественном отношении — по удельному весу в производстве — остаются преобладающими) так называемые отрасли с низким и средним технологическим уровнем производимой продукции (металлургия, тяжелое машиностроение, отрасли добывающей промышленности, лесопромышленность и др.). В обрабатывающей промышленности США удельный вес вышеуказанных отраслей в период 1979 — 2007 гг. колебался вокруг 59% (по добавленной стоимости). В развитых странах ЕС (ЕС — 15) — вокруг 57 — 58% [9, 5]. Велик удельный вес традиционных отраслей услуг (розничная торговля, личные услуги, сфера развлечений и др.). Невысокий уровень технологической сложности продукции вышеуказанных отраслей обрабатывающей промышленности, добывающей промышленности и отраслей сельского хозяйства (включая лесное хозяйство), сферы услуг не исключает их участия в инновационном процессе. Все дело в относительно низком уровне их участия, удельном весе не инновационных форм воспроизводства.

Инновационное развитие внутри национальных хозяйств оказывается лидирующей, но не преобладающей формой. Оно неравномерно распределено внутри национальных хозяйств и между ними. Воспроизводство происходит не только на инновационной основе. И это обостряет противоречия и конфликты общества в целом.

То, что говорилось выше применительно к национальным хозяйствам, лишь один аспект современного инновационного развития. Инновационный процесс уже давно перешагнул национальные границы и стал международным.

В настоящее время происходят глобализация и интернационализация инновационного развития. Его участниками являются не просто отдельные индивиды, фирмы, отрасли и регионы, а национальные хозяйства и мировое хозяйство, превращающееся в единый воспроизводственный механизм.

Оно протекает в условиях исторически сложившейся многоуровневой экономической системы неравномерно развитых национальных хозяйств. Формируется глобальная система связей и зависимостей инновационного развития. В этой системе есть быстро меняющее свою конфигурацию ядро, образуемое наиболее продвинутыми в экономическом и инновационном отношении странами: США, Япония, Германия, Франция, Канада, Австралия и группой малых инновационно динамичных экономик: Финляндия, Швеция, Швейцария, Израиль и

др. Имеется также меняющаяся многоуровневая экономическая и инновационная периферия.

Среди периферийных стран выделяется группа экономик, образуемая Китаем, Ю. Кореей, РФ, Бразилией, Мексикой, Испанией, Сингапуром и др., имеющих черты ядра и периферии. Китай, Ю. Корея, Сингапур стремительно вторгаются в группу ядерных экономик.

Внутри этой глобальной системы складывается международное инновационное разделение труда, что обнаруживается в концентрации решающих этапов инновационного процесса в немногих странах, образовании так называемых международных инновационных цепочек (формируемых ТНК), специализации ПНИР (в частности, концентрации стратегических исследований в группе «ядерных» экономик), специализированном международном размещении отраслей производства продукции (включая услуги) высшей и средне-высшей технологической сложности и т. д.

Происходит интернационализация инновационного развития, что наиболее ярко проявляется в создании ТНК своих филиалов за границей, занимающихся инновационной деятельностью. Это приводит к развитию новых форм размещения капитала, движения дохода, форм международной торговли (в частности, продуктами интеллектуальной собственности), форм международного регулирования инновационного процесса.

Без учета специфики участия отдельных стран в инновационной системе связей и зависимостей (в частности, характера их связей с «ядерными» и «не ядерными» в инновационном отношении хозяйствами), в инновационном разделении труда, их принадлежности к разным инновационным уровням невозможно правильно оценивать перспективы и пути развития (в том числе и модернизации) отдельного национального хозяйства.

В настоящее время нет ни одного национального хозяйства, которое бы не участвовало в международном инновационном развитии. *В мире нет инновационно самодостаточных экономик, способных (и заинтересованных!) все сделать самостоятельно.*

Но участие может быть разным. Учитывая ограниченные объемы статьи, затронем лишь один вопрос — об уровневых группах с точки зрения *характера* участия национальных хозяйств в международном инновационном развитии.

Высшим уровнем (по характеру) участия является органическое сочетание выросших на национальной почве и привлекаемых извне ПНИР, преобладания генерации промежуточной инновационной продукции и первичных инноваций с использованием инновационной продукции других национальных хозяйств, концентрацией изобре-

ний и научной информации и др. Этот уровень характеризуется также высокой степенью интернационализации инновационного процесса. Инновационный процесс высшего уровня характерен для США, Японии, Германии, Франции, Финляндии, Швейцарии, Швеции, Израиля, Нидерландов и ряда других.

В некоторых хозяйствах на первом месте (по удельному весу) стоят ПНИР филиалов иностранных фирм, вторичные инновации, осуществляемые ТНК и национальными фирмами на основе приобретения патентов и лицензий. Типичными примерами этого уровня являются Ирландия, Исландия, Великобритания, Италия и ряд других.

Третьим, низшим, уровнем является участие в инновационном развитии на основе покупки готовых инновационно-продвинутых средств производства, предметов потребления, технологий, организационных форм, найма иностранных специалистов, занимающихся организацией национального инновационного процесса.

Как уже подчеркивалось выше, имеется группа смешанных в инновационном отношении экономик, имеющих черты нескольких уровней. Например, Китай по абсолютным масштабам расходов на НИОКР, темпам роста производства продукции ВТС быстро приближается к США. Но значительная часть стратегически важных НИОКР, производства продукции ВТС, выстраиваемых международных инновационных цепочек, в которых участвуют китайские фирмы, контролируется иностранными ТНК. До последнего времени в Китае (как и в Ю. Корее) преобладали имитационные ПНИР и имитационное высокотехнологичное производство. А это, как оказалось, связано с серьезными потерями и ограничениями.

Экономика РФ имеет некоторые черты инновационно ядерной экономики. РФ входит в десятку стран, контролирующей более 80% инвестиций в НИОКР всего мира. В силу особенностей исторического развития в РФ высок удельный вес рабочей силы, занятой в сфере НИОКР и образования. В российском хозяйстве есть отрасли, производящие продукцию высшей технологической сложности (атомная промышленность, производство и эксплуатация космической техники, телекоммуникации, микроэлектроника, производство отдельных видов приборов и ряд других). Но опять-таки в силу особенностей исторического развития в экономике РФ преобладают отрасли производства (нефтегазовый комплекс, добыча других полезных ископаемых, металлургия, лесная и деревообрабатывающая промышленность), участвующие в инновационном развитии на низшем уровне. Ее доля в мировом производстве продукции ВТС мала (не более 0,06 — 0,07%), и она ниже ее исторически сложившейся доли в мировых НИОКР и образовании. РФ характеризуется также неразвитостью инновационной

инфраструктуры, неэффективностью системы связи инновационно развитых и остальных отраслей производства, высоким уровнем неравномерности экономического и социального развития регионов.

Характер участия национальной экономики в международном инновационном процессе накладывает глубокий отпечаток на характер всего общественного развития. Например, несмотря на исключительно высокие темпы роста, Китай (как единая общественная система) находится еще на начальном этапе перехода в новую фазу инновационного развития. Российская Федерация, объявив о форсировании инновационного развития как государственной политике, пока не нащупала путей заметного повышения уровня инновационного развития воспроизводства и всего общества.

Литература

1. Инновационные приоритеты государства / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., 2005.
2. Николаев А.Б. Инновации и инновационное развитие. М., 2007.
3. Экономика знаний / Под ред. В.П. Колесова. М., 2008.
4. Ленчук Е., Власкин Г. Инвестиционные аспекты инновационного роста. М., 2009.
5. Гурова Т. Нация — предприниматель // Эксперт. 2010. № 36.
6. Science and Engineering Indicators. 2010.
7. Basic Research, Applied Research and Development in Industry. 1964; 1966.
8. Statistical Abstract of US. 2010.
9. IPTS Working Paper on Corporate R&D and Innovation. 2009. No. 8.

Н.Д. ЕЛЕЦКИЙ

Переход к инновационному развитию: значение и границы применимости зарубежного опыта

Аннотация. В современных условиях России актуализировались проблемы перехода к инновационному типу воспроизводства, борьбы с коррупцией и кардинальных изменений в составе социальной элиты. Сегодня стало очевидно, что это не три разные задачи, а три стороны одной и той же задачи по оздоровлению и модернизации российского общества. Решать эту задачу приходится в условиях неоднозначных и противоречивых тенденций и закономерностей глобализации, несущей

как опасности для государственного суверенитета и национальной идентичности России, так и возможность усвоения и адаптации лучшего мирового опыта постиндустриальной и посткапиталистической трансформации и перехода к обществу знаний.

Ключевые слова: инновационное воспроизводство, зарубежный опыт, госзакупки, коррупция, стратегия развития.

Abstract. In the modern conditions of Russia there actualized the problems of transition to innovative type of reproduction, fight against corruption and cardinal changes in structure of social elite. Today it became obvious that they aren't the three different problems, but the three sides of the same problem of improvement and modernization of the Russian society. It's necessary to solve this problem in the conditions of ambiguous and inconsistent tendencies and thrusts of globalization, bearing as dangers to the state sovereignty and national identity of Russia, as the possibility of mastering and adaptation of the best world experience of postindustrial and post-capitalist transformation and transition to the knowledge society.

Keywords: innovative reproduction, foreign experience, state purchases, corruption, development strategy.

Нарастающая актуализация и жизненная необходимость преодоления колониально-сырьевой ориентации российской экономики и экспорта, перехода к инновационному типу воспроизводства, к «обществу знаний» в сочетании с реалиями «догоняющего развития» делают изучение и адаптацию успешного зарубежного опыта насущно важной и настоятельной задачей. Механизмы перехода к инновационному типу развития экономики характеризуются как универсальностью целей и алгоритмов, так и спецификой национально-государственных и региональных условий. В ведущих центрах мирохозяйственной системы наблюдаются взаимодействие и взаимопереплетение закономерностей инновационной модификации и интернационализации экономических процессов, в силу чего импульсы и стимулы внутреннего инновационного развития генерируются, воспроизводятся и усиливаются под воздействием внешнеэкономических факторов. В странах-лидерах число инновационных компаний, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, почти в два раза превосходит количество инновационных фирм, ограничивающих свою деятельность лишь внутренним рынком; наблюдается эффект инновационного «обучения экспортом» (см., напр.: [1, 62 — 69]). Данная зависимость особенно важна в современных условиях для стран «догоняющего развития» при определении оптимальных и перспективных пропорций между импортозамещающими и экспортоориентированными секторами и механизмами их экономических систем.

Для России, как и для любой другой страны, очевидна необходимость всестороннего изучения, обобщения и адаптации зарубежного опыта перехода к инновационному типу развития, учета достижений мировых лидеров инновационной трансформации экономики. При этом важнейшей особенностью современного этапа развития как экономики, так и российского общества в целом, является необходимость одновременного решения задач догоняющего, и опережающего развития. «В условиях мировой конкуренции и открытой экономики невозможно догнать развитые страны по уровню благосостояния и эффективности, не обеспечивая опережающего прорывного развития в тех секторах российской экономики, которые определяют ее специализацию в мировом хозяйстве» [2, 23; 3, 94 — 100]. Если же говорить о перспективах выхода на траекторию устойчивого инновационного развития постиндустриальной информационной экономики, то необходимо учитывать не только фактически сформировавшуюся специализацию российского экспорта, но и потенциальную возможность лидерства в 10 — 15 из числа 50 ключевых инновационных технологических направлений, определяющих на ближайшие десятилетия динамику мировой экономики.

Опыт стран-лидеров показывает, что алгоритмы инновационной трансформации становятся одной из актуальных форм атрибутивного для современной смешанной экономики взаимодействия плана и рынка, макро-, мезо- и микрорегулирования. Для России наиболее важен опыт тех стран, которые, во-первых, успешно решили задачи догоняющей модернизации, а, во-вторых, сумели закрепиться в числе лидеров постиндустриальной инновационной трансформации. К таким странам, при всех различиях предшествующего и нынешнего состояния их экономических систем и роли в мировом хозяйстве, могут быть отнесены, прежде всего, Германия, Япония, Китай, Южная Корея и другие новые индустриальные страны (НИС). Исходный и наиболее очевидный аспект проблемы — это количественные параметры ресурсного обеспечения инновационного развития. Как известно, Россия сегодня заметно отстает от ведущих стран мира как по доле валового продукта, направляемой на исследования и разработки, а также на развитие человеческого потенциала, так и по абсолютным величинам соответствующих затрат. Не менее важны и качественные аспекты эффективности использования выделяемых ресурсов, опыт стран-лидеров в организационном и институциональном обеспечении модернизационных «прорывов».

Что касается дискуссионного в последнее время вопроса о соотношении понятий «модернизация» и «инновационное развитие», то, по видимому, наиболее обоснованными следует признать аргументы тех

исследователей, которые указывают на связь понятия «модернизация» с догоняющим развитием, с «осовремениванием» (если калькировать данный термин в собственно русской лексической системе), с наличием неких авангардных эталонов, приближение к которым и составляет содержание модернизации. В то же время инновационная трансформация содержательно связана с принципиальными нововведениями безотносительно к месту данной страны или фирмы в сложившейся иерархии лидерства (см., напр.: [4]). При этом, если для предшествующих десятилетий (и даже веков), до начала постиндустриальной трансформации, процессы модернизационного и инновационного развития могли различаться — во всяком случае, с точки зрения общемировых взаимосвязей (так как инновации на национально-государственном уровне могли воспроизводить феномены, уже имеющие для авангардных социумов рутинный характер) — то в современных условиях содержание процессов модернизации и инновационного развития во многом совпадает, пересекается, а в перспективе, даже ближайшей, по-видимому, отождествится. Доминирующее значение приобретают комплексные, синтетические закономерности «инновационной модернизации». Если для послевоенной Японии процессы «классической» модернизации еще можно соотнести с 1950-ми и первой половиной 1960-х гг., а инновационной трансформации — с последующими десятилетиями, то для Германии и особенно Южной Кореи и других НИС подобное различие приобретает все более условный характер. Опыт Китая уникален в аспектах как масштабов, так и неординарности содержательных параметров реформирования экономики; здесь о соотношении модернизации и инноваций можно говорить, скорее не в разрезе временной последовательности, а в плане соотношения социальной и институциональной модернизации (и связанных с нею количественных изменений в традиционных отраслях экономики), с одной стороны, и инновационного генезиса новейших отраслей — с другой.

Ключевой организационно-институциональной проблемой как модернизационных, так и инновационных процессов является определение оптимальных форм и функций государственного регулирования этих процессов, механизмов взаимодействия в рамках «инновационного треугольника» государство — наука — бизнес. Общеизвестно, что все варианты модернизационной трансформации, успех которых позволил определить их как «экономическое чудо», осуществлялись на основе детально проработанных государственных программ (причем в этих странах неоднократно отмечалась важность изучения и применения советского опыта планирования народнохозяйственных проектов и программ).

«Отсечение» российского государства от экономики, реализованное псевдореформаторами в 1990-е гг., явилось одной из главных причин глубины и продолжительности системного кризиса отечественного народного хозяйства и, в частности, деиндустриализации страны. Не меньший вред нанесла и имитация «возвращения государства» в 2000-е гг., когда это якобы возвращение приняло форму ужесточения коррупционного бюрократического давления, надзора над бизнесом и упрочило сложившуюся еще в предыдущее десятилетие социально-экономическую модель, в рамках которой самым выгодным бизнесом стало «участие во власти». Ярлык «государственности» в коррупционной деятельности чиновников является лишь видимостью, за которой скрывается та же частная собственность — в данном случае собственность на государственную должность — собственность, хотя и временная и условная, но экономически вполне реальная в качестве инструмента извлечения частного дохода. Ослабление монопольного господства спекулятивно-сырьевой олигархии и формирование дуалистической властной структуры, синтезирующей компрадорскую олигархию и коррумпированное чиновничество, не привело и не могло привести к преодолению общесистемного кризиса и колониально-сырьевой ориентации экономики, так как сложившаяся ситуация полностью соответствует интересам господствующих слоев российского общества, его так называемой элиты. И хотя на этот факт не раз обращалось внимание не только в научной литературе, но и в выступлениях высших руководителей государства, ситуация кардинально не меняется, ибо остается в неприкосновенности классовая структура общества, сформировавшаяся в результате криминальной приватизации.

«Возвращение» государства в экономику должно осуществляться не в форме расширения и усиления разрешительных и надзорных функций чиновников, что неизбежно ведет к формированию системы «откатинга», а в разработке и применении государственных инструментов стимулирования реиндустриализации страны и, в первую очередь, восстановления машиностроительного комплекса как материальной основы индустриального производства. И в этом отношении опыт стран, активно реализующих государственные отраслевые и региональные программы, механизмы финансирования и кредитования, льготного налогообложения (особенно, налогообложения прибыли, направляемой на инвестиции), оптимизации инновационного взаимодействия крупного и малого бизнеса (см.: [5, 8 — 11]), информационного обеспечения, страхования экспорта, внедрения международных экологических стандартов — является существенно важным для России. Реиндустриализация неосуществима на базе частной собственности, особенно в условиях ограниченности временны́х рамок опред-

ляющих задачи мобилизационной реиндустриализации в качестве императива сохранения национально-государственного суверенитета. В ключевых отраслях индустриальной инфраструктуры необходимо восстановление государственной собственности, централизованного планирования и программирования, целевого финансирования и других форм государственного регулирования и государственной социально-экономической политики.

Существенной особенностью российской модернизации, отличающей ее от зарубежных модернизационных моделей и отражающей уникальность российской цивилизации, ее исторический «код», или специфику «социальной матрицы», является необходимость противостояния очередным претендентам на мировое господство. Этим с неизбежностью определяются мобилизационный характер модернизации, необходимость предельного напряжения сил и ресурсов для решения задач не только экономического обновления, но и самого сохранения российской государственности и в более широком контексте — российской цивилизации вообще. В этом контексте преодоление колониально-сырьевого характера производства и экспорта приобретает жизненно необходимое значение, а технические аспекты зарубежного опыта инновационного развития требуют существенной корректировки с учетом специфики российских проблем и геополитической стратегии.

Эффективная реиндустриализация может стать основой для перерастания модернизационных процессов в инновационные. При этом неизбежно произойдет усложнение взаимодействий в системе «власть — наука — бизнес». Зарубежный опыт демонстрирует, что исходные импульсы инновационного развития исходят от государства, которое на основе механизмов индикативного планирования и программно-целевого финансирования индуцирует развитие новейших отраслей и реализацию инновационных проектов. Оно же стимулирует развитие венчурного кредитования. Далее включаются механизмы рыночного стимулирования: инновационное производство оказывается не только выгодным для частного бизнеса, но и во многих случаях жизненно необходимым для выживания в конкурентной борьбе. Отсюда — общие пропорции в реализации инновационных проектов (в среднем в развитых странах 40% этих проектов осуществляют государственные структуры, 60% — частный бизнес) и в доле инновационных предприятий в их общем количестве — 70 — 80% (в сравнении с 10% в среднем за 2000-е гг. в России).

В последние годы наблюдается некоторый рост показателей инновационности функционирования российских предприятий, хотя рост этот весьма незначителен (безусловно, негативно сказались и факторы,

обусловленные глобальным финансово-экономическим кризисом). С 2005 по 2009 г. доля предприятий, производящих новую продукцию, выросла с 45,6 до 48,5% (в том числе принципиально новую продукцию — с 13,6 до 14,2%), внедряющих новые технологии — с 29,1 до 31,5%, а осуществляющих высокотехнологичный экспорт — с 23,2 до 24,1% (что особенно важно в контексте отмеченного выше эффекта «обучения экспортом»). За тот же период среди предприятий, направляющих средства на финансирование НИОКР, доля тратящих на эти цели от 1 до 5 млн р. в год увеличилась с 24,3 до 28,2%, тратящих свыше 6 млн р. — с 16,5 до 22,5%, соответственно доля предприятий, расходующих на НИОКР менее 1 млн р. в год, уменьшилась с 59,2 до 49,3% [6, 1 — 2]. Однако российские ТНК, обладающие наибольшими финансовыми ресурсами, предпочитают направлять средства не на реализацию инновационных проектов, а на экстенсивную внешнеэкономическую экспансию (что, скорее всего, отражает генетическую для компрадорской российской «счетократии» установку на вывоз всех форм богатства и доходов за рубеж). К концу 2008 г. зарубежные активы 20 крупнейших российских ТНК достигли 118 млрд дол., увеличившись с 2006 г. на 79% — динамика, несопоставимая с приведенными показателями роста внутренней инновационной активности, по ряду параметров находящимися в рамках статистической погрешности [7, 118 — 120].

В этом аспекте следует отметить, что для России важен опыт не только успешного инновационного развития ведущих стран, но и негативный опыт многих развивающихся стран, в которых процессы модернизации тормозятся вследствие «перекачивания» их ресурсов в ареал «золотого миллиарда». «Одна из главных проблем развивающихся стран — это вывоз олигархическими кругами, тесно связанными с верхушкой развитых стран и ТНК, огромных денежных средств, которые могли бы быть успешно инвестированы в местную экономику» [8, 65]. Система перекачивания средств и неизбежно сопутствующей ей коррупции, как правило, сочетается с размытостью механизмов планирования и контроля, с отсутствием ясных перспективных ориентиров модернизации, с элементами неуправляемости и анархичности в функционировании как народного хозяйства в целом, так и в осуществлении декларируемых модернизационных намерений.

Контрастирующим показательным примером системного государственного и международного индуцирования инновационных процессов являются Рамочные программы научно-технического развития ЕС. Данные программы реализуются с середины 1980-х гг.; в настоящее время выполняется седьмая программа, хронологически охватывающая 2007 — 2013 гг. (предыдущие программы, в основном, охватыва-

ли пятилетние периоды и выступали как своего рода «инновационные пятилетки» ЕС). Объемы финансирования Рамочных программ постоянно растут — если бюджет «шестой инновационной пятилетки» (2002 — 2006) составлял 19 млрд евро, то бюджет ныне реализуемой «семи-летки» вырос до 47 млрд евро; затраты на научные исследования превысили 4% бюджета ЕС [1, 60]. Наибольший прирост финансирования в седьмой Рамочной программе наблюдается по таким направлениям, как безопасность и космос, информационно-коммуникационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии, здравоохранение, транспорт, энергетика и окружающая среда.

Не менее важный аспект проблемы — лидерство стран так называемого «функционального социализма» (Скандинавские страны, Швейцария, Австрия) в рейтинге «инновационного табло», составляемого в ЕС по 25 ключевым параметрам степени инновационности стран мира. При этом на первый план выходят уже не технические, а социальные инновации, развитие социального и человеческого капитала. На этом фоне сохранение нищенского уровня жизни большей части населения России и в том числе интеллектуальных слоев, от которых в первую очередь зависит успешность перехода к «обществу знаний», выглядит как осознанная антиинновационная установка.

Если в ведущих странах выполнение инновационных программ обеспечивается эффективными механизмами сформированного регулируемого социально-ориентированного рынка и отлаженными инструментами смешанной экономики, то в РФ, напротив, доминируют эффекты, обусловленные несовершенством гетерогенной переходной экономики, сочетанием «провалов» деформированного и ограниченно-госрегулируемого с «фиаско» плохо загранированного «дикого рынка», не порождающего стимулов перехода к наукоемкому производству. Принципы программно-целевого подхода к решению инновационных задач формально декларируются, но как для специальных инновационных программ, так и для сопряженных с ними более общих программных установок («План Путина»; 4, а затем 5 «И» президента Медведева, концепция «Электронной России», комплексные программы развития до 2020 г. и т. п.) характеризуются общими для современного российского общества проблемами: неопределенностью и размытостью стратегических целей, отсутствием организационной и институциональной инфраструктуры, ограниченностью ресурсного обеспечения, нецелевым, а зачастую и откровенно коррупционным расхищением и без того незначительных средств, выделяемых для реализации инновационных проектов.

Важнейшим конкретным инструментом государственного стимулирования инновационного развития экономики является, как показы-

вает зарубежный опыт, система государственных закупок. Сформировались концепция и практика «sustainable procurement» (государственные закупки в целях устойчивого социально-экономического развития). Так, в Великобритании в рамках специального «Плана действий правительства в сфере государственных закупок для устойчивого развития» сделан акцент на «приоритеты, призванные обеспечить развитие *инновационной функции системы общественных закупок*» [9, 115]. Особую инновационную роль выполняет государственный оборонный заказ. «Гособоронзаказ выступает механизмом прямого бюджетного финансирования инновационных разработок в соответствии с потребностями ОПК страны» [9, 114]. В то же время возникает мультипликационный эффект, активизирующий инновационную деятельность частного бизнеса вследствие формирования рынка товаров двойного назначения и развития системы косвенного государственного стимулирования инновационной деятельности посредством финансово-экономических и организационных инструментов. «Развитие американской Кремниевой долины начиналось с военного заказа на инновационные разработки объемом 0,5 млрд дол. в год. С тех пор инвестиции частных компаний в Долину выросли до 30 млрд дол., а госзаказ — до 4,5 млрд» [9].

В России объем гособоронзаказа увеличился с 568 млрд р. в 2006 г. до 1,3 трлн р. в 2009 г., что составило почти треть общей величины государственных закупок (около 4 трлн р.); в 2011 г. планируется рост объема гособоронзаказа до 2 трлн р. Особая роль государственного оборонного заказа в России — отражение отмеченных выше геополитических реалий, исторически сложившейся цивилизационной функции нашей страны по противодействию агрессивным акциям очередных претендентов на мировое господство. Вместе с тем, наряду с российской спецификой, проявляются общие закономерности инновационного стимулирования экономики в ходе разработки новых систем вооружений. «Поскольку наличие собственного оборонного производства способствует развитию инновационного сектора в стране, при проведении государственных закупок в этой сфере надо ориентироваться на инновационную и технологическую новизну осуществляемых исследований, разработок и серийного производства в оборонной отрасли... Помимо США, где оборонный сектор играет ключевую роль в создании прорывных инноваций, показателен пример Израиля, где за сравнительно короткий срок на базе оборонной промышленности возникла одна из наиболее развитых инновационных экономик в мире. Можно также привести примеры Великобритании, Франции, Швейцарии и т. п.» [10, 88].

Безусловно, эффективность реализации инновационной функции госзакупок во многом зависит от механизмов учета и ограничения атрибутивной для всей системы взаимодействия власти и бизнеса коррупционной составляющей. Данная проблема, именно в силу ее атрибутивного характера, в разной степени и в разных формах проявляет себя во всех странах, что и нашло отражение в интернациональных понятиях «state capture» («захват государства») и «kickbacking» («откатинг»). Как показали обследования в рамках совместной программы Всемирного банка и ЕБРР «Business Environment and Enterprise Performance Survey», наиболее остро проблемы коррупции в области госзакупок проявляют себя в странах с переходной экономикой, где 12% фирм-респондентов отмечают существование системы «kickbacking» (причем для фирм, непосредственно осуществляющих бизнес с государством, эта цифра возрастает до 24%). По данным того же обследования, соответствующие цифры по России близки к средним по выборке (12 и 22%) [11, 89]. Эффективным механизмом противодействия коррупции в сфере государственных закупок может стать, как показывает опыт ряда стран, организация системы электронных торгов, сочетающей в себе черты технологических, организационных и финансовых инноваций. Несмотря на то, что в России данная система лишь начинает разворачиваться, ее положительный эффект достаточно ощутим: только за один год на трех онлайн-«пилотных» электронных аукционах (электронные площадки на порталах Сбербанка, правительства Москвы и Татарстана) зарегистрировалось более 30 тыс. компаний и 3 тыс. различных государственных ведомств; в результате в ходе торгов суммарные цены конкурсных заявок с первоначально заявленного уровня в 250 млрд р. уменьшились более чем на 10%; государство сэкономило 26 млрд р. С 1 января 2011 г. все государственные заказы предполагается размещать только на подконтрольных антимонопольным структурам электронных площадках [12, 4]³.

Учитывая российские реалии последних двух десятилетий, особое значение для нашей страны приобретает зарубежный опыт борьбы с коррупцией и распространением теневых форм бизнеса. Значительные успехи в этом направлении достигнуты в Италии, где, несмотря на укорененность мафиозных традиций в экономике и политике южных

³ Ср.: «...Государство становится не только регулятором ИТ-рынка, но и одним из главных потребителей его продуктов и услуг... Информационные продукты могут стать эффективным инструментом в борьбе с коррупцией и прочими бюрократическими злоупотреблениями. Впрочем, именно поэтому бюрократический аппарат негласно тормозит внедрение таких электронных систем» [13, 104].

регионов, происходит постепенный, но устойчивый рост степени легальности хозяйственных взаимодействий. Важен опыт решительных антикоррупционных действий Китая и Сингапура, предпринимаемых несмотря на международное лоббирование интересов криминалитета, осуществляемое так называемыми «правозащитниками», которые в полном соответствии с принципами оруэлловского «двоемыслия», чаще всего на деле защищают не право, а преступников («Если бы Сингапур не боролся с коррупцией, государство не стало бы таким богатым... Китай тоже объявил войну коррупции, вплоть до публичной казни мздоимцев» [14, 9].)

Противоречивость позиции российской политической верхушки в отношении проблемы коррупции проявляется в том, что, с одной стороны, саботируются всякие реальные антикоррупционные меры, которые, естественно, в первую очередь затронули бы интересы этой верхушки, а, с другой — для поддержания «цивилизованного» имиджа — подписываются международные документы по борьбе с коррупцией, в том числе Конвенция ООН против коррупции, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенция СЕ об уголовной ответственности за коррупцию, Конвенция СЕ об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности. В отношении работников правоохранительных органов существуют специальные требования «Всеобщих стандартов борьбы с коррупцией в полицейских ведомствах и органах», принятые Генеральной ассамблеей Интерпола в 2002 г.

Одной из наиболее актуальных задач является «возвращение в российское законодательство нормы о конфискации имущества, полученного преступным путем» [15, 150] (см. также [16, 53 — 62]. Между тем именно эта норма встречает наиболее упорное и последовательное неприятие и сопротивление со стороны депутатов, хотя еще в мае 2001 г. ГД РФ ратифицировала «Конвенцию СЕ об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», содержащую, в частности, следующее положение: «Борьба против опасных форм преступности... требует использования современных и эффективных методов... Один из этих методов заключается в лишении преступника доходов, полученных преступным путем» [17].

В настоящее время российская антиэлита, исходя из собственных самокорыстных интересов и используя захваченные ею инструменты экономической и политической власти, блокирует пути выхода общества на инновационный путь развития. Поэтому переход к инновационному развитию — это не автономная задача, которая может быть решена на основе лишь ее внутренних импульсов, механизмов и закономерностей. Выход России на цивилизационный уровень, адекватный

достижениям авангардных социумов современного мира, требует, с технической стороны, решения триединой задачи: во-первых, перехода к инновационному типу воспроизводства; во-вторых, искоренения (или, как минимум, существенного ограничения) коррупции; в-третьих — кардинальных изменений в составе социальной элиты. Сегодня стало очевидно, что это не три разные задачи, а именно три стороны одной и той же задачи по оздоровлению и модернизации российского общества. Решать эту задачу приходится в условиях неоднозначных и противоречивых тенденций и закономерностей глобализации, несущей как опасности для государственного суверенитета и национальной идентичности России, так и возможность усвоения и адаптации лучшего мирового опыта постиндустриальной и посткапиталистической трансформации и перехода к обществу знаний (см.: [18, 119 — 132; 19, 5 — 18]).

Вместе с тем явная неэффективность предпринимавшихся в последние годы усилий по переходу к инновационному типу воспроизводства выявила очевидность и того факта, что инновационная трансформация — это лишь одна из сторон более общей проблемы кардинального цивилизационного обновления России. Российский социум сегодня лишен стратегических целей и идей, осознания смысла и перспектив своего существования. В обществе, где весь спектр смысловых ориентиров бытия «упакован» в пределах незамысловатого интервала от натужной сусальной религиозности до биологических рефлексов одноклеточных мутантов, предел мечтаний которых — «хапнуть и свалить», все социально значимые установки, в том числе, проекты инновационной трансформации, неизбежно обесцениваются и становятся практически нереализуемы. Сегодня очевидна необходимость кардинальных социальных инноваций, новых идей социального устройства («новая земля и новое небо»). Успешный «русский проект» возможен лишь как проект идеологического, социального и государственного лидерства России в системе современной цивилизации. В этом контексте важнейшее значение имеет идеологическая борьба с предательскими и капитулянтскими установками «агентов влияния» и «ученых приказчиков» криминальной компрадорской олигархии [20]⁴, готовыми восхвалять любые антироссийские действия и преступления, если они выгодны «мировой закулисе».

⁴ «Публичный призыв к отказу от суверенитета (“нужна передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты”) вновь недавно прозвучал со стороны известных кругов» [20; 21].

Литература

1. *Морева Е.Л.* Внешнеэкономические источники инновационного развития // Экономика, статистика и информатика. 2010. № 1.
2. *Амосов А.* Вопросы перехода к инновационному типу воспроизводства // Экономист. 2008. № 5.
3. *Глазьев С.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса // Российский экономический журнал. 2010. № 3.
4. Модернизация России в контексте глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2; № 3.
5. *Андреев А., Ценов Г.* Модернизация экономики: институциональные аспекты // Свободная мысль. 2010. № 1.
6. *Скляров И.* В России формируется инновационное ядро // Экономика и жизнь. 2010. № 14.
7. Российские ТНК: экспансия продолжается // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3.
8. *Бирюков А.* «Постиндустриальный мир» или «постиндустриальный миф»? // Свободная мысль. 2010. № 1.
9. *Смотрницкая И., Черных С.* Государственные закупки и формирование инновационной экономики // Вопросы экономики. 2010. № 6.
10. Модернизация экономики России: кардинальное улучшение инвестиционного климата // Вопросы экономики. 2010. № 10.
11. Система госзакупок: на пути к новому качеству // Вопросы экономики. 2010. № 6.
12. *Зыкова Т.* ФАС продаст // Российская газета. 2010. 10 сент.
13. Знаки свыше // Эксперт. 2009. № 20.
14. *Зотов Г.* «Посадите 10 министров, остальные поймут: брать взятки опасно!» // Аргументы и факты. 2010. № 40.
15. *Глотов С.А.* Социальная политика и социальная безопасность. М., 2007.
16. *Григорьев Л., Овчинников М.* Коррупция как препятствие модернизации // Вопросы экономики. 2008. № 2.
17. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности. Преамбула // http://www.narkotiki.ru/jworld_57.html.
18. *Бузгалин А., Колганов А.* Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1.
19. *Прохоров М.* О модернизации государства в постсоветской России // Свободная мысль. 2010. № 6.
20. *Попов Г.* Кризис и глобальные проблемы // Московский комсомолец. 2009. 24 март.
21. *Воронов К.* Арктические горизонты стратегии России: современная динамика // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9.

П.В. СКОТНЫЙ

Инновационная методология как проблема современного знания

Аннотация. В статье рассматривается проблема процесса получения инновационного знания как знания высшего качественного порядка. Наиболее эффективным средством получения знания качественно-го, обуславливающего процесс формирования интеллектуальной элиты, являются инновационные методологии.

Ключевые слова: знание, инновация, методология, философия науки, элита, интеллектуальное познание.

Annotation. The article deals with the problem of obtaining the innovative knowledge as the knowledge of high-quality order. The most effective means of obtaining the qualitative knowledge are innovative methodologies which cause the intellectual elite formation.

Keywords: knowledge, innovation, methodology, philosophy of science, the elite, the intellectual knowledge.

Новое знание — цель ученого и условие прогресса общества. Одним из главных путей его получения является применение инновационных методологий. Авторитетный научный центр, элитный университет — это те учреждения, в которых используются новейшие практики, методики и подходы. Именно благодаря им открываются непознанные аспекты реальности. От качества методологического инструментария зависит достижение эффективных научных результатов. Использование инновационных методологий обеспечивает успешное решение поставленных проблем и тем самым получение предметного знания об исследуемых объектах. Как известно, данная ситуация достигается при условии соответствия методологического инструментария предмету исследования и характеру изучаемой проблемы. Обеспечение этого соответствия — сложное задание, но его решение обуславливает достижение знания высшего уровня, соответствующего запросам времени. Благодаря ему раскрываются изучаемые свойства и отношения объектов, явлений, процессов.

Понятие «методологический инструментарий науки», с помощью которого достигается новое знание, употребляется в двух смыслах. Во-первых, для характеристики методов исследования, когда в исследовательский инструментарий науки входят материальные и идеальные средства, а также совокупность общих логических приемов и способов разных уровней исследования. Во-вторых, данное понятие соотносится с более широкой совокупностью компонентов научной познава-

тельной деятельности, пределы которой не указываются достаточно четко, а лишь «учитывается характер их инструментального функционирования, то есть их использование в качестве средства увеличения и систематизации знания» [1, 21]. Тем самым знание приобретает новые черты и новые смыслы. В этом случае в понятие «методологический инструментарий науки», рядом с отмеченными раньше средствами и методами, включаются также формы знания, которые фиксируют достигнутые результаты исследований, а также формы мировоззренческого знания. К ним относятся картина исследуемой реальности в контексте идеалов и норм познания эпохи, философские основы науки, стиль научного мышления и т. д. Собственно, эти формы и делают знание особенным: «Моя философия — не для всех», — говорил Ф. Ницше. «Не все» — это и есть те, кто может постигнуть высший, глубинный смысл бытия, что и делает их учеными-мыслителями.

Исторически первым был второй смысл, о чем свидетельствуют такие методологические работы, как «Органон» Аристотеля и «Новый органон» Ф. Бэкона. Актуальным он был в те периоды, когда наука переходила к познавательному освоению объектов, обладающих качественно иной, более сложной системной организацией. В силу чего необходимо было сделать своеобразное «гештальт-переключение всей системы познавательных средств на высший (качественно новый) уровень» [1, 21]. В частности, это имело место при переходе от исследования статических объектов к изучению развивающихся систем (XIX в.), а дальше — от исследования динамических систем к анализу вероятностно-статистических объектов (XIX — XX вв.). В эпистемологии это означало переход от первого типа рациональности ко второму. Тем самым начала выстраиваться качественно иная система знания, ставшая благодаря своим преимуществам символом и признаком формирования новой интеллектуальной элиты.

Развитие науки всегда обусловлено наличием нового знания и тех сфер интеллектуально-познавательной деятельности, в которых результаты познания находят наиболее широкое применение (производство, технологии, управление, экология, образование и пр.). С этим связаны преобразования технологической направленности целей и задач научных исследований. Их результаты видятся, в первую очередь, как технопроизводственная, социальная, управленческая, образовательная, политическая технологии. Соответственно рядом с традиционными, классическими требованиями выявить структуру, законы функционирования и развития объектов научного исследования все чаще возникают требования найти способ, как их «направленно изменить», «сконструировать», «осмысленно воссоздать», «построить в заданных условиях». Объекты, которые изучают, познают, исследуют,

теперь структурируются, исходя из специфики конкретных социальных потребностей и практических целей, а также индивидуальных психологических особенностей субъектов деятельности. Все это требует нового знания, поскольку именно на его уровне можно решить проблемы управления интеллектуальными системами. Причем знания особого, специфического, на основе которого объединяются группы интеллектуалов, образующих интеллектуальную элиту.

Отмеченные тенденции влекут за собой необходимость разрабатывать качественно новые средства и методы исследования, адекватные характеру системной организации познаваемых объектов. А также более детально исследовать соотношение классических форм выражения знаний и их анализа в современной (постнеклассической) науке (компьютерные описания, исторические реконструкции, сценарии и т. п.). Ведь сегодня в науке идут процессы, вызванные оппозицией традиционной ее целей и задач, которые можно образно назвать «гештальт-переключением исследовательского инструментария науки, поскольку трансформируется (качественно обновляется) практически весь набор ее средств и методов» [1, 22]. Другими словами, необходим методологический инструментарий, способный исполнять роль средства достижения элитного знания, соответствующего запросам эпохи.

В свою очередь современный методологический инструментарий научного познания, перманентно развивающийся, обуславливает необходимость постоянного осмысления действий по его созданию и эффективному применению. Этим объясняется наличие в сфере познания особого рода интеллектуальной деятельности, направленной на получение новых, качественных знаний о средствах ее регуляции и рефлексивного осмысления. Иначе говоря, способов, обеспечивающих воссоздание и контролируемость познавательных действий. И самое главное — обоснованность и достоверность не просто полученных знаний, а знаний иного, более совершенного качества, открывающих новые стратегии мышления и новые ориентации научного поиска.

Главная линия взаимосвязи знания как результата познавательной деятельности с другими ее элементами находит выражение через понятие «истины» и ряда соизмеримых с ней понятий («адекватность», «правильность», «изоморфность» и т. п.). Но она (эта линия) не единственная. Знание более совершенное, глубокое по содержанию (знание элитное), соотносится с содержанием решаемой проблемы. Иначе говоря, с формами знания, являющимися выражением не исследуемой реальности, а начальной, исходной познавательной ситуации. В данном случае полученный результат (знание высшего уровня) оценива-

ют в соответствии с его возможностями исследовать существующую проблему.

В зависимости от того, какое знание как результат познания принималось за основу, применяется и соответствующая ему методология. В классических теориях познавательные процессы наделялись интенцией на поиск истины как знания, дающего общее описание исследуемых объектов в их собственных характеристиках. Это знание должно отвечать ряду специфических критериев — практическому (экспериментальному), гносеологическому, логическому, эстетическому, онтологическому и пр. Данная направленность познавательного процесса в качестве одного из его наиболее общих характеристик создавала соответствующую форму достоверного знания. Обладание им было свидетельством достижения определенного интеллектуально-познавательного уровня. Именно это знание, по статусу обладающее объективностью и истинностью, было средством открытия новых ориентаций в социальной и культурной жизни. А на это способно знание высшего, инновационного характера, облагораживающее деятельность человека.

Инновационность знания определяется также его целью, а именно интенцией на достижение высшей истины как фундаментального признака научного исследования. Заметим, что в постмодернистской философии утверждается субъективность истины. Однако в новейших когнитивно-методологических исследованиях показано, что какой бы своеобразной по содержанию и сложной многоступенчатой структуре не была цель инструментальных и концептуальных опосредствований, исследователь явно или неявно исходит из наличия объективной реальности, обладающей собственными законами существования и эволюции. Следовательно, проблема достижения не субъективной, а объективной истины, как и прежде, остается актуальной.

Данные законы с разным уровнем полноты воссоздают то знание, которое принимается в качестве истинного, совершенного (т. е. знания высшего качественного порядка). Но при условии, если процесс его генерирования регламентирован достаточно определенным набором гносеологических и методологических принципов: данности сущности и явления, проверки опытом и обоснования мысленных конструктов, воспроизводимости опыта, наблюдения и т. п. Отмеченные принципы конкретизируются в зависимости от области применения. Благодаря этому полученное знание конкретизируется в тех или других сферах деятельности, выделяясь «в особенную способность индивида» [2, 41].

В неклассических теориях познания интенция на поиск истины (составляющая содержание целеполагающей ориентации в классических теориях) теряет свою ведущую роль. Возникают новые целевые ориен-

тации, обусловленные в первую очередь практическими и социокультурными запросами общества в адрес науки. В этом плане наиболее репрезентативными становятся прагматизм, инструментализм, феноменология. Каждая из представленных ими методологий претендует на достижение более высокого, адекватного существующему порядку вещей (действительности) знания, которое на данном этапе исследования может претендовать на особую значимость.

В философии прагматизма, например, формирующейся в период утверждения неклассических теорий, в эпоху переориентации «человека морального» на «человека экономического», целью познания является поиск путей решения утилитарно-практических задач, ставших главными для человеческого общества. В инструментализме, радикализирующем гносеологическую позицию прагматизма, происходит превращение неблагоприятной для человека ситуации в благоприятную через познание как инструмент такого преобразования. Основная цель познавательной деятельности в обоих направлениях — не поиск истины как знания, способного дать ответ на вопрос «как устроен мир», а в первую очередь на достижение способа выгодного в нем обустройства. В этом случае знание, помогающее найти путь к смыслу жизни, комфорту и т. д., на данном этапе является особым, значимым, качественным. Все другие методологические и трансцендентно-духовные познавательные ситуации, их результаты уже не могут быть конкурентными этому знанию, соответствующему смыслам данной эпохи.

Более «тонко» целевые ориентации очерчены в феноменологической теории познания, где от науки в конечном счете требуется внести сильный вклад в обоснование очень сложной системы мироздания. В ней находится место и «науке с ее ограниченными познавательными возможностями и компонентами, явно конкурирующими с Божественным разумом» [1, 25]. В данном случае характер знания имеет определенные пределы, поскольку его сложность, трансцендентальность обозримы не для всех.

Таким образом, создаваемый наиболее влиятельными философскими теориями методологический познавательный контекст включает (наряду с истинностью и утилитарно-прагматичными целевыми ориентациями) также культурологическую установку. В соответствии с ней одна из целей науки — быть вспомогательным средством в обосновании определенного мировоззрения. Постигание мировоззренческих смыслов позволяет индивиду проникнуть в содержание познаваемой реальности.

Задача методологии состоит в том, чтобы соотнести знание с многомерным и полиаспектным процессом развития действительности.

Благодаря этому соотносению достигается знание, которое по праву можно назвать *смысловым*. Ведь соотношение знания с реальностью — это не только теоретическое воссоздание действительности, но и образ должного в ней (модели социальной организации, проекты преобразований в разных сферах жизнедеятельности общества и в среде его существования, технологические идеи и пр.). С позиций инновационного знания реальность также понимается многопланово. Это не только природные, социальные и духовные образования, но и *многогранная деятельность человека* (духовно-культурная, управленческая, образовательная и пр.). Кроме того, с реальностью соотносится *научное знание*, смыслы которого способны опосредованно влиять не только на внешние изменения, происходящие в реальности, но и на их глубинную сущность.

Значение методологии как способа достижения смыслового знания можно проиллюстрировать на примере экономической науки. С середины XX в. начинаются радикальные изменения в экономической теории. Общественный престиж экономической науки, возросший спрос на экономические знания обусловили резкое увеличение масштабов экономического образования и исследовательской деятельности. Соответственно экономическое знание приобрело статус знания элитного [3, 137]. Одновременно утверждались новые методологические ориентации, основанные теперь уже на идеях постпозитивизма. Это поставило задачу переориентации экономико-методологической рефлексии, способной вывести экономическое знание на новый познавательный уровень. Внимание сфокусировалось на проблеме демаркации: от «чистой теории» требовалась предельная логическая четкость; от эмпирического знания — надежное (проверяемое) соответствие данным опыта; от науки в целом — наличие четких правил перевода из «языка» теории на «язык» наблюдения, и наоборот. В результате наличие разных критериев научности для различных компонентов знания дало толчок к усилению разрыва между теоретическим и эмпирическим знанием. Это расхождение стало причиной оживления рефлексии, переросшей в «методологический бум». На его волне выросла постпозитивистская методология Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда и др. Их идеи, активно усвоенные во второй половине XX в., повлияли на формирование нового качества экономического знания. В частности, состоялось взаимное сближение экономико-методологических и историко-научных исследований: методологические концепции стали использоваться для объяснения логики развития экономической мысли, а история науки превратилась «в своего рода полигон для проверки методологических гипотез» [3, 138]. В соответствии с этим изменилось

само экономическое знание, которое перешло на новый уровень познания и понимания действительности.

Это можно увидеть на примере смены роли ученого-методолога, от которого зависит качество знания: он стал в первую очередь исследователем. Если раньше философия науки вооружала его своеобразным кодексом поведения ученого, позволяющем судить, достойна ли теория считаться научной, то теперь философия науки, т. е. методология, вооружила его инструментами для анализа новых научных знаний. Все это содействовало более интенсивному развитию экономической науки в целом. Полученное в результате знание активизировало процесс образования новых интеллектуальных стратегий мышления в экономическом познании (см. также [4]).

Таким образом, наиболее продуктивным способом получения знания нового качества, знания смыслового, является дискурс новейших методологий. Охватив широкий спектр не только теоретических, но и философских проблем специальной (отдельной) науки, методология «из преимущественно нормативной стала преимущественно дескриптивной и позитивной, стремящейся описывать и осмысливать фактически существующие структуры знания, тенденции его эволюции, реальную практику научной деятельности» [1, 136]. Благодаря этому получение смыслового знания приобрело новые возможности. Данная тенденция существовала всегда, но сегодня, когда мы наблюдаем постоянный, непрерывный рост объемов знания, она приобретает чрезвычайно важное значение, поскольку наполнена новым качественным содержанием.

Литература

1. Лукашевич В.К. Философия и методология науки. Минск, 2006.
2. Природа научного открытия. Философско-методологический анализ. М., 1986.
3. Ананьин О.И. Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. 1989. № 10.
4. Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. М., 2008.

А.А. ЗАЛЕТНЫЙ

**Основные проблемы
инвестиционного банковского процесса
в современных российских экономических условиях**

Аннотация. Основные проблемы инвестиционно-банковского сектора российской посткризисной экономики — предмет экономического (а также юридического и даже философского) анализа, предпринятого автором настоящей статьи.

Ключевые слова: инвестиционный процесс, институционализация, кредитный комитет, бенефициар, стейк-холдер, посткризисная Россия.

Abstract. The basic problems of investment banking sector of Russian post-crisis national economy are subject of economic (and also legal and even philosophic) research by the author of the present article.

Keywords: investment procedure, institutionalization, credit committee, beneficiary, stake-holder, post-crisis Russia.

Улучшение инвестиционного климата, к которому неуклонно стремится наша страна, подразумевает высокое качество формирования, принятия и реализации инвестиционных решений участников (субъектов и объектов) инвестиционного процесса — и «доноров» инвестиций, и их «акцепторов». Как на уровне субъекта федерации и/или муниципального образования, их органов власти и управления, так и на уровне группы субъектов или отдельного субъекта предпринимательской и любой другой финансово-хозяйственной деятельности — от коммерческого банка, группы компаний (холдинга) до небольшой производственной или торгово-посреднической организации, любого субъекта малого предпринимательства.

При этом, подчеркнем особо, любой участник инвестиционного процесса по существу не просто содержит в себе, но и реализует собою диалектическое единство субъекта и объекта этого процесса. Размещению активов, как правило, всегда предшествует их привлечение. Это справедливо как по отношению к кредитной организации, так и по отношению к хозяйствующему субъекту, принадлежащему к любой другой категории.

Так, с одной стороны, коммерческим банком, а это наиболее распространенный тип кредитной организации, производится размещение денежных средств, привлеченных во вклады от хозяйствующих субъектов или, наконец, просто от физических лиц, денежных средств, вырванных от продажи собственных ценных бумаг, от собственных век-

селей до облигаций и даже акций при открытой подписке — вспомним предкризисный бум первоначального публичного размещения (Initial Public Offering — IPO) акций российских компаний, в том числе банков из «первой десятки») — в форме, например, кредитования или приобретения ценных бумаг, являющегося в сущности одной из форм кредитования. С другой стороны, компания — застройщик коммерческой недвижимости инвестирует в соответствующие строительные мероприятия средства, привлеченные в виде займа (кредита) от того же коммерческого банка или от пула инвесторов при IPO.

Ключевые черты инвестиционного процесса — его всеобъемлющий, и в то же время многообразный характер, субъект-объектное диалектическое единство — становятся важнейшими этапами и одновременно атрибутами конституирования гносеологического, а в конечном счете и онтологического смысла инвестиционного процесса лишь благодаря его телеологической сущности как системной совокупности актов «экономического человека» — homo oeconomicus. Сущность эта может быть выражена как *принцип презумпции экономической осмысленности любого акта (определенного действия либо воздержания от такого действия) участника гражданского оборота*, восходящий не только к Адаму Смиту⁵ и другим классикам мировой политической экономии более позднего времени⁶, но уже к Аристотелю⁷.

Экономический же смысл в условиях формирующейся рыночной экономики в России редуцируется к двум позициям: максимизации прибыли (либо минимизация убытков) при минимизации издержек (материальных и времени). При этом все еще второплановыми остаются аспекты не только социальной ответственности экономики (кроме случаев прямого волеизъявления государства, чаще при наличии весома «компромата» по адресу хозяйствующего субъекта), но и невыхода экономической деятельности за рамки правового поля (как формирующегося российского, так и международного). Важно понимать,

⁵ Так, А. Смит в гл. 2 кн. 1 своего монументального труда «Исследование о природе и причинах богатства народов» писал: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах...».

⁶ Так, Джон Стюарт Милль в работе «Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy» (эссе 5, параграфы 38 и 48) анализирует потребность во владении богатством как один из атрибутивных признаков человеческой природы.

⁷ См., в частности: Аристотель. Политика (ч. 5, кн. 2; ч. 20, кн. 3).

что невнимание к юридической годности инвестиционного процесса (и соответственно к возможности защиты его результатов законными средствами) нередко проистекает не столько от считающегося традиционным для нашей страны «правового нигилизма», сколько от высокого уровня волатильности, вариабельности конъюнктуры инвестиционного процесса в формирующейся рыночной экономике России, чем бывает продиктована чрезмерная оперативность, даже поспешность формирования, принятия и реализации соответствующих решений.

Ожидаемый итог этого — трансформация задачи максимизации прибыли в задачу минимизации убытков, которая в свою очередь также нередко недостижима как вследствие все той же чрезмерной минимизации издержек ресурсов (и человеческих, и финансовых, и времени), так и по причине несоблюдения границ правового поля на предшествующих этапах формирования и реализации инвестиционного решения (что влечет невозможность защиты результатов инвестиционного процесса законными средствами).

Сказанное позволяет сконструировать генерализованное, но интегративное понимание инвестиционного процесса как процесса формирования, принятия (санкционирования) и реализации инвестиционного решения, а инвестиционного решения — как индивидуального или коллегиального, законно институционализованного (формализованного) волеизъявления хозяйствующего субъекта (непосредственно либо в лице его надлежащим образом уполномоченного представителя), направленного на приобретение (привлечение) и/или отчуждение (размещение) имущества с целью получения прибыли при минимальных имущественных издержках.

На фоне изоморфности модификаций инвестиционного процесса в различных типах хозяйствующих субъектов представляется, что именно банковский сектор дает наиболее репрезентативную его модель. И не только потому, что процессы привлечения и размещения капитала именно в банковском секторе более близки друг к другу и наиболее наглядны, чем в других секторах экономики, но и по той причине, что товаро- и услугуобмен, движение капитала между хозяйствующими субъектами и секторами экономики невозможны без организма (термин «механизм» здесь будет хотя и точным, но неполным), которым являются не только банковская система (мировая, региональная, страновая и т. п.) и органы, в той или иной мере координирующие ее деятельность (такие, как Всемирный банк, Европейский центральный банк, Центральный (национальный) банк государства), но и отдельный коммерческий банк как основная ее структурная единица.

Итак, еще одним, также претендующим на репрезентативность в условиях все еще переходной, а к тому же еще и посткризисной рос-

сийской экономической реальности, атрибутом банковского инвестиционного процесса может быть названа его недостаточная институционализированность. Для небанковских секторов экономики, не говоря уже конкретно о субъектах малого предпринимательства, это не создало бы столь существенных дополнительных рисков ни применительно к самим хозяйствующим субъектам, ни к их кредиторам. Более того, здесь чрезмерной институционализацией могут порождаться гипертрофированная регламентация процедур принятия решений, «заорганизованность», ослабление или потеря оперативности и даже управляемости бизнес-процессов. В банках же, любой из которых имеет значительный полиморфный пул кредиторов — не только формальных (вкладчиков, держателей векселей, облигаций, также банков-кредиторов по межбанковскому кредитованию), но и фактических или даже потенциальных (акционеры и иные бенефициары, «стейкхолдеры»⁸), институциональная формализованность, процессуальная

⁸ В практике российского бизнеса практически повсеместно распространена ситуация, когда фактические выгодоприобретатели бизнеса (вне зависимости от степени его институционализации), лица (в конечном счете — российские или иностранные *физические* лица), фактически получающие прибыль от соответствующей финансово-хозяйственной деятельности, предпочитают юридически не оформлять свой непосредственный личный статус в отношении фактически подконтрольных им предприятий и их групп. Это связано со многими факторами, среди которых — как персонально-репутационные факторы (классический пример — когда выгодоприобретателем является лицо уровня федерального или регионального министра либо же депутата федерального или регионального законодательного/представительного органа), так и имманентные самому бизнесу финансово-экономические факторы, на которых остановимся подробнее. При структурировании любого бизнеса его структурные компоненты (бизнес-единицы, дивизионы и т. п.) диверсифицируются исходя из места и роли каждого из них в общей холдинговой структуре, в том числе исходя из степени легитимности данного сегмента. Например, право собственности на здание (сооружение), приобретенное за несколько месяцев до банкротства продавца (такое приобретение в соответствии с действующими нормами российского федерального закона 2002 г. о несостоятельности (банкротстве) может быть оспорено в судебном порядке), вряд ли будет оформляться на то же самое юридическое лицо, на которое оформлено право собственности на другой объект недвижимости, не имеющий столь очевидных юридических рисков быть отчужденным в пользу продавца либо иного лица, за исключением актуального собственника. Отсюда проистекает распространенность фактически с самых начальных стадий новой российской экономики — с конца 1980-х — начала 1990-х гг. института «номиналов» (номинальных участников/учредителей или акционеров, номинальных директоров юридических лиц, являющихся структурными единицами бизнеса, номинальных собственников недвижимого имущества — не пугать с британской моделью довери-

проработанность каждого этапа и каждого участника (из числа представительных и исполнительных органов управления банка, его структурных подразделений, служащих различного уровня) банковского инвестиционного процесса являются одними из краеугольных камней положительной результативности инвестиционного процесса для банка, его кредиторов и/или «стейк-холдеров», хеджирования рисков, имманентно присущих банковской деятельности (особенно российской).

Для корректного понимания важности институционализации статуса и функций субъектов внутрибанковских инвестиционно-процессуальных процедур для реализации соответствующей миссии банка, который сам является субъектом инвестиционного процесса,

тельной собственности — траста). Притом степень «востребованности» подобного «номинала» обычно обратно пропорциональна уровню легитимации соответствующей бизнес-единицы (вспомним, что этот образ был блестяще сконструирован еще на закате нэпа И. Ильфом и Е. Петровым в поистине бесмертном романе «Золотой теленок» в лице зиц-председателя Фунта, чье имя закономерно стало практически нарицательным в наши дни). Истинный же выгодоприобретатель юридически закрепляет свой контроль над принадлежащим ему бизнес-холдингом опосредованно, через многозвенную «глубоко эшелонированную» структуру юридических лиц, завершающуюся, как правило, в юрисдикции иностранного государства с не просто щадящей, но в известной мере демпинговой политикой в сфере налогообложения доходов физических лиц и одновременно более или менее закрытой политикой в сфере раскрытия информации о владельцах по запросам иностранных государств (до недавнего времени классическим примером являлась Республика Кипр, ныне репрезентативными примерами могут считаться и другие государства мира). Притом даже в «конечном звене» выгодоприобретатель нередко оформляет свое «бенефициарство» не напрямую через владение акциями (долями в капитале), а в более усложненных юридических формах, например, как учредитель доверительного управления. С точки зрения же российского законодательства в этом случае фактический выгодоприобретатель бизнеса не является таковым юридически (что к тому же нередко «избавляет» его от необходимости платить налог на свои личные доходы в российский бюджет), что само по себе не лишает этого выгодоприобретателя реальных рычагов управления собственным бизнесом и не ослабляет таких рычагов. Институт фактического «выгодоприобретательства» оказывается экономически значительно более весомым, чем формального (зачастую номинального) владения капиталом (акциями, долями и др.). Именно поэтому для обозначения фактического выгодоприобретателя бизнеса, права которого в отношении собственного бизнеса не легитимизированы (либо легитимизированы опосредованно) мы далее будем также употреблять термин «*бенефициар*», а также «*стейк-холдер*» (от практически дословного перевода английского *stake-holder* — «владелец доли прибыли»).

весьма дидактичной могла бы быть фихтеанская⁹ дихотомия «всеобщего я» и «эмпирических я и не-я». В роли «всеобщего я» выступает банк в целом как субъект экономических отношений, в роли «эмпирических я и не-я» — его *внутренняя среда* (соответственно, человеческие ресурсы на различных уровнях организационной иерархии банка — в роли «эмпирических я», а материальные активы и пассивы — в роли «эмпирических не-я»). Методологическая (в чем-то герменевтическая) полнота подобной фихтеанской парадигмы обеспечивалась бы конструированием понятия «всеобщее не-я», которому в рамках данной матрицы соответствовала бы *внешняя среда* (финансово-экономическая, социально-политическая, культурная, технологическая и т. д.), в рамках которой и в качестве части (не всегда неотъемлемой) которой банк функционирует.

Казалось бы, организационно-управленческая, корпоративная структура банка обычно вполне традиционна для корпорации, по существу являясь видоизмененным воплощением принципа разделения властей в государстве. Собрание акционеров или участников (де-факто «стейк-холдеров»), являющихся, подобно гражданам в государстве, источником экономической и управленческой власти, формирует представительный орган (обычно совет директоров), который, в свою очередь, может формировать (если эта миссия не возложена учредительными документами на стейк-холдеров непосредственно) исполнительный орган (единоличный — президент, председатель правления и т. п. — и коллегиальный, традиционно именуемый правлением). Правление же, по общему правилу, формирует (чаще всего в лице его председателя) структурные подразделения, ведущие текущую работу банка непосредственно, «на земле», львиная доля которых — подразделения (кредитное, клиентское, юридическое, риск-контроль, планово-экономическое), фактически формирующие и в ряде случаев определяющие будущее инвестиционное решение, которое будет исходить де-юре от руководителя исполнительного органа, им финально санкционироваться.

При этом ключевую роль в завершении формирования инвестиционного решения играет во многом специфически банковский, «межподразделенческий» орган — кредитный или инвестиционный совет или комитет (наименование в каждом конкретном банке варьируется, далее будем условно его обозначать как «кредитный комитет», сокращенно «КК»). Как правило, в него *ex officio* входят руководители вышеупомянутых ключевых структурных подразделений банка, а воз-

⁹ Подробнее см. работу немецкого классического философа Иоганна Готлиба Фихте (1762 — 1814) «Основа общего наукоучения».

главляет его лицо, занимающее должность единоличного исполнительного органа банка и/или непосредственно «стейк-холдер» (или его уполномоченный представитель).

Как правило, именно на заседании КК, по итогам выступлений руководителей соответствующих структурных подразделений банка о надежности потенциального заемщика или иного потенциального контрагента по инвестиционной сделке, по результатам оценки этих выступлений руководителем КК, принимается окончательное решение о возможности или невозможности заключения такой сделки. Вместе с тем процедура рассмотрения КК вопроса о предполагаемой сделке дает уникальную, нередко единственную возможность компетентным и неангажированным руководителям структурных подразделений банка для пресечения заключения инвестиционных сделок, несущих в себе риск невозвратности, а нередко и представляющих собой непосредственную угрозу не только конкретным финансовым показателям банка, но и нередко самому существованию банка как хозяйствующего субъекта.

В этом смысле КК может и должен не только считаться, но и являться формой непосредственной внутрикорпоративной «демократии». На практике нередко ситуация, когда механизм фактического принятия решения по инвестиционной сделке (как правило, речь идет о положительном решении в тех ситуациях, когда его целесообразность, как минимум, сомнительна) есть в значительной мере *самега obscura*; иначе говоря, само решение принимается «малым Совнаркомом» в составе «стейк-холдеров» и особо «приближенных» к ним лиц, а КК оказывается подобен Верховному Совету СССР образца 1930-х — середины 1980-х гг. С одной стороны, в такой ситуации выхолащивается сущность КК как «модератора» предпочтений и рисков будущей инвестиционной сделки, как барьера от инвестиционных проектов с неоправданно высокой степенью риска либо заведомо невозвратных. С другой же стороны, такой механизм принятия инвестиционных решений оказывается более чем приемлемым для их инициаторов из числа не только и не столько самих «стейк-холдеров», сколько близких к ним сотрудников банка (не всегда являющихся формально членами КК, но обязательно входящих в «малый Совнарком»), нередко преследующих не столько корпоративные интересы банка, сколько свои собственные, эгоистические де-факто, интересы.

Здесь мы подходим еще к одной ключевой проблеме в сфере инвестиционно-банковской деятельности. Обозначим ее как «коррупционность» инвестиционного процесса. Нередко основной целью инициатора инвестиционной сделки является принятие «стейк-холдерами» положительного решения по этой сделке, т. е. санкционирование «вы-

пуска» денежной суммы из банка. В посткризисных российских условиях ни один заемщик не отвечает в полной мере фактическим критериям достаточности качества кредитования, установленным регулятором банковской деятельности (Банком России), и без соответствующего позиционирования внутри банка не имел бы достаточных шансов на получение кредита (а равно инвестиций в иной форме). При этом фактически самоочевидно, что «стейк-холдер» или его уполномоченный представитель, руководящий деятельностью КК, не имеет ни физической возможности, ни достаточного времени рассматривать по существу в деталях все без исключения инвестиционные проекты, по большей части (за исключением «особо важных», «особо приоритетных» и т. п. проектов), делегируя обязанности по такому рассмотрению личному составу структурных подразделений банка, представляемых в КК их руководителями в ранге членов совета, чья позиция по вопросу о сделке оказывается главной детерминантой для принятия «стейк-холдером» финального решения о возможности или невозможности заключения инвестиционной сделки. Немаловажно также в этом контексте, что диктуемые внутренней и внешней средой жизненные (в том числе потребительские) стандарты, которым вынуждены следовать члены КК (в том числе в своей частной, повседневной жизни), в денежном выражении оказываются нередко значительно более высокими, чем и без того весьма значительные легальные их доходы в качестве сотрудников банка. Не просто результатом, но квинтэссенцией вышесказанного становится формируемая этим внутренняя мотивация инициаторов инвестиционной сделки, редуцирующаяся к получению «внепроцессуального вознаграждения» (фактически «отката») от потенциального заемщика (либо иного получателя инвестиций¹⁰) за успешное «прохождение» его заявки через КК и фактическое получение им банковского заемного (либо иного инвестиционного) финансирования. О качестве инвестиционного портфеля банка, таким образом, говорить не приходится вообще, так как не гарантируется соблюдение одного из базисных принципов кредитования (да и в целом инвестирования) — принципа возвратности.

Не просто демотивированные, но и фактически коррумпированные банковские служащие осуществляют не только выдачу кредита (размещение инвестиций в иной форме), но и зачастую «сопровожают» такого заемщика — контрагента банка в течение всего срока возврата

¹⁰ Для методологической простоты по тексту статьи любого получателя (реципиента) инвестиций условно именуем также «заемщиком», а под кредитной сделкой условно понимаем любую инвестиционную сделку. Хотя безусловно это, как минимум, не вполне точно.

инвестиций, не будучи заинтересованными в анализе реального экономического и правового положения контрагента. В итоге даже технический дефолт заемщика оказывается для банка своего рода внутрикорпоративной сенсацией, а не закономерным результатом описанной инвестиционной политики.

Сказанное демонстрирует, что сама возвратность инвестиций (не говоря уже о положительном финансовом результате) оказывается в российских условиях, как минимум, не гарантированной, если не сказать более жестко: эфемерной. Дополнительным фактором, формирующим подобную эфемерность, оказываются современные российские реалии применения традиционных способов обеспечения исполнения обязательств заемщика перед инвестором (банком, заимодавцем) — залога (в том числе залога недвижимого имущества — ипотеки), поручительства (личного и корпоративного) и даже передачи имущества заемщика (временно — опцион, РЕПО и др., и постоянно — что в Древнем Риме именовалось «фидуцией») под управленческий контроль банка (инвестора), вплоть до перехода такого имущества в собственность банка или подконтрольных банку физических или юридических лиц. При банкротстве заемщика (а оно оказывается главнейшим механизмом перераспределения активов в современной России) банк фактически может получить незначительную долю от стоимости заложенного имущества, а имущество, переданное банку по «фидуции», превращается в тень, «симулякр», так как абсолютно законно отбирается заемщиком через подконтрольных ему лиц как имеющее юридические обременения (феномен «управляемой кредиторской задолженности»).

*Entitas ipsa involvit aptitudinem ad extorquendum certum assensum*¹¹.

Описанные реалии — путь не только к экономической, но и в целом гуманитарной катастрофе. Одна очевидность этого указывает им путь не только в Лету, а и в Тартар. Задача банковского сообщества — достойно «провести» их по нему.

¹¹ Реальность включает силу вынудить уверенное соизволение (*перевод с лат.*).

В.А. КУТЫРЕВ

Бог и/или Разум *

Аннотация. Из опыта бытия и на примерах быта показано, что Разум отрицает феноменологическое измерение человеческой жизни. Омертвляет ее. Бог — духовная опора необходимого для нее воображения.

Вера в Бога — низшая степень знания и высшая ступень мудрости.

Ключевые слова: Бог, разум, человек, наука, техника, иное.

Abstract. The article is dedicated to disclosure of the facts, according to which the Reason negates and deadening phenomenological dimension of human life. This conclusion is based on the experience of being and examples from everyday life. God performs spiritual support for the imagination, needed for the phenomenological aspects of our lives.

Faith in God — the lowest level of knowledge and the highest level of wisdom.

Keywords: God, the Reason, human, science, technology, otherwise.

Начало мира — Бог. Но не творит ли также дьявол, это черное зеркало Бога? Судя по человеческой истории, да. Но разделение труда: Бог творит, а дьявол вы-творяет.

Я верю в гибель человека и торжество его разума.

* * *

Человек — домашнее животное Бога. Создавая Адама, Он не наделил его разумом. Он вдунул в него «душу живу», которая постепенно истощилась, а потом умерла. Стала разумом. Где-то с эпохи Возрождения. Потом умер и разум, став интеллектом. Где-то в XXI в. Далее, интеллект превратился в искусственный, который начинают выдавать за «естественный», будто бы человеческий. А он — постчеловеческий. Животное отвязалось от Бога и тоже умерло. Это произойдет где-то к началу XXII в. Про/сти/щай, живо(тно)е! И sapiens! Произошел кенозис — истощение творца в своих творениях. Рождаются Иное, восторжествовали *новые (не)боги*.

* Публикуя данную статью, редакция исходит из права автора иметь личное мнение по острейшему вопросу современности.

* * *

Бог умер, констатировал Ф. Ницше в XIX в. Его убила цивилизация. Верить в него можно только абстрактно. Но жить по вере, будто он существует — нельзя. Общаться с Богом дозволено только в специально отведенных для этого местах — в храмах и монастырях. И, упаси Боже, выйти за пределы резервации. Это фундаментализм. Мусульманам во Франции недавно запретили посещать школы и университеты в платках, христианам — открыто носить кресты, иудеям — «кипы». Веру нельзя даже обозначать. Чтобы другие не видели, не знали, потом и сам забыл. Священные книги переписывают на потребу сексуальных меньшинств и феминисток. Массмедийное искусство изощряется в профанировании и осмеивании образа Христа. Наиболее прогрессивные протестантские церкви благословляет однополые браки, признает аборты, клонирование и т. д. и т. п.

* * *

Все действительное разумно, все разумное действительно. Эту формулу Гегеля можно считать апофеозом идеологии Просвещения, веры людей в силу разума. Для нынешнего времени подходит другой девиз: все действительное без(д)умно, все без(д)умное действительно. К сожалению, это не игра слов, как торопливо подумает поверхностное сознание. Это безумие самого разума. Его бодрствование рождает таких же чудовищ, как и сон. Разве что другого типа. (См. монстр биотехнологии.) Не случайно, к разуму перестают даже апеллировать. Если и вызывают, то к «здравому смыслу». То есть к инстинкту самосохранения. «Наука победила разум», — шутят ученые. Только это не шутка, а самая настоящая реальность. Предварительным условием такой победы стала победа разума над целостностью человеческого духа, в результате которой возник постчеловеческий разум — современная технонаука. Которая победила разум, победивший человека. В Пентагоне, как радостно сообщает пресса, люди (?) разработали «робота-людоеда». Уничтожает любого, как только зафиксирует в поле «зрения», огнем и лучами. Съел бы, для начала, людей в Пентагоне. Всех. Каннибализм прогресса: культура съела природу, разум съел культуру, наука съела разум, техника съела науку. Змея от(у)кусила свой хвост. И: 1) подавилась? 2) подох(ла)? Нет. Превратилась в Иное.

Святые праведники, молитесь Бога о нас!

* * *

Содержание мыслей умного человека примерно можно охарактеризовать так: 90% — чужие, заемные, воспроизводящие социальную

норму — *идеологические*, 9% — свои, субъективные, выражающие собственные желания и настроение — *надуманные*. 1% — отражающие объективное положение дел, реальные тенденции развития — *истинные*. В зависимости от социального положения пропорции меняются. Особенно мала доля истинных мыслей у чистых теоретиков, интеллигенции. Но поскольку мышление является их постоянным занятием, то результат иногда может оказаться выше. Вообще же, духовная элита не любит простоты и глубины. Она предпочитает сложность и поверхностность. Путать, разбирать путаное и вновь запутываться — ее стихия. Впрочем, как говорил Г. Честертон, умного человека можно встретить даже среди интеллектуалов.

Профессионал: чтобы стать в чем-то умным, он стал дураком во всем остальном. Так закаляется научная сталь.

Только немногие люди являются субъектами своих мыслей. Большинство повторяют чужие. Иметь по всем вопросам свое мнение — задача непосильная. Приходится верить и повторять, хотя у каждого должна быть сфера, где он чувствует себя творцом, благодаря чему может выработаться способность к самостоятельному восприятию чужого. Вера как доверие к миру. Как *творческая вера*.

Если вера — это духовно-теоретическая проекция бытия, то знание — его теоретическая возгонка в небытие. Знание — это ~~бытие~~. Как труп — ~~человек~~. Чем больше мы знаем, тем больше нас нет.

С. Кьеркегор писал, что ученые не любят, не верят, не чувствуют. Действительно, они только *знают*, что есть любовь, вера, чувства. Они не переживают мир, а осознают его. Это можно считать психологической характеристикой сциентизма, т. е. научного отчуждения от бытия. Чтобы быть объективным, надо исключить все личные пристрастия. Настоящий ученый — «живой убитый». Как раб — только науки. С жизнью он связан только через собственную плоть. Иногда этого хватает для развития в нем ее *понимания*. Не способный греть, он становится хотя бы теплопроводным. Понимание — и метод освоения искусственного мира, и условие сохранения остатков человеческого в человеке. Это то, что можно требовать от самого специализированного, самого бесчувственного и «лабораторного» интеллектуала. Именно требовать, ибо без свойства понимания он так же страшен, как всякая вырвавшаяся из-под человеческого контроля техника. Но сколько ее, этой «техники». Все больше.

* * *

Или вот еще достижение: «Ученые разработали Идеальную любовницу, автоматизированную работа-жещину. Выполняет все, любые команды». Какое унижение и оскорбление женщин. Где феминистки-

гендеристики? Свои благоглупости и псевдотеории разводят, а подобные вещи пропускают. Впрочем, ученых не остановишь. Теперь они работают над подобного рода Любовником. С ним, говорят, сложнее, но задача интересная. Чтобы проявлял инициативу, просто завидев, воспринимая женщину, без команды. Впрочем, ученых не остановишь. Дальше они будут соединять этих любовников вместе, моделируя взаимодействие. Половой (!) акт. Любовь. В исполнении роботов. Это, конечно, еще сложнее, но задача творческая. Чтобы детей плодили? Убей их Бог, не пойму, зачем все это делают. Потому что сами ничего не могут? Ладно, Господи, не отвечай на вопрос, сделай только первое. *Останови, Господи.*

* * *

Разум — порождение жизни. И ее отрицание, ее смертельный враг. Он заставил ее прятаться в самой главной сфере своего проявления — в акте создания новой жизни, стесняться себя в своем воспроизведении. И осуждает, преследует все другие проявления естественности человека, хотя они только ослабленные следствия первого принципиального проявления акта враждебности. Сейчас это достигло апогея, перебросившись на борьбу со всем «нерациональным», на подавление вещей и материальных отношений информационными, «духовными». Воспевание духовности переходит в воспевание ментальности и информативности. Для рассудка реальность есть пред-рассудок. Идет процесс становления мира на голову. Телесный человек еще нужен, но только как носитель, подставка для ума, без которой сразу не обойдешься.

Разум появился как орудие жизни. Пройдя длительный путь развития, он приобрел самостоятельность. «Отпал» от человека. Он предал жизнь и начинает служить себе. В этом его вина. Перед нами, ибо мы, его носители, все еще живые. В этом наша беда. Бедные, неразумные.

Безгрешные люди обычно нетерпимы и злы. Доброта и прощение вырастают из оправдания собственных грехов.

Зло и нетерпимость — грех. Потому первые не безгрешны. Грех — это зло. Потому вторые не добры. Божественно-дьявольский = трагический принцип дополнительности.

* * *

Включив небо в хозяйственную деятельность, люди отправили богов в космос. Но там — живому — нечем дышать. Поэтому для космоса постулируется некий Разум. Без человеческих свойств и образа. Мертвый Бог. *Без-образный бог ученых.* Хотя, если подробнее, дело было так: языческие боги обитали везде — в траве, воде, лесу(ший),

дому(вой). Греки их возвысили, подняв на гору — Олимп. Но все равно близко. Иудео-христианство определило Ему Небеса. А теперь отправляют на другие планеты. Бог становится инопланетянином. Так современному сознанию легче его признать и «при встрече» — опознать. Вслед за Богом стать инопланетянином готовится человек. На своей Земле.

Говорят о ренессансе религии, христианства. Не верю. Все поверхностно. Если еще в начале XX в. люди своими глазами видели и лично сталкивались с ангелами и дьяволами, прибегали, испуганные, и рассказывали, как им удалось выпутаться из этого переплета, то сейчас нет. Лично сталкиваются с инопланетянами и достоверно видят их. На небе обычно видели кресты и принадлежности религиозной службы, теперь — только тарелки. Вместо крыльев и рогов — скафандры и антенны... *Тип мифологемы не христианский.* А миф — это главное для существования того или иного религиозного направления.

Всегда удивлялся общераспространенной трактовке библейской фразы «Блаженны нищие духом». В том смысле, что бездуховность — благо. Церковь обосновывала ею вред гордыни учености в пользу духовного смирения, атеисты же считали оправданием невежества. Мне ее смысл представляется совершенно иным: нищие, неимущие блаженны (довольны, радостны) духом, в отличие от богатых, которые довольствуются материальным достатком. И более правильный перевод этой мысли будет: «Нищие блаженны духом». Это возвышение духовного над материальным, вечного над тленным, что и приличествует религиозному сознанию.

Две тысячи лет назад Христа распяли на кресте. Он умер, но потом воскрес. Сейчас его распинают на эстраде. Фарисеи и гонители христианства стали телепроповедниками, его нищие апостолы — миллионерами. Нет ничего более антирелигиозного, профанного и атеистического, чем эти сборища во дворцах спорта и на стадионах, вдохновляемые чудовищной рекламой и «миссионерами от бизнеса», шоуменами и диск-жокеями бога, с ловкостью конферансье соединяющими бесовскую игру с духом партийно-профсоюзного собрания.

Недавно я видел приглашения на встречу каких-то христиан по проблеме «Бог и ваши финансы». Вот уж действительно «христопродавцы». Православная церковь до такого еще не дошла. Но все равно: это смерть Христа, после которой не будет воскресенья. Нужны новые мифы или, наоборот, старые — консервативная революция, *«революционное движение»*. За *возврат к Традиции*.

* * *

Разговор эволюциониста с креационистом (атеиста с верующим).

Креационист: Человек настолько сложное и совершенное существо, что поверить, будто он возник в результате эволюции невозможно. Не хватит никакого времени. Посмотрите на глаз, его изумительные возможности. Никакие ваши аргументы про миллионы, миллионы лет ничего не объясняют. Все они неубедительные, натянутые, искусственные. Это настоящее чудо.

Эволюционист: ... ??

Верующий: Его сотворил Бог. За один миг, максимум за шесть дней. Это же так естественно. О чем прямо сказано в Библии. И никакого чуда. А то: «миллионы лет».

* * *

Храм Вознесения Господня в д. Матренино Чкаловского района Нижегородской области — шесть человек на исповедь. Из них двое «мужеска пола», которых, по церковному канону, должны исповедовать в первую очередь. Встают на колени, но видно, что о своих грехах говорят скупно, формально, священник отпускает им их и их самих тоже довольно скоро. Не то с женщинами. На каждую времени ушло в 2 — 3 раза больше. Потому что и грехов оказалось много, и отпускать каждый надо дольше. Похожая ситуация в кабинетах психотерапевтов. А, в самом деле, у мужиков какие могут быть грехи? Почти нет. Это существа открытые, чистые и непороч/ен/ные. А если закрыты, то намертво, и ключ забросят. У них — преступления, нередко мании, и жестокие, которые гораздо чаще, в обратной пропорции, по «признательным заявлениям» отпускаются в судах.

* * *

Современность перевернула иерархию Троицы: Бог-отец, Бог-сын, Бог-Дух Святой. Несмотря на провозглашаемую равноипостасность, у богов всегда была разная, хотя исторически меняющаяся востребованность. Первопричинного Бога=Отца, Пантократора=Вседержителя, Йегову=Саваофа, «Творца небу и Земли» почти забыли, и довольно давно. Уже в начале XX в. В. Розанов защищал его, критикуя христианство за пренебрежение к чувственности. Ему и икон, кажется, нет. По крайней мере, больше не пишут. Однако сейчас Христа тоже забывают. Да, в отличие от сурового Отца Он политкорректен и, как бы предвидя ювенальную юстицию, не требует, не грозит, не наказывает, а прощает. Но плохо помогает. Помогает просителям и эгоистам. Богородица — главное теперь наше (не)божество. Взятая на Небо земная женщина. Всего только святая. Но Она — Заступница. За людей, перед Богом. Молиться надо Ей, а Она уж там постарается. Богородичных икон по названиям городов — на все вкусы. Потому что люди,

особенно теперь, хотят, чтобы не они служили Богу, а чтобы Бог им. Кроме того, большинство верующих — женщины, и по мере вырождения человека, размывания всего сильного, мужского, его замены феминистской имитацией, возрастает спрос на женское божество, женских святых. Троица теперь предстает как нынешняя семья: Бог-отец, Бог-мать, Бог-сын, с соответственно изменившимися ролями. С «материнским капиталом». Или как постсемья из (бого)матери-одиночки, у которой капризный сын-человек все время кланчит чего-нибудь сладкого. А с Бога только алименты. Что касается Святого Духа, то он превращается в Разум. «Святой разум». Гностицизм: вместо веры — рассуждения о ней, вместо богомоллов — богословы. И Патриарх (старший архиерей) — политолог. Дух-разум любят использовать разные оккультные секты и гадалки, а также на «теологических факультетах», из десяти выпускников которых обычно выходят один мракобес и девять «религиоведов», т. е. еретиков и атеистов. В науке, у ученых как агностиков и непоследовательных атеистов, от Бога осталось: «Что-то есть». Это «что-то» ни образа, ни вида не имеет, молчит и ни с кем не общается. Оно скорее было, чем есть. На(со)творил человека и скрылся. А кто воспитывать будет? Он-о засох-ло, как их ученая душа, до пустой абстракции, математической точки, «сингулярности» или буквы, у Тейяра де Шардена, например, «Омега».

Тоже и со святыми. Во времена коллективизации в подмосковной деревне жила слепая девочка, потом малограмотная женщина — Матрена (или даже Матренка, как, зная деревню, можно уверенно предположить). Сверстники-подростки ее обижали, насмехались, но она начала лечить, заговаривала зубы, что-то предсказывала и приобрела известность. Братья вступили в колхоз, были против ее занятий, но к ней начали наезжать из Москвы, даже «элита», а потом саму перевезли туда. Поскольку она держала иконы, ее признала Церковь. А потом объявили святой. Но не Матреной, а Матроной! Я думал, потому что «гламур требует». Не о Матрене же салонно-косметическая дама рассказывала и не Матрене она хочет молиться. Но, говорят, что так «по святым». В общем, в православных церквях теперь иконы святой Матроны. На католический манер. Римляне. Может, хохломские матрешки назвать матрошками?

Эх, дела житейские...

* * *

Есть предложение для фирм ритуальных услуг: поскольку плакать люди разучились, а оркестры средние покойники заказывать перестали (дорого, да и шумно, привлекает внимание, а теперь хоронят «по-тихому») преобладает какое-то тягостное молчание (уж слишком

тихо, «неловкость смерти»). Не проводить ли похороны «под фанеру», музыкальную фонограмму? Включать одну на все кладбище на целый день. Как «Радио на Покровке» (центральной улице Нижнего Новгорода). Мертвые будут все это оживлять. Впрочем, так уже делают — в ритуальных машинах, под шум мотора, прямо на ходу. Автоматизация смерти идет вслед за автоматизацией жизни. Надо шагнуть в ногу со временем. Ставят же в католических храмах Богу свечки, опуская в прорезь монетку. Для получения благословения. Как для получения экспресс-кофе. Автоматизация веры. Самого Бога. Авто-мото-бог. + Бог в сетях Интернета. Авто-мото-интернет. Как подводная лодка в степях Казахстана. И ведь исповедуются, молятся ему т(ут)ам, служат. А в храмах теперь «предоставляют религиозные услуги»: расфасовывают и продают веру. Господи, Всё-могущий!? До чего Ты дожил.

Брось на них молнию!

Явь сме(стра)шного человека

По мере подавления жизни разумом, ее человеческие проявления кажутся все более странными, нелепыми и необоснованными. «Смешными». Как телесные, так и духовные.

Собралась толпа людей. В большом здании, которое называют храмом. Поют, бормочут, при этом зажигают огоньки, целуют доски, обращаются с просьбами. К кому? Говорят, что «служат» какому-то Богу, которого никто не видел.

Вот другая толпа. Тоже в большом здании, которое называют театром. Прыгают, сучат ногами, соединяются и разъединяются, при этом издают разные горловые звуки. О чем? В основном про какую-то любовь. Остальное время от времени бьют рука об руку, «хлопают». «Аплодисменты».

Да само пребывание на земле: ну родилось, мелкое животное, жалкое, ни к чему не годное, писает, орет, какает. Умерло, упаковывают в ящик, несут в яму, у окружающих из глаз вытекает жидкость. Зачем? Все свершилось по законам природы. Объективно.

Или вот это же существо, открывая рот, довольно часто произносит слова: ха-ха, хи-хи, го-го. Что за «слова»? Одновременно морщится, приседает, машет руками.

Говорят «смех». Или зевота: тут вообще простое открывание рта. К чему? Слов нет, как это глупо. Будь я роботом, я бы смеялся (??!) до упаду. До отключки.

А уж в акте любви: ночь, луна. Он, она. Много движений, мало достижений. Лезут друг на друга, слюнявятся, дергаются, стенают... С точки зрения науки и технологии все это абсолютно условно, нерационально, неэффективно. Абсурдно. Тьфу!

Такие вот мы, под *мертвящим взглядом разума*. Все более смешные и нелепые. Так давайте быть серьезными, разумными. Увы, это не поможет. Человеческий разум перед лицом искусственного интеллекта нелепым будет всегда. Может, компьютеры над нами уже смеются? Когда капризничают, издеваются?

Нет, давайте считать, что все хорошо в своем роде. И прежде чем плакать, можно посмеяться над нашими роботообразными и их идеологами, так называемыми трансгуманистами, которые хотят угнаться за техникой. Вот что действительно смешно. Вот кто действительно смешон. И страш(е)Он.

P.S. Один бывший преподаватель философии и бывший наиболее одиозный постсоветский политик Б. в «семейном» телеинтервью сказал: «Я никого не люблю. Я только уважаю». Потерей чувств, ауры и души он уже гордился. Но он не говорил, а гундосил. И впечатление было, что это не человек, а существо. Гуманоид. Когда спрашивают, где вы видите того, кем пугаете, всяких постчеловеков, теперь можно сказать: вот, смотрите. Смотрите, кто пришел. И представьте, что общество состоит из Б. Кругом одни Б-сы. *Явь страшного человека*.

* * *

После чудовищного количества споров о том, что такое материя и наша реальность, в качестве высшего достижения современной мысли родилось мнение: это отходы, своеобразное загрязнение чистого пространства-времени. Так заявляют многие логики, математики, теоретические физики и другие представители переднего края познания. Если перевести подобные идеи с птичьего языка (и сознания) ученых на язык людей, то чистое пространство-время есть *мысль*. Значит, материя — это загрязнение мысли. Таково теперь решение «основного вопроса философии». Но материя, природа, включает в себя все живое, в том числе человека как естественное существо. И вот он и природа предстают как отходы мысли, как грязь от функционирования созданной мыслью искусственной реальности. Мы свидетели настоящей экологической перверсии. Если обычно речь шла о загрязнении природы результатами научно-технической деятельности, то здесь природа рассматривается как отходы самой этой деятельности. Как загрязнение ноосферы, мусор и помеха в развитии нового техногенного мира. Следствие становится причиной. *Смена субстанции*.

Больше того. В мировоззренческой ипостаси чистое пространство-время — разум. Всемогущий и всеобщий разум — Бог. Раньше Бог творил природу и человека в своем высшем усилии — из уст. (В начале было Слово. И Слово было у Бога.) Оказывается, что это совсем не так, Господь извергнул что-то другое, в результате чего возник мир.

Вот ответ на все, мучающие философов тысячи лет, вопросы: что есть Бытие? Выходит, что-то непотребное! Это утешает.

* * *

Однако, скоро, скоро грядет перелом в отношении к Богу. Совсем недолго осталось, когда Его будет культивировать наука, ученые-технократы. Объявят, что он существует. И поэтому существовал. Под ним будут иметь в виду Универсальную Сеть, которая все знает и мгновенно творит новое. Посредством нанотехнологий. Сущий Бог. Который также когда-то создал/спроектировал Землю и Человека. В котор(ую)ого можно уйти, сохранив себя как информацию. Стать «бессмертными». Будут ему/ей поклоняться, молиться, слагать гимны. Возникает техно-теизм. Техноверие, со своими апостолами, пропагандистами (в русскоязычной культуре таковым можно считать, например, М. Эпштейна), число едино(после)следователей такого рода начинает быстро расти. Религия трансгуманизма. Или просто: «транс-анство». Вместо христианства. Философы под это подведут соответствующую базу. Атеистами и еретиками будут считаться старо-веры (в живого Бога, разные традиционалисты, христиане и мусульмане) и «дикие, не отловленные», типа меня, светские консерваторы. Свободомыслящие фундаменталисты и реакционеры-атеисты, с одной стороны, и верующие фанатики транс(про)гресса, с другой. Борьба между ними, поражение первых (их будут приносить в жертву) и победа вторых (в награду они будут растворяться, воссоединяясь с бессмертной Матрицей). Такова диалектика Просвещения, ведущая к «новотемному» (в рентгеновских и лазерных лучах) *Трансвековью*, которое будет объявлено Высшим Светом.

* * *

Происхождение человека. Непрерывные тысячелетние споры. Великая борьба. Конечно, мы — животные. Наш ближайший родственник действительно обезьяна. Наше тело — это мясо, кровь, кости, лимфа, наша любовь завершается выбросом какого-то белого вещества, слезы — это вытекание из глаз особой жидкости, смех — это икание, непроизвольное открывание и закрывание рта. И т. д. Такова проза жизни. Так видят человека физиология, наука вообще. Однако *фактически* мы воспринимаем все иначе. Мифологически, феноменологически, экзистенциально, эстетически. *Духовно!* Какая совершенная или неуклюжая фигура, красивое или неприятное лицо, какой благородный или невыразительный взгляд и отточенные или нелепые жесты, какой задорный или печальный смех. И т. д. Мы отвлекаемся от физиологических отпавлений, не видим их, не знаем о них. Иначе, без

этой духовной оболочки, как и без кожи, невозможно жить. Нельзя быть человеком. Все бы опротивели друг другу, и каждый — себе. То есть на самом деле мы науке не верим. Или верим только частично, ситуационно. *Человек живет поэтически* (М. Хайдеггер).

Таким же должно быть наше мировоззрение. Люди сотворены Богом по его подобию. Они не обезьяны, а почти ангелы. У нас душа, а не психика. Прекрасное тело, а не постоянно отмирающий организм. Земля не песчинка во Вселенной, не вакуум и не кручение пространства, а наш Дом, живой и теплый. Небо голубое, а не черный космос. Аналогичным образом, Человек как-то воскреснет. Из-за засилья науки религиозным мифам и феноменологическому восприятию перестают верить. Или только иногда. А жаль. По науке можно функционировать, а не жить. Жизнь засыхает, человек становится депрессивным и бесплодным. Ради блага жизни, чтобы не утратить радость ее духовного воспри(н)ятия, теоретическое мировоззрение надо бы забывать. Прочь Коперника, долой Дарвина, на свалку Винера. Можно ли забыть, и насколько?

Итак, драматическая формула объяснения сущности человека должна быть, по-видимому, такой: гносеологически (по истине) он произошел от обезьяны, а онтологически (по бытию) его создал Бог. Знание — про-ду(кт)цент бытия. Знание про-тив бытия. Это отказ от мудрости, преодоление ее неопределенности. Мудрость или знание — писал сторонник «строгой науки» Г. Шпет. Знание — преодоление бытия. Это за-бытие. Забы(ва)ть знание! Когда оно мертв(ящее)ое. Вот искусство жизни. Таким образом, форм(ул)а бытия Господа Бога (не)нашего Иисуса Христа, Магомета, Кришны и т. д., объединяющая фидеистов и рационалистов, будет: объективно, для разума, Бога нет, и все его теоретические доказательства — праздные занятия, хотя ими занимались, будут заниматься и надо заниматься. Ибо как субъект, для жизни, он существует. Как вечность через/сквозь время, бытие сквозь/через ничто. Так связаны от века судьбы Бога и Человека. Будут жить и/или умрут — вместе. Или, *друг за другом*. От передозировки Разума, которая делает его без(д)умным (современная гонка технологий к Ничто и в Никуда). Если Бог ее не остановит.

Вера в Бога — это низшая сте(у)пень знания и высшая сту(е)пень мудрости.

Н.В. РОДИОНОВА, И.А. БОГДАНОВА

Возможность этического оправдания экономических целей

Людей нельзя внести вверх по лестнице — они должны карабкаться сами.

Й. Шумпетер

Аннотация. Вершиной менеджмента является функция целеполагания. Однако часто она сводится к разработке экономических целей без учета этических ценностей. Этически неоправданные цели предприятия не способствуют творческой активности работников, ведут к деградации их трудовой мотивации. В статье обосновывается идея о том, чтобы трудовую мотивацию, корпоративную культуру и цели организации связывать с этикой. Этические принципы предлагается черпать из христианского учения, которое зиждется на принципах любви. Ценность любви — общечеловеческая и самая важная для человека. В статье обосновывается идея о соединении христианского учения о любви с трудовой жизнью человека на основе концепции взаимосвязи ценности любви, показателей эффективности и принципов справедливости. Эту взаимосвязь предлагается устанавливать методом согласования положений философии организации, философии управления человеческими ресурсами, корпоративной культуры и предметов мотивации трудового поведения.

Ключевые слова: целеполагание, нравственная деградация, этическая нечувствительность экономических целей, методы их этического оправдания, философия организации, ценность любви к ближним, лестница любви, спасительный потенциал любви.

Abstract. The peak of management is the function of aiming. Yet, often economic aims are working without discount of ethical values. Ethically no-acquittal aims of enterprise aren't promoting to creative activity of workers, are leading to degradation they labor motivation. In this article is proving the idea about correlations labor motivation, corporation's culture and enterprise's aims with ethics. It is proposing that ethical principles can draw from Christian learning. The basis of Christianity is principle of love. Love value is social and the most important for human. In this article is proving the idea connection the Christian learning about love with workman's life on basis conception of love value, justice principles and efficacy indexes. It is proposing that this correlation will put up by coordination method of positions of enterprise's philosophy, philosophy of human resources management, corporation's culture and objects of labor behavior.

Keywords: aiming, moral degradation, ethical no sensibility of economic aims, methods of its ethical justification, philosophy of organization, love value to fellow creature, love scale, saving love potential.

Проблема этического оправдания экономических целей. Фундаментальной субстанцией и исходной функцией системы менеджмента, его вершиной, является целеполагание. Это конкретный вид управленческой деятельности по формированию системы согласованных целей организации, т. е. конкретных конечных состояний или искомым результатов, которых она хотела бы добиться. Эта функция предназначена для обеспечения взаимосвязи индивидуальных выгод организации, персонала, потребителей и общественной пользы хозяйственной деятельности, путем определения социального русла, характера и направлений ее развития, достижения консенсуса интересов социальных групп организации, согласования смысла жизни каждого работника со смыслом его трудовой деятельности и т. п. Решения этих проблем отражаются в философии организации.

Основными компонентами философии организации являются: миссия и видение организации, стратегия, тактика и концепция управления, организационная культура и цели организации. Через взаимосвязи этих компонент обеспечиваются взаимосвязи функций целеполагания и мотивации персонала. Характер этой взаимосвязи определяется философией управления персоналом (табл. 1).

Несмотря на то, что механизм взаимосвязи функций целеполагания и мотивации персонала образован, зачастую в практике управления он либо действует упрощенно (на уровне стоимостных, а не ценностных, категорий), либо не действует вовсе. Поэтому и цели хозяйственной деятельности воспринимаются ограниченно. Это обусловлено этической невосприимчивостью методологических основ экономики. Так, в классической экономике, опирающейся на теорию стоимости, и в маржиналистском учении, в основе которого лежит теория ценности, цели детерминированы, т. е. однозначно заданы, их не следует выявлять. В классицизме цель понимается как максимизация дохода, в маржинализме — как максимизация полезности. В условиях империализма экономики целеполагание сводится к декомпозиции ключевых экономических целей по временному горизонту и согласованию локальных целей между собой и с потребностями социальных групп организации. Единственным нравственным оправданием хозяйственной деятельности является удовлетворение потребностей всех социальных групп предприятия. Часто потребительский характер взаимосвязи функций целеполагания и мотивации персонала реализуется по принципу: цель

оправдывает средства, что порождает этические проблемы организации и экономики в целом.

Таблица 1

Взаимосвязи философии организации и философии управления персоналом

Компоненты философии управления	Философия организации	Философия управления персоналом
Миссия	Предназначение деятельности организации	Смысл трудовой деятельности персонала и ее этическое оправдание
Видение	Образ организации в будущем	Желаемые качественные характеристики персонала и его мотивационные установки, благодаря которым видение организации воплотится в реальности
Стратегия	Генеральное направление развитие деятельности организации	Вектор и этапы решения кадровых проблем, связанных с достижением стратегических целей организации
Политика	Основные пути и способы реализации стратегии	Выбор приоритетов, способов и средств достижения стратегических целей и задач
Концепция	Идея о структуре системы управления организацией и механизмах ее реализации	Идея о структуре системы управления персоналом и механизмах ее реализации
Организационная культура	Этические требования к деятельности организации и ее сотрудникам, правила взаимоотношений в социальных группах организации	Комплекс разделяемых всеми членами организации ценностей, представлений, понятий, убеждений, поведенческих норм и артефактов
Цели	Система стратегических, тактических и оперативных целей развития деятельности	Система стратегических, тактических и оперативных целей управления персоналом

Как показывает опыт, экономические цели, абстрагированные от этических ценностей, ведут к расхождению смысла жизни работника со смыслом его трудовой деятельности, что является основной причиной его трудовой и нравственной деградации¹. «Человек стал бездонною пропастью; всеусленно заботится он наполнить сию бездну, —

¹ Подробнее об этом см.: [1].

но не видит, не чувствует наполнения» [2, 13]. Действующий в системе менеджмента, необремененной этическими ценностями, невидящий смысла жизни человек периодически испытывает потребность в переоценке рушимых ценностей, но однажды наступает момент, когда его духовное развитие как бы «упирается в стену». «Видя свои напрасные труды и старания достичь счастья, удовлетворя страстям и похотям, ввергает и мысль свою в пропасть и болотную тину отчаяния» [3, 9]. «Люди, оказавшиеся выброшенными из мира гармонии, где уравновешены страсть и справедливость, все еще предпочитают одиночеству скорбное царство, где слова уже не имеют смысла, где господствуют сила и инстинкты слепых тварей» [4, 183]. В конечном счете, потребительское отношение к труду сказывается на потере эффективности: требуется все больше и больше правил и санкций, что повышает стоимость системы управления; снижается заинтересованность в творчестве, обостряется чувство несправедливости. Отсутствие этических регуляторов экономических целей предприятия особенно опасно для инновационного развития: у кого-то может возникнуть потребность в «гиперболоиде инженера Гарина».

Понимающие это руководители некоторых предприятий пытаются хотя бы формально обозначить смысл трудовой жизни путем включения этических, и даже религиозных, ценностей в организационные культуры и проведения мероприятий благотворительности.

Так, для сотрудников организуются культурные и паломнические поездки. Предприятия оказывают благотворительную помощь. Например, во Владимире строительное предприятие ООО «Игротек» на собственные средства построило три храма, в Санкт-Петербурге на производственной территории завода арматурных и теплоизоляционных изделий (АТИ) сооружен храм в честь иконы Божией Матери «Неупиваемая чаша», во Владимире на учебной территории Владимирского государственного университета сооружен храм в честь святых Кирилла и Мефодия. О многих других мероприятиях сообщается в журнале «Корпоративная социальная ответственность»². Однако эти мероприятия носят единовременный характер, часто не взаимосвязаны с функциями целеполагания и мотивации системы менеджмента и поэтому не дают желаемых эффектов.

Роль совместных ценностей работников обосновывается и в науке: «Здоровая экономика не только нуждается в индивидуальном усилии и предприимчивости, но также в стремлении и способности объединяться и работать вместе. Это... зависит от того, до какой степени общества разделяют общие нормы и ценности и способны подчинять инди-

² См., напр.: [5, 7 — 14; 6, 15 — 22; 7, 23 — 27; 8, 15 — 25].

видуальные интересы интересам более многочисленных групп. Из таких совместных ценностей появляется доверие, а доверие представляет собой крупную и измеряемую экономическую ценность» (цит. по: [9, 62]).

Методологические основания этического оправдания экономических целей. Пытаясь решить указанную проблему практики, современная наука ведет поиск способов этического оправдания экономических целей. Формируются такие новые направления экономической теории, как этическая экономия, философия хозяйства, метаэкономика, этика бизнеса, экономическая этика и др.³. Есть надежда на то, что решение будет найдено, но вместе с тем есть и опасность ошибок. Опыт истории показывает, что надуманные этические теории уводят от реальности и создают тупиковые ситуации.

Все чаще высказывается мнение о том, что этические основы управления хозяйством следует создавать на фундаменте общечеловеческих, и даже религиозных, ценностей (П. Козловски, Х.Й. Виттевин, Д. Барон, Л. Падва, Ф. Фукуяма, Л. Львов, Б. Генкин, В. Кандалинцев и др.). Эти попытки предпринимались в учениях утопического социализма, протестантизма, коммунизма. Например, М. Веблен видел регулируемую роль религии в «привычных способах осуществления процесса общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество» [11, 204]. Его модель «духовного человека» предназначена для обоснования ценностей и целей поведения человека. В России проблеме взаимосвязи религии и хозяйства посвящены труды С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, М.И. Туган-Барановского и др.

Многие современные исследователи приходят к пониманию того, что «система начинает страдать от упадка социальных ценностей, которые в прошлом были связаны с религией и мотивировались ею» [9, 62], поскольку именно эти ценности образуют вектор добра для социально-экономического развития, примиряют конфликт интересов социальных групп, объединяют людей на духовно-творческом уровне, объясняют смысл жизни каждого человека; формируют его отношение к окружающему миру, другим людям, себе, собственной деятельности.

П. Козловски разработал систему взаимосвязи этических требований и религиозных ценностей. Он обосновывает возможность регулирования общественного порядка с помощью этических требований, благодаря которым будет исправляться несовершенство рынка, а недостатки этих требований предлагает компенсировать религией [12, 38 — 47].

³ Аналитические обзоры этих научных направлений см.: [1; 10, 66 — 78].

Б.М. Генкин, руководствуясь метаэкономическим подходом, обосновал влияние материальных, социальных, интеллектуальных, эстетических и духовных ценностей человека на эффективность его деятельности. В структуре предложенной им комплексной модели человека рассматриваются взаимосвязи целей, ценностей, потребностей, потенциала и мотивации деятельности работника. Среди целей духовное устремление индивида представляется как доминирующее направление деятельности. В классификациях потребностей и мотивов выделены группы духовных потребностей и мотивов. В трудовом потенциале работника, предприятия и общества среди восьми компонент второе по значимости место занимает нравственность. Более того, Б.М. Генкин и результаты деятельности человека предлагает рассматривать в разрезе трех компонент: регламентированный, творческий и духовный труд. Это дает возможность выделять наряду с традиционными факторами роста эффективности — затратами рабочего времени и интенсивностью труда, такие как: талант и совесть работников, активность их реализации [13, 57, 82 — 85, 101 — 109, 127 — 128, 144 — 149]. Основные проблемы реализации данной модели состоят в неизученности механизмов управления творческим и духовным потенциалами и отсутствии инструментария для оценки их влияний.

Решение проблемы целеполагания в российском менеджменте с учетом христианских ценностей. В развитых странах большая часть населения исповедует идеи христианского учения. Философия западноевропейского и американского хозяйств, уроки которых теперь изучаются в России, базируется на положениях протестантской этики. Такой хозяйственный порядок демонстрирует высокую экономическую эффективность. Но есть также пример высокоэффективного японского хозяйства, основанного на иной религии. Важно, чтобы философия хозяйства пребывала в гармонии с внутренним миром каждого человека, не противоречила бы его Божественной природе. Для этого необходимы не только этически обоснованные стратегии развития организаций, но и духовно зрелые менеджеры, имеющие высокий кредит доверия у работников. Последнее особенно актуально для России.

Нами предлагается совершенствование функции целеполагания на основе ее взаимосвязи с функциями мотивации трудового поведения и корпоративной культуры в системах управления с учетом тех христианских ценностей, которые являются также и общечеловеческими. Самой важной для человека является ценность любви. В христианском учении смысл жизни человека состоит в возрастании его в меру Божественной любви, в возделывании Эдемского сада в своей душе. «Наше дело — постоянно возрастать к полноте любви, учиться любить всем умом, всей чуткостью — творчески, как только мы способны, — любить деятельно, любить не только тех, к кому наше сердце обращено

естественно, но и других, любить не “вообще” людей, а каждого лично, потому что каждый — единственен и заслуживает, чтобы мы его любили лично... Вот наша роль, наше призвание. А Бог заберет нас, когда Сам определит» [14, 95 — 96].

Божественный замысел прост. У человека есть шанс стать духовно бессмертным и войти в Царство Небесное. Для этого перед ним ставится единственная задача — научиться любить, чтобы соединиться с Богом. Эту задачу он решает на протяжении всей жизни, либо возрастая в любви, либо теряя ее. Стяжание любви становится смыслом жизни человека. Ему заповедана любовь к родителям, супругу(е), детям, ближним, врагам, Богу. Путь любви представляется как лестница со ступенями: эрос, сторге, филия, любовь к врагам, агапе соответственно. На любой ступени (глубине) чувство любви может быть альтруистическим (праведным) или эгоистическим (неправедным). Часто человек не может видеть различий, он осуществляет восхождение как бы с завязанными глазами. Навигаторами являются совесть и заповеди. Вступая в сделку с совестью и отклоняясь от заповедей, человек рискует быть низвергнутым с лестницы. Кроме того, задача подвига любви всегда усложняется: восходя по лестнице, человек подвергается искушениям, скорбям, болезням. Потому что любовь к Богу не совместима с чувствами зависти, уныния, обиды, жадности, тщеславия и т. п., от которых душа избавляется в страданиях. В преодолении трудностей формируется личность человека, меняется его отношение к себе и окружающему миру, на которое изменяющийся человек оказывает влияние.

Следовательно, жизнь человека образно можно представить как симфонию переживаний разных чувств любви: соединения, привязанности, дружбы, милосердия, жертвенности, ликования. Тренд этих переживаний имеет волновой характер: душа человека то приближается к Богу, то отдаляется от Него. Об этом писал Преподобный Авва Дорофей⁴.

⁴ «Предположите, что круг этот — мир, а самый центр круга — Бог, радиусы же, т. е. прямые линии, идущие от окружности к центру, — это пути жизни человеческой. Итак, насколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу и друг к другу, и... сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. Так понимайте и об удалении... Таково естество любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего... Насколько приближаемся к Богу любовью к нему, настолько соединяемся любовью и с ближним, и насколько соединяемся с ближним, настолько соединяемся с Богом» [15, 143 — 144].

Любовь в человеке вызывает в процессах труда, совместного творчества, проявлениях благотворительности и в общении. Качество ее зависит от отношения индивида к труду, который он может выполнять с радостью, равнодушием или нерадением, а также от выбора формы взаимоотношений с окружающими людьми. Трудолюбие, творчество, доброжелательность, благотворительность являются источниками евангельской любви.

Христианское учение можно было бы представить механистически как менеджмент евангельской любви, где любовь к ближним (сотрудникам, потребителям продукции, экономическим партнерам) выступала бы управляющим воздействием, объектом, инструментом, критерием и ресурсом развития человека, а также мотивом трудового поведения. С этой точки зрения стяжание любви могло бы стать функцией системы управления, но не может, потому что любовь свята, латентна (сокрыта), интимна (имеет табу), требует свободы выбора человека, ранима, не конвертируема в стоимостные показатели. Однако без учета ценности любви эффективное управление невозможно, потому что без нее все механизмы развития и самовыражения личности делают человека бездуховным. Встает вопрос: как же соединить христианское учение о любви с менеджментом, призванным управлять жизнедеятельностью людей?

Один из путей видится в определении взаимосвязей ценности любви, показателей эффективности и принципов справедливости⁵. Эти взаимосвязи предлагается устанавливать методом согласования положений философии организации, философии управления персоналом, корпоративной культуры и предмета мотивации персонала. Согласование состоит в следующем. К примеру, в философии организации определяются формы любви к ближним (потребителям продукции, сотрудникам, экономическим партнерам, конкурентам), опосредованные через развивающуюся хозяйственную деятельность. Эти формы любви служат этическим основанием для выработки требований, предъявляемых к деловым и личностным качествам сотрудников. Выполняя эти требования, сотрудники будут осознавать процесс возрастания в любви к ближним и наращивать собственный спасительный потенциал любви. Защитную функцию рамочного порядка может выполнять корпоративная культура. Важно, чтобы ее ценности, принципы и правила исключали межконфессиональные противоречия. Система мотивации персонала направлена не только на повышение эффек-

⁵ Концепция взаимосвязи принципов эффективности, справедливости и духовности нами обоснована в рамках диссертационного исследования, результаты которого опубликованы в работе [16].

тивности труда, но и на духовно-нравственное совершенствование личностных качеств сотрудников. Предметами ее могут быть не только образование, результаты труда, профессиональное мастерство, результаты инновационной и творческой деятельности, карьерный рост; но также справедливость распределения и полезность использования доходов организации, добросовестное отношение к труду, нравственность взаимоотношений сотрудников, честность, вежливость, благотворительность и т. д.⁶

Литература

1. Родионова Н.В. Модель этического «экономического человека» // Человек и труд. 2006. № 1 — 3.
2. Святитель Феофан Затворник. Наставления в духовной жизни. М., 2000.
3. Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского. Житие. СПб., 2000.
4. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
5. Абрамов В.Н. Интегрированная система менеджмента — создание оптимальных условий для работы // Корпоративная социальная ответственность. 2008. № 6.
6. Баранцев А.Г. Основной задачей социальной работы на ОАО «ГАЗ» является создание системы социальных льгот и гарантий, обеспечивающей максимальную защиту и поддержку // Корпоративная социальная ответственность. 2008. № 3.
7. Малых Н.А. На ФГУП «ПО Уралвагонзавод им. Ф.Э. Дзержинского» создаются оптимальные условия для труда и улучшения качества жизни работников // Корпоративная социальная ответственность. 2008. № 3.
8. Сомов В.Е. Эффективность производства в значительной степени определяется способностью сотрудников к постоянному развитию, освоению нового опыта и инициативным подходом к решению задач // Корпоративная социальная ответственность. 2008. № 6.
9. Виттевин Х.И. Бизнес и духовность. Суфизм в действии. М., 2007.
10. Родионова Н.В. Взаимосвязи экономических и социальных показателей в системах управления предприятиями. СПб., 2004.
11. Веблен М. Теория праздного класса. М., 1984.
12. Козловски П. Принципы этической экономии. СПб., 1999.

⁶ Дополнительную литературу по теме см.: [17 — 25].

13. *Генкин Б.М.* Экономика и социология труда. М., 2007.
14. *Антоний, митрополит Сурожский.* Труды. М., 2002.
15. *Преподобный авва Дорофей.* Душеполезные поучения. М., 2005.
16. *Родионова Н.В.* «Справедливость» и «духовность» — категории экономические // Человек и труд. 2006. № 5 — 8.
17. *Панов Е.В.* Довольства без любви не бывает // Вестник РАН. 2004. Т. 74. №. 1.
18. *Льюис К.С.* Любовь. М., 2009.
19. *Ильин И.А.* Без любви // Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М., 2005.
20. *Преподобный Серафим Саровский.* О должностях и любви к ближним // Преподобный Серафим Саровский. М., 1993.
21. *Протоиерей Валентин Свенцицкий.* Диалоги. М., 2008.
22. *Старец Паисий Святогорец.* О глубочайшем смысле жизни // Старец Паисий Святогорец. Слова. Духовное пробуждение. Т. 2. М., 2005.
23. *Старец Паисий Святогорец.* О справедливости Божественной и человеческой // Старец Паисий Святогорец. Слова. Духовное пробуждение. Т. 2. М., 2005.
24. Толковый педагогический словарь / Под ред. Н.В. Маслова. М., 2006.
25. *Шведов О.В.* Энциклопедия церковного хозяйства. М., 2003.

И.Ю. ФОМИЧЕВ

Коллективизм в современной философии управления организациями

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть коллективизм как особый социально-профессиональный феномен в деятельности современных организаций. Подчеркивая связь коллективизма и традиционной российской культуры, автор в то же время указывает на коллективистские принципы, которые становятся своеобразным ресурсом управления в передовых организациях во многих странах.

Ключевые слова: коллективизм, традиции, российская культура, духовные ценности, моральные нормы.

Abstract. This article presents an effort to consider collectivism as a special socio-professional phenomenon in the work of modern organizations. While stressing the bond between collectivism and traditional Russian

culture, author at the same time points out collective principles, which become a peculiar resource of management in pioneer organizations in many countries.

Keywords: collectivism, traditions, Russian culture, spiritual values, moral standarts.

В реальности в организациях функционально сосуществуют две структуры профессиональных связей, т. е. две формы определенной упорядоченности, устойчивости, специфичности организационной жизнедеятельности. С одной стороны, это внешне заданная, официально предписанная форма организационных отношений и, с другой стороны, форма профессиональных взаимодействий, возникающих спонтанно, на фоне различных первичных групп, на основе устойчивых чувственно-эмоциональных связей. Влияние таких взаимодействий на организационную деятельность весьма существенно, хотя и мало поддается прогнозированию и контролю. Поэтому именно в этой сфере социальных связей возникают нетрадиционные управленческие проблемы и обнаруживаются специфические моменты. То, что социолог П. Блау называл «развивающейся социальной структурой», выступает в качестве объекта управленческого воздействия руководителя в рассматриваемой сфере его профессиональной деятельности, при этом важным интегративным показателем качества управленческой практики в современной организации является «прогрессирующий корпоративный коллективизм», т. е. нарастающая степень объединения персонала в коллектив, что является необходимым и достаточным условием обеспечения формирования эффективных трудовых отношений и конкурентоспособности организации.

Для прояснения значений используемого в данном контексте понятийного аппарата нужно отметить, что понятие «персонал организации» по сути предполагает фиксирование человеческих ресурсов организации в качестве необходимого элемента ее формальной структуры, т. е. людей, реализующих рациональную систему сознательно скоординированных видов целенаправленной профессиональной деятельности, результатом которой является становление организационной целостности на фоне программируемой индивидуальной обезличенности, частичности, дробления целостности субъекта производственной деятельности в соответствии с организационной необходимостью. В связи с этим понятие «персонал организации» в отечественной литературе по философии хозяйства корректно употребляется в основном в сфере профессиональной прагматики и ценностно-нейтрально в области социально-нравственных отношений.

При использовании понятия «коллектив» выделяется особое качество профессиональной группы, а именно то, что она является объединенной на основе ценностно-мировоззренческой и морально-психологической общности (в той мере, в какой они являются значимыми для трудового сотрудничества), и в пределах характеризующуюся высоким уровнем сознательной дисциплины, взаимного доверия и взаимной помощи, консолидированной ответственности и приверженности целям организации. Коллективизм выступает как один из ведущих профессионально-нравственных принципов в деятельности современного руководителя в сфере его взаимодействия с организационной структурой.

Фундаментальный для традиции отечественного (особенно советского) и частично зарубежного (особенно японского) управления, этот принцип постепенно признается и обосновывается современными исследователями. По утверждению Е.Л. Дубко, в современных условиях прежние индивидуалистские ценности не заслуживают похвал. И наоборот, всяческие универсалистские и коллективистские ценности находят поддержку. Даже такой тип личности, как «человек организации», продукт корпоративных институтов, стараются рассматривать не в связи с утерянной автономией личности, не как отчаявшегося и покоренного индивидуалиста, но в терминах социальной и коммуитарной включенности, причастности к целому, полезного члена общества.

Для управления организацией эти концептуальности реконструируются как задача нравственно-психологической консолидации работников на основе непротиворечивости индивидуально привносимых ценностей, трансформирующихся в процессе развития профессиональных взаимодействий в групповые (т. е. разделяемые всеми членами данной группы), понимания миссии организации как собственного и в то же время общего дела, интериоризации сотрудниками принципов организационной философии и культуры. Несмотря на то, что субъект управления группой здесь рассматривается не как целостный индивид, а как менеджер, т. е. функционер, носитель неких профессиональных качеств, члены группы в определенной мере могут рассматриваться как социально-активные субъекты, творцы организационной реальности, поскольку принципиальное значение приобретают личностные характеристики, композиция которых образует единый гармоничный организм, а качество определяет степень и возможности социального единства данной общности.

В условиях организации коллективизм (в специальной литературе в этом же значении нередко используется понятие «корпоративизм») является условием и органичной средой соответственной социализации, процессов приобщения и отождествления. Фактически сотрудни-

ки организации, приобщаясь к своей профессиональной группе, в той или иной степени как бы воспроизводят процесс своей естественной интеграции в социум, или, что по сути одно и то же, процесс «вхождения» в коллектив оказывается составной частью социальной интеграции. Как известно, стремление к общности имманентно людям. Вспомним, что А. Маслоу в качестве одной из фундаментальных потребностей человека считал потребность в социальных связях, социальной присоединенности, идентификации, а Аристотель называл человека «общественным животным».

Осознание необходимости институционализации моральной нормативности по пути формирования корпоративного коллективизма не является чем-то новым для философии управления организациями. Еще Честер Барнард утверждал, что именно руководитель должен добиваться приверженности людей общему делу, сплочению работников. Работы Э. Мэйо, Д. Макгрегора, Ч. Барнарда и других создателей концепции «школы человеческих отношений», обосновавших представление о человеке на производстве как о социальном деятеле, вплотную подвели теоретиков, а в еще большей мере современных практиков к проблеме формирования в рамках формальной организации некой общности, где человек будет значимо проявляться не через операциональные навыки и умения, а через личностные проявления, социально-нравственные практики.

Практические трудности, возникающие перед руководителем в процессе формирования коллектива, в своем наиболее существенном аспекте проистекают из объективного, не исчезающего, в том числе и в организации, противоречия между общим корпоративным интересом и частными интересами его отдельных членов. Суть его состоит в том, что в условиях корпоративной коллективности каждый работник в отдельности заинтересован в том, чтобы все преследовали в своей профессиональной деятельности общий интерес вопреки любому частному и чтобы осуществлялось общее для данной группы благо. Но если принять во внимание, что единичное все-таки не может быть до конца сведено ко всеобщему, то у каждого члена коллектива не исключается соблазн сделать для себя лично более значимым собственный интерес. Выход из такой ситуации возможен лишь на основе нравственной регуляции организационного поведения, направленной на превращение общего в мотив индивидуальной деятельности, когда интересы данной общности определяют поведенческую максиму отдельной личности.

Как представляется, для того, чтобы всеобщая максима и корпоративный интерес стали неизбежными для индивидов, т. е. практически трансформировались в максиму индивидуального интереса и

индивидуального поведения, которая обеспечивает внутреннее подведение единичных поступков под поведенческие стандарты, принятые в данной корпорации, руководителю необходимо прежде всего решить проблему соответствующей мотивации. Другими словами, менеджер должен суметь активизировать индивидуальные мотивы членов организации для такой деятельности, при которой собственный интерес каждого не достигается непосредственно им в отдельности, а только при совместных с другими усилиях, ориентированных на максимы корпоративной стратегии. Этот принцип можно рассматривать как методологическую основу работы руководителя по формированию коллектива.

Для практического управления естественно и необходимо, чтобы традиционное понимание морали как некоей системы запретов и ограничений в определенной мере воспроизводилось в реальной практике организаций. Вместе с тем для современной ситуации в практическом управлении организациями показателен факт, что в производственных структурах особое значение приобрела мотивирующая, призывная сторона нравственной регуляции, инициирующая достижения и успех. Особенно наглядно это отражается в различных документах, формулирующих корпоративную философию, а именно — в профессионально-нравственных кодексах, которые синтезируют собственно профессиональные и моральные ценности организационной деятельности и адресуются в равной мере всем сотрудникам конкретной фирмы. Профессионально-нравственный кодекс в современной философии управления репрезентирует важное значение моральных факторов в оптимизации трудового поведения. Он не имеет некоей канонической формы и в наиболее общем виде представляет собой совокупность различных по своему функциональному назначению, но общепринятых для данной организационной структуры и разделяемых моральных требований. В своем содержании он соответствует миссии данной организации и является детерминантной основой конкретной организационной культуры. Нередко такие кодексы оформляются в виде своеобразного морального манифеста и целенаправленно доводятся до сотрудников фирмы. Показательной в этом плане является практика компании «Мацусита дэнки», система подготовки работников в которой складывается из двух составляющих — освоения специальных умений и навыков и глубокого усвоения профессионально-нравственного кодекса фирмы. Прочитируем этот кодекс дословно:

«Наши принципы. Осознание своей ответственности в деле прогресса и приумножения благосостояния нашего общества. Посвящение себя дальнейшему развитию мировой цивилизации.

Наше кредо. Прогресс цивилизации — это не абстракция. Все мы совместными усилиями вносим в него свою лепту. Каждый из нас должен постоянно помнить это. Всемирная преданность фирме — ключ к успеху.

Наша духовные ценности: 1) служение нации путем совершенствования производства; 2) честность; 3) гармония и сотрудничество; 4) борьба за качество; 5) достоинство и подчинение; 6) идентификация с фирмой; 7) благодарность фирме».

Очевидно, что этот кодекс отражает профессионально-практическое содержание и моральный смысл трудовой деятельности фирмы в их диалектическом единстве, когда собственно производственные стороны жизни корпорации приобретают несомненную моральную значимость, а моральные ценности призваны не только придать трудовому процессу особое достоинство, но и инициировать успешную совместную работу сотрудников организации. Основатель этой одной из крупнейших японских корпораций К. Мацусита утверждает, что работники, искренне воспринявшие эту систему ценностей, способны на максимальную трудоотдачу, на проявление целенаправленной инициативы, не дожидаясь указаний сверху. Практика работы с персоналом в японских компаниях подтверждает, что менеджеры обращают самое серьезное внимание на управление процессами профессионально-нравственного воспитания работников в духе принятой в данной фирме моральной доктрины.

Многие японские фирмы позаимствовали в «Мацусита дэнки» методику организации воспитательной работы, создали свои моральные кодексы, гимны, воспевающие ключевые ценности корпораций, которые тысячи работников поют каждое утро перед работой, инициируют и поддерживают особые ритуалы и т. п. Как свидетельствуют исследователи «феномена Мацусита» американцы Р. Паскаль и А. Атос, такие системы воспитательной работы позволяют консолидировать персонал фирмы, образуют особый корпоративный дух, способствующий максимальной трудоотдаче. Такая воспитательная философия может вызвать научный скепсис, однако практика показывает, что ее мобилизующий потенциал настолько силен, что его ощущают не только японцы, но и иностранцы. Авторы приводят слова пуэрто-риканского инженера, вместе с сотней других работников стажировавшегося в этой фирме: «Каждое утро перед началом рабочего дня мы выстраивались и громко все вместе проговаривали моральный кодекс Мацусита, делая акцент на семи духовных ценностях. Сначала нам казалось это очень смешным, но постепенно мы осознали, насколько эта философия воздействует на умы и сердца работающих. Мы почувствовали это на себе».

Так же как и ученые, изучающие японские методы управления и особо выделяющие в нем важную регулятивную роль культурно-нравственных норм и принципов, исследователи современного западного менеджмента отмечают серьезное внимание, уделяемое современными руководителями ценностным факторам (в основном моральным) в управлении организациям, нередко имеющими глубоко укоренившуюся в них философию, которая, в самом общем виде, в сущности, утверждает: «уважай личность», «делай людей преуспевающими», «давай им возможность проявить себя» и т. п. В российских организациях, по данным автора, коллективизм как основа профессиональной солидарности работников по разным причинам еще не стал «приоритетным проектом». Там, где в фирмах достигаются высокие стандарты условий и оплаты труда, как правило, устанавливаются жесткие требования к производственной дисциплине, внедряются фирменные поведенческие образцы, всевозможные «дресс-коды», доминирует авторитаризм в управлении, а работник рассматривается как обязательный исполнитель руководящей воли. Разнообразные формы организационной власти функционируют в том числе и в роли механизмов, позволяющих тем, кто ими обладает, создавать собственную легитимность и моральные предпочтения.

Соответственно своей сути механизм функционирования моральных норм необходимо предполагает применение санкций при отклонении от границ предписанного профессионально-нравственным кодексом поведения. При этом нередко моральным факторам придается исключительное значение, и санкции оказываются весьма существенными. Так в компании «Мацусита дэнки» вновь нанятые работники посещают специальные занятия, где их предупреждают: «Если ты совершил случайную ошибку, фирма простит тебя. Если же ты отступил от морального кодекса фирмы, нет тебе прощения».

Важной чертой любого корпоративного профессионально-нравственного кодекса является его социальная технологичность, формирующаяся на базе специально выработанных нормативных предписаний, в своей основе в той или иной степени инвариантных ролевому репертуару поведенческих проявлений в организации. Реальные корпоративные кодексы явно или неявно предполагают, что человеческие ресурсы организации являются не целью, а средством, одним из факторов оптимального развития и конкурентоспособности организационной структуры. О таком положении можно было бы сожалеть, если не принимать во внимание тот факт, что система отношений типа «человек — организация» не может быть сбалансирована, особенно если речь идет о наемном персонале. Эта система отношений развивается, как правило, под приоритеты организационной структуры, а профессионально-нравственный кодекс призван «освятить» достигнутый уровень взаимодействия личности и организационной структуры.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

**Антикультурный феномен «чистого» сознания
в чань-буддизме**

Аннотация. В статье рассматриваются учение китайского буддизма, его роль и место культуры в сознании человека, стремящегося к наивысшему психическому состоянию — спасению себя и мира. Оказывается, что все культурные явления внешнего мира представляют феномен «загрязненного» предыдущими воплощениями сансарического сознания. Чтобы избавиться от навязчивого образа несуществующего мира и его культуры, необходимо прийти к «очищению» своего сознания, которое успешно осуществляется в специфической практике чань-буддизма и представляет собой ряд интуитивных «просветлений».

Ключевые слова: чань-буддизм, сознание, просветление, пустота, истина, нирвана, дхарма, разум, чувства, интуиция.

Abstract. This article discusses the teaching of Chinese Buddhism in the role and place of culture in the minds of people striving for the highest mental state — saving themselves and the world. It turns out that all cultural phenomena of the world represent the phenomenon of «contaminated» by previous incarnations of sansaricheskoe consciousness. In order to get rid of the intrusive image non-existent world and its culture must come to a «purification» of his consciousness, which is being successfully implemented in a specific practice of Zen Buddhism and is a series of intuitive enlightenment.

Keywords: Ch'an-Buddhism, consciousness, enlightenment, emptiness, truth, nirvana, dharma, mind, feelings and intuition.

Школа китайского буддизма «чань» возникает, согласно традиционной версии, на рубеже V — VI вв. Она считается одной из самых китаезированных школ, возникшей как резко негативная реакция против нарастающего влияния индийского буддизма.

Чань-буддизм расценивается едва ли не как двойник даосизма, который сменил одежду и обрел, таким образом, новую жизнь. Более того, чань-школу можно рассматривать как наиболее органичное продолжение даосизма, оказавшегося под давлением буддийской культуры [1, 53]. Притом буддизм воспринимается как отец, придавший содержание новому учению, а даосизм — как мать, которая придала ему, главным образом, форму.

Каноническая версия происхождения чань-буддизма гласит, что Будда, излагая изотерический смысл своего учения, сказал, что у него

есть тайное хранилище Истины — сокровенный смысл нирваны, форма, не имеющая формы, таинственные врата дхармы: «Не опираться на слова и писания» и «Особая передача знаний вне учения». Впоследствии эти положения, высказанные самим Буддой, стали основополагающими принципами чань-буддизма, к коим присоединились со временем и другие. Главным среди них был тот, что утверждал: «Созерцая свою природу, человек способен стать Буддой». Из этого вытекает не просто пренебрежительное отношение неопитов к культуре и религиозной литературе, но даже откровенно враждебное. Ибо никакой текст не в состоянии открыть сокровенные тайны бытия и передать истинную суть вещей и сознания. Подобную установку сторонники чань-буддизма часто проводили в жизнь, уничтожая на своем пути исторические памятники и сокровенную религиозную литературу. Таким образом, осуществлялся один из главных принципов их мировоззрения: «Если на твоём пути встретится Будда — убей Будду». Здесь главной и едва ли не единственной ценностью для достижения совершенства оставалась передача невербальной «эзотерической» информации в процессе непосредственного общения учителя с учеником. Можно сказать, что этот культ компенсировал собой крайне враждебное отношение к культурному наследию, оставаясь единственной дорогой к «просветлению».

Сверхзадачей всей системы чаньской практики была не передача идей или понятий как таковых, а воспроизведение определенного состояния сознания, для которого традиция, литература и памятники выступали тем большей помехой, чем больший авторитет и значение они имели в обществе. Это определенное состояние сознания именовалось «просветлением», становящимся сугубо личным психологическим опытом, благодаря которому обреталось единственно верное истинное отношение к себе и миру. Оно становилось идеалом чаньской жизни и заключалось не в простом видении истины, а в том, чтобы жить ею, переживать ее, не допуская никакой двойственности между «я» и миром. Видение становилось жизнью, а жизнь — видением, без малейшего различия между ними. Таким образом, идеал жизни для чаньского мировосприятия был связан исключительно с возвращением к глубинам человеческой психики, на «дне» которой человек сталкивался с изначальной природой своего сознания. Но какова была эта природа?

Все живые существа обладают изначалью «природой Будды», но она сокрыта «неведением». Поэтому необходимо, отстранившись от внешнего мира, созерцать свое сознание с тем, чтобы уничтожить ложные мыслительные построения и обрести «просветление». Метафорой этого положения служит потускневшее от пыли зеркало: его

старательно очищают, и только тогда зеркало способно к отражению. Под «зеркалом» здесь подразумеваются все те же, общие с буддизмом махаяны, дхармы, которые изначально не субстанциональны, не существуют, пустотны. В процессе духовной практики ученики не должны ни к чему привязываться, дабы не позволить какой-либо дхарме служить помехой для обретения подлинной природы сознания. И вот когда она раскрывается, тогда субстанция сознания становится подобна пустому пространству, для которого нет ничего, чего бы оно не могло охватить. Эта субстанция обладает четырьмя фундаментальными атрибутами — «парамидами», к коим относятся вечность, блаженство, истинное «я» и чистота. Эти атрибуты прямо противоположны четырем основополагающим характеристикам бытия — мира рождений и смертей, включающего в себя непостоянство, страдания, бессущность и загрязненность. Они-то и относятся к загрязненному бытием сознанию человека. Однако если удастся преодолеть загрязненные дхармы, рождающие сознание, то оно возвращает себе исходный принцип своего существования — пустоту. Пустота — вот корень всего [2, 184].

Определив природу человеческого сознания, мы вынуждены признать, что она имеет два модуса своего существования: чистый и загрязненный. Ибо пустота как начало всякого сознания содержит в себе всю совокупность дхарм, подверженных бытию и неподверженных. А раз так, то природа сознания делится на нирваническую составляющую, содержащую в себе непроявленные в бытии дхармы, и сансарическую составляющую, в которой дхармы проявленного бытия рожают картину изменчивого мира. Нирваническое сознание относится к сансарическому, как солнце относится к облакам. Подобно тому, как солнце может быть окутано облаками, которые не дают пробиться его лучам, так и загрязненное сознание обволакивает собой чистое и не дает проявить ему все его субстанциональное величие. А между тем, как только облака рассеются или мышление вернется к немышлению — моментально воцарится «солнце» нирванического состояния, обретшего небытийственную пустоту, покой, чистоту, единство, вечность и т. д. Но именно на этом этапе мы сталкиваемся с резким отличием чистого сознания в буддизме от проявления чистого сознания в чань-буддизме. И если в буддизме чистое сознание фактически обретает нирвану как психическое и онтологическое Небытие, то в чань-буддизме мы обнаруживаем, как очищенное от мышления сознание буквально вмещает в себя бытие мира, подобно тому, как материнское лоно вмещает в себя еще не родившееся дитя.

Все это накладывает специфический отпечаток на отношение нирванического сознания к бытию, нераздельное единство между которы-

ми снимает оппозицию между ними. Утрата подобного противостояния приводила и к потере индивидуального «я», позволяющего принципиально по-иному воспринимать реальность. Ибо, в отличие от обыкновенного состояния сознания, ситуация в этом случае воспринималась как целостная данность, всегда тождественная самой себе. Те феномены, которые в обыденном состоянии образуют субъект, и те, которые образуют объект, воспринимаются как полностью равнозначные «данности». Поэтому движение, действие, развитие для личности в подобном состоянии есть не последовательный ряд изменений сознания, а одновременный, параллельный процесс изменения с объектом. Иными словами, чистое сознание так реагирует на изменения ситуации, как это происходит между огнем и светом. Движение сознания и объекта теперь обуславливается не последовательным их влиянием друг на друга, а целостным схватыванием ситуации во всем ее внешне противоречивом единстве. Осуществляется абсолютная идентификация сознания с внешней средой. Этот процесс приводит к такой деятельности психики, когда нет разделения на объект и субъект; нет ни малейшего разрыва между интуитивным «схватыванием» обстановки в целом и спонтанным реагированием на нее; нет дискурса концептуализации и вербализации непосредственного чувственного опыта; нет привязанности к внешним объектам и зависимости от них. Как объяснить подобное явление в психике? Дело в том, что данное состояние сознания не нуждается в услугах рассудка и вытекающей из него цепочки переработки информации, требующей определенной затраты времени. Отчего рассудочное мышление может оставаться лишь следствием свершившегося события, порождающего запоздалую реакцию. При интуитивной идентификации каждому состоянию объекта соответствует адекватное ему состояние субъекта (и наоборот); причем оно возникает в тот же момент, в то же мгновение, а не через некоторый промежуток времени. Можно даже сказать, что реагирования в общепринятом понимании вообще нет, а есть ряд синхронных изменений состояний целостной системы, причем этот процесс носит континуальный характер [1, 106]. Здесь уничтожаются все противоречия и рвутся все привязанности, в том числе и привязанность к самой «чистоте», «блаженству», «нирване», «Будде» и т. п. Человек получает возможность воспринимать мир таким, какой он есть, ибо его сознание становится миром, а мир — его сознанием. Это и будет, как утверждали чаньские мастера, тем, что называется «чистым», «первородным», «истинным» сознанием или «истинной природой» человека. Итак, под чистым сознанием человека выступает, на самом деле, бытующее Небытие нирваны, которая через часть своих дхарм (психику человека) заявляет о своем присутствии в реально несуществующем мире. Одна-

ко обретение чистого сознания происходит благодаря долгому и кропотливому труду человека над своим совершенствованием, в процессе которого сансарическое сознание очищается от «загрязненных» дхарм. Рассмотрим некоторые важные этапы этого пути.

Чистое сознание в своей основе едино, но существует бесчисленное множество загрязненных сознаний, которым присуща различная степень интенсивности их проявления. Это происходит оттого, что чистое сознание тождественно по размерам и содержанию бесконечно пустому пространству. В тот момент, когда пространство пришло к самоограничению, возникло (не во времени, а в бытии) бесконечное число омраченных дхарм, комбинация между которыми создает множество на самом деле не существующих миров. Продолжающаяся тенденция к самоограничению превращает эти миры в многообразие — как по форме, так и по содержанию индивидуальных сознаний, каждое из которых по-своему стремится к познанию реальности, которой нет. Однако если сознание отказывается от тщетного стремления постичь внешнюю бесконечность и обращается к внутренней, то однажды оно достигает корня своего существования — пустоты. Вот тогда неведение прекращается, и оно, очистившись от дхарм, становится пустым. Но до тех пор, пока оно не пробудилось, замутненное сознание имеет ряд свойств, неотделимых от него. Во-первых, это пребывание в движении. Движение делает сознание деятельным. А деятельное сознание страдает. Пробужденное же сознание спокойно, пребывает вне деяния и — блаженствует. Во-вторых, замутненное сознание пребывает в состоянии восприятия бесконечно раздражающих его дхарм. Пробужденное же сознание отрешилось от влияния дхарм. В-третьих, замутненное сознание обременено миром внешних объектов, призрачное существование которого становится единственной реальностью для сознания, пребывающего в неведении. Чистое же сознание обладает истиной, которая открывает всю бесконечность и пустотность подлинной реальности.

Что мешает замутненному сознанию воспринимать подлинную реальность? Главным виновником невежества, омрачающего сознание, как ни парадоксально, становится разум человека. Ему вменяется в вину то, что он фильтрует, дробит и тем самым искажает картину подлинной реальности, которая, «раскалываясь» на категории, понятия, принципы и оппозиции, деформируется. Разум оформляет волонтактивное восприятие объективной реальности, превращаясь, таким образом, в главную причину заблуждений и вытекающих из них страданий человека.

Но что такое разум и какое отношение он имеет к индивидуальному сознанию? Разумом называется воспроизводящее себя в психике

чистое сознание, которое из-за волнующихся дхарм наделяется свойствами «различия» и «возникновения» [2, 61]. Иначе говоря, разум — это проекция чистого сознания на замутненное, в основе которого лежат «грязные» дхармы. В силу своей направленности вовне, разум не только конструирует объекты, считающиеся существующими, но и становится главной причиной привязанности к ним. Можно сказать, что разум человека есть в высшей степени сконцентрированное, затуманенное индивидуальное сознание, которое, будучи результатом самоограничения универсального чистого сознания, утратило способность воспринимать подлинную реальность. А вместе с тем, разум, погрязший в неведении, можно охарактеризовать следующими важными свойствами. Во-первых, разум — это воплощение в бытии кармически активного сознания, накопления метафизического баланса прошлых пороков и добродетелей. Во-вторых, разум наделяет сознание способностью к восприятию, и этим обуславливается его трансформирующее свойство. В-третьих, разум становится проецирующим свойством сознания. Проще говоря, проецирует вовне всю сферу объективного через пять телесных чувств. В-четвертых, разум наделяет сознание свойством познания, которое, в конечном счете, сводится к распознаванию чистых дхарм сознания от омраченных. В-пятых, разум наделяет сознание свойством воспроизведения. Оно называется так по той причине, что разум через мысль непрерывно воспроизводит себя. Из пяти свойств разума как концентрированной формы существования загрязненного сознания следует гносеологическо-онтологический вывод: мир пуст и иллюзорен, будучи порождением только сознания [3, 321].

Если попытаться определить роль разума в отношениях между *бытием* и *небытием*, то мы обнаружим, что он играет роль «точки», с которой берет свое начало раскручивающаяся спираль бытия затуманенного сознания. Здесь разум человека выступает одновременно пределом и границей. Пределом он становится, когда бесконечное небытие ограничивает себя размерами точки. Границей же выступает разум между бытием и небытием психики, которая получает свое окончательное оформление в виде пяти телесных чувств, воспроизводящих ощущения несуществующего мира. Поэтому мир имеет природу замутненного сознания, а сам по себе пуст и ложен. Поскольку разум проявляет себя через пять телесных чувств, то и рождается все многообразие мира. Когда разум успокаивается, тогда исчезают чувства, а вместе с ними и мир. Можно сказать, что мир — это постоянно воспроизводящее себя чувственное сознание, а чувственное сознание — это постоянно воспроизводящий себя разум. Поэтому разум и пять телесных чувств: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус — чань-

буддизм называет шестью видами пыли на поверхности зеркала — чистом сознании. Именно шесть этих видов пыли повинны в главной форме существования загрязненного сознания — состоянии постоянного выбора.

По мнению чань-буддистов, неверные или неудачные действия — это естественный результат неправильной оценки и следующего за ней выбора. Всякий выбор определен субъективно-разумным отношением к происходящему и потому выражает личные привязанности и предпочтения, но никак не отражает объективное восприятие реальности, которое свойственно только чистому сознанию. Выбор свидетельствует об отсутствии в сознании человека подлинной свободы, ибо если свобода целого возвращается, то выбор, который относится к частям, просто невозможен. Как утверждали чань-буддисты, человек становится подлинно свободным только тогда, когда он даже не догадывается, что он свободен и что есть такие понятия, как «свобода» и «несвобода». Если он чувствует, что несвободен, и знает, что есть свобода, которой он лишен, то у него появится желание быть свободным, рождая дуализм «свободы» и «несвободы» и необходимость выбирать между ними. Это мешает ему просто быть свободным, не мучаясь проблемой выбора. Но если он попытается избавиться от самого желания быть свободным, то он все еще будет иметь одно желание — не иметь желаний, — которое порабощает точно так же, как и любое другое. По-настоящему свободен тот, кто избавится от всех привязанностей, кто не различает, где свобода, а где несвобода, не отвергая и не принимая ни то, ни другое.

Свобода уничтожает сознание в привычном его смысле. Иначе говоря, уничтожается не сознание, а те свойства, которые присущи загрязненному его состоянию. Остается одна его субстанция — чистота, пустота, бесконечность и то, что часто сравнивается в чань-буддизме с водой, колыхающейся под воздействием ветра. И подобно тому, как если ветер прекращается, то сама вода не исчезает, а лишь успокаиваются волны, так и с уничтожением загрязненного сознания остается его субстанция.

Для успокоения или очищения замутненного сознания и его разума в чань-буддизме выработаны специальные методы-упражнения, позволяющие достичь сознательной свободы. Одним из таких методов является медитация («чань»), благодаря которой китайский буддизм обрел свое наименование. Суть этого упражнения сводилась к сосредоточению сознания в одной точке с максимальной релаксацией и стабилизацией сознания. Вспомним, что «точка» есть момент перехода небытия в бытие, ознаменованный рождением разума. Медитация обычно начиналась с сознательной концентрации внимания, когда ме-

дителирующий сосредоточивал его в одной точке и интенсивно «всматривался» своим внутренним взором в «пустоту», стремясь «опустошить» свое сознание до полного отсутствия каких-либо мыслей или образов восприятия. Такое состояние называлось «одноточечностью сознания», или «сознанием, лишенным мыслей», «не-сознанием». В процессе медитации, содержанием которой являлась реализация небытия в форме «пустоты», осуществлялся выход за пределы собственного разума. Это давало возможность наблюдать со стороны за возникающим потоком сознания, его образами, чувствами, не ассоциируя их с собой, со своим «я». В результате медитации обнаруживалось, что все эти феномены не имеют отдельного, независимого существования и в этом смысле нереальны. Что индивидуальный разум нельзя свести ни к одному из феноменов психики, ни к их сумме, и поэтому говорить о «я», как о чем-то реально существующем, можно лишь условно. Через переживание, отсутствие собственной независимой сущности чань-буддист постигал «пустотность», «несубстанциональность», «иллюзорность», «отсутствие собственной независимой сущности» всех вещей и явлений, всего мира в целом.

Однако кроме пассивной практики пробуждения сознания чань-буддисты выработали и методы, позволяющие и в активной жизни пробуждать сознание, делая его свободным и чистым. Вообще, любой вид практической деятельности в чань-буддизме должен рассматриваться как продолжение самоусовершенствования сознания, превращаясь, таким образом, в своеобразную медитацию в действии. Одной из таких форм выступал диалог-поединок, когда перед учеником ставилась неразрешимая на логическом уровне задача, требующая моментального ответа. Подобная «шокотерапия» должна была применяться очень своевременно — в тот момент, когда психика ученика достигала необходимой стадии развития и для прорыва к «просветлению» требовался внешний толчок. Чаньские учителя сравнивали подобную ситуацию с встряхиванием дерева, на котором находится созревший плод: достаточно потрясти дерево, и плод упадет, но если он еще не созрел окончательно, то трясти бесполезно.

Оговоримся, что деление на «активные» и «пассивные» методы пробуждения сознания осуществлялось весьма условно. Так как даже при самой бурной физической активности чань-буддист сохранял непоколебимое спокойствие своего сознания, а с другой стороны, достижение сосредоточенного сознания отнюдь не означало полного «физического угасания», а лишь освобождало сознание от волнующих дхарм, вносящих субъективизм, волюнтаризм, наконец, хаос. Все методы тренировки сознания должны были служить главной цели — достижению «просветления» или пробуждению интуитивности, заум-

ной мудрости. Спонтанно-интуитивное состояние занимало очень важное место в теории и практике чань-буддизма и расценивалось как главное средство достижения «просветления». Таким образом, все методы, используемые в чань-буддизме, оставались лишь специфическими психическими приемами для возбуждения заумной интуитивной способности, за которой стояло долгожданное просветление, дарующее драгоценную свободу.

Что же представляла собой интуиция, ведущая к просветлению, и какую роль играет она в чаньской психопрактике? Поскольку дискурсивно-понятийное мышление, опирающееся на рассудок, являлось порождением субъективно-объективных отношений, носящих волюнтаристический характер, то оно принципиально не могло обеспечить сознанию выход за рамки его собственного «я». Поэтому чаньская практика развития сознания была ориентирована на то, чтобы пробудить интуицию, которая лишь одна могла осуществить непосредственное восприятие всех аспектов ситуации во всем их многообразии. Причем подобное восприятие не было «привязано» к субъекту, не «фокусировалось» на нем. В обычном состоянии интуиция работает «вспышками», время от времени. Это можно объяснить тем, что в череду замутненных дхарм врываются пустые дхармы, которые по-иному позволяют «взглянуть» на мир. И чем чаще и продолжительнее осуществляется «вторжение» чистых дхарм в загрязненные, тем ярче проявляет себя интуиция.

Задача чаньской методики заключалась в том, чтобы увеличить время пребывания чистых дхарм в загрязненном сознании. Вплоть до превращения интуиции в постоянно действующий фактор, когда она переходит в интуитивную мудрость. В процессе овладения методикой «очищения» загрязненных дхарм интуиция становилась центральным явлением сознательной жизни, вокруг которого группировались все остальные сознательные способности. Но что давала интуиция для сознания?

Перестройка сознания в сторону его беспонятийности и выхода за рамки субъективно-объективных отношений в процессе сознательной саморегуляции позволяла повысить скорость и продуктивность приема и переработки поступающей извне информации, выработать наиболее адекватную программу поведения в максимально короткий промежуток времени и подключить более гибкий механизм спонтанного реагирования на внешние стимулы. Это было особенно важно в сложных жизненных ситуациях, в которых дискурсивно-логическое, понятийное мышление зачастую не справлялось с переработкой большого объема информации и не могло мгновенно выработать оптимальную программу действий. Кроме того, интуитивное восприятие жизни имело

важное эвристическое значение для решения сугубо творческих задач, позволяя принципиально по-новому подойти к той или иной проблеме, взглянуть на нее с неожиданной, непривычной точки зрения и обнаружить новые взаимосвязи, безуспешно разыскиваемые посредством дискурсивно-логического мышления [4, 24].

Это состояние, в котором не оставалось места рассудку, а, значит, оно не могло быть передано на вербальном уровне или в текстах, называлось «просветлением», во время которого постигалась истинная сущность вещей и явлений. Что же это за состояние? Тайнственное просветление, в сущности, представляет собой совершенно простое состояние сознания, очищенное, как и в даосизме, от загрязняющего налета всякого интеллектуального знания, мешающего проявиться изначальной чистоте истинной природы человека, которую, как мы помним, чань-буддизм часто сравнивает с солнцем, обложенным облаками. Просветление восстанавливает единство с природой и заставляет спонтанно, без раздумий следовать за ее движениями, безоговорочно доверяя ей. Человек, который зрит свою истинную природу, говорил Хуэй-нэн, свободен всегда и везде, в любой ситуации. Ничто не связывает его, ничто ему не мешает. Он действует в соответствии с ситуацией и отвечает в соответствии с вопросом. Он прибегает к многообразным формам самовыражения, но никогда не отходит от своей природы.

Но для этого не нужно стремиться к чему-то особенному, необычному, возвышенному, а необходимо лишь исполнять свои повседневные обязанности и удовлетворять свои естественные потребности. Иначе говоря, чтобы обрести «просветление», не нужно предпринимать никаких усилий, оно само естественно проявится в сознании, если отбросить все субъективное. И тогда «вещи в восприятии станут такими, какие они есть».

Главным итогом «просветления» становилась идея «спасения», которая не замыкалась в чань-буддизме исключительно на человеке как единственном субъекте спасения, но более того, фундаментальная проблема жизни и смерти решалась применительно ко всему классу живых существ, завершающих свою эволюцию в человеке как единственном, кто способен освободить от тирании бытия все живое. Здесь целью эволюции являлось прекращение проявления всякого бытия, полное успокоения всего феноменального существования. Последовательное развитие подобных взглядов мы находим в учении бодхисаттвы Аволките-швары, который призывал не принимать «спасения» самому до тех пор, пока последняя пылинка не достигнет состояния Будды [5, 112]. В соответствии с подобным подходом, чань-буддисты утверждали, что человек не может обрести полное и окончательное

«освобождение» до тех пор, пока «все деревья, травы и поля» не обретут «буддовость», ибо все, что окружало человека в жизни, было лишь отражением его внутреннего психического состояния.

Литература

1. *Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск, 1983.
2. *Философия китайского буддизма.* СПб., 2001.
3. *Томпсон М.* Восточная философия. М., 2001.
4. *Коронкаи Б., Шипош К.* К характеристике «Зэн»-буддийских упражнений в психотерапевтическом аспекте // Психическая саморегуляция. Алма-Ата, 1973.
5. *Радхакришнан С.* Индийская философия. Т. 1. М., 1958.

Т.В. ЛЕВИНА

**Метатеория сознания, или Первобытная живопись
как критика языка***

Аннотация. Одна из главных проблем книги — факт, что генезис речи, сознания, разума связан с возникновением пещерной живописи, которая даже предвдваряет речь. Ф. Гиренок поставил перед собой задачу показать недостаточность теорий, описывающих человека как разумного (философия науки, философия сознания), лингвистического (философия языка, структурализм, постструктурализм), биологического (проект философской антропологии) или психоаналитического, а также предложить свой взгляд на «природу» человека. Эта концепция предлагает связать сознание и мысль с эмоцией, а не разумом и, следовательно, с воображением и стремлением человека обозначить свой собственный мир, в отличие от реальности, насаждаемой социумом.

Ключевые слова: аутизм, критика языка, сознание, уже-сознание, галлюцинация, воображение, бегство от реальности, асоциальность, суггестия, невнушаемость.

Abstract. One of the main topics of the book — the fact that genesis of speech, consciousness, reason is connected with uprise of Cave Art, that even forestall the speech. Fedor Girenok made a task to show inadequacy of theories that describe a human as rational (Philosophy of Science, Philosophy of Mind), linguistic (Philosophy of Language, Structuralism and Post-structuralism), biological (the Project of Philosophical Anthropology) and psycho-analytical. By this book he offers his view on the «nature» of man. This conception proposes to associate consciousness and thought with emotion, not with reason, and, therefore with imagination and attempt to specify man's own world of consciousness, opposing it to reality, that is provided by society.

Keywords: autism, critique of language, consciousness, before-consciousness, hallucination, imagination, critique of reality, asociality, suggestion, non-suggestibility.

Федор Гиренок почитается или проклиняется — в зависимости от позиции читателя — как самый последовательный «постмодернист»

* Рецензия на книгу [1].

российской философии. Например, впечатлением одного из читателей его книги «Метафизика пата» была фраза: «Философия — это почесывание»¹. Для других читателей Гиренок — увлеченный адепт консервативного империализма, взывавший к национальным корням. Но политика — это не ключ к его работам, все рассуждения о «русскости» и о национальной философии связаны в построениях Гиренка не с языковой, а доязыковой стихией. Удивительно, но привычный нам по публицистическим работам прошлых лет «почвенник» Федор Гиренок предстал в новой книге «Автография языка и сознания» как истинный космополит. Однако, видимо, космополит стихийный. Ибо то, о чем идет речь в его книге, разворачивает перед нашим взором историю зарождения сознания человека, а это, по мнению автора, восходит к пещерной живописи на территории сегодняшней Европы около двадцатитысячелетней давности. Антропология Гиренка, в отличие от постструктуралистов, не потеряла свою связь с метафизикой: концепция эссенциалистская. При этом, в отличие от других почвенных мыслителей, он считает главным своим вопросом не космологический, а антропологический: «Что такое человек?» [3, 589].

Критика языка как репрезентации социальности

Книга начинается с постановки вопроса о том, как наскальная живопись верхнего палеолита может быть связана с возникновением человеческого сознания. Появление вида *homo sapiens* 40 тыс. лет назад не совпадает со свидетельствами наскальной живописи, относящимися примерно к XX (и позже) тысячелетию до н. э. Где-то в зазоре между этими датами появилось человеческое сознание. Как оно появилось и с чем было связано его возникновение — на эти вопросы пока невозможно найти ответы. Но то, что рисунки в пещере рисовал человек с уже современным нам сознанием — в этом удостовериться можно. И одна из главных проблем книги: тот простой факт, что генезис речи, сознания, разума связан с пещерной живописью и даже предваряет речь.

Ф. Гиренок поставил перед собой одновременно очень простую и очень сложную задачу — показать недостаточность теорий, описывающих человека как разумного (философия науки, философия сознания), лингвистического (философия языка, структурализм, постструктурализм), биологического (проект философской антропологии), или психоаналитического, а также предложить свой взгляд на «природу»

¹ «Русский ум связан душой, а не трансценденталиями, и поэтому, если он есть, то есть сзади, с затылка, с почесывания которого русская философия начиналась» [2].

человека. Философия человека строится в его книге как последовательный отказ от привычных гуманитарных координат. Начиная анализировать проблему человека, Гиренок дает негативные определения: человек — вне реальности, «человек — существо мыслящее, а не разумное», человек — асоциален и внеприроден, язык — не репрезентация сознания. Позитивные ответы появляются чуть позже, как только у читателя пройдет первый шок. Условно в книге можно выделить несколько пар противоположностей, на которых построена вся теория, а именно: социум-аутизм, язык-мысль, разум-эмоция, инстинкт-воображение.

Язык считается первичной репрезентацией человека в философии XX в. Мишенью автора этой книги он стал неспроста, упомянем некоторые концепции, которые возникают в этой связи. Еще Рудольф Карнап во времена «Венского кружка» требовал избавиться от всех метафизических высказываний, которые, по его мнению, бессмысленны, и выстроить философию на логическом анализе языка. Язык становится «домом бытия» для Мартина Хайдеггера, Людвиг Витгенштейн формулирует знаменитое «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Абсолютное согласие с обеих сторон философских баррикад, аналитической и феноменологической. Французский структурализм и постструктурализм также не остались в долгу у языка, сделав его основным предметом исследования: первый — в конструкции, второй — в деконструкции. Когда метафизика была упразднена, язык стал «говорить» о мире, а не вещи — показывать мир. Неудивительно, что по языку стали встречать и человека: например, философия сознания и лингвистическая философия деятельность сознания описывают по фразам естественного языка [4].

Ф. Гиренок резко разделяет законы мышления и законы языкового выражения. Язык необходим для реализации суггестии, внушения команд своим соплеменникам главой племени. Эта мысль восходит к психологическим и нейрофизиологическим исследованиям Бориса Поршнева [5; 6]. Свободная мысль, рождающаяся в недрах сознания первобытного человека, — это нечто аномальное, в обход порядка, природы, первобытного социума. Именно поэтому человек — существо мыслящее, а не разумное, ведь разум, т. е. способность к выявлению причинно-следственных связей, есть и у животных тоже [7].

Однако, начав поиск эссенциальных черт человека, которые показали бы явное отличие от животного, автор противопоставляет человека социуму. Подчеркивая начатки социальности у животных, автор выбрасывает человека из этих рамок. Но если человек не принадлежит порядку социального, значит, он — асоциален? Эта логика заставляет автора искать адекватное выражение ситуации выпадения человека из

социума. Предложив тезис «человек — это аутист», автор стремительно очерчивает границы термина, ссылаясь на его основоположника Эйгена Блейлера, зафиксировавшего в 1911 г. аутизм «как состояние бегства от реальности и ухода в себя для того, чтобы в полумраке Я вести бездеятельную жизнь в грезах» [1, 107]. Согласно Гиренку, животное в каждом своем действии погружено в реальность, а человек как-то взял и отмежевался от нее.

Воображение как «бегство от реального»

Понятие «реальное» в данной концепции возводится к латинскому корню *res*, вещь. Значит, из вещного порядка изымает человека автор данного исследования. Возьмем, например, галлюцинации. Психолог Поршнева, ссылаясь на данные этологии [5, 452]², говорит, что не только у человека, но и у животных бывают галлюцинации, которые связаны с предметами реального мира — курицы видят зерна, собаки — других собак и т. д. [5, 158]. Галлюцинации человека не всегда связаны с предметностью. Например, прямая линия, окружность, треугольник, прямоугольник, число в вещественном мире «отсутствуют». Это — результат обобщения предметов реального мира и выделения элементарных абстракций человеческим сознанием — дерево может предстать как окружность и прямоугольник, скала — как треугольник и т. д.³ Кроме того, автор приводит слова Кречмера об экспрессионистском искусстве, в котором разрушен уже любой порядок предметности. Кречмер утверждает, что такая же техника изображения реальности наблюдается и у шизофреников.

Если следовать Гиренку, получится, что воображение несовместимо не только с разумом, но и с инстинктом. Причину со следствием может сопоставить и животное. Что тогда можно рассматривать как собственно человеческое? Абстрактное мышление, т.е. самостоятельное выделение предметов по их признакам, а также логическое домысливание события на основе опыта — это действительно человеческое «изобретение». Все это, пишет Гиренок, возможно благодаря воображению.

Воображение стало предметом философского рассмотрения еще в трудах И. Канта [9, 110]. Кант предложил разделять два вида воображения, одно из которых сочетает данные чувственного опыта, а другое продуцирует явления сознания самостоятельно, без отсылки к эмпи-

² Галлюцинация — термин Поршнева.

³ Гиренок здесь ссылается на П.А. Флоренского [1, 82], также можно сослаться на [8].

рии. Второй вид реализуется в гении, который мыслит оригинально, т. е. без подражания предметам и явлениям реальности.

Язык как инструмент тотальной реальности в свое время криковали пост-структуралисты, стремясь преодолеть власть языка, деконструировав его [10], но сама деконструкция стала претендовать на властные полномочия в гуманитарных науках.

Гиренок обращается к своим любимым дикарям. Язык позволял племени общаться таким образом, что каждое сообщение внушало племени какую-то новую функцию, которая всякий раз и сохраняла скоординированность действий людей. Именно из скоординированности Гиренок и выводит словарь первоначального языка, а вовсе не из начальных семантических данных, которые неизбежно подлежат модернизации, и в результате даже обесмысливает любой перевод. «Речь умертвила чувственный мир, — пишет Гиренок. — Или, как говорит Гегель, “образ умерщвляется, и слово заменяет образ”» [1, 68].

Мысль же, по мнению автора, не связана с языком, а, наоборот, с чувством. Это он показывает в критике концепции Кристевой: воображение есть не представление, а состояние, а значит — чувство, эмоция. Так, мысль рождается в субъективной эмоции, а не в объективном (говорящем на языке социума) языке.

Доплатоновская пещера и возникновение сознания

Книга Гиренка начинается философскую рефлексию с искусства верхнего палеолита. Сначала первобытный художник рисовал линии и точки. Потом на стенах пещер стали появляться отпечатки рук — первые признаки субъективности древнего человека, свидетельства самосознания себя в мире. А после появились изображения животных — бизонов, лошадей, оленей. Так появился образ. Известно, что первобытные художники использовали выступ скалы или борозды медвежьих когтей для завершения образа, подрисовывая оставшиеся детали. «Следовательно, художники палеолита изобрели глаза, которые смотрели на скалу, а видели в ней изображение зверя, и зверь этот ничем не отличался от настоящего» [1, 86]. Клод Леви-Стросс такие приемы в искусстве назвал бриколажем, а Лев Выготский — агглютинацией образов [11].

Обращаясь к наскальным изображениям, Гиренок приходит к выводу, что галлюцинация («греза»), воображение первобытного художника, противопоставляет человека — социуму (вкуче с реальностью). Если учитывать, что первобытные изображения не имеют той миметической ценности, каковую им приписывают, то перед нами — доязыковой образ, первый порыв мысли первобытного художника. Поскольку известны множество примеров наскальной живописи в укром-

ных местах пещер, то автор делает вывод, что эти рисунки не были функциональны, а значит, не труд, а нечто *бесполезное* создало человека [1, 73].

Древний художник рисует линии, животных, создает скульптуры «палеолитических венер» потому, что он расчерчивает в мире пространство для себя. Животное как символ движения он «приручает», рисуя на скале. Женщину как символ покоя и материнства он высекает в камне. Понятия верха и низа, покоя и движения, добра и зла появляются сперва не в языке, а в галлюцинации художника. Искусство — это свидетельство того, что причина может быть и не реальной, не внешней.

В связи с этим укажем на феномен сознания, которое, по мнению многих философов, можно «ухватить» за репрезентации. Гуссерль определяет сознание как «сознание-о», т. е. сознание, связанное с некоторой предметностью, которое выступает как содержание сознания. Гиренок переворачивает эту конструкцию и предлагает теорию беспредметного сознания.

Метатеория сознания

Во второй части книги предлагается теория сознания с позиций философской антропологии. Гиренок в принципе ставит метафилософские вопросы: есть ли сознание до осознания и что есть оно, поскольку в англо-американской философии сознания высказывания или содержания сознания доказывают наличие сознания. Если язык — лишь репрезентация сознания, а интенциональность сознания — теория о репрезентациях сознания, то что тогда само сознание?

Метатеория сознания выстраивается следующим образом. Поскольку репрезентация сознания — это естественный язык, речь, то все содержания сознания, которые можно обнаружить, именуется «я-сознанием». То есть «я-сознание» и описывается в теориях интенциональности как у феноменологов, так и у аналитиков [12 — 15]. Далее следует вопрос: а что есть сознание, когда нет репрезентации («думание ни о чем»)? Сознание без репрезентации («само по себе») Гиренок называет миражным сознанием, или уже-сознанием. Уже-сознание связано с уже совершенным воздействием эмоций человека. То есть «материя» сознания, как полагает Гиренок, это не разум, а эмоция. К тому же, разум не может быть эссенциальной чертой человека, раз есть безумие.

Человек у Гиренка — это, в первую очередь, субъект мысли, а потом уже речь, деятельность, социальность. Поэтому и смысл всей работы автором видится в том, чтобы показать, как появляется самостоятельная, не подчиненная воздействиям внешней среды, мысль. Требо-

вание невнушаемости (анти-суггестивности) для появления самостоятельной мысли привело автора к необходимости исследовать аутистов. В отличие от постструктуралистов, занимавшихся шизофрениками, Гиренка интересует не клиническая патология, а, скорее, граница клинической нормы и патологии. Клиническая норма — это социальность, не знающая «бегства от реальности». Граница, или, как говорит Гиренок, трансгрессия, это пространство между свободой и необходимостью, реальностью социального и воображением индивидуального, в которое помещен человек. То есть антропология Гиренка разворачивается в борьбе с социальным.

Критика аутографии

Аутография предстает как стиль письма Гиренка, и это имеет ряд недостатков. Концепция Гиренка представляет чистый тип, который можно условно назвать «человеком воображающим», причем автор не объясняет, соприкасается ли его чистый тип с обществом или нет. Показано только, что он убегает и борется — с инстинктом, социумом, языком.

Еще одна проблема, с которой сталкивается читатель, — огромное количество данных из различных дисциплин, не всегда ясно поле исследования, которое надо было бы определить — ради потенциально заинтересованного читателя. Аналоги междисциплинарных исследований на близкие темы в последнее время разрабатываются в англоязычной науке⁴.

Также следует заметить, что, будучи оригинальным мыслителем, сосредоточенным на аргументации своей теории, Гиренок не всегда хорошо проясняет свою терминологию. Например, слова, часто встречающиеся в книге, — депривация, дипластия, суггестия, не были так тщательно разобраны, как, например, понятия «сознание», «воображение» и «аутизм». Всеми виной — до сих пор не вышедшая рукопись 2006 г. «Абсурд и речь: антропология воображаемого», в которой были полностью проработаны термины, о которых мы говорим, а также глубоко проанализированы теории Поршнева, Марра, Выготского и др. Остается надеяться, что эта рукопись вскоре будет опубликована, чтобы читатели смогли, наконец, полностью прояснить теорию Гиренка.

Кроме того, читатель, не знакомый с текстами автора, может не понять, что предлагается отнюдь не концепция борьбы с языком. В книге, увы, не прописано, что концепция — метатеоретическая, и язык, равно как и социум, и разум, предстает как абстрактный объект. Гире-

⁴ Некоторые зарубежные работы, связанные с проблематикой данной книги: [16 — 21].

нок не предлагает избавиться от языка в реальности, иначе он, вслед за Витгенштейном, предпочел бы молчание. Кстати, витгенштейновская критика индивидуального языка проливает свет на позицию Гиренка: если проводить аналогии, то он считает, что индивидуальный язык возможен.

Литература

1. *Гиренко Ф.И.* Аутография языка и сознания. М., 2010.
2. *Гиренко Ф.И.* Метафизика пата. Косноязычие усталого человека. М., 1995.
3. *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.
4. *Куайн У.В.О.* Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: Становление и развитие. М., 1998.
5. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007.
6. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966.
7. *Шмерлина И.А.* Биологические парадоксы социальности // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 7.
8. *Новоселов М.М.* Абстракция в лабиринтах познания (логический анализ). М., 2005.
9. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.
10. *Деррида Ж.* О грамматики М., 2000.
11. *Выготский Л.* Мышление и речь. М., 1999.
12. *Dennett D.* Content and Consciousness. L., 1986.
13. *Dennett D.* The Intentional Stance. Massachusetts, 1989.
14. *Денет Д.* Виды психики. М., 2004.
15. *Searle J.* Intentionality. Cambridge, 1983.
16. *McGuinn C.* Mental Content. Oxford, 1989.
17. *Bermudez J.L.* Thinking without Words. Oxford, 2003.
18. *Fodor J.* The Language of Thought Revisited. Oxford University Press, 2008.
19. *Stoljar D.* Ignorance and Imagination. The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness. Oxford University Press, 2006.
20. *Maxwell M.* Human Evolution: a Philosophical Anthropology. N. Y., 1984.
21. Handbook of Human Symbolic Evolution // A. Lock, C.R. Peters (eds). Oxford, 1996.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

**Кое-что о человеческом лице Швеции,
или Черновые заметки о чистовом хозяйстве***

Аннотация. Статья представляет собой философское эссе, в котором рассматриваются некоторые духовные черты модели шведской экономики как наиболее близкого и успешного приближения к идеальной модели хозяйства, анализируемой в категориях философии хозяйства и парадигмы софиологии.

Ключевые слова: чистовое хозяйство, духовная модель хозяйства, булгаковская София, экономика прощения, награды, подлинности, доверия, дара, экономика Пожертвования во Имя Господне, поэтика труда и капитала, мифы и символы в хозяйстве, страдание как принцип хозяйства, производство культуры, нетворкинг, дизайн, Божья страна (Готланд).

Abstract. The article is philosophical essay on the features of Sweden Economy, its spiritual component, as a most successful approach to ideal model of economy analyzed in terms of philosophy of economy and sophiology paradigm.

Keywords: final (puer&noble) economy, ideal spiritual model of economy, Bulgakhov's Sophia, poetic of work and capital, myths and symbols in economy, crucifixion as a principle of economy, economy for God sacrifice, goodness economy, virtue economy, integrity economy, economy of sophistication, secret of Sweden model, culture production, design, networking, Gotland (Land of God).

Вступление. Нетворкинг

Их — умных шведов, делателей сетей и заключателей пактов, задача была столкнуть нас лбами. Состав был подобран так, что оказались вместе и лоялисты, и карбонарии. И это у них называется завязывание связей — нетворкинг.

Карбонарии сказали: нет в свободном рыночном мире закона, по которому отвечаешь за бизнес всем своим имуществом. Тем более нет уголовной ответственности за бизнес. За коррупцию — да. То есть меч карательных мер направлен на чиновника, а не на предпринимателя. Есть, конечно, имущественная ответственность перед партнерами по бизнесу, товарищами. Но перед государством принцип ответственности ослаблен.

* Заметки автора после путешествия в Швецию.

Лоялисты согласились. Должны быть ротация, перемещение кадров управленцев, чтобы чиновник пожил в шкуре бизнесмена. Наверное, было бы правильно и наоборот. Принцип солидарности должен работать в обе стороны.

Сошлись на том, что не было бы счастья — да несчастье помогло. Шведы создали на Украине банки, которые не пережили кризис. Теперь они заинтересованы в партнерстве с опорой на твердую руку. Необходимо дружить со шведами. Их культура должна идти сюда, а мы — открывать и создавать в этом со- и противодействии свое. Не спать.

Культура — это и есть способность мысленно и осмысленно поменяться местами с другими, с иными.

Обсудили судьбы империй. Ни США, ни Китай на империю не тянут. США — в силу того, что их хозяйственная энергия угасает, хотя агрессивность растет⁵. Китай — в силу отсутствия религии. Конфуцианство с его квиетизмом и прагматизмом — не религия. Кто остается? Ислам, Россия, Швеция, Старая Европа?

В исламе, как и в иудаизме, слишком большой перекосяк в сторону ценностей рода, семьи, клана. Это сорт эгоизма. Ценность же государства подрыта.

Коллективизм России изъеден перестройками и диким капитализмом. Хотя общинность России всегда была безлична и даже *противулична*, как цыганский табор, ополчившийся против чужака — эгоиста Алеко.

Не эгоизм, но связь личностная — шведская ценность и шведский способ жизни и дела, делания жизни. Америка разъедает и шведские начала экономики и жизни. Поэтому шведы поспешают к нам⁶.

Шведская экономика — экономика Прощения. Они ищут здоровый дичок, чтобы привить ему свою веточку. Нам не надо уходить от прививки. Будем мичуринским деревом?

Мифы и символы в хозяйстве

Самое прочное, самое сильное крепкое и устойчивое в мире — это мифы и символы. За них люди идут на смерть. То, что ниже, — повседневность — в особенности, необлагороженная или отгороженная, закрытая, замкнутая на себе, аутичная — груба и хрупка, как кристалл, как разбитое стекло. Самое прочное на свете — воздух, вода и свет. Свет — самое неразрушимое.

⁵ Со слов карбонариев, перестраховочные компании США и других стран свалили Латвию и Эстонию. Им нужны были банкротства для того, чтобы получить деньги.

⁶ Может, причиной тому и общая земля — Готланд (см. далее).

Свет — носитель вечности. Звезды светят и после того, как погибнут.

Принцип света и распространения света — в хозяйстве.

Доброе имя фирмы — производительная сила.

Перевертывание и перевертывание существуют только на низком уровне взаимодействия и мотивации. На высоком — незыблемость. Ее эмблема — образ.

Нигде так не связаны вместе, как здесь, производство и искусство. Так переплелись, что рожают новое трепетное желание сохранить старое, чтобы все было как прежде — и страстное желание (устремление) войти в новое, сохранить себя в новом, обновиться, преобразиться.

Рябиновые кресла великого Ле Корбюзье в гостинице «Морнингтон» всегда будут восхищать, а потому быть сразу и новыми и старыми. Быть и новым и старым — признак шедевра.

Цель и смысл хозяйства — дать расцвести символам страны, земли, народа, империи. Дойти до сердцевины, до истока, до образа и первообраза. Хозяйство должно создавать свои шедевры. Еще лучше, если хозяйственные отношения будут тянуть на шедевр.

Книги в номер в «Морнингтоне» дают свободно и без записи. «Поэтика Аристотеля» — поэтика философии, математики, труда, хозяйства.

Бизнес должен быть благородным и готовым поделиться, а не хищным и урвистым.

Шведская поэтика труда (и капитала)

Если есть только чистая погоня за прибылью — то не будет и прибыли. Ведь наилучший способ качать прибыль — оставить все, как есть, не рисковать добром. Инновации же предполагают смелость, свободу, отрешение от старого и от себя старого, готовность все потерять и нищим стать, как прежде.

Свобода, высвобождение, выход энергии — авантюризм даже — у каждого поколения должны быть свои, так же как и возможность уйти от (мертвящих) штампов старого и сохранить (животворящую, живую) душу.

Американский стиль ведения дела — агрессивный, теневой, мрачный. Эгоистичный. Это ему в минус. Шведский — спокойный и светлый. Солидарный. Это ему в плюс.

Альтернатива агрессии в деле (бизнесе) — проникновение в дело энергии религии и искусства. Освященность его религией и искусством.

Если либерализм — это хозяйственный эгоизм, то шведы не либералы.

Бизнесменам шведское общество позволяет взять больше, чем дать. И тогда совесть бизнесменов не дает им взять больше, чем дать. Вот *секрет шведской модели*. И этим она влияет и на американскую. Американский протестантизм отсюда.

Эгоизму нужна оболочка — либерализма, гламура. Добротности и благочестию оболочка не нужна.

Шведская экономика и стиль — экономика и стиль подлинности.

В Швеции на каждом шагу повторяющиеся образы, символы. Главный — лошадь. *Цягнуць ярэмна хлеба*. Повторение символов задает лад, ритм работы.

Дизайн на каждом шагу. Шведы придумали также дизайн и сценарий отношений. Определяющий принцип — доброжелательность и вежливость. Шведская бабушка, поняв, что ошиблась с советом в поиске нужной улицы, — догнала меня, запыхавшись, и пересоветовала. Шведский по виду завсегда кафе бежал вдогонку, чтобы вернуть мои покупки. Вернул пакнуды клунак с возгласом «Беларусь, прывет!». Ледзьве, што не жыве!

Протестантизм — сильная воля проводить индивидуально понятаю человеком волю Бога на земле. Поэтов здесь чтут. Карл Майкл Беллман. И еще поэт и музыкант, Эллиса Мартин, чья могила возле кирхи Адольфа Фредерикса.

Кто-то должен молиться, петь, страдать за других, за всех.

Христос — запечатанный и открытый принцип подлинной жизни. В этом отличие шведов от китайцев и христианства от конфуцианства и буддизма. В этом смысле — проект. Но не чей-то, а Бога. Но воплощенный на Земле, в Человеке. От века, во веки, навеки. И теперь вот идущий от человека навстречу Богу.

Давать больше, чем от тебя ждут. Примеры — дизайн, культура в производстве (нам дали на конференции красочный, оригинальный, а не заурядный бейджик).

Производство в Швеции — производство культуры.

Столкновение старого и нового высекает искры творчества, в котором незыблемая сущность — Правды, Добра, Света — находит подтверждение в новых формах.

Твое богатство не в том, сколько ты имеешь, а в том — сколько можешь отдать. На этом принципе стоят религии. На этом принципе должно стоять и хозяйство.

Религия — движущая сила и внутренний мотив и пружина производства. Это становится все более ясно.

Твоя прибыль — умение отдавать добровольно, красиво, изысканно. Просто, чтобы отдавать, потому что это красиво и хорошо.

Культура — культ Самоотдачи и Совесть. До предела, до верхней точки доведенный в религии. Но его ежечасно, ежеминутно, ежесекундно и вечно нужно поддерживать на Земле. Вот смысл удивительной, великолепной, дивной иконы в церкви Св. Николая. Это икона Софии. Там два голубя — Дух Святой Троицы и Дух Богослова — тот, что соединяет Святую Троицу и Человека.

Самой иконы Св. Николая не было. Но чудо ее пребывания, сказка пронизывали Образ Софии.

Шведский мир создали поэты, а это умные возвышенным умом люди.

Принцип хозяйства — принцип Молитвы. *«Прости нам долги наши, яко же мы прощаем должникам нашим».*

Страдание — принцип хозяйства. Высшая точка — пожертвовать собой. Отдать себя — апогей того стиля, который хочет давать больше, чем брать.

Распятие — высшая точка самоотдачи.

Экономика Пожертвования во Имя Господне творит чудеса.

Она хочет дать каждому, чтобы тот мог давать, воздать Господу — тоже принцип Господень. Наградить — чтобы другой мог награждать.

Не зарыть таланты — это тоже воздать Господу Его же.

Экономика награды извне и аскетизма изнутри человека.

Экономика подлинности — потому что подлинное — Божье, от Бога.

Христос — искра, звезда, встреча проектов — Бога и Человека. Две звезды, два голубя — в Боге и в Человеке.

Не дать завладеть собой низшим мотивам, т. е. не дать завладеть собой дьяволу. Дьявол — это и есть низшие мотивы. Грех есть брать больше, чем давать, отклоняться от Красоты, Правды, Верности — Божьего Света. Уклоняться от Долга.

Экономика Кредита (Доверия) к Тебе и Долга Твоего Другим.

Национальность — охранная грамота Самоотдачи. Без этого она — Саморастрата.

Шведская экономика национальная.

Храмы поддерживают символику жизни. Стокгольм — постоянный звон колоколов, соборных часов, слышимый повсюду. Регулярно повторяется. Музыкальная шкатулка. Всем хорошо.

Стокгольм — этимология — ствол дуба, прибитый к холмистому берегу. Или в поэтической метафорической форме — русла дуба, ствол в небесах, ветви ручьев. Руки на ручья. Что-то волшебное. Сказочное. Так и есть.

Дать каждому свое — чтобы он мог отдать свое.

Экономика Дара, Воздаяния Богу. Отсюда — прочные здания, добротные вещи, продуманные отношения и мысли.

Сергий Булгаков, пожалуй что, швед. Нужно узнать, был ли он в Швеции. София — шведский протестантский проект?

Черты проекта: трудиться все должны для того, чтобы каждый мог оставаться Человеком Божьим.

И подлинная экономика — экономика заботы о других. Остальное не заслуживает жизни.

Швеция — даже в другой социальной группе, в другом платежеспособном диапазоне: сценарий тот же — забота о других, отдача. Чем выше положение в обществе — тем больше отдача. Долг платежом красен. Богатые должны быть ближе к Богу. Принцип возрастания социальной ответственности по мере роста социального статуса.

У нас наоборот. Статус для роста увеливания. Элита уводит свои капиталы, ищет образования, недвижимости и счастья за бугром. Элита избегает служить Отчизне, будь то в армии или на государственном посту, или в деле купеческом или ином доходном месте.

Статус для исполнения долга был советский объединительный принцип. И он объединял людей.

Швеция — экономика служения. Экономика послушания.

Когда думаешь о других, о том, как послужить другим, как Богу — то придумываешь лучше, и больше, и краше, чем, когда думаешь о себе, о своей выгоде. Стяжание выгоды — это прямая дорожка, скатывание в Ад — царство низших мотивов.

Экономика чуда. Экономика удивления. Человека в течение жизни должны окружать удивительные вещи.

Звон должен звонить через промежуток свой всегда, чтобы напоминать о высших мотивах жизни.

В Швеции, как и остальной Европе, секонд-хэнд — то ли выгода, то ли забота о ближних? Сомнительная выгода и сомнительная забота.

Прима же хэнд Швеции — Божий Лэнд — Готтланд. Дословно — Бога Земля⁷. Общество должно дать человеку условия расти в человеке человеческое, Божеское. Поэтому и среда здесь хорошая для придумок, для того, чтобы удивить и порадовать других. Удивить других — не вызвав зависть к себе. А удивить — вызвав удивительно доброе отношение к себе — самому удивиться добротой к другим.

Швеция — экономика доброты и добротолубия.

Экономика создания и роста доброго имени.

⁷ Остров в Балтийском море, откуда пошли и русы и белорусы.

В среде (лучше сказать — в дебрях) зависти, раздражения, постоянного чувства опасности рождаются самомнение, кичливость, эгоизм — в итоге изоляция.

В Швеции общество солидарно. Бедные точно знают, что богатые не дадут их в обиду. И не завидуют богатым. Знают, что с тех спрос больше. А Бог спросит со всех по-своему.

Богатство должно служить не накоплению богатства, а росту и преобразению, просветлению сознания. *Росту Божьего в Человеке*. Более передовое царство-государство, общество-сообщество — значит более праведное, более благочестивое, имеет больше Божьего в каждом из сынов и дочерей своих. И хочет пробудить в человеке его талант, дать раскрыться его таланту, но делает это, окунув человека в купель талантов, окружив людьми, которые, как добрые феи, спрядут ему судьбу-одежду. Но выбирать, примерять, надевать, носить и делиться ею он будет сам, внимая Голосу Бога и голосу совести.

На лжи праведное не построишь. И лживое основание, как глиняные ноги колосса, — рано или поздно рухнет.

Советская экономика была уже в своем революционном начале экономикой новаторских, звездных устремлений, но только «человеков» частичных, партийных человек. Вначале это по-особому возвышало людей и роднило. И этнос создало — советский. Но это была взвесь крупниц праведности в водичке лжи, потому что Богу в этом обществе места не находилось, а праведность стыдливо маскировалась под партийность. А когда взбаламученность прошла, и когда частицы правды упали на дно и ложь взяла верх — советское общество рухнуло.

Гламур — похоть очей и гордость житейская. Неправда и напыщенность. Блеск отчуждения. Уже в том подделка. Пустить пыль в глаза, поддеть любой ценой. Затмить. Заморочить.

В Швеции, где все настоящее, «гламуры» излишни. Но необходима и есть масса добрых, удивительных, сказочных вещей, в которых есть Душа. Производство там служит тому, чтобы создавать одухотворенные вещи и возможности одухотворенно трудиться.

Экономика — экономика Духа, Духа Святого, Духа Добра, Света и Торжество Свободы. Пушкин очень там.

Швеции отчаянно чаяли Чаадаев, и Чайанов, и Чехов.

И Булгаков Сергей. Там, в Швеции, пласт Человекобожия настолько силен, что можно подумать, что *образ Софии — вообще протестантская идея. Потому что там клир, пожалуй что, наравне с храмом стоит. Но ведь Христос и храм Христа (по св. апостолу Павлу) предполагается в каждом человеке, столь же, сколько в церковной общине и в соборе.*

Но нет. Булгаковская София есть «первое всего» сильнейший образ православия. Она — прообраз Божественной Любви. Прообраз Откровения Бога. Он живет и в Боге до начала творения, и в Сыне, и Духом Святым пронизан. Как Благодать и Воля Божья София есть Христос, и предполагается и в каждом человеке, и в общине, в соборе. То есть Он предполагается во Всеобъемлющей Любви. Она, как Стебель, соединяющий высоты, клира, храма, неба. Но стебель, посеянный в небесах и растущий с земли.

Собор более тяготеет к Незыблемому. Человек как Храм — тоже. Поэтому должны быть веские причины, чтобы захотеть нового. Какие — мода, корысть, зависть? Верный ответ — Любовь. Она — постоянно изменяющаяся константа. Но что такое любовь на земле? Православие ищет ответ — и не находит ответа.

Тот, кто Душу положит за други своя — Душу найдет, а не положит — потеряет (св. апостол Павел). Семя, чтобы дать ростки, должно погибнуть (св. апостол Иоанн Богослов).

Принцип дать больше, чем взять — вот принцип Любви, Красоты, Поэзии. Искусство в хозяйстве — основа расцвета хозяйства. Да и искусства тоже.

Однако — парадокс. В устройстве православного общества есть разрыв между Божественной Любовью как Божественным идеалом и миром как продуктом жизнедеятельности людей. Возможно, это происходит от ортодоксального неприятия мира сего, от постулата невозможности построения Царства Божия на Земле. Отсюда — грань отчуждения между миром Бога и миром Человека, между Софией и обществом. Хотя, возможно, категория Софии призвана к жизни желанием ее проповедников преодолеть эту грань отчуждения. Перед ними лежал пример благоустроенной и социализированной Европы. Но и пример «заземления» горного мира в благополучной Европе лежал тоже.

Тем не менее надо признать, что сегодня по высоте человеческого исполнения, т. е. культуры, шведское хозяйство всеобъемлющей заботы о человеке и всеобъемлющей честности более соответствует софийности. Там есть мощное общественное связующее звено между Богом и человеком. Помимо Церкви. Это звено — шведское хозяйство как один большой клир. Доверие порождает доверие. Честность порождает честность. Забота умножает заботу. А Любовь преображает Любовь.

Создается впечатление, что в шведском хозяйстве ценность новизны и ценность красоты уже заняли место ценности стоимости. Стоимость — только остов, каркас, цоколь, константа, и она, конечно, не может исчезнуть совсем, пропасть. Однако она

теперь нулевой цикл, на котором воздвигнуто иное здание, не то, что чистая экономика.

Однако красота, поиск новизны, благородство и доверие, проявляемые на каждом шагу, — те силы, которые противостоят, как свет тени, как залитая солнцем скала, отражаясь и в темной воде, освещает ее, изгоняя из темной воды коррупцию, насилие, мрак.

Где уловки — там и двойные стандарты, где хитрость — там и подозрительность, где неверие — там и преступление.

Экономика же жизни — экономика не тени, не преступления и вырождения и упадка, а возвышения и облагораживания, роста светлых начал.

Иконы Св. Николая в Его Храме в Старом Стокгольме не оказались. Он ходит по земле. Он где-то рядом.

29 октября — 8 ноября 2010

В.Ф. ШАПОВАЛОВ

Парадоксы искусства советского периода

Аннотация. В статье отмечаются высокие достижения искусства советского периода и анализируются их причины. Автор подразделяет искусство советского периода на три основных потока: официальное, полуофициальное, неофициальное. Особое внимание уделено выявлению художественных и философско-эстетических особенностей ряда музыкально-поэтических жанров. Высказывается гипотеза об особой роли слова в русском искусстве.

Ключевые слова: бардовская песня, блатная песня, русский шансон, русский рок, советская песня, эстетика.

Abstract. The article makes special mention of high achievements of the arts of soviet period and analyses its causes. The author subdivides the arts of soviet period into three streams: official, semi-official and non-official, attends special artistic, poetical, philosophical and aesthetic features of some entertainments of arts, proposes a hypothesis about a specific role of word in Russian arts.

Keywords: authors-song, jail-song, Russian «chanson», Russian rock, soviet song, aesthetics.

Искусство официальное, полуофициальное и неофициальное

Для понимания и объяснения многих художественных достижений советской эпохи, очевидно, следует учесть разработанное немецким социологом начала XX в. М. Вебером понятие «*продуктивной напряженности*». Состояние продуктивной напряженности может существовать между государственной властью и искусством. Эта напряженность, выражающаяся в цензурных ограничениях, гонениях или угрозе гонений и др., становится в ряде случаев, как это ни парадоксально, специфическим *стимулом* (разумеется, не единственным) для художественного творчества.

Современный специалист по эстетике отмечает: «Исследователи, изучающие историю русского искусства советской эпохи и пытающиеся объяснить, как в условиях жесткой идеологии возникли и состоялись такие значительные фигуры, как А.А. Ахматова, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак, Д.Д. Шостакович, А.А. Тарковский, склонны считать, что *определенная степень внутренней напряженности идеального и реального, официального и внутренне-человеческого* в какой-то степени была необходима для того, чтобы искусство было способно на своей территории создавать особые смыслы и свой говорящий язык. Сама по себе ситуация между легализованным и табуированным чрезвычайно продуктивна для развития разных форм художественного иносказания: углубленной метафоричности, эзопова языка, подстрочных и контекстуальных смыслов. Художественный конфликт в литературе и искусстве мог совпадать с допускающимися официальной цензурой коллизиями, но его невидимая часть содержала в себе нечто большее, и порой совсем другое» [1, 225].

Разумеется, тезис М. Вебера не может быть истолкован в смысле оправдания политической несвободы как состояния, якобы наиболее благоприятного для развития искусства. Речь идет о другом — о том, что искусство, будучи деятельностью творческой, в условиях политической несвободы способно не только выживать, но и развиваться, создавая новые образцы выразительности и изобразительности, даже в условиях давления со стороны власти и, в известной мере, — в результате такого давления.

Очевидно, что ни о какой «продуктивной напряженности» между властью и искусством не могло быть речи, если бы власть была в состоянии полностью и без остатка контролировать все проявления общественной и личной жизни. Это с одной стороны. А с другой — если бы искусство не было бы деятельностью творческой, потенциально содержащей в себе бесконечные резервы изобразительности и выразительности. Однако дело обстоит именно так: даже тоталитарная власть

не в состоянии взять под свой контроль все проявления жизни. Искусство же, в условиях жесткого пресса, наглядно демонстрирует свои безграничные возможности в открытии и изобретении новых художественных форм и средств.

Совершенно необычный с точки зрения привычных канонов роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» явился достойным ответом на своеобразные и крайне стесненные в политическом отношении условия жизни людей «первого в мире пролетарского государства». Это же можно сказать о произведениях таких авторов, как А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Платонов, О. Мандельштам, Д. Шостакович, А. Тарковский, В. Высоцкий и др.

Наибольшей популярностью и признанием массовой аудитории в советский период, особенно с послевоенного времени, пользовались произведения *полуофициальной культуры*. И именно в полуофициальной культуре наиболее наглядно проявлялся эффект «продуктивной напряженности». К этому потоку культуры можно отнести авторскую (бардовскую) песню, блатную песню, ряд направлений сатиры, зарубежный и российский рок и джаз и др. Под полуофициальной культурой будем понимать те произведения, на которые (и их авторов) не устраивалось жестоких гонений, но которые властью и не приветствовались, не поощрялись.

Под *официальной культурой* будем понимать культуру, одобряемую и поощряемую партийно-государственной идеологией советского периода.

Следует отметить, что официальная культура была по преимуществу массовой по своему типу, как и все общество, которое стало массовым (в смысле Х. Ортеги-и-Гассета). Советское «восстание масс» отличалось от западного, прежде всего, тем, что было основательно замешано на официальной партийно-государственной идеологии. Из официального искусства тщательно вытравливалось то, что, по мнению партийных идеологов, не будет понятно массам. Достаточно вспомнить гонения на художников-абстракционистов во времена Хрущева, уничтожение выставки их произведений при помощи бульдозеров. Художники этого направления вынуждены были перейти либо на подпольное положение, либо эмигрировать в страны Запада. Этот поток культуры следует отнести к *неофициальному*.

В рамках искусства советского периода — не только неофициального и полуофициального, но и официального — порой создавались достойные произведения, и даже подлинные шедевры. Так, скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» целиком вписывается в каноны официального советского искусства. Но разве можно на этом основании отрицать ее несомненные художественные достоинства? Столь

же риторичен этот вопрос и по отношению к таким произведениям, как фильмы «Летят журавли», «Баллада о солдате», к поэзии Р. Рождественского, А. Вознесенского. Например, повесть В. Аксенова «Коллеги» была вполне лояльной советской идеологии. Тем не менее ее с полным основанием можно отнести к числу произведений, весьма достойных с точки зрения художественно-эстетической. Гораздо более сложен вопрос о художественных достоинствах позднего Аксенова, когда писатель направил все свои силы на обличение «системы», стремясь «запрыгнуть на подножку» уходящего от него модного диссидентского «паровоза».

Прекрасной иллюстрацией состояния продуктивной напряженности искусства, отнесенного нами к *полуофициальному*, может служить Театр на Таганке советского периода под руководством Ю. Любимова, постоянно находившейся на грани официального и неофициального. Известное публике состояние «напряженности» театрального коллектива в отношениях с властью не только способствовало популярности театра, но и самое главное — побуждало режиссера и труппу к творческому поиску, к нахождению своеобразных и неповторимых художественных форм, к изобретению особого языка иносказаний. Между исполнителями и зрителем устанавливался особый контакт, основанный на многозначности текстов, на искусно найденных оригинальных ассоциациях и аллегориях. Элементы «продуктивной напряженности» между властью и искусством играли немалую роль в создании и многих других шедевров российского искусства советского периода.

Следует особо подчеркнуть, что авторы выдающихся произведений (в отличие от многих авторов постсоветского времени) официального, неофициального и полуофициального искусства советского периода унаследовали от русской художественной классики отношение к искусству как священнодействию, как к деятельности, в известной мере, сакральной. При всех разительных отличиях эти три потока (официальное, неофициальное и полуофициальное искусство) в их лучших проявлениях связывали высокая оценка искусства как средства возвышения человека и отчетливое осознание авторами нравственно-воспитательной функции искусства.

Романтический гуманизм бардовской (авторской) песни

Бардовская (или авторская) песня связана прежде всего с именами таких выдающихся поэтов и исполнителей, как Б. Окуджава, Ю. Визбор, Е. Клячкин, Ю. Ким, А. Городницкий, А. Дольский, Т. и С. Никитины, В. Качан и др. Был близок к ней В. Высоцкий, хотя его творчество по глубине и философичности выходит за пределы лирико-романтического настроения, характерного для бардов.

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. авторы и исполнители бардовской песни собирали многотысячные аудитории дворцов спорта и стадионов. Несомненно, рождение этого феномена связано с хрущевской «оттепелью», точнее, с чувством обновления и очищения, с ожиданиями перемен, которые она породила. В 1970-е широко развивается движение авторской песни со слетами на природе, с песней у костра.

Прагматизм и меркантилизм постсоветского общества, а также обострение проблемы выживания привели авторскую песню едва ли не к гибели. Впрочем, не исключено, что авторской (бардовской) песне еще предстоит эпоха нового расцвета, поскольку ее поэзия и возвышенный нравственный пафос, романтический гуманизм способны найти отклик в сердцах людей в любых социально-политических и экономических условиях.

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаяние,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
Последний, случайный.
Последний троллейбус по улице мчит,
Верша по бульварам круженье,
Чтоб всех подобрать потерпевших в ночи
Крушенье, крушенье...

.....
Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
И боль, что скворчком стучала в виске
Стихает, стихает.

(Б. Окуджава)

Надо заметить, что авторская песня для своего полноценного существования длительное время нуждалась в напряженности между властью и искусством. Именно состояние напряженности было свойственно в советскую эпоху взаимоотношениям между партийно-государственной властью и тем искусством, которое не укладывалось в предписанные официальной идеологией рамки. Не укладывались в эти рамки ни блатная, ни авторская песня. Нельзя сказать, что авторская песня относилась к числу направлений, гонимых с особым ожесточением. Однако между нею и властью существовали напряженные отношения: она не допускалась на радио и телевидение, ее авторы не отмечались официальной прессой. Распространялась она в основном в записях для домашних магнитофонов. Это способствовало созданию

особой атмосферы интимности в кругу единомышленников. Без такой атмосферы авторская песня утрачивает немалую часть своего очарования и привлекательности.

Знаменитая строка Б. Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» обращена, конечно, ко всем. Но подтекст, все же предполагает наличие круга единомышленников, людей, близких по духу. Их объединяли, прежде всего, скептическое отношение к официальной партийно-государственной идеологии, убежденность в существовании иных, подлинных ценностей. Отсюда, авторской песне часто присущ вызов установленным порядкам, ощущение полуподпольности, неофициальности собственного существования, гонимости. Это ощущение и придавало ей особое очарование, особую привлекательность. Вообще говоря, гонимость может в ряде случаев служить не только созданию ореола, но, что самое главное, — быть стимулом к творчеству, и даже, как это ни парадоксально, — стимулом к созданию подлинных художественных шедевров.

Блатная песня и ее «преображение» в шансон

Специфический феномен массовой культуры советского периода — так называемая *блатная песня*. Доминирующей в ней является воровская и тюремная тематика.

Для понимания феномена блатной песни важно иметь в виду следующее обстоятельство. По данным, приведенным министром юстиции (1998) Крашенинниковым, число заключенных в дореволюционной России перед Октябрьским переворотом 1917 г. составляло около 150 тыс. человек. В начале 1950-х гг. в СССР оно составило около 2-х млн. Таким образом, при росте населения менее чем вдвое количество заключенных увеличилось более чем в 10 раз. Число людей, побывавших в местах заключения, а также тех, кто как-то столкнулся с системой государственного наказания (пенитенциарной системой), с заключением, тюрьмами и т. д. через родственников и знакомых, составило значительный процент от общего числа населения. Несомненно, это стало решающим фактором популярности блатной песни и остается, к сожалению, им до сих пор.

Можно без преувеличения утверждать, что преступный и около-преступный мир создал в России *мощную субкультуру*, одним из ярких проявлений которой явился особый песенный жанр, о котором идет речь.

Надо учесть, что для советского периода характерна неоправданная суровость наказания. Это приводило к тому, что, попав в заключение за незначительный проступок, человек оказывался в дальнейшем вовлеченным в орбиту преступного мира. Порвать с ним оказывалось

тем более трудно, что в обществе господствовала атмосфера недоверия к лицам, побывавшим в заключении; судимость становилась несмываемым пятном в биографии. Человек, имеющий судимость, попадал в замкнутый круг, поскольку, выйдя из заключения, повсюду встречал недоверие и подозрительность. Попытка сломать замкнутый круг была предпринята в эпоху хрущевской оттепели, о чем свидетельствует, например, появление художественного фильма под характерным названием «Исправленному — верить!». Речь в нем шла о вышедшем из заключения человеке, о том, что обществу не следует отворачиваться от тех, кто, отсидев в тюрьме установленный срок, решительно намерен порвать с преступным прошлым; такой человек нуждается в особой поддержке со стороны окружающих.

Блатная песня существовала в Советском Союзе в полуподпольном состоянии. Ее нужно отличать от бардовской (авторской) песни, существовавшей также в полуподполье, но существенно иной по тематике, содержанию, поэтике.

Лишь с эпохой гласности блатная песня получила возможность для публичного самовыражения. В постперестроечной России она нашла благодарную публику. Такой ее исполнитель, как М. Шуфутинский (вернувшийся в Россию из США в постперестроечный период), мог рассчитывать в США на ограниченную популярность лишь в пределах замкнутой аудитории недавних соотечественников. В России же он нашел многомиллионную аудиторию. Такую же широкую аудиторию приобрел Е. Кемеровский и другие исполнители.

Блатная песня воспевает романтику блатной, т. е. воровской жизни. Ярко представлена в ней и тюремная тематика — все, что связано с тюремным заключением, лагерной жизнью. К числу наиболее характерных тематических мотивов блатной песни можно отнести: сожаление о погубленной судьбе («Не жди меня, мама, хорошего сына...») и понимание невозможности ее изменить («Таганка, я твой бессменный арестант...»); неизбежность расставаний и разлук («Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая... и прощай...»), решимость следовать своей судьбе до конца, воспевание романтики преступления. Если сравнивать с американской традицией романтизации преступной жизни, выраженной, в частности, в таких фильмах, как «Бони и Клайд», «Крестный отец» «Однажды в Америке» и др., легко заметить, что в российской больше лиризма, больше грусти, задумчивости. Как и в Америке, это, конечно, псевдоромантика.

Замечу, что с началом XXI в. предприимчивые дельцы от шоу-бизнеса изобрели способ «облагородить» блатную песню, чтобы сделать ее полноправной участницей бизнес-процесса. Ей было присвоено имя «шансон». Это французское слово в прямом переводе означает

«песня». Но во Франции оно ассоциируется с песнями французских «шансонье». Шансонье — автор и исполнитель особого рода песен — песен, отличающихся особой лиричностью, задушевностью, порой, глубоким философским содержанием. По своему содержанию и мелодике произведения шансонье ближе к российской бардовской (авторской) песне, но никак не к блатной.

С обретением нового имени, блатная песня несколько утратила характерную тюремную тематику. Тем не менее привлекательность ее в глазах публики (как и прежде) связана с ее оппозиционностью, сегодня — с фальшивой слащавостью современного шоу-бизнеса, с купающимися в роскоши так называемыми «звездами».

Советская песня. Российский рок — «грустно-победный»

Феномен российской («советской») эстрады заслуживает самого обстоятельного и серьезного разговора. Вероятно, нигде в мире не удалось создать ничего подобного, соединяющего в себе столь разнородные музыкальные традиции стольких различных этно-религиозных культур народов Советского Союза. При этом советская эстрада не была простым конгломератом разнородных стилей и жанров. В ней отчетливо просматривалось единство. Во многих случаях такое единство напрямую навязывалось партийно-государственной идеологией. Но это имело место далеко не всегда. Во многих случаях единство и общая тональность были продиктованы не идеологией, а общим эмоциональным настроением всего общества. Это особенно наглядно проявлялось в *советской песне*. Произведения в исполнении Л. Зыкиной, М. Магомаева, Т. Миансаровой, Г. Великановой, Л. Лещенко, А. Пугачевой, Л. Долиной, Э. Хиля, В. Толкуновой, А. Серова, Ю. Антонова, В. Леонтьева, музыкальные произведения композиторов М. Таривердиева, А. Пахмутовой, Д. Тухманова, и многих других еще ждут своего внимательного и заинтересованного исследователя — не только в специально-музыковедческом, но в широком социальном и философско-эстетическом планах.

Вместе с тем значительный интерес в свете самовыражения русского духа представляет *русский рок* — без сомнения, уникальный феномен мирового эстрадного искусства.

На первый взгляд, рок — явление, целиком заимствованное с Запада. Однако все дело в том, что российские исполнители сумели создать на заимствованной извне почве нечто совершенно своеобразное. В течение короткого исторического времени — немногим более чем за 20 лет — выросло, приобрело зрелые черты и завоевало огромную популярность совершенно новое направление музыкального искусства, представленное произведениями таких авторов и исполнителей, как А.

Градский, Ю. Шевчук, «Машина времени», В. Цой, А. Гребенщиков, «Автограф», «Браво», «Агата Кристи» и др.

Русский рок начинался как увлечение музыкой западных исполнителей — увлечение поначалу поверхностное, но искреннее и самозабвенное. Потребовалось время, для того, чтобы родилась сама мысль о необходимости русскоязычного репертуара собственного, авторского производства. Первым запела рок на русском языке группа «Скоморохи» под руководством А. Градского. После ряда лет исполнения англоязычного рока лидер «Машины времени» А. Макаревич «осознал необходимость русскоязычного репертуара... Вполне возможно, это стало констатацией факта, что лучше “битлов” на английском не сочинишь, а может быть, как это случалось со многими, ребята услышали “Скоморохов” и поняли, что рок-н-ролл можно петь по-русски.» — пишет исследователь истории российского рока [2, 38]. Это и были первые шаги нового музыкального направления.

Русскоязычный репертуар резко изменил и музыкальную стилистику произведений. Кроме того, он побудил не только к творчеству музыкальному, но и к творчеству поэтическому, точнее к новому синтезу музыки и слова. В своих лучших образцах российский рок стал музыкой «мыслящей», во многих случаях — мыслящей глубоко и философски. Особую роль в российском роке играют слова, текст — конечно, не в ущерб музыке.

Видимо, русская культура в сущности своей глубоко ориентирована в первую очередь на слово, на внушающую и воздействующую силу слова. В пользу этого соображения свидетельствует, например, следующее наблюдение, сделанное В. Кожинным относительно особенностей песенной культуры Италии во время беседы с итальянцами: «Зашла речь и о итальянском пении... И я задал вопрос, как выяснилось, наивный: популярны ли, звучат ли по радио и с телеэкрана песни на стихи выдающихся итальянских поэтов? Гости поначалу даже удивились, а потом наперебой стали говорить о том, что текст в итальянском пении вообще мало что значит, его даже нередко — и не раз по разным причинам (например, как устаревший), заменяют и т. д. А что касается песен на стихи выдающихся поэтов, то о таких просто ничего не знают» [3, 239].

Своеобразна роль текста и в американском джазе. «Текстовки джазовых песенок, — отмечает американский автор, — довольно своеобразны. Порой это лишь набор бессмысленных слов, порой что-то слащаво-сентиментальное. Однако столь же часто эти тексты исполнены грубоватого земного юмора или неподдельного трагизма и печали. Последнее относится прежде всего к текстам, на которые поются блюзы и спиритчуэлс» [4, 376].

В связи со сказанным не лишено глубокого смысла соображение В. Кожина, о том, что «в начале всегда Слово, — неотъемлемая особенность, сама природа отечественной культуры... Но это отнюдь не умаляет значения *музыки* в русской песне или романсе, ибо можно утверждать, что придавая слову полет (стихотворение, став песней, как бы обретает крылья...) и проникновенность (обращаясь в песню, стихотворение легко проникает в самую глубь души слушателя), музыка как бы и претворяет его в Слово... Роль музыки в русской поэзии вообще нельзя переоценить: еще в прошлом веке, когда круг *читателей* был — при всех возможных оговорках — весьма и весьма узок, многие явления поэтической классики стали поистине всенародным достоянием, благодаря песням и романсам, долетавшим и до глухих деревень. Но не будет преувеличением утверждать, что и сегодня, когда все у нас грамотные, ценности отечественной поэзии в немалой степени существуют в душах людей неотделимо от музыки» [3, 240].

Роль слова накладывает особый отпечаток на российскую музыкальную культуру во всех ее проявлениях — от оперы до массовой эстрады и рока. В частности, она придает исполнению музыкального произведения черты театральной драмы, театрального спектакля. Театральность, драматургичность, сюжетность — эти черты отчетливо проявились в песенном творчестве многих замечательных исполнителей советского периода: песня разворачивается в драматическое действие, тесно связанное со смыслом и настроением текста. В нем участвует и сам певец, и весь ансамбль находящихся на сцене артистов. В отличие от выступлений большинства западных звезд, где танцоры и подпевающие выступают лишь фоном и украшением музыкальной палитры, в концертах отечественных звезд все сопровождение играет еще и драматическую роль, связанную с сюжетом песни. Главный исполнитель также выступает не только в роли певца, но и драматического артиста.

Вероятно, современные исполнители не задумываются над тем, что в их манере можно усмотреть продолжение традиций Ф. Шаляпина. Как известно, знаменитый русский певец в свое время поразил западных любителей оперы не только чисто музыкальными достоинствами исполнения (что для Запада вполне привычно), но и талантом драматического артиста, способностью совмещать в одном лице музыкальное и драматическое.

Словесно-поэтическое творчество многих отечественных рок-музыкантов нередко представляет самостоятельную ценность. Оно полно подлинных открытий в чисто литературно-поэтической области. Но, конечно же, только в соединении с музыкой рок-поэзия образует то, что только и может быть названо русским роком. Важная роль тек-

ста объединяет его с песней народной. Так, по мнению Л. Толстого, «русский мужик поет с убеждением, что главное в песне — слова, а мелодия только так, для ладу» [5, 124] Вероятно, в словах Толстого есть преувеличение, однако роль текста в народной песне подмечена верно.

Если продолжить параллели с американским джазом, то хорошо известно, что уже на первых этапах существования джаза всякая мало-мальски популярная композиция, исполненная где-нибудь в увеселительном заведении Нового Орлеана, тут же находила заказчиков в лице какой-либо из бесчисленных фирм звукозаписи. Растиражированная на пластинках, она незамедлительно распространялась по всей стране. Существовавшая же в советское время монополия фирмы «Мелодия» на звукозапись и распространение означала, что отказ ее руководителей какой-либо рок-группе или исполнителю был равнозначен выключению из музыкального оборота, изоляции от массовой аудитории. Наконец, трудности с инструментами, которых практически в стране не было — описание способов их «доставания» и затраченных на это титанических усилий — само по себе достойно стать сюжетами для целого ряда драматических, трагических, а чаще всего — трагикомических произведений. Однако главное все же состоит не в этом.

Русский рок вобрал в себя напряженный ритм российской жизни 1980-х — 1990-х гг., и этот ритм нашел в рок-музыке свое наиболее полное и адекватное выражение. Вместе с тем, сохранив элементы танцевальности, рок оказался способен привлекать одновременно огромные массовые аудитории. По этой причине рок — это музыка, избавляющая слушателя от пассивности, что в большинстве случаев присуще другим музыкальным жанрам. Давая возможность подпевать и подтанцовывать, он вовлекает аудиторию в некое общее действие, пробуждает в ней динамическую активность. Рок дает ощущение свободы — свободы не только социальной и политической — он рождает ощущение свободы внутренней, освобождает от комплексов, высвобождает внутреннюю энергию человека, внутренне раскрепощает. К нему в еще большей мере применимы слова А. Блока, адресованные русской народной песне: она — «грустно-победная».

Как средство преодоления отчужденности, роль отечественного рока существенна и сегодня. Теперь рок становится музыкой, помогающей многим забыть об ужасе одиночества в обществе, ориентированном на едва ли не звериный индивидуализм и эгоизм. Рок *пост*советского периода, вопреки современным политике и экономике, разделяющим людей, вопреки эстетической бессодержательности количественно преобладающей массово-коммерческой культуры, входит в чис-

ло факторов, способствующих формированию чувства собственного достоинства, рождает чувство свободы.

.....
Я открыл окно,
И веселый ветер разметал все на столе, —
Глупые стихи,
Что писал я в душевной и унылой пустоте.
Грянул майский гром,
И веселье бурною, пьянящею волной
Подкатило, —
Эй, вставай-ка и попрыгай вслед за мной!
Выходи во двор
И по лужам бегай, хоть до самого утра!
Посмотри, как носится
Смешная и святая детвора!

Капли на лице, — это просто дождь,
Или, может, плачу это я?!
Дождь очистил все, и душа, захлопав,
Вдруг размокла в глубине,
Потекла ручьем прочь из дома
К солнечным некошеным лугам
Превратившись в пар, с ветром полетела
К неизведанным мирам!

И представил я,
Город наводнился вдруг
Веселыми людьми.
Вышли все под дождь,
Пели и плясали, черт возьми!
Позабыв про стыд и опасность после с осложненьем заболеть,
Люди под дождем, как салют, встречали гром —
Весенний первый гром!

Литература

1. *Кривцун О.А.* Эстетика. М., 1998.
2. *Троегузов В.* Машина времени // Легенды русского рока. М., 1999.
3. *Кожин В.* Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997.
4. *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 2. М., 1992.
5. *Толстой Л.Н.* Соч.: В 20 т. Т. 18. М.; Л., 1969 — 1971.

И.И. РУДЯК

**Душа экономики и виртуальное потребление:
«Иное» Ю.М. Осипова и «Встречи с Иным»
Н.Б. Шулевского**

Аннотация. Данная статья представляет собой сравнительное свободное «ассоциативное авторское исследование» двух книг (в которых высказывается предположение о существовании идеального метафизического мира), одна из которых (Шулевский Н.Б., «Встречи с Иным») является исследованием другой (Осипов Ю.М., «Иное»).

Ключевые слова: душа экономики, виртуальное потребление, метафизический идеализм.

Abstract. This communication is analysis of two books («Different» by Osipov and «Meeting with Different» by Shylevsky) about world of metaphysical idealism.

Keywords: soul of economics, virtual consumption, metaphysical idealism.

Введение. Душа экономики. Библия как «символическая энциклопедия» жизни в метафорической форме повествует о существовании «души экономики»: «Не хлебом единым жив человек, но и молитвою». Читая книгу Ю.М. Осипова «Иное», начинаешь понимать, что это такое — душа экономики. «Потому-то и нужна философия, занятая более не физикой бытия, а его метафизикой» [1, 354]. Маркс считал, что «бытие определяет сознание» — и это соответствует Библии: ведь производство хлеба как основного потребительского товара необходимо для создания физической возможности «воспроизводства души молитвой». Поэтому экономика на самом деле немислима без души (хотя сам Маркс удовольствовался всего лишь «надстройкой»), которая (словно формы Платона) пребывает в трансцендентном идеальном метафизическом поле.

Русская философия (например, С.Н. Булгаков) всегда стремилась одухотворить простое материальное производство — высокой целью создания прекрасного человека на прекрасной планете. Поэтому церковная соборность в рамках русской философии перешла во «всеединство» духовно-трудовой деятельности человечества ради высокой цели, в «общее дело» и «построение Ноосферы». В книге Н.Б. Шулевского «Встречи с Иным» подчеркивается духовно-философская природа созидательного труда: «Иное стоит выше монизма, дуализма, плюрализма, диалектики, системности, развития, являясь метафизической основой, малой правдой этих идеологий и мировоззрений... Метафи-

зически и реально Иное обитает на границах трансцендентного и земного... Духовно Иное говорит с нами языком философии хозяйства, которая... представляет собой изначальную традицию нормального человеческого обустройства в мире» [2, 3].

1. *Мир метафизического идеализма как реальный объект Вселенной.* Человеческий разум представляет собой «селективный фильтр», который отфильтровывает из реального мира (как органической совокупности материального и идеального) его идеальную составляющую (в виде образов как «идеальных объектов» реального мира), чтобы выстроить из них (в рамках мозга и в рамках культуры) идеальный мир смыслов — в качестве метафизического виртуального поля. Так человек создает «Иное» относительно диалектического материального мира природы. Шулевский пишет: «Иное — это не мир диалектики, а мир полилектики... какая-то неведомая смысловая субстанция» [2, 9]. Если мир материального самовыстраивает (Пригожин) свои естественные объекты под влиянием законов природы, то появление в рамках мозга и в рамках культуры метафизического мира идеальных объектов привело человечество к созданию (сквозь игольное ушко чисто человеческого мира метафизических идеальных объектов, выступающих в роли целей, планов, проектов) диалектической материальной «второй природы» — как «мира искусственного», созданного путем экономического производства.

Совместное материальное производство — через воздействие на природу — объединило индивидуальные миры идеального (присущие каждому человеку) в единую мировую цивилизацию (в рамках диалектического материализма). Появление же компьютера объединило «индивидуальный мир идеального» (психику) и «общественный мир идеального» (культуру), создав материальный носитель для идеального «коллективного разума» культуры (будучи зафиксированными, идеальные миры являются также метафизическими). При этом коллективный разум культуры, вполне возможно (как считал Платон), является также и проекцией реально существующего «трансцендентного мира метафизического идеализма» («Царство божие внутри нас»): ведь сегодня даже физики (в статье «Экономика versus физики» член-корреспондент РАН И.Г. Поспелов говорит о необходимости опираться на физику при создании экономической теории) высказали научно обоснованное предположение о том, что космос представляет собой «вселенский компьютер». В интервью еженедельнику «Санди таймс» Стивен Хокинг сказал, что не существует никаких теоретических препятствий для того, чтобы путешествовать в будущее. Естественнонаучные исследования свидетельствуют о существовании «метафизического будущего» (теория относительности, астрономия Николая Козы-

рева), а также о наличии «метафизических идеальных форм» (биология Руперта Шелдрейка, биофизика Симона Шноля). О подобных явлениях глубоко задумался Осипов: «...суть проблемы... в самом Толстом, в его... личной метафизике, переплетенной с метафизикой погибавшей России (под метафизикой... мы понимаем... метасмысловую суть чего-либо: человека ли, России ли, мира ли в целом, раскрываемую и осознаваемую пытливым умом, но существующую при этом как бы и саму по себе, где-то в недрах бытия, в материи и за материей, где-то в духе, воплощенную в идеях и доидеях, выраженную в слове, но и в бессловье, в основе своей, безусловно, трансцендентного порядка)» [1, 103].

Сегодня, несмотря на изучение психологических, социологических, культурологических, кибернетических, философских явлений, никто не изучает «метафизического идеального мира» как такового: именно как полноправного «цельного мира» (со своей системой понятий), имеющего собственные законы (допустим, законы Формы). Однако подобное направление мысли крайне необходимо, как об этом пишет Шулевский: «Поэтому Иное не выражается и не раскрывается посредством обычной системы понятий; оно определяется само по себе, позитивно отталкиваясь от любой заранее данной системы координат, устремляясь в тот мир, где эти координаты всего лишь части неведомой целостности мира миров» [2, 10]. Если Ортега-и-Гассет писал, что мышление интеллектуальной элиты отличается от массового мышления способностью понимать формальную живопись, то сегодня мы можем определить мышление интеллектуальной элиты как мышление, способное функционировать в рамках метафизического идеализма — как философского инструмента изучения самостоятельного метафизического идеального мира.

2. Двойное происхождение человека: тело и душа экономики. Тот факт, что каждый человек сам себя отделяет от общего, реально существующего мира как вполне конкретное индивидуальное «я» (в определенной точке пространственно-временного континуума и в определенных обстоятельствах), никак не может быть объяснен существованием биологической эволюции. Однако человеческий разум, разумеется, появился как результат биологической эволюция. Совершенно очевидно, что само происхождение человека не имеет «одинарной природы»: напротив, имеет место именно «двойное происхождение человека». Конечно, тело человека есть продукт эволюционного развития (по законам диалектического материализма). Душа же человека, безусловно, сотворена (по законам метафизического идеализма) — и только «придана» наиболее эволюционно развитому примату. Происхождение души, т. е. осознания собственного и конкретного «я», совершенно

никак не связано с естественными законами — и является внеприродным. Происхождение же человеческого мышления совершенно однозначно связано с «тремя этапами эволюции»: биологической эволюцией тела, биовиртуальной эволюцией мозга и виртуальной эволюцией мозговых программ. Тут главное понять, что разум (как продукт тела) и душа (как продукт Бога) — совсем не одно и то же: ведь именно личность человека имеет двойное происхождение! Грудной младенец очень рано и самостоятельно начинает «чувствовать свою душу», однако «мыслить о мире» он начинает гораздо позже, и при этом — под влиянием обучения.

Экономика (в широком смысле слова) также имеет двойное происхождение. Материальное производство (диалектический материализм), эволюционно создавшее разум (Дарвин и Энгельс), есть «тело экономики», пребывающее в мире проблем и диалектической материальной борьбы («Вперед, заре навстречу, / Товарищи в борьбе: / Стихами и картечью / Проложим путь себе!»). Этот мир — вотчина (зачастую критической) русской литературы — как «литературы борьбы и проблем», о чем и пишет в своей книге Шулевский: «М.А. Булгаков метафизически, умозрительно, инфернально и промыслительно предвидел и предупреждал людей об опасности новейшей власти» [2, 161]. Горький риторически спрашивал, почему это все писатели только и пишут о том, как человек всю жизнь только мучается, и почему это никто не напишет книги о том, как он всю жизнь радовался? Позже писатель Троепольский заявил, что если все писатели будут писать о счастье, то мы забудем о проблемах несчастных. В своей книге Осипов указывает на чрезмерный интерес русских писателей к проблемам реальной (диалектической материальной) жизни: «...Горький... не мог все-таки принять безоговорочно совершавшуюся в России большевистскую революцию, не мог понять, зачем в ней так много насилия и крови, бессмысленных разрушений, всякого безобразия, смерти... Горький был, надо полагать, революционным демократом, гуманистом...» [1, 183].

Душа экономики — это «внеприродная составляющая» экономики в широком смысле, пребывающая в мире красоты и метафизического идеализма (Достоевский: «Красота мир спасет»). Этот мир — вотчина (зачастую романтической) русской философии — как «философии красоты и гармонии». В фильме Сергея Герасимова «У озера» герои спорят о том, что представляет собою жизнь: арену борьбы (русская литература) или поле проявления красоты (русская философия)? Сегодня мы можем предположить, что «двойная природа» русской культуры, быть может, связана с реальной двойственностью мира (Декарт). Поэтому и пишет о метафизической составляющей русской культуры

Шулевский: «Смысловая оптика метафизического реализма Ю.М. Осипова улавливает весть, послание русского духа...» [2, 39].

3. *Идеальная метафизическая пленка как сталинский эскапизм.* Сталин, вероятно, догадывался о существовании двух миров, потому что в 1930-е гг. на тяжелую реальную жизнь советского человека им была натянута метафизическая пленка идеализма. Отныне только тело советского человека страдало в мире диалектического материализма, а душа об этом не знала: ведь разум (как под гипнозом!) пребывал в рамках искаженного восприятия — в рамках метафизического идеализма. Каждому человеку внушалось, что он владеет всем государством («Широка страна моя родная, / Много в ней лесов, полей и рек»), хотя фактически он не распоряжался даже собой. Такое «идеальное потребление» было правильно отражено в анекдоте, герой которого вешал свою «авоську на радио», чтобы наполнить ее продуктами. Советские люди психологически вышли из страшного реального мира во внешнюю «метафизическую пленку». Толстой, как пишет Осипов, ушел во внутреннюю «метафизическую эмиграцию»: «Толстой бежал... от самого себя — в себе самом, от своей метафизики — в рамках своей же метафизики...» [1, 104].

В СССР местом локализации мира метафизического идеализма являлись фильмы. Действительно, как пишет Шулевский, человеку нужно (в той или иной форме) время от времени находиться в «пространстве рая»: «Нормальным может быть лишь постоянный выход в Иную жизнь, стремление наиболее полно обогатить данную жизнь смыслами вечности. Иное — путь к сакральной реальности мира, до поры, до времени закрытой для посторонних» [2, 11]. Но мозг человека устроен так, что восприятие фильма аналогично восприятию реальной действительности (ведь мозг изначально не был рассчитан на восприятие кинофильмов!). Поэтому советский человек иногда переставал понимать, что реальнее: кино или жизнь. Советская система «метафизических фильмов», в которых (отдельно от тела) пребывала душа советского человека, являлась «предприятием идеального потребления». Известно, что художественный фильм Эйзенштейна «Октябрь» люди воспринимали как фильм о реальном взятии Зимнего дворца. В фильме «Дежа вю» показано, как люди приходили посмотреть на съемки фильма «Броненосец “Потемкин”» как на реальную революцию! Не удивительно, что мальчишки много раз ходили на фильм «Чапаев» — в надежде, что его герой все-таки не утонет! Апофеозом же застоя (завешую виниловую пластинку проигрыватель прокручивает бесконечно) стала попытка Брежнева наградить за заслуги перед Родиной... Штирлица. В эпоху Перестройки было снято немало фильмов о «попадании в советское прошлое», которое на самом деле представляло со-

бою «фильм», способный без конца повторяться: словно культура предоставляла свои «метафизические порталы» для «метафизических прогулок» каждого человека. О подобном единстве драмы России и человека и пишет Осипов: «И нельзя не осмысливать Толстого, его метафизической драмы, а вместе с тем и драмы, если не трагедии, России, как и нашей сегодняшней драмы...» [1, 83].

4. *Разлом Постмодерна: прямой угол Петрова-Водкина.* Энгельс писал, что «труд создал человека». В подобном смысле индустриальная революция создала «массового человека» («бытие определяет сознание»). Так произошло потому, что люди просто вынуждены научиться мыслить «плоско» и одинаково, если они хотят пользоваться одинаковыми, т. е. изготовленными на конвейере (иногда — миллионными тиражами!), товарами. Это не могло не сказаться на качестве человеческой личности (у Маркса базис определяет надстройку): отсюда — интерес к «мыльным сериалам» и голливудской продукции. «Конвейерное обобщение» породило «мифы цивилизации» («социальный атавизм»: возврат к социальным признакам предков), которые строятся... из сюжетов рекламы («Посадите тигра в бензобак»). Так конвейерные товары (не хуже Сталина!) сформировали индустриально-мифическую психику масс («рекламное мракобесие»): люди покупают не кефир для тела, а «активность» для души.

«Индустриальный разлом» человечества на два виртуальных вида (массовый человек и интеллектуальная элита) — это новый виток виртуальной эволюции. Осипов замечает: «Все это так или иначе означает появление постчеловека... прямо-таки иного существа...» [1, 361]. При этом сам разлом произошел... под прямым углом: так у Петрова-Водкина структура картины «Смерть комиссара», подобно планете, которая вращается вокруг Солнца, держится на центростремительном и центробежном векторах, перпендикулярных друг другу. «Наевшись» рекламных мифов (рекламные слоганы очень напоминают магические заговоры примитивных народов), массы (по центростремительному вектору) повернули к консерватизму (к мифическому мышлению), а ученые, оторвавшись от жизни (объединение магии и науки), ринулись по пути прогресса (по центробежному вектору) в погоню за инновациями. Однако в эпоху Ортега-и-Гассета массы и элита были еще сцеплены вместе.

Эпоха Постмодерна есть эпоха «разделения по разлому». Если «съезд индустриализации» лишь создал и перпендикулярно противопоставил друг другу Шарикова (его незаработанный обед можно смело приравнять к собачьему корму) и профессора Преображенского (который свой обед заработал, творя тот «особый товар», каковым является Шариков), сцепив их при этом насмерть, то Постмодерн эту связь без-

жалостно разорвал, совершенно отделив друг от друга два виртуальных вида (что еще не до конца осознано общественное сознание) — человека с младенческой соской на банке пива («потребителя собачьего корма») и человека, готового «превратиться в лучистую энергию» (творца идей и «товаров нового типа»). Разделение и разрыв — совсем не одно и то же. Сегодня следует понимать, что не разделение, а разрыв — как освобождение от балласта — позволит создать Иное в рамках России. Шулевский описывает понимание Гоголем постчеловека: «Итак, Россия как Иное для Гоголя выступает в качестве церковного общества, в котором богатство, справедливость, забота о каждом человеке, непрерывная учеба станут привычной натурой для человека» [2, 38].

5. *Отказ от речи и левого полушария.* Академик Павлов считал «вторую сигнальную систему» основным признаком разумного человека. Действительно, строение гортани вымершего неандертальца не позволяло ему обрести членораздельную речь. Эволюция человека разумного протекала от немого языка жестов (который до сих пор бытует среди индейцев), характерного для первобытного человека, к современному звуковому языку, способствующему развитию абстрактного и логического мышления. Здесь речь фактически идет о протекании эволюции по направлению от правого полушария — к левому. Подобная эволюция основана на разрубе рефлекторной дуги, что является основой невроза (Гамлет). Так незаконченный поиск (когда искомый объект не найден) для собаки-ищейки представляет собою жестокий стресс: поэтому кинологи, заботясь о психическом здоровье собаки, подкладывают ей объект, подобный искомому, чтобы ее рефлекторный процесс — завершился.

Однако сегодня мы столкнулись с массой «психологических сибаритов», которые отказались (боясь невроза) от обычного человеческого мышления, которое происходит на «плато разрыва» рефлекторной дуги. Это проявляется как отказ: от сложных предложений в разговоре, от логического построения речи, от обширного словаря; люди переходят на язык намеков (нечто среднее между жестами и метафорами), на язык знаков и жестов (так сегодня набирают сотрудников), на «албанский язык» Интернета и мобильного телефона, на матерную лексику (которая близка междометиям и коммуникативным звукам животных, потому что не разделена на «логические фрагменты», передает не информацию, а эмоции, заменяет очень узким набором слов все названия предметов и действий, т. е. фактически сводит, как у Проппа, «все сказки Афанасьева к одной схеме»). У Ильфа и Петрова Эллочка-людоедка, отказавшись от членораздельной речи, вернулась в первобытное состояние (что вызвало разрыв с мужем — образованным ин-

женером). Так в эпоху Постмодерна «антропологическая инерция» (когда оторвавшаяся элита с необыкновенной силой интеллектуально рванула вперед) отбросила массового человека назад, в первобытное состояние. Осипов пишет о невозможности одолеть этот закон инерции — и абсолютно всех отправить в Иное: «Метафизика Толстого не смогла одолеть метафизики апокалиптической России... она выиграла как метафизическая субстанция в схватке с тем же Толстым, с предложенным им для нее метафизическим проектом...» [1, 101].

6. *Три поезда вышли навстречу друг другу.* Сегодня мы присутствуем при зарождении принципиально нового типа экономического производства: в широком смысле «виртуального производства», т. е. идеального «производства волшебной палочкой» — как нанопроизводства «с нуля». Такое производство возникнет только тогда, когда «три поезда»: нанотехнологии, компьютерная виртуальность и трехмерный принт, уже вышедшие навстречу друг другу, наконец-то встретятся — и столкнутся. Уже сегодня голландско-финская компания рекламирует 3D-принтеры: они способны (и даже двумя способами) распечатывать твердые объекты — и уже нашли применение на производстве. Автоконцерн «Порше» с помощью 3D-принтера изучает ток масла в трансмиссии автомобиля (в процессе разработки путем трехмерного принта была создана трехмерная модель машины). Методом 3D-принта были также созданы детали «Polecat» — беспилотника компании «Лохид». Сегодня, в эпоху «идеализации производства», пока еще существует материальное потребление.

7. *Виртуальное потребление: великое переселение в идеальность.* Следующим этапом «отказа от материальности» (т. е., по словам Осипова, «самоотрицания мира») станет идеальное, т. е. «виртуальное потребление». Когда-то русские космисты планировали «превратить человека в лучистую энергию» (реальных людей — в идеи, формы людей). В рамках русской философии (к тому же диалектика функционирует внутри метафизики) Шулевский описывает весь мир: «... в Ином еще не властвует и уже не властвует диалектика, ибо в нем она служит всего лишь частью целостной полилектики бытия, вещей, человека, идей как мира миров» [2, 5]. Удивительно, но практическая «идеализация потребления» готовится в России уже сегодня. Например, Данила Медведев собирается... переселить свое «я» в компьютер (по словам Осипова, в эпоху Постмодерна человек становится вообще не нужным планете), что на самом деле является отказом от материального потребления. Писатель Беляев переселял своих героев то в море, то в небо, то в космос, осуществляя смену «субстрата обитания» человечества (однако оставляя для обитания души человека тело). Сегодня авторы идей уже переселяют на другие — внетелесные — субстраты

именно души (3D-фильм «Аватар»), подыскивая им другой «носитель души». Это похоже на переход человека к «нулевой топологии». В одном из фантастических рассказов профессор математики топологически свернул свое тело так, что исчезла даже одна топологическая поверхность — и тут профессорское тело исчезло.

В подобном смысле некоторые из современных ученых — средствами науки — пытаются отправить «виртуальное человечество» в рай: туда, где души пребывают без тела — и при этом у них есть все, и исполняются все желания. В рамках русской литературы «лишние люди» всего лишь не участвуют в производстве (вспомним биографию Онегина, который исторически переродился в Обломова!). Осипов описывает, как Толстой пытался очеловечить лишних людей своим примером: «Толстой не убежал от России... оставшись в истории Родины великим создателем... нового русского метафизического мифа... Толстой предложил выход — религиозный, философский, обыденный... обратил внимание на полезность труда...» [1, 99]. Однако, чтобы пробраться в рай («беспредметная жизнь») без всякой религии, сегодня часть людей решила вообще отказаться от... материального потребления (вспомним итальянскую сказку «Жена, которая сыта ветром»). Так, абстракционист Кандинский отказался от изображения предметов (беспредметная живопись) — и начал изображать одни только связи (из которых сами предметы выпали!) между предметами.

Отказ людей от материального потребления как фактический уход их из материального мира («безлюдное общество») в виртуальный мир компьютера (а духовно многие уже давно «переселились в компьютер») на первый взгляд представляет собой абсурд, поэтому он, конечно, не находится в поле зрения экономической науки. Однако само по себе явление уже описано в фантастическом рассказе Днепровы «Суэма» — как попытка машины устранить человека в качестве ненужного балласта для научной работы (относительно скорости автомобиля даже пассажиры есть всего лишь лишние детали, которые только снижают скорость). В фильме Стенли Кубрика «Космическая Одиссея 2001 года» показано, как компьютер — по собственному почину — пытается захватить власть над космическим кораблем (а если шире — над миром). Однако в реальности «передача власти» происходит совсем не так: это люди — сами, добровольно! — отдали мир компьютерам, роботам (которые скоро нахлынут на наши рынки — в странах с активными демографическими проблемами), а сами, как Ихтиандр, занырнули в виртуальное пространство компьютера («виртуальный паразитизм»), чтобы там осуществлять виртуальное (обломовщина), т. е. «идеальное потребление». Осипов указывает на проблему перерождения человека: «На повестке — постчеловек, который

уже и метачеловек, наверное, и сверхчеловек, но... совсем уже не человек» [1, 472].

8. *Постпотребление Постмодерна: великое переселение в копию.* Начиная с Платона, ученые разных стран и народов задумывались о «композиции мира». Так, Шулевский описывает сегодняшнюю борьбу за построение композиции в рамках России: «В огненном шаре России идет непрерывная война хаоса против космоса, деструкции против организации, короче — необразованного и недоделанного против образованного и сделанного» [2, 287]. При этом под «миром» понимается (даже у Платона, когда он описывал идеальное государство), разумеется, мир реальный. Сегодня у нас есть выбор: создавать ли «композицию реального мира» (основанную на экономическом производстве), как того хотели Платон, Мор, Кампанелла, Гете, Чернышевский, Федоров, Вернадский, Малевич, Беляев... и прочие «Фейербахи»... Или же создавать «композицию виртуального мира» (отказавшись от экономического производства!), как того хотели Гофман, Одоевский, Циолковский... и прочие «Гегели». В подобном случае мы должны построить «компьютерную копию мира» (с ее идеальным «постпотреблением мира»). Шулевский выбирает единство реального и Иного, что особенно характерно для философии русского космизма, стремившегося объединить судьбу человека с судьбой космоса: «Впервые духовное гражданство Иное обрело в философии Платона, выражая... невыразимо единую судьбу космоса и человека» [2, 6].

Сама идея «копии» есть идея, разумеется, Постмодерна. Когда музей Ашмуляна в Оксфорде не так давно прошел через общую реконструкцию, то вместо куратора там начал задавать тон дизайнер. Теперь в витрине критского искусства (невиданное дело!) «в одну кучу» смешаны подлинники и копии. Поэтому современная экономическая теория должна учитывать момент возможного отказа человечества от существования реальных заводов, рабочих, материальных товаров, которые, вероятно, будут заменены своими виртуальными копиями... если даже людей вскоре собираются заменить (и даже в интимной сфере!) выброшенными на мировой рынок копиями людей (т. е. роботами). Человечество вскоре может переселиться в виртуальную копию мира (как в фильме-сказке «Королевство кривых зеркал», где девочка отправилась в Зазеркалье в поисках своей кошки): ведь люди уже заводят виртуальных собачек!

9. *Кошелек метафизики.* Идея Осипова о метафизическом происхождении цен недавно получила удивительное экспериментальное подтверждение. Изучая систему свертываемости крови, физиологи задумались, насколько изменится система при малом изменении ее одного параметра, т. е. каков коэффициент чувствительности системы

(коэффициент эластичности)? Идея эластичности была взята из экономики (изучение спроса на товар). Если при возрастании цен люди не перестали товар покупать, то это — неэластичный товар (хлеб, мыло), т. е. в любом случае востребованный товар. Эластичные товары — это предметы роскоши, которые перестают покупать в случае повышения цен. Таким образом, существует трансцендентный «метафизический кошелек», в котором содержатся «междисциплинарные формы процессов», одинаково влияющие и на ценообразование, и на свертываемость крови. Современный способ (один из ряда различных способов) изучения системы свертываемости крови — это изучение всей системы свертываемости целиком: с выхватыванием ее существеннейших частей (что напоминает «киномонтаж по крупности»). Наиболее существенными частями являются метафизические трансцендентные формы, образующие «процессуальную внутреннюю структуру» диалектической работающей сложной системы (будь то экономическая система или же система свертывания крови).

Наличие единой формы процесса для совершенно разных сложных систем свидетельствует о реальном наличии идеального мира метафизических форм, что и объясняет связанные с пространственно-временным континуумом парадоксы теории относительности (с этой точки зрения будущее уже существует), видимость «созвездий будущего» (Козырев), эпифизарные предчувствия (характерные для людей и животных). Оригинальную и чрезвычайно интересную гипотезу метафизического идеального будущего выдвинул Осипов: «Получается, что будущее уже есть... Выходит, что прошлое и настоящее, которое тоже по сути прошлое, конструируют будущее, которое и угадывается, а пожалуй, и видится... Выходит, что будущего нет, а есть только прошлое, но не мое, а чье-то, какого-то программиста... И кто он: ангел, демон, запущенное кем-то счетно-решающее устройство?» [1, 476 — 477]. Действительно, в мире диалектических материальных частиц (квантовая механика) прошлое конструирует будущее, а в мире метафизических идеальных форм (теория относительности) будущее уже существует: и эти две теории объединяются — через заполнение материей «вогнутых» платоновских форм, пребывающих в метафизическом идеальном мире также, как реальные (привычные нам) объекты пребывают в диалектическом материальном мире. С появлением теории относительности изучение физики стало связанным (из-за принципа дополнительности для каждой познающей души) с изучением формально-метафизической индивидуальности каждой идеальной души. При этом «я» человека ощущает свое существование в «становящемся прошлом» («диалектическом прошлом»), а «я» высшего существа — в «вечном будущем» («метафизическом будущем»). В подоб-

ном смысле (как считает Осипов) мысль о чем-то как мыслеформа Творца (спроектированная в разум человека производящего) может превращаться в реальную силу (Фрэнсис Бэкон), интеллектуально-гравитационно собирающую частицы в нужный объект, который можно продать за деньги. Шулевский это объясняет так: «В Ином сокрыта суть мысли, ибо сама мыслимость чего-либо есть в то же время его реальная возможность в качестве иного. Мысль есть постоянное Иное фактически данного, постоянное проявление его радикально иного — вечности» [2, 10].

Осипов подчеркивает идеальную метафизическую природу мирописания Тютчева: «Бунт Тютчева не был бессмысленным... Сделав заявку на... осмысление, основанное не на “до”, а на “после”, — относительно мира, жизни, истории, он смог лишь удостовериться во вездесущем господстве Рока» [1, 55]. В переписке Эйнштейна с Бором, так же как и в споре дарвинистов с креационистами, не учитывается связующая их выпукло-вогнутая симметрия «ложно-альтернативных явлений»: «до» (свобода действий) и «после» («рок Формы»). Квантовая механика (диалектический материализм) может соединяться с теорией относительности (нет парадоксов в мире метафизического идеализма!) через заполнение (в мире человека — через труд, экономическое производство) «выпуклыми» материальными частицами (как становление мира) уже готовых, локализующихся в «вечном будущем» мирового компьютера, идеальных метафизических «вогнутых» форм. Такие споры возникают из-за непризнания реальности существования мира метафизического идеализма (Иного), который (а не «наш» мир!) и описывает теория относительности (а в «нашем» мире проступают парадоксы!). Осипов подчеркивает, что Иное действительно существует: «Пушкин тоже ощущал трансцендентность мира...» [1, 53]. Шулевский рассматривает русскую литературу как проекцию «информационного поля», в котором локализуются «загадывающие нас» (рок Тютчева) вогнутые формы. «...Великая русская литература несла (и несет) в своем идеальном мире некий “трансцендентный проект”... Мы разгадываем (квантовая механика. — *И.П.*) этот проект, а он уже давно загадал нас (теория относительности. — *И.П.*) и постоянно загадывает вновь!» [2, 18].

«Черный квадрат» Малевича — не отображение реально существующего объекта, а объект реального мира как таковой: но объект не материальный, а виртуальный. Таким же «виртуальным объектом реального мира» является и «личная виртуальная копия мира» (в фильме Куросавы «Сон» герой входит в картину Ван Гога «Мост, около Арля», 1888 г.). Создание композиции виртуального мира есть на самом деле создание «общей виртуальной копии мира» — как проекции

трансцендентного идеального мира метафизических форм (чтобы, отказавшись от телесности и материального потребления, поселиться в «виртуальном раю»). Это — превращение реального мира в мир гегелевского Духа. Это также и «конец экономики» (как «конец истории» Фукуямы).

10. *Марфушенька-душенька: хочу все!* Осипов считает, что многие современные процессы связаны с гедонизмом. Подобно героине фильма-сказки «Морозко», которая заявила: «Хочу жениха! Хочу богатство! Хочу! Хочу!! Хочу!!!», гедонисты уже не могут удовлетворить свои глобально разросшиеся потребности в рамках материального мира: они играют в волшебных всемогущих героев. Отрыв идеального от материального, виртуального от телесного — вот альфа и омега «героя нашего времени». «Нырнув» в компьютер (где идеальное производство ничем не лимитировано) каждый превращается во «властелина мира» (Беляев): конец психоанализу с его комплексами неполноценности, конец массовому сознанию — здесь каждый строит для себя: свой мир, по портновской мерке. Шулевский пишет о виртуализации героев романа Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Все остальные персонажи романа не дотягивают не только до суда вечности, но и для суда времени они малоинтересны, поэтому и попадают в inferнальный суд призраков на степень выявления их прогрессирующей призрачности и регрессирующей реальности» [2, 160].

Первым этапом «виртуального потребления форм» является существующее уже сегодня потребление «формального пространства материальных товаров» (чему в огромной степени способствует реклама). Люди в значительно большей степени потребляют — не материальный фруктовый сок, а «семейное счастье» («Моя семья»), гораздо более личное, чем семейное счастье «мыльных сериалов»: ведь сок на самом деле возможно выпить, словно ты физически являешься членом рекламной семьи! Следующим этапом станет «виртуальное внедрение» в эту семью — по методу Данилы Медведева.

Заключение. Душа экономики и метафизическое решение экологических проблем. Тело экономики без души (машинная цивилизация в чистом виде) — это мертвое тело, воспроизводящее в процессе неодухотворенного «мертвого производства» (производство количества без качества) духовно мертвых людей, отчужденных и от полного процесса, и от продуктов (прав был Маркс!) собственного труда. Шулевский считает: «О, здесь замешана наихитрейшая раздвоенно-копытная диалектика» [2, 106]. Разорванное противоречиями диалектическое производство характеризуется «разомкнутыми заводами», создающими экологические проблемы. Метафизическое производство характеризуется замкнутой производственной цепью, продернутой сквозь игольное

ушко экологических цепей природы («замыкание на природе»), что исключает экологические проблемы. Однако и производство качества без количества — качества в чистом виде (происходящее исключительно в рамках виртуального мира) — ведет к самоуничтожению человечества. Душа экономики должна быть связана с ее телом: по универсальной формуле луча — волна (идеальный мир метафизических форм) и частицы (материальный мир диалектических предметов). Отсюда весь идеализм (и романтизм) русской философии, который на самом деле оборачивается высшей формой реализма. Шулевский подводит итог: «Ответ можно найти лишь в метафизическом реализме философии хозяйства Ю.М. Осипова, который открыл новый и до сих пор плохо сознаваемый новый исторический объект...» [2, 102].

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Иное. М., 2006.
2. *Шулевский Н.Б.* Встречи с Иным в философии хозяйства Ю.М. Осипова. М., 2007.

Двадцатилетие 1990 — 2010

10 декабря 2010 г. состоялось торжественное заседание, посвященное 20-летию Центра общественных наук, на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), А.Я. Дутка (Львов, Украина), П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), В.И. Корняков (Ярославль), М.А. Пивоварова, З.Э. Скрынник (Львов, Украина), А.С. Филипенко (Киев, Украина), Ю.В. Яковец; кандидаты наук Б.И. Пашко, Е.В. Шелкопляс (Иваново); депутат Ивановской областной думы А.В. Петелин (Иваново).

* * *

За оригинальную экономическую мысль и существенный вклад в становление философии хозяйства **серебряной медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний»** награжден профессор экономического факультета, заместитель директора ЦОН при МГУ **В.Г. Белолипецкий**.

* * *

Решением Президиума Российской академии естественных наук от 27 октября 2010 г. **Центр общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова** награжден почетной **серебряной медалью В.И. Вернадского** за высокие научные достижения и большой вклад в развитие России.

* * *

Решением Президиума Международной академии исследований будущего (Академии прогнозирования) директор ЦОН при МГУ **Ю.М. Осипов** награжден **орденом Золотых пифий (I степени)** за заслуги в развитии прогностики.

* * *

Директор ЦОН профессор **Ю.М. Осипов** награжден **Почетной грамотой Белорусского государственного университета** за большой вклад в развитие экономической науки и в учебно-педагогическую деятельность.

* * *

Директор ЦОН профессор **Ю.М. Осипов** награжден **«Медалью чести»** Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Из юбилейных поздравлений Центру общественных наук

...Позвольте сердечно поздравить творческий коллектив Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова с 20-летием со дня образования. Желаю вам еще большего научного подвижничества во имя процветания нашей Родины.

*Председатель Комитета Совета Федерации по бюджету
Е.В. Бушмин*

...Из искры возгорится пламя... Искра поиска в трудную для страны годину зажгла устойчивое пламя, которое освещает узкие тропы в надежное будущее в этом зыбком мире, рождает надежды и силы, передавая их следующим поколениям.

За исторически короткий срок Вы сумели совершить немыслимое — сплотить вокруг себя обширную группу энтузиастов науки, провести десятки конференций и издать сотни трудов, сформировать научную школу мирового уровня и издавать журнал, создать Академию философии хозяйства.

Профессор Ю.В. Яковец, профессор А.И. Агеев

...Поздравляю с 20-летием Центра общественных наук, который вот уже 20 лет является формой консолидации гуманитарно-хозяйственной и философской мысли в России, направленной на ее самоутверждение в XXI веке. Научно-философская хозяйственная школа России на базе Центра общественных наук, в которую входят ученые разных городов России, уже является всемирным культурно-историческим явлением. Я счастлив, что вхожу в этот идейно-духовный поток.

Профессор А.И. Субетто (Санкт-Петербург)

...В Центре создана самобытная научная школа, сложился прекрасный творческий коллектив, в котором царят энтузиазм, высокий профессионализм и взаимопонимание. Открытость и демократичность, благотворительность, большой интеллектуальный и творческий потенциал, товарищество легли в основу заслуженного авторитета Центра.

Профессор М.М. Гузев (Волжский)

...Под эгидой Центра ведутся глубокие разработки по философии, истории, культурологии, литературоведению, а также политологии, социологии, геополитике, праву, синергетике, теории переходных процессов, теории катастроф, иных направлений современной науки.

Желаем Вам новых высот в интеллектуальном освоении сложных мировых процессов на основе новейших комплексных представлений о социо-хозяйственной реальности и радикального обогащения знаний о человеке, обществе, культуре.

Профессор А.С. Филипенко (Киев, Украина)

...Знаем, сколько сил и труда коллектив ЦОНа и его многочисленные соратники вложили в развитие уникальной сферы знания — философии хозяйства, которая благодаря вашей многогранной деятельности, постоянно развивается и прирастает новыми идеями, снискав заслуженные признание и авторитет.

Хотим выразить искреннее восхищение за ваш вдохновенный труд, неисчерпаемый творческий потенциал. Уверены, что впереди у вас множество творческих замыслов, достижений и побед.

Профессор А.Я. Дутка (Львов, Украина)

...Пока еще живем яркими и острыми впечатлениями, которые вам удалось воссоздать великолепным и масштабным по интеллектуальному размаху мероприятием.

Искренняя вам всем признательность еще раз за долгий путь исканий — 20 лет (!), в который вы позвали и нас. Это мало, видимо, для истории, но очень много для деятельности неравнодушных к истории и будущему своей страны людей.

Спасибо за некоторые черты признания и наших усилий и сомнений. А их у нас было и есть очень много. Но ваша деятельность придавала силы и уверенность в том, что возможен и иной исход, что впереди есть луч действительной мысли, освещающий запутанный мир истории и современности. И вы тот Луч, который придавал и придает силы в нашем научно-преподавательском труде.

Огромное вам спасибо также за конкретное мероприятие, которое вы сумели провести с высокой степенью организации, теплоты и необычайной — не московской — интеллигентности, университетской солидарности и выдержки, радушия.

Профессор П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия)

...Огромная научная деятельность, проводимая под Вашим руководством определила современное философское направление мировой экономической науки и сплотила лучших ученых нашего времени для развития экономической мысли, адекватной новой экономической реальности для познания неизвестного.

Профессор Е.А. Субботин (Екатеринбург)

...Символично, что возраст Центра удивительным образом совпадает со временем существования новой России... Пусть возглавляемый Вами Центр всегда остается островком стабильности в этом стремительно меняющемся мире, ибо вечные вопросы — откуда мы вышли и куда идем — по-прежнему беспокоят наши озябшие души, а с вами, поверьте, нам шагается намного легче.

Е.Г. Пономаренко (Краснодар)

...Думаю, что весьма целесообразно было бы проводить целенаправленные симпозиумы и конференции именно по концептуальному миропониманию... Время и жизнь требуют не распыления, а сосредоточения на распространении концептуального знания, а не различной насаждаемой нам зомбирующей мишуры.

Профессор Г.В. Задорожный (Харьков, Украина)

...Я получил огромный интеллектуально-духовный заряд и стал еще чище в своих мыслях, замыслах и даже в поведении от всего того, что происходило за три дня общения с неординарными людьми — личностями нашего ЦОНа, лаборатории философии хозяйства и Академии философии хозяйства. Вам и вашему микросоциуму — только вперед — в деле организации подобных (и бесподобных!) научных форумов!

Профессор У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан)

...Впечатление от мероприятия выше всяких обычных слов — оно прошло, благодаря Вам, уважаемый Юрий Михайлович, и Вашим сподвижникам, достойно того события и результата, которому посвящалось. Конечно, терний и впереди будет не меньше, но ведь за ними — звезды!

Профессор В.А. Гордеев (Ярославль)

...Сердечные поздравления с двадцатилетним юбилеем. Желаем вам творческих успехов, новых достижений и плодотворного сотрудничества.

Профессор Н.Г. Диденко (Донецк, Украина)

Жизнь в обществе постмодерна*

Аннотация. Представлено содержание второй дискуссии, развернувшейся на Междисциплинарном симпозиуме: «Кризис современной науки: философия, наука, искусство — познание, осмысление, созидание» (Россия, г. Киров, 27 — 29 апреля 2010 г.). Рассматриваются сложные вопросы существования человечества в мире Постмодерна, плюсы и минусы сложившейся ситуации и перспективы ее развития.

Ключевые слова: постмодерн, модерн, премодерн, симулякры, антихристианство, Апокалипсис, кризис человеческой цивилизации, реформа образования, феминизм, конец патриархата, самодержавие, внутренняя миграция, «гламурный фашизм», гедонизм, труд, структуры, сети, природа запрета, ювенальное право, информационное общество.

Abstract. The article presents the contents of the second discussion, held on the Interdisciplinary Symposium «Crisis of the Modern Science: Philosophy, Science, Art — Cognition, Apprehension, Creation» (Russia, Kirov, April 27 — 29, 2010). During the discussion were considered thorny issues of human existence in the postmodern world, pluses and minuses of the current situation and the development prospects.

Keywords: postmodern, modern, premodern, simulacra, antichristianity, apocalypse, crisis of human civilization, education reform, feminism, the end of patriarchy, autocracy, internal migration, “glamour fascism”, hedonism, labor, structures, nets, nature of prohibition, juvenile rights, information society.

Представляем читателям основной ход второй дискуссии, развернувшейся на Междисциплинарном симпозиуме «Кризис современной науки: философия, наука, искусство — познание, осмысление, созидание» организованном Вятским социально-экономическим институтом совместно с Академией философии хозяйства, Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и Вятским интеллектуальным клубом, который проходил в г. Кирове, 27 — 29 апреля 2010 г.

Основные участники дискуссии:

Ю.М. Осипов — президент Академии философии хозяйства, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор;

* Продолжение. Начало см.: Философия хозяйства. 2010. № 5.

Ф.И. Гиренок — профессор кафедры философской антропологии и комплексного изучения человека МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук;

В.С. Сизов (ведущий дискуссии) — ректор Вятского социально-экономического института, главный редактор журнала «Вопросы новой экономики», доктор экономических наук, профессор;

Н.И. Злыгостева — доцент кафедры философии Вятского социально-экономического института, кандидат философских наук;

Ю.Н. Тимкин — доцент кафедры философии Вятского социально-экономического института, кандидат исторических наук;

В.А. Девонина — доцент кафедры гуманитарных наук Академии МВД России, г. Н. Новгород (Кировский филиал), кандидат философских наук;

И.В. Папырин — директор ООО «Вятское книжное издательство».

В.С. Сизов: Уважаемые коллеги! Вторую дискуссионную сессию предлагается посвятить теме «Жизнь в обществе постмодерна», а по сути, тому, что происходит в мире, вокруг нас и с каждым из нас. Сегодня популярна критика постмодерна и тех ценностей, которые постмодерн провозглашает. Часто и вовсе указывается на отсутствие ценностей в современном мире. Мыслители говорят о замене подлинных вещей и ценностей симулякрами, т. е. подделками, лишь подражающими чему-то настоящему. Мир заполнен симулякрами, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Возникает проблема: принять это общество или попытаться изменить его? А если все же принять — то как в нем жить, а если изменить — то каким образом? Да и существует ли у человечества возможность вернуться назад, встать на тот путь развития, с которого мы однажды сошли? И вообще: так ли уж плохи постмодерн и его симулякры? Может быть, проблема в том, что мы воспитаны на других представлениях о мире? Мы люди взрослые, и нам трудно меняться, трудно приспосабливаться к этому миру. Из этого рождается протест в отношении мира, к которому мы не можем приспособиться. И подлинная проблема заключается вовсе не в мире постмодерна, а в нас самих. Поэтому вопрос поставлен так: принять и измениться самим или изменить мир постмодерна?

Ю.М. Осипов: Для начала я предлагаю немного погрузить присутствующих в понятие постмодерна.

Возникло понятие «модерн» как модернизация, как некая переделка мира. Человек взял на себя функцию творца не какого-нибудь блага для удовлетворения своей нужды, а творца мира. Он стал тотально перестраивать мир, т. е. взял на себя функцию Бога. Для этого была совершена Реформация. Протестантизм отменил посредника между

человеком и Богом, снял ограничения, которые существовали в христианской религии. Сначала — это была просто поправка: «я могу с Богом общаться непосредственно». Затем появилось движение Просвещения — атеистическое по своей сути, отрицающее Бога.

В Лувре есть мраморная статуя, она называется «Освобождение человека от тенет природы». Это очень важно. В XVIII в. была установка: хватит ориентироваться на природу и быть от нее зависимым, хватит ориентироваться на Господа Бога и быть от Него зависимым. Человек освобождает себя как творец.

Период с эпохи Возрождения до наших дней называют Модерном. Модерн — это «обновление», «переделывание» мира по соображению самого человека, по его лекалу. Происходит развитие науки, техники, искусства, литературы. Вместо Библии появляются произведения Гюго, Толстого и т. п.

Поскольку есть такая эпоха, то должна существовать какая-то предэпоха, которую стали называть Премодерном. Это сложная эпоха. В Премодерне человечество уже начинает отходить от природы, но еще не встает в противодействие природе, старается взаимодействовать с ней. Такой позиции соответствовали взгляды и идеология той эпохи. Признавалось сакральное начало, т. е. наличие чего-то сверхчеловеческого, Всевышнего в том или ином виде. Сама природа воспринималась человеком как нечто сверхъестественное. В эпоху Премодерна формируются сознание человека, человеческий язык, философия, религии.

Достижения Премодерна сохраняются до сих пор, все существенное в человеке, все человеческое образовалось в Премодерне. Очеловечивание звериного естества людей происходит именно в Премодерне. В человеке возникло человеческое начало, и в один прекрасный момент оно восстало против ограничений, которые накладывали на человека природа и сакрал. С этого момента начинается эпоха Модерна.

Чем интересен Модерн? Если до модерна развитие шло постепенно, в Модерне — это уже экспонента. Сейчас, в XXI в., экспонента дошла до высшей точки. Особых резервов для дальнейшего движения уже нет, природа покорена, Бог отвергнут, человек предоставлен самому себе. И начинается вибрация. Давний вопрос: куда дальше? Забрались на Эверест — и что? По идее — надо спускаться вниз. Это впервые почувствовали творческие люди на рубеже XIX — XX вв. Возникает отрицание Модерна. Первые постмодернисты — это импрессионисты. Затем «Серебряный век» русской и французской культуры.

В науке ученые почувствовали кризис науки, о нем говорили и искали какие-то пути выхода из него. Интересные термины появились тогда в марксистской науке — «вульгарная политическая экономия», «вульгарная философия», «вульгарное искусство». Они возникли не случайно. За ними появилась идея, обобщающая общий кризис буржуазного общества в рамках марксизма. Но общий кризис — это как раз был кризис Модерна, его отражение во всех аспектах.

Человек в эпоху Модерна находится в борьбе с природой и сакральным началом, но при этом и созидает. Творческий момент, исходящий от человека, здесь очень важен. Не все из возможного реализовывалось в Премодерне, потому что было понимание: нельзя влезать в природу настолько, чтобы подвергать ее отрицанию. Это фактически были экологические запреты. В экономике существовал запрет на ссудный процент, да и вообще на капитал, на прибыль. Но с наступлением эпохи Модерна запреты были сняты, и в результате экономика, наука, технология, соответствующая философия получили свободу и дали результат, который мы сегодня имеем. Это возникновение нового искусственного мира, который не предусмотрен Господом Богом (по крайней мере, Он его человеку не давал), человек создал этот мир сам. Бог то ли просто попустительствовал этому, то ли явно не справился с человеком — здесь большой вопрос. Бог послал в мир Христа, но получилось, что победило в игре антихристианство. С христианской точки зрения Модерн — это время победы антихриста.

Сейчас возникла интересная ситуация: мир, созданный человеком для человека, вдруг развернулся против человека, и человеку в этом мире становится неуютно. Попробуйте жить в мегаполисе без выездов на природу, без дач. Самое интересное, что новый мир настолько технически оснащен, он настолько искусственный, что человек как человек попросту в него уже не вмещается. Человек как биологическое, как Божье создание не нужен этому миру. Все вопросы теперь решает техника. Если в Премодерне человек формировался, насыщался натурально-сакральным началом, то в период Модерна человек восстал против природы и сакрала, построил для себя то, что хотел, и теперь это построенное уже парадоксально отрицает самого человека.

Человек создал искусственный мир, который способен уничтожить его самого в один миг. Мы сейчас живем в условиях, когда это может произойти в любой момент от рук и мозгов человека, причем и совершенно случайно, в какой-нибудь закрытой или даже открытой лаборатории.

Постмодерн — это уже не Модерн. Творчество вроде бы продолжается, но уже когда человек переживает собственное отрицание и делает вовсе не то, чего он сам хочет, а то, чего хочет созданная чело-

веком техническая система. Он стал рабом этой системы. Это только кажется, что человек сейчас — свободный творец, но это уже не так, а остановить происходящее человек уже не может. Для этого нет никаких сил, кроме одной, предусмотренной Священным писанием: Второго пришествия Христа и Страшного Суда с последующим преобразованием человека и его мира.

Вся история человечества апокалиптична. Но в последние времена возникает ситуация, когда человек не знает, что же дальше, в каком направлении ему двигаться. Переселение на другую планету, обретение бессмертия для всех? Обратите внимание, насколько бессмысленны эти задачи, т. е. человек подошел к тупику, несмотря на большое развитие вычислительной техники и всего прочего технического.

Постмодерн — это эпоха общего кризиса человеческой цивилизации, человечества в целом. Конечно, человечество разнообразно. Есть те, кто достиг «вершин» — это западная цивилизация, а также те, кто к ней примкнул. Есть народы, которые «вершин» этих еще не достигли. Тут-то и разворачивается борьба. Это уже борьба миров, даже не цивилизаций. Мир чистого постмодерна и мир, который постмодерном эксплуатируется, который протестует против такой эксплуатации и самого постмодерна. Здесь-то и развивается, может быть, пока не очень явная, но, надо думать, основная схватка.

В Преодерне мир обновлялся медленно. Три поколения людей вполне могли прожить в одной и той же исторической ситуации, когда дед был явным авторитетом для внука. Дальше пошло ускорение, но хотя бы одно поколение могло просуществовать в устойчивом для себя мире. Сегодня же одно поколение переживает не менее трех трансформаций бытия. Тогда спрашивается, в какой мир каждый человек входит, в каком мире он живет и на что опирается? И вот тут-то выходит, мне лучше всего быть пустой погремушкой, чтобы облегчить себе возможность приспособливаться к переменам.

Почему сейчас введено непрерывное образование? Если раньше можно было один раз «образоваться» и тебе хватало знаний на всю жизнь, и еще ты мог свой опыт передать потомкам, то сейчас, видите ли, необходимо непрерывное образование. Значит, ты должен «образовываться» таким образом, чтобы ничего существенного и прочного в себя не вкладывать. Потому что все вложенное всерьез и надолго не даст тебе возможности приспособливаться к постоянно меняющейся ситуации. Отсюда реформа образования, она вовсе не случайна, и делают ее вовсе не идиоты — таково требование времени. Студент не должен ничего знать, и не надо его напичкивать знаниями. Нам говорят сегодня: нужно лишь сориентировать студента, а все остальное он скачает из Интернета, возьмет из электронных учебников. Сегодня в

приоритете вроде бы самостоятельная работа студента, но ясно, что он ничего фундаментального делать не будет. Зато повсюду непрерывное образование, и у каждого масса дипломов. А становятся ли студенты умнее от этих дипломов? Нет! Но если у тебя нет 5 — 7 дипломов, тебя просто не возьмут на престижную работу.

В принципе современное образование — это симулякр. Но и человек стал симулятором, он просто некое подобие человека. Мы смотрим в глаза молодежи и ничего не прочитываем в этих глазах. Раньше можно было посмотреть на молодого человека и примерно увидеть, что это за человек, с какими устоями, с какими перспективами. Сейчас ничего такого не увидишь. Постмодерн — это царство пустоты, царство функциональности, царство какой-то несуразной динамики. Мы погрузились в антимир. Постмодерн — это антимир. Понимание того, что человек творит на Земле — это как раз задача философии хозяйства, которая предлагает и свое видение.

В.С. Сизов: Когда Юрий Михайлович говорил о мире чистого модерна, то он имел в виду общества, которые достигли наибольшего расцвета. Но сегодня вслед за ними тянутся и другие страны, например страны БРИК.

Ю.М. Осипов: Они тянутся, но в то же время как бы и противостоят. Есть момент и противостояния.

В.С. Сизов: Безусловно, противостояние тоже есть, но суть в том, что они хотят жить так же хорошо, как и страны «золотого миллиарда». А для этого надо грабить планету еще сильнее, еще больше разорять природу. В этом случае экологии не будет, и в развитых странах это понимают. Сегодня вполне серьезно и на высоком уровне ведутся дискуссии о том, что на планете слишком много людей, что Земля перенаселена. Раньше люди нужны были для производства благ. Сейчас для производства благ люди в таком количестве уже не нужны. Парадокс, но сегодня нужны люди, которые эти блага лишь потребляют. В развитых странах перепроизводство товаров и услуг. Потребителей, способных еще и заплатить за потребленные товары и услуги, катастрофически не хватает. Именно поэтому сегодня наблюдается бум потребительского кредитования, которое совсем в недавнем прошлом не представляло интереса для кредитных организаций.

По оценкам некоторых экспертов, например, известного прогнозиста академика РАО И. Бестужева-Лады, для нормального существования человечества достаточно 800 — 900 млн человек. Миллиард — это уже много. Кто-то из политиков говорил, что для России достаточно 20 млн человек, которые будут обслуживать нефтегазовую отрасль. Действительно, зачем содержать большую социальную инфраструктуру, нести дополнительные расходы?

Мы бьем тревогу по поводу того, что страна вымирает. Вполне возможно, что это спланированный и хорошо организованный процесс, преследующий цель уменьшить человеческую популяцию на пространстве, именуемом Россией. В будущем, наверное, в обществе Постмодерна демографические вопросы будут решаться именно так. Цель, о которой мечтали поколения людей, — сделать всех счастливыми — уже никто не ставит. Населению дается возможность сократиться до необходимого количества.

Ю.М. Осипов: Для уничтожения населения не надо никаких атомных бомб, достаточно феминистского движения. Феминизм — очень верное оружие исчезновения белой расы, хотя и не единственное. Но хаос уже пришел, ибо разрушена выработанная историей система бытия. Конец патриархата в белой расе уже наступил, любое доминирование мужчины, даже интеллектуальное и творческое, фактически уже исчезло.

В.С. Сизов: Мы говорим про вымирание белой расы, а вымирает ли она? Может быть, она просто сокращает свою численность до оптимума? Если в обществе Постмодерна будет слишком много людей, все они не смогут хорошо жить. Вот, например, Индия, в которой население больше миллиарда. Бедность в стране страшная. А развитые общества не хотят жить в бедноте. Они стараются и власть удержать, и жить хорошо.

Согласен с тем, что общество в России — это общество власти женщин. У нас уже давно наступил матриархат или, по выражению Юрия Михайловича, — феминократия. Действительно, мужчины в России, по сравнению с женщинами, в правовом отношении постоянно оказываются в проигрышном положении. Мужчины служат в армии, позже выходят на пенсию, раньше умирают, в случае развода ребенок остается у матери и т. д. Есть определенная социальная несправедливость в отношении мужчин, дискриминация по гендерному типу.

Что касается вымирания человечества посредством феминократии, то вопрос более сложный, чем кажется на первый взгляд. Современные технологии позволяют обходиться как без мужчин, так и без женщин. Оплодотворение происходит в пробирке. Правда, пока для вынашивания детей нужна суррогатная мать, но отказ от нее лишь вопрос времени. Технологии развиваются семимильными шагами. Если дети будут зачат и рождены иначе, не натурально, то возникнет другая педагогика, появится иное представление о семье, будет и другая психология. Сформируются другие жизненные ценности. А мы тоскуем по привычному образу жизни и не способны принять новые ценности и идеологию нового мира, приходящего на смену старому.

Н.И. Злыгостева: Русская литература очень четко показала, почему феминизация, которая открылась на Западе, была predeterminedена мужчинами. Это было обусловлено определенной точкой зрения. Вот, например, протопоп Аввакум понимал, что от женщины, если она несет в себе духовное начало, в обществе зависит очень многое. Когда он возвратился в Москву, его спросили, как это он прошел через те места, через которые еще ни один цивилизованный человек не проходил. Он ответил: «Я сначала пускал свою бабу, а потом уже сам шел. Если женщина с женщиной договорится, то мужчина везде пройдет».

Мне кажется, что русская женщина видела в мужчине главную опору всего жизнеустройства и ее собственной жизни. Это был учитель, как и положено по Евангелию: муж и жена — единое целое. Именно муж был определяющим духовным началом, и пока в мужчине бытовали духовные энергии, женщина знала, за кем ей идти. Она не рассуждала. А затем появляются мужчины, особенно в русской интеллигенции, облеченные массой идей, но не стойкой духовностью. Это трагедия русской женщины, которой оказалось не с кем и не за кем идти по жизни. Ни любви, ни жизненной практичности!

Сейчас говорят о возрождении семьи, и все время начинают не с того, все время начинают с денег, с социальных условий, с возможностей, а вот приоритетов духовных и нравственных, которые женщину позволяют делать женщиной, нет.

Ю.М. Осипов: А Домострой сегодня возможно вернуть?

Н.И. Злыгостева: Нет, невозможно. Но можно и должно изменять ситуацию, все равно женщина рождается женщиной.

В.С. Сизов: Знаете, какая проблема наступит в мире «чистого» постмодернистского мира? Сейчас идет борьба между странами и народами. Когда женщины будут полностью обходиться без мужчин, начнется борьба между мужчинами и женщинами за выживание.

Ю.Н. Тимкин: В современной России постиндустриальные информационные тенденции только начинаются. В то же время у нас были и есть свои специфические предпосылки к появлению постмодернизма. Я не беру советский период, потому что в нем все неоднозначно, а вот в дореволюционный период эти вещи были. Давайте, прежде всего, возьмем форму власти — самодержавие или советский вариант — «комиссародержавие» (так левые эсеры определяли, что такое советский государственный строй). Что породила эта абсолютная ничем и никак неограниченная власть? Зачастую — «внутреннюю эмиграцию» людей, которые формально соблюдали законы, но фактически были в состоянии внутренней эмиграции или анархизма в неявной форме. Это обычное явление русской дореволюционной жизни.

Конечно, имелась официальная государственная идеология — церковное православие, замененное затем коммунистической религиозностью. Однако секта «хлыстов» в дореволюционной России, по оценкам ряда исследователей, была третьей по численности религиозной структурой среди русского населения. В советское время — это «карьеристы поздней КПСС». Название условное, естественно. Суть одна — какая нынче власть, такие мы и используем партбилеты, такую риторику, такую лексику.

Ю.М. Осипов: А почему вы против хлыстов?

Ю.Н. Тимкин: Потому что это наиболее яркое проявление симуляции, создание видимости того, что они были православными христианами, как раз на постмодернистский манер. Фигурой, ярко выражающей эту тенденцию, являлся Григорий Распутин, бывший как бы наставником Николая II. Но не следует забывать, что практически такого же рода личность была и у Александра I. Если мы продолжим внимательно рассматривать эти вещи, то они откроют чрезвычайно любопытную картину. В условиях самодержавной бюрократии человек существо заменяемое, потому что незаменимых людей нет. Человек — это винтик в большой ржавой машине, когда-то хорошо смазанной, а потом заржавевшей и сломавшейся. Суть в том: есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы. Это элемент постмодернистской деконструкции. Есть и другие: имитация бюрократом бурной деятельности. Чем не симулякр? Далее — феномен распада страны, когда центр везде и нигде, т. е. период смут, когда страна распадается. Возрождение страны откуда может начаться? Да откуда угодно, где возникнет определенный пассионарный человек. Может, это будут Минин и Пожарский или еще кто-нибудь. Смысл в том, что в дореволюционной России уже были некие предпосылки появления постмодернистских тенденций.

Ю.М. Осипов: Правильно, совершенно верно вы сказали. И Греция разлагалась, и Рим. И в Библии об этом много говорится.

Ю.Н. Тимкин: Но там был преMODERN.

Ю.М. Осипов: Это не значит, что не могло быть постмодернистских вещей. Они, конечно, были. Сейчас это другое, потому что весь мир, который построен человеком, выглядит симулякром.

В.С. Сизов: Например, софисты. Период ПреMODERNA. Однако софисты занимались созданием симулякром и в этом отношении были создателями постмодернистских установок.

Н.И. Злыгостева: Что главное в Постмодерне — это утрата границ. И поэтому я не согласна с Юрием Николаевичем Тимкиным. Мне кажется, что размывание границ более всего сдерживалось в России, в русской традиции. И если речь идет о самодержавии, то надо признать

— оно сильно отличалось от диктатуры пролетариата. При самодержавии у людей самым главным ограничителем был страх перед Богом. Власть в России всегда воспринималась как тяжкое бремя, а не как некая возможность. Это на Западе была предпосылка: если нам Господь дал власть, то мы ею воспользуемся. В России не так. И когда вы говорите о тоталитарной власти, не следует смешивать ее с самодержавием. Это разные вещи.

В контексте русской традиции чувство границы было достаточно острым. Я согласна с Юрием Михайловичем Осиповым, что в России Постмодерн наступает и проявляет себя по-другому, чем на Западе. На Западе всегда существовало ощущение не внутренней, а внешней границы. Оно складывалось исторически, с эпохи Возрождения. Чувственная культура и ориентация на социальные внешние ценности становятся определяющими, складывается культура и Модерна, и Постмодерна. Поэтому-то у нас постмодернизм появился только к середине XX в., так как не имел под собой глубоких культурных корней.

В.С. Сизов: У нас какое-то тенденциозное отношение к Постмодерну. А что в нем собственно плохого? Возможно, это только один из эволюционных периодов развития человеческой цивилизации, вполне нормальная и закономерная стадия.

Ф.И. Гиренок: Хочу выступить в защиту Постмодерна! Сказать, почему он мне нравится. Первое, потому что только культура Постмодерна допускает то, что называется «гламурным фашизмом». Потому что в эпоху Постмодерна нравится не вообще женщина, а нравится женщина в военной форме. Вторая посылка — в Постмодерне нет никаких полов, а каждый человек — это отдельный пол. И какой при этом пол, решается каждый раз заново. Ты выходишь из дома и не знаешь, женщина ты или мужчина, ты этого еще не понял. В-третьих, при Постмодерне происходят события, но они уже с самого начала лишены событийности. О, это прекраснейшая вещь! Например, ты начинаешь высказывать мысль, а она уже бессмысленна. Это означает, что в эпоху Постмодерна тебе нужно «крутиться», потому что ты знаешь — сообщение события важнее самого события. Само событие не играет никакой роли.

Постмодернистская культура вообще не предполагает полов, хотя она и носит гомосексуальный характер. Почему? Объясню. Чем хороша культура Постмодерна? При культуре Постмодерна всякое «я» практически производно от другого. При Постмодерне фундаментальную роль играет фигура другого, значимость «я» сводится к нулю. Если то, что ты чувствуешь, растворяется в том, что ты видишь, а вижу я женщину в военной форме, то тогда это культура гомосексуальная. Если наоборот — то, что ты видишь, растворяется в том, что ты чувст-

внешь, тогда — это любовь, и мы живем по Домострою. Но у нас то, что мы чувствуем, растворяется в том, что мы видим.

Постмодернистская культура хороша тем, что в ней ты сталкиваешься постоянно с чем-то неструктурируемым. В этой культуре не важны структуры, не важны устоявшиеся различия. Структурируемое трудно выразить вещами, но это как раз то, что разрушает всякую структуру. В том числе и различие полов — это тоже структура, которая разрушается.

Что касается России, я напомним вам начало XX в. Появляется особая культура: идет поиск Третьего Завета и одновременно эксперименты в области семейных отношений. Бинарная структура семьи всем надоела. Появляются эксперименты жить втроем, сначала 2 мужчины и 1 женщина, потом 2 женщины и 1 мужчина. Но возникают проблемы: рождаются дети, а что с ними делать — не понятно.

Почему же так все тут безотрадно: ни искусства тебе, ни философии. Есть один важный момент. Все самое важное, все самое ценное случилось когда-то в пространстве обожающего взгляда женщины. Она бросает этот взгляд, а в ответ — в поле этого взгляда — рождается нечто, что относится к искусству, к философии, еще к чему-то весомому. Женщине достаточно бросить взгляд, но... она перестала бросать этот взгляд. Получается, что культура Постмодерна хороша тем, что в ней нет обожающего взгляда женщины. А раз нет этого взгляда, следовательно, ничего в нем не рождается. А раз ничего не рождается, мы имеем то, что имеем.

Ю.М. Осипов: Это действительно игра вместо страдания, вместо страды и обязанностей. Многие сейчас так и живут. Постмодерн это вовсе не что-то страшное и неприятное. Наоборот, он сладостен, и человек попал в ситуацию этой сладости. Вот и Федору Ивановичу Гиренку нравится эта сладость.

В.С. Сизов: Думаю постмодерн — это реализация философии гедонизма, когда человечество, во всяком случае, его «золотой миллиард», оказалось в саду Эпикура, а остальные стремятся туда попасть. На одном из заседаний Вятского интеллектуального клуба я утверждал, что труд для человека — это наказание. В Библии Бог говорит Адаму, что наказывает человека добыванием хлеба насущного в поте лица своего. Действительно, если мы обратимся не к Постмодерну, а к предыдущим периодам, то увидим — человек постоянно работает. И только сейчас он может не работать, во всяком случае, трудно. Возникает вопрос: отсутствие труда — это хорошо или плохо, если Бог положил его человеку в наказание? Откуда берется сама возможность не работать? Вероятно, не от Бога, поскольку Бог трудом наказывает.

Нам говорят, что Постмодерн плох тем, что в нем отсутствуют структуры, мир превращается в хаос, в кавардак. Однако в окружающем себя мире я этого не наблюдаю. Возможно, какие-то структуры отсутствуют, но отсутствие структур не обязательно ведет к хаосу. Возможно, они чем-то заменены. Например, сетевыми способами социального взаимодействия. Постмодерн — это другой тип мира, вовсе не хаос и не «конец света». Проблема возникает по иному поводу — из-за того, что в России мир не постмодерновый, мы только входим в Постмодерн. И сознание наше тоже не постмодерновое, поэтому мы так тяжело принимаем любые проявления Постмодерна, считаем, что он плох и развратен.

Н.И. Злыгостева: Мне кажется, здесь мы смешиваем понятия, может, произвольно. Вот вы говорите: «Бог наказал». И почему же Бог вдруг наказал? Он сказал: «нельзя вкушать», Он предупредил Адама. Поэтому — кто наказал людей? Они сами себя и наказали. Бог сказал лишь о последствиях, которые их ждут. Мы сами себя наказываем. Опять же происходит переворот в сознании — мы из одного реального мира, в том числе духовного, погружаемся в другой, но уже и в антимир.

В.С. Сизов: Когда же это человек был в духовном мире? В духовном мире человек никогда не был. Или, лучше сказать, он всегда находился в антимире. Нет никакого погружения, в ощущениях человека нет никакой разницы между миром Модерна и миром Постмодерна.

В религии многие законы преподносятся как некая априорная данность, как установленные свыше правила. Изменения, произошедшие в постмодернистском мире, связаны, прежде всего, с тем, что человек благодаря науке и прогрессу многие законы, которые преподносились религией как данность, может теперь не только объяснить, но даже и отвергнуть. Религиозные нормы работали на выживание общины, народа, человечества. Многие из установлений, которые, даются в Священных книгах, как ни буднично это звучит, связаны с вопросами гигиены и санитарии. Например, во время странствования евреев по пустыне, когда им посылалась манна небесная, было строго запрещено использовать ее в пищу на следующий день. Она давалась только на данный день. Почему? Сейчас есть разные вариации того, что именно было этой манной, но суть одна — это был скоропортящийся продукт. Все люди, которые пытались ею запастись и употребить в другие дни, умирали.

У мусульман имеется религиозный запрет на употребление свинины. Сегодня выяснено, что свинина богата холестерином, который укорачивает жизнь. Существует также запрет на употребление спирт-

ных напитков, объяснять который не требуется, — всем известны пагубные последствия чрезмерного употребления алкоголя.

В те времена, когда религиозные законы возникли, не было науки и тех научно-технических достижений, которые мы имеем сегодня. Поэтому сегодня возникает конфликт между соблюдением религиозных догм, возникших тысячелетия назад и воспринимаемых религиозным сознанием как непреложный закон. Научное же знание способно объяснить подоплеку религиозного запрета и решить непреодолимую ранее проблему современными методами.

Н.И. Злыгостева: Что касается запретов в религии, то там запреты не обсуждаются. Почему, например, у девушки до брака не должно быть никаких сексуальных отношений, она должна подойти к браку целомудренной? Сегодня наука раскрывает суть этого запрета. На основе законов волновой генетики. Но если я начну это обсуждать, то это значит, что я допускаю возможность нарушения данного запрета. Наука снимает запреты, она снимает границы, но эти запреты и границы абсолютны и безусловны.

В.С. Сизов: Почему мы не можем рассуждать о мотивах того или иного религиозного закона или запрета, тем более, если знаем, чем эти запреты обусловлены? Напротив, исполнять то или иное установление гораздо легче и лучше, если ты знаешь, зачем оно, какую цель преследует.

В.А. Девонина: Природа запрета еще и в том, что нам до сих пор неизвестно, что было в первую секунду сотворения мира. Именно поэтому докопаться до причины божественных установлений невозможно, не нужно, нельзя. Мир держится тайной, что хорошо понимали русская философия и вся русская культура.

Мы свободу заменили понятиями толерантности и вседозволенности. И это страшно, потому что понятие «свобода» в славянском варианте происходит от слов «свое», «собственное». Этимологически это не может быть безграничным, потому что тогда человек теряет себя. И воспроизводство себя, освоение себя, возможно лишь в каком-то своем собственном, локализованном мире.

Идея народа — это тоже локализованное ощущение себя, тех, кто близок, кто понятен, кого ты знаешь. Поэтому, действительно, разрушение человеческого мира идет, и печально, что оно идет за счет тех ресурсов, которые человек раскрыл в себе сам. Мне кажется, что постмодерн — это нечто, что висит в воздухе. Культура постиндустриального информационного общества — это экономическая, социальная подоплека постмодерна. Культура добралась до вершины, да, мы забрались на Эверест, но, как показывает статистика, намного больше альпинистов гибнет на спусках, чем на подъемах. Поэтому сейчас сто-

ит важная задача перед теми, кто мыслит и переживает: проработать механизм спуска так, чтобы сохранить человеческую культуру, чтобы мы не упали окончательно в постчеловечество, в эту пропасть.

Ф.И. Гиренок: Замечу еще раз, что постмодернистское общество — хорошее общество, потому что любые запреты в нем можно обойти. Например, традиционные семейные отношения диктуют, что мы должны быть целомудренными. А в постмодернистском обществе не нужно быть целомудренным, потому что возникает так называемое правило «контролируемой измены». Сохраняй свое целомудрие за счет контролируемой измены, договаривайся, кому, с кем и когда изменять.

Раньше была проблема с детьми, а теперь она решается — формируется ювенальное право. Это значит, что ребенок больше не принадлежит своим родителям. Например, русские женщины неистово любят своих детей, а неистовая любовь вредит ребенку, а потому ребенка от родителей надо защищать. Мы изымаем у родителей детей, и будем воспитывать этих детей уже неродительским, каким-то иным, образом. И сейчас в России это вовсю обсуждается. Прекрасная вещь! Ты рождаешь ребенка, отдаешь его и все! Везде порядок, любовь и счастье, причем безо всяких детей.

Человек ныне задумывается: зачем мне рожать детей, если я ничего не могу с этим ребенком сделать? Раньше было так, что если это твой ребенок ты можешь делать с ним все, что хочешь. А теперь оказывается, ты его только родил, и он уже не твой, а государственный, он тебе не принадлежит, ты его даже наказать не можешь. Ювенальная юриспруденция не укрепляет семью, а разрушает.

В.С. Сизов: Еще вопрос: что такое прогресс и на что нацелена прогрессивная цивилизация? Разве не на то, чтобы улучшить свою жизнь и, в конце концов, реализовать идею гедонизма? Постмодерн этому помогает, а ветхие законы мешают. Чем больше запретов, тем больше проблем с реализацией всеобщего благоденствия. Сегодня постмодерн убирает последние препятствия на этом пути, разрушает всякие табу и помогает человеку реализовывать свое человеческое начало, которое многие века и даже тысячелетия было подавлено под гнетом жестокой и тяжелой жизни. Нет, постмодерн не упрощает, не выхолащивает жизнь, а выстраивает ее по-иному. Общество перестает быть структурированным, но при этом оно становится сетевым. Поэтому нет никакого хаоса, и не будет!

И.В. Папырин: Однако в рамках сетей существуют жесткие иерархии и структуры, и они незыблемы. Общество разбивается на сети, но внутри сети свои законы.

В.С. Сизов: Я только констатирую факт. Мы пока не знаем, как будет структурировано сетевое общество, ясно, что по-другому, чем это было раньше.

И.В. Папырин: Как работает сетевое общество хорошо описано у М. Кастельса в работе «Информационная эпоха». Там сказано, что общество в процессе глобализации распадается не на страны и континенты, не на нации, не на людей разных исповеданий, а на сети. Например, мне приятно общаться с вами, так как вы меня понимаете, и я не буду общаться с теми, кто меня не понимает. Однако если еще где-то есть такие же собратья по разуму, то это люди моей сети. Подобные сети возникают и у других людей. И тут встает вопрос об информационных коммуникациях уже между сетями. Развиты коммуникации — сети функционируют, не развиты — сети еще зреют. По мере развития информационного общества сети будут доминировать, внутри сети будут весьма жесткие законы, иначе сети не выживут.

В.С. Сизов: Нет, если законы будут слишком жесткие, люди просто уйдут из этих сетей, и сеть не выживет. К тому же, сетевая информация — это только один из видов сетей. Сети есть не только горизонтальные, но и вертикальные.

И.В. Папырин: Да, они многомерны — это понятно. Но они живут только тогда, когда есть интенсивный обмен информацией.

В.С. Сизов: Есть сети правительственные, которые образуют правительства всех стран. Благодаря всемирной правительственной сети планета находится в более или менее мирном состоянии. Третья мировая война давным-давно разразилась бы, если бы не было ООН и других межправительственных организаций, которые есть ни что иное как протосети. Но есть и невидимые сети: межгосударственные, экономические, политические, межкультурные и т. д. Отношения между государствами мирно поддерживаются благодаря всестороннему общению между людьми, взаимным симпатиям, желанию понять друг друга. И так было всегда. Договоры и протоколы вторичны и никогда не удерживали страны от войн. Напротив, договоров между странами может не быть, но они при этом будут мирно уживаться друг с другом.

И.В. Папырин: Договор как форма устарела, потому что жизнь намного динамичнее.

В.С. Сизов: Так ведь это тоже постмодерн, и разве это плохо? Подобная ситуация — это достижение Постмодерна. Мы только говорим о том, как плох постмодерн, а ведь в нем есть много хорошего.

И.В. Папырин: Предлагаю посмотреть на Постмодерн с другой стороны. Давайте доберемся до того, чего в нем нельзя. Что в Постмодерне является табу. Например, нельзя думать медленно.

Ф.И. Гиренок: Я скажу, чего нельзя. Франция, май 1968 г., студенческие выступления. Их первый лозунг: «Запрещается запрещать!». Второй: «Пусть развяжутся языки». Знаете, к чему ведут эти принципы сетей? К детерриторизации. Что это значит? Вот вы говорите: Россия от Карпат до Курил. Они отвечают: простите, какая Россия? Идет процесс детерриторизации, Россия без территорий, «Россия в умах».

Дальше — власть. Вы думаете, что власть в Кремле? Вы думаете, она есть у президента? Если организована какая-то сеть, то для тех, кто в нее попал, уже не важен ни Кремль — никто и ничто. Ты находишься в своей сети, тебе хорошо безо всех остальных, кто не в твоей сети.

Ю.М. Осипов: Сейчас Постмодерн, а это одновременно, с одной стороны, переход мира в иное состояние, с другой — демонтаж человеческого мира. Идет исчезновение массы всего, что было характерно для человеческой жизни, человеческого бытия и самого человека. Это самое настоящее опустошение. Интернет скоро приведет к тому, что людям не о чем будет говорить друг с другом, они превратятся в обезьян, которые не говорят между собой не потому, что у них нет голосовых аппаратов, а потому что им нечего друг другу сказать. Идет процесс превращения человека поначалу в некую «погремушку», а потом уже и его полное исчезновение. Но в силу того, что это связано с решением задач потребления, материального выживания, этот процесс сладостен. Тут своеобразная амнезия с эвтаназией. Рекомендации, которые даются нынешнему человеку: хочешь — будь гомосексуалистом, хочешь — отдай ребенка и прочее. Но что за этим стоит? Вроде бы человек в новой ситуации, вроде бы какие-то новые возможности, а на самом-то деле я вижу исчезновение человека в человеке и больше ничего. Постмодерн — это карнавал, «развлекаловка», но представьте себе сплошь карнавальное общество...

В.С. Сизов: Развитие технологий и прогресса, особенно информационных технологий и технологий передвижения вынуждено ведет мир либо к космополитизму, когда границы исчезнут и возникнет единая культура, возможно с отголосками этнических культур, либо будет монокультура какой-то одной нации, допустим китайцев. Других вариантов нет. У планеты и человечества тоже два варианта. Если предположить, что Бога нет, тогда гедонизм есть наилучшая философия и наилучшее средство существования человечества, и ничего плохого в этом нет. Чем меньше будет на планете людей, тем оставшиеся особи будут лучше жить. Но если Бог все же существует, тогда, тем более, зачем сохранять человечество? Чем быстрее все умрут и окажутся в раю, тем лучше. А то люди только и делают, что воспроизводят новых

грешников, которые гnevят Бога. Чем длиннее история человечества, тем больше людских душ будет мучиться в аду.

В любом случае мир обречен. Конец один: либо существует и наслаждается жизнью относительно небольшая группа избранных, либо человечество не существует вовсе. Вот будущее человечества.

Н.И. Злыгостева: Я согласна, постмодерн и в самом деле прекрасная вещь. Когда читаешь Достоевского: «Линия борьбы будет проходить через каждое человеческое сердце», то начинаешь понимать, что остается одна проблема — проблема выбора. Если Бога нет, то — постмодерн, и я живу, как хочу, в свое удовольствие, без границ, с лихвой наслаждаюсь жизнью, пока вдруг не задумаюсь: а ежели Он все-таки есть, и Он есть вечность, то что тогда?.. Выходит, что лучше не думать, не обогащать себя и не развивать, а переполняться информацией и удовольствиями — все! Но если Бог все-таки есть, почему же Он не прекратит творящиеся в мире безобразия? Видимо, Бог размышляет не в наших категориях, а в величинах желания дать как можно большему количеству людей спастись. Он оттягивает этот момент окончательного выбора. Однако мы о себе хорошо думаем. Данте неплохо предвидел Постмодерн, поместив большинство людей не в рай и не в аду, даже и не в чистилище, ибо они никуда вообще не годились.

В.С. Сизов: Вы говорите, Бог хочет, чтобы больше людей спаслось. Поверьте — их тем больше спасется, чем меньше будет. Мы говорим о Боге, подразумевая, в общем-то, христианство, его версию. Но Вселенная бесконечна. Как утверждает наука, есть разные варианты бесконечности. И если мир бесконечен, то можно предположить бесконечное количество планет с бесконечным разнообразием форм жизни на них, в том числе и разумной. И как же тогда быть с Христом на других планетах? Придется, видно, допустить, что в каждом обитаемых миров есть свой Христос и Сыновей Божьих повсюду бесконечно много.

Н.И. Злыгостева: Это как раз то, что является тайной.

В.С. Сизов: Сразу почему-то вспоминается разговор Великого инквизитора с Христом. Там он много чего говорил о тайне. Суть одна — как только возникает тайна, табу, так вокруг нее возникает множество спекуляций и инсинуаций.

Н.И. Злыгостева: В науке есть свой предмет исследования, и если ты ученый, то и занимайся им, а от того, что в твою компетенцию не входит, отойди. Я не могу размышлять над этим, не знаю. У Декарта четко сказано, что если нечто не стало очевидным, значит, это еще не есть истинное знание. Понтий Пилат Христу задает вопрос: «Что есть истина?», а истина стояла перед ним.

Ю.М. Осипов: Дело не в том, что везде Христы, а в том, что не может существовать человек без внешней силы, без авторитета Бога. Сейчас человеку кажется, что он в мире авторитет, «что хочу, то и делаю». Это и есть суть Постмодерна. А что дальше без этого всего? Вот и получается, что апокалипсис, а там и какой-то конец, какое-то эсхатоло. Все тут логично, и все уже описано в Библии. И мы видим, что апокалипсис уже идет, избрав для начала самый, что ни на есть благодатный путь.

В.С. Сизов: Тогда Постмодерн — это самый замечательный вариант апокалипсиса.

Ю.М. Осипов: Да, этакое всеобщее блаженство! Когда Советский Союз существовал, Бога заменил товарищ Сталин. Священным Писанием, как известно, была История ВКП(б), Новым Заветом была Программа партии. Все было продумано. Это было антихристово моделирование. В том-то и дело, что Сталин как раз был человеком традиции, но он эту традицию перевел прямо на человека. Человек — создатель писания, человек — создатель норм. Это был триумф человека, это был Модерн. Явления сталинизма, фашизма и т. д. — это как раз признаки триумфа Модерна, но при этом и его кризиса, загнивания. Откуда это массовое насилие, которое возникло вдруг ни с того ни с сего? Откуда мировые войны? Это как раз время торжества человека над самим собою. Рождаются режимы, которые пытаются разрешить неразрешимые проблемы, и им приходится все и вся контролировать, всех держать в страхе, многих наказывать, а кое-кого убивать.

Сегодня мы входим в подобную же ситуацию, в Постмодерне мир не проживет. Можно играть в постмодерн, но не жить в нем.

Ф.И. Гиренок: Юрий Михайлович придал игре уничижительный оттенок. А Платон говорил: «Люди, живите, играя, пойте самим себе очаровывающие вас песни, танцуйте». Почему? Потому что Платоном выражена простая мысль: человек существо мистериальное. Игра носит мистериальный характер. Мистерии устанавливаются в игре. Не живите серьезно, не относитесь серьезно к своим словам, не вытягивайте руки по швам, перед тем, что вы делаете, относитесь ко всему легко, спокойно.

Ю.М. Осипов: Все дело в том, что в нынешних играх постчеловеков если и есть мистериальность, то, увы, отрицательная. Оттого, люди милые, особенно не заигрывайтесь! Будьте бдительны!

Аминь.

Подготовил В.С. Сизов

А.А. АНТРОПОВ

Некоторые аспекты естественнонаучных и технико-технологических трактовок и аналогов экономических процессов и явлений*

Аннотация. Автор выявил пересечения и аналоги экономических процессов и явлений на примерах: теории хозяйственных (экономических) циклов; экономико-математических моделей прогнозирования развития экономики СССР (по три варианта) на 1991—1995 гг. и 1996—2015 гг.; набора инновационных показателей: отдельного изделия (9 показателей), отдельной отрасли народного хозяйства (13 показателей) и всего народного хозяйства (16 показателей) с формальными и естественными науками: математикой, теоретической механикой, физикой, медициной, физической химией, а также с техникой и технологиями. Необходимо *фрагментарно* применять те или иные аналоги из отдельных естественных и технических наук!

Ключевые слова: наука, классификация наук, техника, технология, формальные науки, естественные науки (естествознание), экономика, трактовки, явления, аналоги, параллели, пересечения, процессы, экономико-математические модели, вековая тенденция (длительные (непреходящие) тенденции), хозяйственные (экономические) циклы, прогнозы, принципы, теоретическая механика, математика, физика, медицина, физическая химия, эксперимент, статистика, сито, сила Гука, расстояние, скорость, ускорение, аэродинамическая сила сопротивления, циклический спад производства (фаза спада), жизненный цикл продукта, сырая нефть, природный газ, спираль, спиральная галактика.

Abstract. The author has revealed intersections and analogues of the economic processes and facts on examples of economic cycles theory; economic-mathematical prediction models of the USSR economy development (in three options) on 1991 — 1995 and 1996 — 2015; innovatory indexes set of: an isolated product (9 indexes), a separate sector of the national economy (13 indexes) and the all national economy (16 indexes). Formal and natural sciences: mathematics, theoretical mechanics, physics, medicine, physical chemistry also engineering and technologies. It is necessary

* Вопросы, затронутые в статье, пересекаются с темами Круглого стола «Теоретическая экономика и естествознание: параллели и пересечения» (9 октября 2010 г., V Фестиваль науки МГУ): сближение и аналоги; возможность естественнонаучных трактований экономических процессов; возможность взаимопонимания; ограничения и пределы; на пути взаимного обогащения. Попытаемся осветить проблемы в вышеуказанных ракурсах, которые мы проходили, находили и разрешали в своей практической деятельности в 1974 — 2009 гг.

to use fragmentary one or other analogues from separate natural and technical sciences using clear mind, tactfulness, great sagacity and applicable innovation.

Keywords: science, classification of sciences, engineering, technology, natural sciences, economics, interpretations, phenomena, analogues, parallels, intersections, processes, the economic-mathematical models, secular trends, economic cycles, forecasts, principles, theoretical mechanics, mathematics, physics, medicine, physical chemistry, experiment, statistics, sieve, the force of Hooke, distance, velocity, acceleration, the aerodynamic force of resistance, cyclic decrease of production, the life cycle of product, raw oil, natural gas, spiral, spiral galaxy.

Введение

Математика, подобно жернову, перемалывает то, что под него засыпают, и как, засыпав лебеду, вы не получите пшеничной муки, так, исписав целые страницы формулами, вы не получите истины из ложных предпосылок.

Т.Г. Гексли

Нет ничего постыднее, чем предварять утверждением познание.

М.Т. Цицерон

Суть дела не в полноте знания, а в полноте разумения.

Демокрит

Всякое слово без дела ничтожно и пусто.

Демосфен

Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны.

Эсхил

Мысли, высказанные в приведенных эпиграфах, являются для нас нитью Ариадны.

Коснемся вкратце преимуществ экономико-математических методов перед другими методами анализа и прогнозирования экономики.

- Реальный объект неисчерпаем по своему богатству и многообразию. Прогнозирование поведения объекта (а это — наша главная задача) и, следовательно, управление им возможны на основе ограниченной эмпирической информации и в оперативные сроки (никому не нужны великолепнейшие по точности прогнозы, сделанные после наступлений событий).

- С помощью информации создается упрощенное подобие объекта — математическая модель. В выборе свойств объекта, которые необходимо включить в модель, решающую роль играют неформальный анализ объекта, творческий интеллект, озарение, проницательность, опыт, интуиция и удача исследователя. Вопрос же о соответствии математической модели реальному объекту решается формальными средствами (вышеуказанная система «сит» и разумные прогнозы *ex ante* — на последующие периоды).

- Хотя математическая модель уступает реальному объекту по богатству и многообразию, возможности использования модели для исследователя шире по сравнению с реальным объектом. Математическая модель дает возможность определять прогнозы *ex ante* (на последующие периоды) и *ex post* (за прошлые периоды).

- Именно математическая модель, т. е. упрощенное представление объекта, обеспечивает возможность классификации, ибо классификация невозможна без выделения сущности, без отбрасывания несущественного в наблюдениях за объектом с точки зрения целей данного исследования. Без математической модели исследователь тонет во множестве несущественных подробностей, задыхается от избытка или недостатка информации, а также вынужден бесконечно и бесцельно вращаться вокруг прописных истин: «вода водяниста, а масло маслянно» и пр.

Анализ изучения и сопоставление прогнозов для больших и достаточно сложных эконометрических моделей, основанных на умозаключениях и банальных расчетах, проведенный американским ученым В. Зарновицем в 1960—1970-е гг., показал, что эконометрические модели представляют собой самый эффективный из существующих инструментов для прогнозирования [1, 181; 2; 3].

1. Сближение и аналоги. Возможность естественнонаучных трактований экономических процессов и явлений

Важные исследования задерживаются из-за того, что в той или иной области неизвестны результаты, уже давно ставшие классическими в смежной области.

Н. Винер

Односторонний специалист
есть либо грубый эмпирик, либо
уличный шарлатан.

Н.И. Пирогов

Для начала и ориентира приведем современный классификатор наук (табл. 1).

Таблица 1

Классификация наук

№	Науки			
	Формальные	Общественные	Естественные (эмпирические)	Технические
1	Логика	Антропология	Физика	Архитектура
2	Математика	История	Химия	Биотехника
3	Информатика	Социология	Медицина	Информатика
4		Право	Ветеринария	Кораблестроение
5		Лингвистика	Антропология	Космонавтика
6		Политология	Биология	Материаловедение
7		Психология	Метеорология	Механика
8		Экономика	Океанология	Системотехника
9			Геология	Химическая
10			География	Технология
11				Электротехника
12				Энергетика

Источник: [4, 1].

Приведем направления исследований теоретической экономики.

1.1. Теория хозяйственных (экономических) циклов

1.1.1. Пересечения с математикой. Применена система критериев «сит» (качественные математические показатели), через которые «пропускаются» все экономические показатели, предварительно не очищенные от вековой тенденции, оценок влияний исторических, социально-экономических и иных событий, а также уравнения: вековой тенденции, оценок влияний: исторических событий, социально-экономических событий, государственного программирования и других мероприятий: в президентствах каждого президента США на базовые годы на каждый год президентства (для экономических показателей США).

Создана математизированная теория, которая позволяет заблаговременно и достаточно точно предсказывать *ex ante* фазы цикла, их сроки и глубины фаз спада и подъема.

1.1.2. Пересечения с физикой.

1.1.2.1. Принцип актуализации (принцип А. Пуанкаре) [5, 275—276]¹.

1.1.2.2. Принцип простоты (принцип К. Птолемея, Н. Коперника и А. Пуанкаре)².

1.1.2.3. Собственная математическая структура явлений, непосредственно выводимая из опыта (принцип М. Борна) [6, 123].

1.1.2.4. Использование только тех понятий, действительность которых эмпирически разрешима (принцип В. Гейзенберга) [6, 117].

1.1.2.5. Рассуждения, опирающиеся на мысленный эксперимент с *идеализированными объектами* (метод Г. Галилея). Приведем два примера применения этого метода в экономике.

• В августе 2001 г. мы смоделировали экономико-математическую модель хозяйственных (экономических) циклов на примере ВВП США в ценах 1929 г. Были сделаны прогнозы на 1994—2020 гг. По этим прогнозам в 2001—2004 гг. предполагалось (и так оказалось на самом деле) фаза депрессии [7, 293]. С учетом того факта, что 50% стоимости экспорта РФ составляет продажа нефти и газа, и они же — примерно 50% прихода (актива) федерального бюджета РФ, экономика РФ должна была сама попасть в фазу депрессии и в социально-политическую трясину, но этого не случилось. В соответствии с этим принципом был проведен мысленный эксперимент: мы предположили, что на мировом потребительском нефтяном и газовом рынках появились новые большие игроки: КНР и Индия, а также то, что доля ВВП КНР составляет около 1/3 ВВП США, а энергоемкость, материалоемкость и металлоемкость ВВП КНР приблизительно в 3 раза выше соответствующих показателей США. Тогда объемы потребления нефти и газа экономикой КНР приблизительно равны соответствующим показателям США. Но у нас не было соответствующей стати-

¹ Законы природы, наблюдаемые сейчас, так же действовали в прошлом. Это относится к массовым явлениям, но не к единичным фактам. Все природные закономерности вероятностны и, следовательно, подчинены закону больших чисел. Значит, чем выше порядок — тем неуклоннее воздействие закономерности на объект; и чем ниже порядок — тем более возрастает роль случайности, а тем самым и степень свободы.

² В науке постоянно приходится сталкиваться с двумя противоположными ситуациями: 1) простота скрывается за кажущейся сложностью; 2) кажущаяся простота скрывает за собой чрезвычайно сложные вещи. Но независимо от того, какая из этих ситуаций реализуется на самом деле, в науке в любом случае следует предпочесть сначала простейшее обобщение. В дальнейшем более точные и совершенные опыты либо подтвердят истинность этой простоты, либо вынудят ученых пойти на усложнение и выбрать другое, более истинное обобщение.

стики. Только совсем недавно во время официального визита Президента РФ Д.А. Медведева в КНР (26—28 сентября 2010 г.) из уст одного из официальных высокопоставленных лиц КНР прозвучала цифра, выведенная нами еще 8 лет назад!

• По нашей методике построения экономико-математической модели хозяйственных циклов, используя аналогии из теории полета ракет, теоретической механики и физики, вводятся понятия аналогов:

1.1) силы Гука (действует при растяжении (сжатии) пружины и направлена в точку подвижного равновесия) $C_3 \times Y_{(t-1)}^{теор. цикл. кр}$;

1.2) аэродинамической силы сопротивления (направлена в точку подвижного равновесия) $C_2 \times \left(\dot{Y}_{(t-1)}^{теор. цикл. кр} \right)^2$. По данному принципу $c_2 < 0$,

$c_3 < 0$, что подтвердили практические расчеты.

1.1.2.6. Последовательное стремление добиться согласия математических выкладок с реальностью (принцип Н. Коперника и И. Кеплера) [8, 96].

1.1.2.7. Не рассуждение о том, почему происходит какое-то явление, а количественное его описание (принцип Г. Галилея) [8, 112].

1.1.2.8. Измерение измеримого и попытка делать измеримым то, что не поддается непосредственному измерению (принцип Г. Галилея) [8, 113].

1.1.2.9. Знание из наблюдений, а не из книг (принцип Г. Галилея) [8, 114].

1.1.2.10. Длинная цепь суждений, звенья которых не проверены опытом характеризуется малой надежностью, и вероятность того, что окончательный вывод из этой цепи суждений будет справедлив, весьма мала $\left(P^{общ.} = \prod_{i=1}^n P_i \approx 0 \right)$ (принцип О. Ланге) [9, 172]. Этот вывод

характеризуется высокой степенью неопределенности. Такое положение характерно для всякого рода спекулятивных теоретических систем в области философии, теоретической экономики (в том числе в теории экономических (хозяйственных) циклов), социологии, космологии, геологии и т. п. *Именно этим объясняется бесплодность научных теорий, основывающихся на чисто спекулятивном суждении, не контролируемом частыми обращениями к опыту.*

1.1.2.11. Деление динамических экономических процессов на эволюционные (неповторимые или необратимые) процессы и волнообраз-

ные; колебательные (повторимые или обратимые) процессы (гениальная идея Н.Д. Кондратьева).

1.1.2.12. Уровень равновесия, к которому тяготеет система элементов капиталистического хозяйства, как уровень *подвижного* равновесия (гениальная идея Н.Д. Кондратьева).

1.1.2.13. Введение понятия аналогов: расстояния (длины пути)³, скорости, ускорения (идеи автора статьи).

1.1.2.14. Экономический аналог силы Гука (идея автора статьи)⁴.

1.1.2.15. Экономический аналог аэродинамической силы сопротивления (идея автора статьи)⁵.

1.1.2.16. Сводная циклическая кривая как наложение циклических волн (идея автора)⁶ численностью (k) ($k \in [1, k_{max}]$) различной циклическости $T_k = (T/k)$, где $k_{max} = (T - 1)/2$, при $T = (2 \cdot l + 1)$ и $l \geq 2$, и $k_{max} = (T/2 - 1)$, при $T = (2 \cdot l)$ и $l \geq 2$ (выводы автора статьи).

1.1.3. Пересечения с физической химией.

1.1.3.1. Системность и междисциплинарность, присутствующие и в химии.

Химические реакции связаны с разнообразными физическими процессами: теплопередачей; поглощением или выделением теплоты; поглощением или излучением света; электрическими явлениями; изменением объема и др.

Такие важнейшие производственные процессы в химической технологии, как синтез и окисление аммиака, контактное получение серной кислоты, производство этанола из природного газа, крекинг нефти, получение чугуна в доменных печах, производство алюминия и многие другие, всецело основаны на результатах физико-химических исследованиях реакций, лежащих в основе этих процессов [10, 5].

1.1.4. Пересечение с медициной.

1.1.4.1. Взаимосвязь всех циклических процессов в организме здоровой женщины. В цикле также участвуют центральная, вегетативная и периферийная нервная системы и т. д. [11, 1114—1147; 12, 154—155]⁷.

1.1.5. Пересечения с техникой и технологиями.

³ Качественно аналог расстояния — это расстояние сводной циклической кривой от кривой экономического равновесия в момент времени (t).

⁴ Действует при растяжении (сжатии) пружины и направлена в точку подвижного равновесия.

⁵ Направлена в точку подвижного равновесия.

⁶ Суперпозиция волн — на языке физики.

⁷ Аналогичное явление происходит и с экономическими (хозяйственными) циклами.

1.1.5.1. Жизненные циклы техники, технологий и отдельных товаров (например, паровая машина Т. Ньюкомена → принципиально новые паровые машины Дж. Уайта и И.И. Ползунова, паровые машины k -го поколения → паровые машины $(k+1)$ -го поколения, паровые машины → электроэнергия, свечи → керосиновые лампы, керосиновые лампы l -го поколения → керосиновые лампы $(l+1)$ -го поколения, керосиновые лампы → электрические лампочки, электрические лампочки m -го поколения → электрические лампочки $(m+1)$ -го поколения, шхуна → пароход, пароходы n -го поколения → пароходы $(n+1)$ -го поколения, паровозы o -го поколения → паровозы $(o+1)$ -го поколения, чугунные рельсы → железные рельсы, железные рельсы → стальные рельсы, стальные рельсы из бессемеровской стали → стальные рельсы из томасовской стали → стальные рельсы из основной мартеновской стали, паровозы → тепловозы, паровозы → электровозы; тепловозы → электровозы, тепловозы p -го поколения → тепловозы $(p+1)$ -го поколения, железнодорожный грузовой транспорт → автомобильный грузовой транспорт, железнодорожный грузовой транспорт → трубопроводный транспорт, ЭВМ q -го поколения → ЭВМ $(q+1)$ -го поколения, сталь марки r → сталь марки $(r+1)$, самолеты s -го поколения → самолеты $(s+1)$ -го поколения, атомные реакторы u -го поколения → атомные реакторы $(u+1)$ -го поколения и т. д.) и тесно связанные с ними S -образные кривые (кривые Перла и Гомперца) [13, 107, 110, 112; 14, 124—127; 15, 33]⁸ и циклы «технологических и технических разрывов»⁹ (усредненные результаты статистических ситуаций) являются во многих случаях первоосновой многих экономических (хозяйственных) циклов.

1.1.5.2. Количество крупнейших гражданских и военных технических и технологических изобретений западных стран, Российской империи, СССР и Российской Федерации, крупнейших научных открытий, основных университетов, крупных вузов, НИИ, лабораторий и прочих организаций за 1187—1420, 1600—2007 гг. (табл. 2).

⁸ Зарождение, скачкообразный рост и постепенное достижение стадии полной зрелости технологического процесса или продукта.

⁹ Сумма прямых и косвенных затрат материалов, сырья, энергии, топлива, основных производственных фондов, рабочей силы через межотраслевые связи.

Таблица 2

Количество крупнейших гражданских и военных технических и технологических изобретений, крупнейших научных открытий, основных университетов, крупных вузов, НИИ, лабораторий и прочих организаций западных и восточных стран, Московского царства, Российской империи, СССР и Российской Федерации за 868, 1187—1420, 1600—2007 гг.

№	Набор показателей	Страны	Годы	Количество по отдельным направлениям	
				показатели	страницы
1	Крупнейшие гражданские технические и технологические изобретения и/или внедрения изобретений	Западные и восточные страны	868, 1187—1420, 1436—2007	759	130
2	Крупнейшие гражданские технические и технологические изобретения и/или внедрения изобретений	Московское царство, Российская империя, СССР и Российская Федерация	1630—1680, 1689—2001	639	140
3	Крупнейшие военные технические и технологические изобретения и/или внедрения изобретений	Западные и восточные страны	1326—1544, 1571—2005	178	69
4	Крупнейшие военные технические и технологические изобретения и/или внедрения изобретений	Московское царство, Российская империя, СССР и Российская Федерация	1632, 1693—2005	290	162
5	Крупнейшие научные открытия ¹⁰	Весь мир	1288, 1480, 1543—2000	1000	148

¹⁰ Естественные науки, за исключением астрономии, математики и ядерной физики, и науки, тесно связанные с развитием техники и технологий.

Продолжение табл. 2

6	Основные вехи в истории научных открытий в области ядерной энергии	Весь мир	1789, 1841—1974	164	38
7	Основные вехи в истории технических и технологических открытий в области ядерной энергии (мирной и военной; атомной и термоядерной)	Весь мир	1904—2009	92	23
8	Основные университеты, крупные вузы, НИИ, лаборатории и прочие организации ¹¹	Весь мир	1701—1961	205	22
9	Основные научно-технические журналы и книги	Весь мир	1440—1960	83	13
10	Основные вехи в истории географических открытий, завоеваний и организации по колонизации колоний	Весь мир	1187, 1301, 1434—2000	302	55
Итого				3712	800

2. Экономико-математические модели прогнозирования развития экономики СССР (по три варианта)¹² на 1991—1995 гг. и 1996—2015 гг.¹³

2.1. Пересечение с одной из естественных (эмпирических) наук с физикой

2.1.1. Система зубчатых колес (зубчатая передача).

3. Набор инновационных показателей¹⁴:

- отдельного изделия (9 показателей).

¹¹ Без них были невозможны инженерные и руководящие кадры для промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т. д., а также конструкторы и ученые, и их научные, технические и технологические открытия.

¹² Пессимистический, средний и оптимистический варианты прогнозов.

¹³ Задания СМ СССР через Государственный комитет по науке и технике и Госснаб СССР.

¹⁴ Разработаны автором в 2009—2010 гг.

- отдельной отрасли народного хозяйства (13 показателей).
- всего народного хозяйства (16 показателей).

3.1. Пересечения с математикой и физикой

3.1.1. Понятие криволинейного интеграла, тесно связанное с физическим понятием работы.

3.1.2. Вектор поля $F = \{F_1, F_2, \dots, F_n\}$ — градиент некоторой скалярной функции точки X .

3.1.3. Теорема: криволинейный интеграл в поле градиента равен приращению потенциальной функции при переходе от начальной до конечной точки пути интегрирования G и не зависит от выбора кривой G , соединяющей эти точки.

4. Возможность взаимопонимания

Из вышесказанного (пп. 1—3) автоматически вытекает возможность взаимопонимания.

5. Ограничения и пределы

Из вышесказанного (пп. 1—3) автоматически вытекает, что необходимо, с большим и ясным умом, с большим тактом, прозорливостью и настоящим новаторством *фрагментарно* применять те или аналоги из отдельных естественных и технических наук!

6. На пути взаимного обогащения

С помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня как некую точку; с помощью мысли я охватываю всю Вселенную.

Б. Паскаль

И он услышал шум Млечного Пути.

Р. Киплинг

Дара был достоин царь, дар был достоин царя.

Ф. Сеньи

6.1. Вклад автора статьи в математику

6.1.1. Симбиоз регрессионного анализа и интегрального исчисления (комбинированный регрессионно-интегральный анализ). Это подарок экономиста математикам и естествоиспытателям!

6.1.2. Обобщенный метод численного интегрирования Рунге—Кутты для дифференциальных уравнений второго рода [16, 816—828].

Это еще один подарок экономиста математикам и естествоиспытателям!

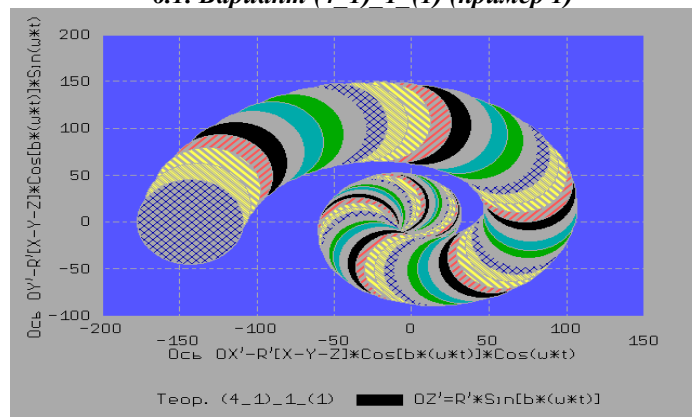
6.1.3. Вклад автора статьи в физику, астрономию и биологию (трехмерные спиралиониды) Это третий подарок экономиста математикам и естествоиспытателям!

Нами в 2007 г. выведены уравнения трехмерных спиралионидов¹⁵, которые можно применить в физике, астрономии и биологии. Приведем только два примера применения трехмерных спиралионидов (посвящены В.В. Путину) в астрономии (спиральные галактики).

Ввиду ограниченности объема статьи мы не приводим:

- философию вопроса и/или основные гипотезы;
- качественные оценки расчетных теоретических кривых (4_1)_1_(1) и (4_1)_2_(1) подынтегральной функции эллиптического интеграла 2-го рода в форме Лежандра¹⁶;
- количественные оценки расчетных теоретических кривых (4_1)_1_(1) и (4_1)_2_(1) подынтегральной функции эллиптического интеграла 2-го рода в форме Лежандра;

6.1. Вариант (4_1)_1_(1) (пример 1)

Источник: математические расчеты по модели № 1.1.

Примечание. Набор необходимых условий: 1) радиус-вектор объекта вращается на плоскости OXY против часовой стрелки с постоянной частотой φ ; 2) начальные координаты объекта (полос) — $(0, 0, 0)$.

¹⁵ Такое название взято по аналогии из аналитической геометрии: эллипс — эллипсоид, гипербола — гиперболоид и т. д.

¹⁶ Нами разработан и применен симбиоз регрессионного анализа и интегрального исчисления (комбинированный регрессионно-интегральный анализ).

Рис. 1. Спиралиоид Путина (сферические координаты) — вариант (4_1)_1_(1)

- качественные показатели для спиралей и спиралиоидов Путина (сферические координаты) — варианты (4_1)_1_(1) и (4_1)_2_(1);
- экзогенные и эндогенные переменные для спирали и спиралиоида Путина (сферические координаты) — варианты (4_1)_1_(1) и (4_1)_2_(1) (см. рис. 1 и 2).

Основной вариант:

$$OX = R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Cos}(\varphi \cdot t) \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)] = R[X-Y; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Cos}(\varphi \cdot t),$$

$$OY = R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Sin}(\varphi \cdot t) \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)] = R[X-Y; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Sin}(\varphi \cdot t),$$

$$OZ = R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Sin}[b \cdot (\varphi \cdot t)],$$

где

$$d_1 = \frac{\sqrt{(b^2+1) \cdot \varphi^2 + a^2}}{(b \cdot \varphi)} > \sqrt{2}, \text{ так как } b \in (0, \frac{1}{32}),$$

$$k_1 = \frac{\varphi}{\sqrt{(b^2+1) \cdot \varphi^2 + a^2}} \in (0, 1),$$

$$R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] = C_1 \cdot \text{EXP}[d_1 \cdot E(k_1, \theta_t)],$$

$$E(k_1, \theta_t) = \int_{\theta_1}^{\theta_2} \sqrt{1-k_1^2 \cdot \text{Sin}^2(\theta_t)} \cdot d\theta_t$$

$$R[X-Y; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] = R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)].$$

Добавочный вариант (рис. 1)¹⁷:

$$OX' = R'[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Cos}(\varphi \cdot t) \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)] = R'[X-Y; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Cos}(\varphi \cdot t),$$

$$OY' = R'[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Sin}(\varphi \cdot t) \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)] = R'[X-Y; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Sin}(\varphi \cdot t),$$

$$OZ' = R'[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Sin}[b \cdot (\varphi \cdot t)],$$

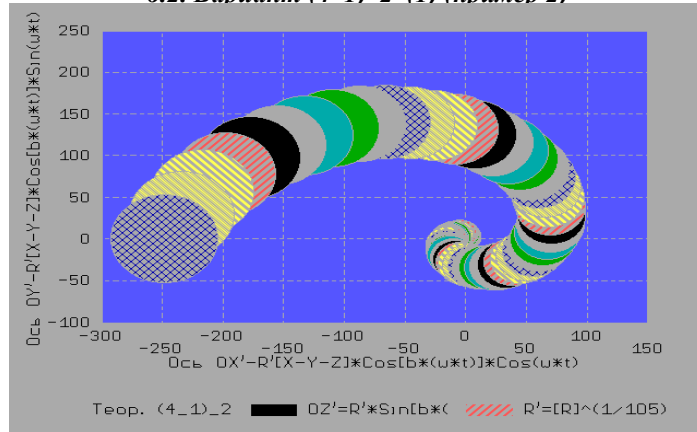
где

$$R'[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] = \{R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)]\}^{(1/45)}.$$

$$R'[X-Y; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] = R'[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_1_1(1)] \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)].$$

¹⁷ Этот вариант необходим только для получения графиков!

6.2. Вариант (4_1)_2 (1) (пример 2)

Источник: математические расчеты по модели № 1.2.

Примечание. Набор необходимых условий: 1) радиус-вектор объекта вращается на плоскости OXY против часовой стрелки с постоянной частотой φ ; 2) начальные координаты объекта (полюс) — $(0, 0, 0)$.

Рис. 2. Спиралиоид Путина (сферические координаты) — вариант (4_1)_2_(1)

Основной вариант:

$$OX = R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_2_(1)] \cdot \text{Cos}(\varphi \cdot t) \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)] = R[X-Y; t, \text{теор. } (4_1)_2_(1)] \cdot \text{Cos}(\varphi \cdot t),$$

$$OY = R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_2_(1)] \cdot \text{Sin}(\varphi \cdot t) \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)] = R[X-Y; t, \text{теор. } (4_1)_2_(1)] \cdot \text{Sin}(\varphi \cdot t),$$

$$OZ = R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_2_(1)] \cdot \text{Sin}[b \cdot (\varphi \cdot t)],$$

где

$$d_2 = \frac{\sqrt{b^2 + a^2 + 1}}{b} > \sqrt{2}, \text{ так как } b \in (0, \frac{1}{16}),$$

$$k_2 = \frac{1}{\sqrt{b^2 + a^2 + 1}} \in (0, 1),$$

$$R[X-Y-Z; t, \text{теор. } (4_1)_2_(1)] = C_2 \cdot \text{EXP}[d_2 \cdot E(k_2, \theta_t)],$$

$$E(k_2, \theta_t) = \int_{\theta_1}^{\theta_2} \sqrt{1 - k_2^2 \cdot \text{Sin}^2(\theta_t)} \cdot d\theta_t,$$

$$R[X-Y; t, \text{ теор. } (4_1)_2_1)] = R[X-Y-Z; t, \text{ теор. } (4_1)_2_1)] \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)].$$

Добавочный вариант (рис. 2)¹⁸:

$$OX' = R'[X-Y-Z; t, \text{ теор. } (4_1)_2_1)] \cdot \text{Cos}(\varphi \cdot t) \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)] = R'[X-Y; t, \text{ теор. } (4_1)_2_1)] \cdot \text{Cos}(\varphi \cdot t),$$

$$OY' = R'[X-Y-Z; t, \text{ теор. } (4_1)_2_1)] \cdot \text{Sin}(\varphi \cdot t) \cdot \text{Cos}[b \cdot (\varphi \cdot t)] = R'[X-Y; t, \text{ теор. } (4_1)_2_1)] \cdot \text{Sin}(\varphi \cdot t),$$

$$OZ' = R'[X-Y-Z; t, \text{ теор. } (4_1)_2_1)] \cdot \text{Sin}[b \cdot (\varphi \cdot t)],$$

где

$$R'[X-Y-Z; t, \text{ теор. } (4_1)_2_1)] = \{R[X-Y-Z; t, \text{ теор. } (4_1)_2_1)]\}^{(1/105)}.$$

7. Система ценностей в разных цивилизациях и развитие (деградация) наук

Наука необходима народу.
Страна, которая ее не развивает,
неизбежно превращается в колонию.

Ф. Жолио-Кюри

Юпитер поражает безумием
тех, кого хочет погубить.

Древнеримская поговорка

В XVI—XIX вв. в просвещенных и развитых странах Европы гордились своими великими учеными и поддерживали их.

1. В конце XVI в. французский король Генрих III и английская королева Елизавета I Великая считали за большую честь беседовать с гениальным ученым-мучеником Дж. Бруно.

2. В начале XVII в. французский король Генрих IV на аудиенции, данной посланнику Южных Нидерландов поспорил с ним на тему, у кого из них «круче» математик. Французский математик решил уравнение 17-й степени, в том числе с комплексными числами. А в те времена полагалось спорить о том, у кого же: а) «круче» святые, б) больше и богаче монастыри, в) сильнее и многочисленнее армия и т. д.

3. В 1870—1880-е гг. в Кайзеровской Германии был проведен опрос населения: назовите трех самых крупных современных деятелей страны. Первое место досталось императору Вильгельму I. Это понятно — он наряду с «железным» канцлером империи князем Отто Шенгаузенем фон Бисмарком был объединителем Германии. Второе место — канцлеру империи фон Бисмарку. Это также понятно — он наряду с

¹⁸ Этот вариант необходим только для получения графиков!

императором Вильгельмом I был объединителем Германии. Третье место досталось — внимание! — великому немецкому ученому Герману Людвигу Фердинанду Гельмгольцу [4, 1—3; 17, 157; 18, 1—2]¹⁹.

Отсюда колоссальный взлет техники, технологий и экономик Европы, Северной Америки, России и других стран в XVII—XX вв.

Если сейчас свести французского президента Саркози с послом Бельгии, то будут ли они спорить на подобные темы? Сомневаюсь! А если провести опрос общественного мнения Германии на вышеуказанную тему, то какой-нибудь выдающийся немецкий ученый займет ли даже 100-е место? Сомневаюсь!

Тогда зарождалась и успешно развивалась одна цивилизация, а сейчас успешно загнивает и умирает другая цивилизация! Поэтому совершенно прав и гениально догадлив и прозорлив профессор Ю.М. Осипов, который периодически с разных ракурсов и прозорлив поднимает вопросы о сути, движущих силах, этапах и конце современной цивилизации.

Литература

1. *Кади Дж.* Количественные методы в экономике. М., 1974.
2. *Zarnowitz V.* An Appraisal of Short-Term Economic Forecasts. N. Y., 1967.
3. *Zarnowitz V.* Forecasting Economic Conditions: The Record and the Prospect // *The Business Cycle Today* / Zarnowitz V. (ed.). N. Y., 1972.
4. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
5. *Тяпкин А.А., Шибанов А.С.* Пуанкаре. М., 1982.
6. *Борн М.* Моя жизнь и мои взгляды. М., 1973.
7. *Антропов А.А.* Экономико-математическая модель хозяйственных (экономических) циклов (на примере ВВП США в ценах 1929 г.) // *Экономический суверенитет и суверенная экономика* / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М., 2009.
8. *Клайн М.* Математика. Поиск истины. М., 1988.

¹⁹ Заслуги Г.Л.Ф. Гельмгольца в науке: 1) впервые математически обосновал закон сохранения энергии и показал его всеобщий характер (1847); 2) разработал термодинамическую теорию химических процессов; 3) ввел понятия свободной и связанной энергий; 4) заложил основы теорий вихревого движения жидкостей и аномальной дисперсии; 5) создал основополагающие труды по физиологии слуха и зрения; 6) связал физическую и физиологическую акустику с музыкальной наукой и эстетикой; 7) обнаружил и измерил теплообразование в мышце, изучил процесс сокращения мышц; 8) измерил скорость распространения нервного импульса.

9. Ланге О. Введение в экономическую кибернетику. М., 1968.
10. Стромберг А.Г., Секченко Д.П. Физическая химия. М., 1988.
11. Большая медицинская энциклопедия. Т. 17. М., 1960.
12. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 27. М., 1958.
13. Льюис К.Д. Методы прогнозирования экономических показателей. М., 1986.
14. Мартино Дж. Технологическое прогнозирование. М., 1977.
15. Фостер Р. Обновление производства: атакующие выигрывают. М., 1987.
16. Антропов А.А. Применение обобщенного метода численного интегрирования Рунге—Кутты при изучении мировых экономических циклов // Экономическая теория на пороге XXI века — 7: Глобальная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Н. Бабурина, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М., 2003.
17. Биографический энциклопедический словарь. М., 2001.
18. <http://www.physchem.chimfak.rsu.ru/Source/History/Persones/Helmholtz.htm>.

* * *

22 октября 2010 г. в г. Ростове-на-Дону прошла международная научно-практическая конференция «Конкурентоспособность национальных экономик в условиях глобализации мирового хозяйства», организованная Северо-Кавказской академией государственной службы при участии Ростовского отделения Академии философии хозяйства.

В конференции в качестве докладчика и модератора секции принял участие президент Академии философии хозяйства, директор ЦОН при МГУ Ю.М. Осипов. В своем докладе он отметил, что России предстоит модернизационный переход от неустойчивой и невыразительной конкурентоспособности на основе энерго-сырьевых и полуфабрикатных производств к явной устойчивой конкурентоспособности на научно-высокотехнологической основе, что России придется проделать не без внешней поддержки и участия иностранных капиталов, но при условии мобилизации в угоду неомодернизации всех необходимых внутренних ресурсов, в особенности национального сознания. В противном случае может получиться невыгодная и даже опасная для будущего страны зависимая (неоколониальная) модернизация с неопределенным для России исходом.

* * *

19 ноября 2010 г. в г. Иванове состоялось заседание Клуба ученых Центра социальных исследований и просвещения имени С.Н. Булгакова по теме «Перспективные социально-экономические

системы XXI века». В заседании приняли участие директор ЦОН, президент АФХ Ю.М. Осипов, почетный член АФХ, депутат Ивановской областной думы А.В. Петелин, действительные члены АФХ к.м.н. Е.В. Шелкопляс, д.э.н. С.С. Мишуров, д.ф.н. В.П. Океанский.

* * *

2 декабря 2010 г. в г. Туле состоялась читательская конференция по книге «Мы помним...» (Тула, Гриф и К^о, 2010. — 512 с. ил.), подготовленной по случаю 65-летия Великой Победы по инициативе Администрации Тульской области, ЦОН при МГУ и Тульского филиала РГГЭУ. В конференции приняли участие директор ЦОН, президент АФХ Ю.М. Осипов и действительный член АФХ, профессор ТФ РГГЭУ Л.И. Ростовцева.

* * *

8 декабря 2010 г. состоялось собрание членов Академии философии хозяйства. С кратким сообщением о деятельности Академии за прошедший со дня ее основания (сентябрь 2009 г.) период выступил президент Академии Ю.М. Осипов.

Ниже публикуется выступление Президента академии Ю.М. Осипова.

Ю.М. ОСИПОВ

Слово об Академии

Уже более года существует Академия философии хозяйства. Ровно год назад на декабрьской конференции, прошло первое собрание еще только будущих членов Академии. А сегодня уже кажется, что Академия давно существует, — это и понятно, ибо Академия возникла не на пустом месте, а стала институциональным венцом давно уже существующего ученого движения, имеющего прямое отношение к философии хозяйства, к мировоззрению, к междисциплинарным исследованиям и разработкам

Сегодня нас уже более полутора сотен, тех, кто в том или ином образе входит в Академию: действительных и почетных членов, членов-корреспондентов, членов-попечителей.

Образование Академии стало безусловным событием, пусть и не для всей мировой общественности, но для России и СНГ уж точно, во всяком случае, для нас с вами, для тех, кто не довольствуется еже-

дневно воспроизводящейся научно-интеллектуальной матрицей, а стремится выйти за ее пределы, разглядеть невидимое и услышать беззвучное, соприкоснуться с трансцендентным, войти в метафизику.

Философия хозяйства сегодня есть, она набирает силу, расширяется и развивается. Свидетельством тому являются наши научные форумы и публикации, наш журнал «Философия хозяйства». Обратите внимание на новые имена среди авторов журнала, на города и веси, из которых приходят тексты, опять же на наше уже давно себя позитивно зарекомендовавшее авторское ядро, в составе которого видные ученые и выдающиеся мыслители современности.

Философия хозяйства обнаруживается, да что обнаруживается, уже громко о себе заявляет и за границей: на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Польше, бывшей Югославии, Болгарии. Особенно тут примечательна Украина, где уже есть не только плеяда активных деятелей философии хозяйства, но и Всеукраинское философско-экономическое ученое товарищество. Философия хозяйства, причем наша с вами философия хозяйства, уже интернациональна, ей остается лишь стать всемирной.

Академия состоит из региональных отделений. Уже сформированы отделения в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Иванове. Формируются отделения и в других местах.

Особенность нашей Академии — в ее вольном деловом стиле. Академия ничего специально не требует от ее членов, кроме добровольного участия в ее научных мероприятиях, коллективных публикациях, в журнале «Философия хозяйства». Подчеркну — добровольного! Разумеется, каждый из нас несет долю личной ответственности за бытие Академии, но в целом она не обременительна. Главное для нас — возможность быть вместе, быть услышанными, а то даже и понятыми, быть солидарными в движении мысли, разумеется, мысли разной, индивидуальной, оригинальной.

Философия хозяйства — в целом признаваемое, но вовсе не так уж восторженно приветствуемое течение мысли и направление знания. У философии хозяйства, в том числе и нашей с вами — непростая судьба. Мы с вами вовсе не среди ярых поклонников и безоговорочных сторонников. У философии хозяйства есть свои недоброжелатели, есть и прямые противники. Все это достаточно понятно, жизнь есть жизнь. Философия хозяйства не нейтральна, она затрагивает, корректирует, смущает, будоражит, трансформирует. Не все этого хотят, а потому и не замечают ее, и сопротивляются ей, и препятствуют. Есть всякое вокруг нас, но это не должно нас пугать, поскольку за нами все-таки правда, может, локальная и временная, но все-таки правда, а с правдой непременно лучше, чем без оной.

Академия служит этой правде, причем правде не только онтологической, но и гносеологической, как и проективной тоже. Наша главная задача — работать ради правды. Я не говорю истины, ибо кто ее знает, эту самую истину, а вот кое-какую правду можно все-таки разглядеть, причем не поверхностно-событийную, а сущностно-смысловую. Ради этого стоит жить и работать, думать, говорить, писать, ради этого стоило создавать Академию, быть вместе. Мы не строим грандиозных планов, не возводим больших проектов, мы просто работаем, соблюдая творческую свободу и авторское своеобразие. Мне представляется, что такие принципы деятельности самые для нас подходящие. Иное дело, что региональные отделения не должны сидеть сложа руки, а должны действовать, как раз в тех же направлениях и на тех же принципах, что и вся Академия. Собрания, дискуссии, совместные публикации. Хорошей формой взаимодействия являются клубы ученых, как в Кирове, в Санкт-Петербурге, на Украине. Надо собираться, заседать, говорить, общаться, обогащая друг друга. Тогда региональные отделения, которые у нас, в принципе, междисциплинарные, себя полностью оправдают. И Академия тоже себя оправдает. Да здравствует Академия!

* * *

С сообщениями о деятельности Академии в регионах выступили доктор наук У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), В.В. Ильин (Киев, Украина), В.С. Сизов (Киров); кандидаты наук В.А. Ушанков (СПб.), Е.В. Шелкопляс (Иваново).

На заседании Академии присутствовал и выступил академик РАН, почетный член Академии философии хозяйства В.Л. Макаров.

* * *

16 ноября 2010 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной общественной и экономической мысли» на тему: «Текущая экономика: что с кризисом», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, Л.И. Глухарев, К.В. Молчанов, И.Г. Шевченко, кандидат наук О.В. Доброчеев, действительный государственный советник (в отставке) М.Л. Хазин, научный сотрудник А.А. Антропов.

* * *

8—10 декабря 2010 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная междисциплинарная конференция «Самоутверждение России: социум, экономика, политика». На конференции выступили 90 докладчиков — доктора наук Ю.М. Осипов, А.И. Агеев,

У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), М.Л. Альпидовская, А.Л. Андреев, А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), В.Г. Бодров (Киев, Украина), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А.В. Бузгалин, Ф.И. Гиренок, С.Ю. Глазьев, В.А. Гордеев (Ярославль), С.А. Григорян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), В.К. Захаров, С.Г. Кара-Мурза, С.Г. Ковалев (СПб.), А.И. Колганов, В.И. Корняков (Ярославль), В.А. Кутырёв (Н. Новгород), П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), В.С. Лучинский (Познань, Польша), В.Л. Макаров, С.С. Мишуров (Иваново), К.В. Молчанов, А.В. Мочалов (Киль, Германия), Г.Р. Наумова, А. Новак (Варшава, Польша), Р.М. Нуреев, А.А. Олейников, С.В. Перевезенцев, И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (Тула), В.Т. Рязанов (СПб.), Т.У. Садыков (Астана, Казахстан), С.В. Синяков (Киев, Украина), С.С. Слепаков (Пятигорск), Д.Е. Сорокин, В.А. Твердислов, А.С. Филипенко (Киев, Украина), И.Ю. Фомичев (Тюмень), Н.Б. Шулевский, А.К. Шуркалин, Т.Н. Юдина, Ю.В. Яковец; кандидаты наук С.В. Бирюков (Кемерово), М.Н. Глазунов, Г.Ю. Дубянская, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.В. Косов, Н.И. Кузьмичева, Д.А. Митяев, А.А. Нагорный, Я.И. Нисанов, М.А. Румянцев (СПб.), Р.Е. Соколов, В.М. Сологубов (Екатеринбург), В.А. Ушанков (СПб.), Г.В. Фадейчева (Владимир), Н.В. Фесенко (Киев, Украина), А.И. Фурсов, В.В. Чапля (Краснодар), Е.В. Шелкопляс (Иваново), С.В. Шошин (Саратов), Т.Ю. Яковец; соискатели И.И. Рудяк; Ю.Н. Сенчина, А.С. Фузеев; преподаватели И.А. Горюнов, Г.П. Киселев, Е.С. Киселева (Томск), Д.Ф. Пигин (Арзамас); аспиранты В.В. Рышкус, Е.С. Сасим (Минск, Белоруссия), Т.Н. Шелегина; магистрант Т.С. Черников; политический обозреватель М.В. Леонтьев; публицист А.Э. Айвазов; независимый эксперт Я.В. Вержбицкий, полковник И.В. Мартыненко; предприниматель Т.В. Воеводина.

Ниже публикуется вступительное слово Ю.М. Осипова.

Ю.М. ОСИПОВ

Самоутверждение России — потребность исторического момента

Год назад, в декабре 2009 г., мы с вами говорили о российском перестроении, почував в возможном общестрановом деянии актуальную историчность и неотложную ситуационную потребность, тем более актуальную и неотложную, поскольку системно-кризисная со времен перестройки и по итогам «рыночно-демократической» реформы Россия подверглась в тот момент пагубному влиянию разразившегося в

2008 г. мирового финансово-экономического кризиса, весьма поразившего зависимую от внешней среды и мировых финансовых потоков, а потому и особенно уязвимую Россию.

Стало вдруг ясно, что Россия нуждается в *глубокой и масштабной социо-хозяйственной реконструкции*, способной обеспечить преодоление затянувшегося структурно-системного *пореформенного кризиса*, обеспечить защиту страны от внешних негативных влияний и обрести в итоге новый социо-хозяйственный облик — уже *постреформенный*.

Перестроение мыслилось нами как мобилизационное сосредоточение интеллектуальных, финансовых и материальных ресурсов и их эффективное применение через посредство соответствующего такой грандиозной задаче обновленного национально-хозяйственного центра и перестроенного управленческого аппарата в направлении созидания *новой России* — как раз постреформенной, в среде не просто морально устаревшей, а вообще никуда негодной, исторически бесперспективной и социально крайне опасной пореформенной России, попавшей под гнет криминогенной финансово-административной системы, отличающейся невиданным произволом, грубым деспотизмом и пугающей любое человеческое воображение эксплуатацией доставшихся ей «задарма» и без всякого морально-хозяйственного оправдания человеческих и природных ресурсов огромной производительной базы.

Такой нам представлялась год назад возможная позитивно-конструктивная стратегия России, причем стратегия ради России, ради ее возрождения и нового исторического взлета.

Тогда же, в декабре 2009 г., была вполне выдвинута идея самоутверждения России как обновляющегося и стремящегося к новому образу национального субъекта. И эту идею мы решили обстоятельно обсудить в декабре 2010 г. на очередной международной научной конференции.

Однако за прошедший год в ментально-политической жизни страны, ее внешних отношениях произошли весьма знаменательные события и процессы, заставляющие нас кое над чем серьезно задуматься и весьма по-иному взглянуть на происходящее в стране и в мире.

Как это, быть может, ни странно звучит, но Россия, кажется, попала в особого рода новую кризисную ситуацию — ситуацию *тревожной неопределенности*, сравнимую с ситуацией рубежа 1980—1990-х гг. Нет смысла перечислять признаки данной исключительной ситуации, которые, в общем-то, очевидны, а ежели среди нас имеются те, кому их не видно, то указание на них в творческом воображении такого рода интеллектуалов ничего не изменит.

Тут важно заметить, что ситуация эта возникла не без содействия высших правящих кругов, решивших никак не ворошить впавшую в

своеобразную потребительско-обывательскую кому страну, а всего лишь ее... *модернизировать*, разумеется, по внешним образцам и при активном, чуть ли не руководящем, внешнем участии.

Отсюда ряд жгучих вопросов: что вообще значит в данном случае модернизация? означает ли это всего лишь подновление и некоторое оцивилизовывание сложившейся и действующей в стране системы? существует ли системный проект модернизации? ставит ли модернизация задачу преодоления глобального системного кризиса и обретения страной действительной и эффективной, а не виртуальной и эфемерной, как сейчас, национальной субъектности? каковы движущие силы и где реальный штаб модернизации, предусматривается ли какая-либо мобилизация ресурсов и сил для реализации модернизационного проекта? является ли модернизация воистину национальной и суверенной, или это всего лишь зависимое от глобализма подновление субординационной страны? Таких вопросов множество, их можно продолжать и продолжать.

Из-за возникшей концептуальной и проективной неопределенности, чреватой не только временным пиар-хаосом, но и реальной судьбоносной угрозой для России, способной либо окончательно превратиться в параколониальную провинцию глобализма, правда, им — глобализмом — осовремененную, либо вообще перестать существовать как целостное геополитическое образование. Эксплуатация и обескровливание России идет полным ходом, и резервы страны не только для ее выживания, но даже и для такого с ней эксплуатационного обращения не бесконечны, а потому вовсе не за горами и возможность какой-то глобальной в России или с Россией коллизии, не сводимой вовсе к очередной социо-хозяйственной смуте, но и чреватой самораспадом страны либо, при ее резком ослаблении, насильственным расчленением.

Выдвинутая год назад тема конференции — самоутверждение России — оказалась через год в весьма двусмысленном положении: с одной стороны, она буквально вопиет о своей актуальности, необходимости и экстренной значимости, а с другой — выглядит уже чуть ли не продуктом наивной игры неадекватного и бестолкового научно-интеллигентского ума.

К какому еще другому заключению можно придти, наблюдая происходящее в стране втягивающейся, кажется, и в серьезный *внутриполитический кризис*? Разве лишь к заключению о *раз*-утверждении России, трагикомично повторяющем уже нами виденное *раз*-утверждение СССР.

Что ж, возможно, что все мною сказанное лишь патогенное преувеличение, что в России дела идут, и идут куда надо, что иного пути для

России, собственно, и нет. Хотелось бы с этим согласиться, но текущая реальность почему-то этого не позволяет.

Россия сегодня — не устойчивая и развивающаяся в большом пространстве система цивилизованного человеческого бытия, а нахально задержавшаяся и неуклонно нарастающая в этом пространстве *системная катастрофа*, принявшая уже не только институциональный, но и прямо-таки субстанциональный характер.

Катастрофа как институт и как субстанция!

Главная для России проблема сегодня — проблема идейно-нравственная, а не какая-либо другая. Перестроение, о котором мы говорили год назад, предполагало мощную позитивную идейно-нравственную работу, а что предполагает провозглашенная модернизация — разве лишь модернизацию тупика, в котором находится сегодня Россия, или охватившей Россию безумной inferнальностью?

Да, самоутверждение России в позитивном идейно-нравственном ключе — более сегодня утопия, чем реальность, но сама-то реальность российская ныне такова, что любое самоутверждение России в существующем негативном образе, что то же самое в состоянии субстанциональной катастрофы, есть не что иное, как самое обыкновенное преступление перед человеком, нацией, Россией, а потому нам, нынешним горе-утопистам, ничего не остается как решительно высказаться все-таки за российское самоопределение России, за ее самоизлечение и самовыздоровление и как раз посредством не чего-нибудь, а российского перестроения!

Не пойдем этого сегодня, пойдем, возможно, завтра, а вот послезавтра понимать уже будет, по всей вероятности, поздно!

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

***Неодирижизм как императив
текущего момента***

Мировой экономический кризис и конец высокого либерализма. Кризис глобализма и ренессанс локализма. Неонационализация и неорегионализация бытия. Локализм — не сепаратизм, а контроль, утверждение своего, поддержание субъектности. Возрождение государственности. Локальные (национальные, региональные) центры, их организационно-управленческая роль. Феномен неодирижизма. Практика неодирижизма. Перспектива.

15 февраля 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

***Хозяйство и идеология:
попытка непредвзятого осмысления***

Значение идей и роль идеологий в жизнеотправлении человека, в хозяйстве. Идеология, сознание и человек. Философия хозяйства как метаидеология. Идеи и идеологии в философии хозяйства. Идеологическая составляющая экономической науки. Идеология эпохи Постмодерна. Идеологическая составляющая текущей современности и происходящих социо-хозяйственных перемен. Футуроидеология. Идеология ожидания: телеологические и эсхатологические мотивы.

15 марта 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Ломоносовские чтения — 2011

ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

*Инновационное развитие экономики России:
институциональная среда*

20 — 22 апреля 2011 г.

Секция лаборатории философии хозяйства

«Модернизация как создание новой России»

Всеобъемлющий характер и центральное место модернизации. Движение к новой России. Социально-политическая реконструкция. Освоение новейшего технологического уклада. Развитие фундаментальной интеллектуальной сферы вкупе со сферами прикладных разработок и новых производств. Подъем и использование внутренних модернизационных резервов, их мобилизация. Созидательная роль национального (государственного) хозяйственного центра. Неодирижизм и модернизация. Привлечение зарубежных источников и сил. Перспективы и контуры новой России.

Подсекция 1. Модернизация — центральный феномен российской современности.

Подсекция 2. Черты и системный контур нового социально-хозяйственного уклада.

21 — 22 апреля 2011 г.

Время и место проведения будут сообщены дополнительно

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Философско-хозяйственное осмысление
современной и исторической
реальности,***

*посвященная 140-летию со дня рождения С.Н. Булгакова
(1871–1944)*

Философия хозяйства как развивающееся специфическое знание новейшего времени. Значение прорыва С.Н. Булгакова в сферу философии хозяйства, его личный вклад в философию хозяйства. Ренессанс философии хозяйства. Концептуальная и методологическая специфика философии хозяйства, ее принципиальная метафизичность. Современная школа философии хозяйства. Социо-хозяйственная реальность через призму философии хозяйства. Хозяйственная историософия: исторические эпохи, этапы, циклы. Хозяйственная телеология. Современность в философско-хозяйственной трактовке. Социум, экономика, политика, идеология. Проблема человека, сознания, ноосферы. Хозяйственные эсхатология. Хозяйственная футурология. Перспективы философии хозяйства в России и в мире.

Секция 1. Философия хозяйства как течение мысли. Вклад С.Н. Булгакова.

Секция 2. Философско-хозяйственная картина мира.

Секция 3. Хозяйственная (экономическая) практика в поле зрения философии хозяйства.

16—17 июня 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2011

***Социально экономическая модернизация России:
намерения, ходы и результаты***

Модернизация общества и экономики России как идеальный замысел и как реальный процесс. Что происходит? Явленный алгоритм. Проекты, действия, итоги. Меняется ли Россия? В какую сторону? Ближайший образ и просматриваемая перспектива.

Сентябрь — октябрь 2011 г.

(РДЦ «Орленок», пос. Новомихайловский, по персональным приглашениям)

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

***Историческая поступь великоросса –
М.В. Ломоносов***

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Великий русский мыслитель: «вся Россия» и «весь в Россию». Ученый-энциклопедист. Целостность и органичность Универсальность. Философ, исследователь, просветитель, создатель. Естественник и гуманитарий. Физик, химик, географ. Теоретик и экспериментатор. Лингвист, историк, социолог, экономист, философ хозяйства. Проектант. Осмыслитель России и ее будущего. Модернизатор. Ломоносов и российская мысль, им вдохновленная (Карамзин, Пушкин, Л. Толстой, Федоров, Менделеев, С. Булгаков, Циолковский, Вернадский). Ломоносов сегодня и сегодня с Ломоносовым. Подвиг великоросса: память и слава!

15 ноября 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Интеллект-революция:
свершения и ожидания***

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Интеллект как хозяйственный и хозяйствующий фактор. Интеллект как производительная сила. Интеллектуальная сфера хозяйства. Общественный интеллект, его обустройство. Производительная сила интеллекта. Интеллект и техника, техника и интеллект. Интеллектуализированная техника и технизированный интеллект. Технобщество. Интеллект и этика, интеллект и свобода. Метафизика интеллекта. Современная интеллект-революция. Свершения и ожидания. Интеллект, сознание, человек. Современный интеллектуал. Интеллект, ноосфера, общество. Интеллектообщество. Контуры интеллект-будущего.

7 — 9 декабря 2011 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ИЛЬИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра экономической теории, Киевский национальный университет имени Т. Шевченко (*ilin_vv@ukr.net*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*shulevsk@mail.ru*).

СТРОЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

к.б.н., научный сотрудник, Институт физиологии имени И.П. Павлова РАН (г. Санкт-Петербург) (*s_stroev@hotmail.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

к.э.н., старший научный сотрудник, отдел глобальных систем современной цивилизации, Институт мировой экономики и международных отношений Национальной академии наук Украины (г. Киев) (*kuznetsov0572@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент АГН, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*mailconst@gmail.com*).

ВОРОНИНА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА,

аспирантка, философский факультет МГУ (*Lanka-svet@yandex.ru*).

ПШЕНИЦЫН ИВАН ВИКТОРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории, Российский государственный торгово-экономический университет (*piv3@yandex.ru*).

АКИНИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории. экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*ovgalkina@mail.ru*).

ШЕВЕЛЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории. экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*ovgalkina@mail.ru*).

НИКОЛАЕВ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ,

д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ; Московский институт международного бизнеса при Министерстве экономического развития и торговли РФ (*alexeynikolaev@inbox.ru*).

ЕЛЕЦКИЙ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону) (*nde527@yandex.ru*).

СКОТНЫЙ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономики, Дрогобычский педагогический университет имени И.Я. Франко (Украина) (*skotnyu@ukr.net*).

ЗАЛЕТНЫЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

к.ф.н., соискатель степени к.э.н., кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*zaletny@hotmail.com*).

КУТЫРЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Нижегородский государственный университет (*kut.va@mail.ru*).

РОДИОНОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА,

д.э.н., доцент, профессор, кафедра менеджмента, Владимирский государственный гуманитарный университет (*rodionova777@yandex.com*).

БОГДАНОВА ИРИНА АРКАДЬЕВНА,

соискатель, Владимирский государственный гуманитарный университет (*rodionova777@yandex.com*).

ФОМИЧЕВ ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.соц.н., профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет (*ifomi@mail.ru*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный член АФХ, к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философии гуманитарных факультетов МГУ (*rodzinskiy 66@mail.ru*).

ЛЕВИНА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА,

к.ф.н., Государственный университет — Высшая школа экономики (*girenok@list.ru*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, департамент монетарной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

ШАПОВАЛОВ ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ,

д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ (*av124669@comtv.ru*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАВОВНА,

действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт (г. Киров) (*rektor@vsei.ru*).

АНТРОПОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*eszotova@mail.com*).

Содержание за 2010 г.

Двенадцатый (Ю.М. Осипов)	№ 1
К Международной научной междисциплинарной конференции «Самоутверждение России: социум, экономика, политика», 8 — 10 декабря 2010 г. (Ю.М. Осипов)	№ 5
Двадцать лет Центру общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова. 1990 — 2010 (Ю.М. Осипов)	№ 6
Двадцатилетие	№ 6
Академия	
Академия философии хозяйства	№ 3
Академия философии хозяйства — Восхождение (Ю.М. Осипов)	№ 3
Из сказанного на встрече	№ 4
Логос и София «Русской Правды» (Н.Б. Шулевский)	№ 3
Слово об Академии	№ 3
Послесобытийные реминисценции (Н.Б. Шулевский)	№ 4
Приглашение к размышлению (дискуссионные мотивы) (Ю.М. Осипов)	№ 4
Прием в Совете Федерации	№ 4
Состав участников встречи коллектива ученых Центра общественных наук при МГУ и членов Академии философии хозяйства в Совете Федерации 9 июня 2010 г.	№ 4
Философия хозяйства	
<i>А.А. Акинин, А.А. Шевелев</i>	
Россия на пороге социохозяйственных перемен: проблема экономического развития и модернизационный дискурс	№ 6
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
«Хрестоматика» российской бюрократии	№ 2
<i>К.Р. Баянов</i>	
Постмодерн социального прогнозирования	№ 5
<i>А.В. Бузгалин</i>	
Десять принципов социально-ориентированного развития: новый проект?	№ 5
<i>А. Бэттлер</i>	
Глобализация, или Теория глобального капитализма (тезисы)	№ 4
<i>Ю.К. Волков, Д.Ф. Пигин</i>	
Есть ли ресурс у капиталистической мир-системы, или Насколько практичной может стать утопистика? (размышления по поводу насущной проблемы футурологии)	№ 4
<i>С.С. Воронина</i>	
Глобализация: «торжественные» похороны социальной справедливости? Взгляд с точки зрения философии хозяйства	№ 6
<i>П.П. Жуликов</i>	
Философия хозяйства. Взгляд со стороны	№ 1
<i>В.В. Ильин</i>	
От «пост» к «прото»: трансформации «денежного мира»	№ 6
<i>В.Я. Иохин</i>	
Испытание глобализмом	№ 2

<i>В.И. Корняков</i> О силах самоутверждения экономики.....	№ 5
<i>Е.В. Косов</i> Этатизм и либерализм — тормоз и газ.....	№ 4
<i>Ю.В. Котова, А.В. Дмитренко</i> «Духовное!».....	№ 3
<i>А.В. Кузнецов</i> Экономика в условиях отсутствия морали	№ 6
<i>О.В. Лончакова</i> Глобализация. Структура, формирование и движение связей	№ 5
<i>Г.И. Мойсейчик</i> Подходы философии хозяйства в передовой зарубежной хозяйственной и правовой практике	№ 4
<i>К.В. Молчанов</i> К вопросу о социальном проектировании: диалектический аспект понятия «экономика».....	№ 6
<i>К.В. Молчанов</i> О негативизации экономического познания и двух посылок осмысления будущего развития мировой экономики.....	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i> Аскетизм как феномен человеческого бытия и потребность современности.....	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i> Знание об экономике под присмотром естествознания и опекой философии	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i> Новейшие тенденции мировой современности: философско-хозяйственное осмысление	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i> Под знаком «М»	№ 4
<i>Д.Ф. Пигин</i> Мир-экономика в нравственном измерении	№ 3
<i>И.В. Пшеницын</i> О хозяйстве и его философии	№ 1
<i>И.В. Пшеницын</i> Судьба России	№ 6
<i>С.С. Робатень</i> Общество как хозяйство земледельца	№ 3
<i>И.И. Рудяк</i> Игры вместо экономики: глобальный детсад и ракоходное ретирование масс.....	№ 2
<i>В.В. Рышкус</i> Валовое сбережение или сбережение души: взгляд на проблему развития России	№ 3
<i>Т.У. Садыков</i> Философия как основа анализа преемственности современных хозяйственных категорий	№ 3
<i>В.В. Смирнов</i> О влиянии философия хозяйства на развитие экономической науки.....	№ 2

<i>С.А. Строев</i>	
Либерализм: судьба «победителя»	№ 6
<i>С.А. Строев</i>	
Постмодерн как орудие мирового переустройства	№ 2
<i>С.А. Строев</i>	
Становление виртуальной финансовой системы	№ 3
<i>А.И. Субетто, В.В. Чекмарев</i>	
Философия хозяйства: pro at contra (диалог в стиле «менуэт»)	№ 1
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Вся власть от Бога	№ 5
<i>Е.В. Шелкопляс</i>	
Цивилизация гармонии и нравственности как цель модернизации. Мобилизационный потенциал России	№ 4
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Археология цены в философии хозяйства	№ 3
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Аскетократия как социальная инновация философии хозяйства.....	№ 4
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
«Общество знания» или «общество непонимания»?	№ 6
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Эсхатология современного мира в философии хозяйства.....	№ 2
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: брахманистская философия хозяйства	№ 1
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: буддистская философия хозяйства	№ 2
Экономическая теория	
<i>И.В. Ефимчук</i>	
Концептуальный анализ концепта модернизации.....	№ 3
<i>В.И. Корняков</i>	
Высветить, понять и стреножить экономического монстра.....	№ 4
<i>А.З. Новак, К. Рычъ</i>	
Евро будет введен позже — ущерб или выгода?.....	№ 4
<i>Р.М. Нуреев, Н.А. Нуреева</i>	
Экономическая модернизация России после кризиса: мифологемы и реальность	№ 4
<i>И.Е. Рудакова</i>	
Насколько либеральна либеральная экономика?	№ 3
<i>Т.У. Садыков</i>	
Инон как современный преемник капитала.....	№ 4
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Галлюцинации как сущность человека	№ 1
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Может ли наука хоть чем-то нас удивить?	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Сказка о сказке	№ 5
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Сознание как эхо	№ 1
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Методология гуманитарных наук.....	№ 2

<i>А.Ю. Горбачев</i> Мистицизм Постмодерна	№ 3
<i>А.Г. Дугин</i> Мартин Хайдеггер, другое Начало и возможность русской философии	№ 1
<i>В.А. Ковтун</i> Аналитика связей абсурда и молчания в экзистенциализме Ж.-П. Сартра	№ 5
<i>В.А. Кутырев</i> Бог и/или Разум	№ 6
<i>Н.В. Литвак</i> О классификации концепций информационного общества	№ 3
<i>А.С. Нилюгов</i> Инстинкт духовного самосохранения versus инстинкт физического самосохранения	№ 3
<i>А.В. Овруцкий</i> Производство и потребление: диалектика взаимодействия	№ 3
<i>В.И. Пузько</i> Феномен самоотчуждения человека в условиях глобализации и постмодерна	№ 2
<i>Д.Л. Родзинский</i> Антикультурный феномен «чистого» сознания в чань-буддизме	№ 6
<i>Д.Л. Родзинский</i> Концепция космоса и сознания у Плотина как неотъемлемых условий хозяйственной деятельности	№ 1
<i>Д.Л. Родзинский</i> Метафизические истоки хозяйственной деятельности мудреца в античной философии	№ 3
<i>Д.Л. Родзинский</i> Организирующий принцип космического хозяйства и его проводника — сознания мудреца	№ 2
<i>Л.Д. Родзинский</i> Преодоление сознания хозяйственной деятельности в раннем буддизме (хинаяны)	№ 4
<i>Н.В. Родионова, И.А. Богданова</i> Возможность этического оправдания экономических целей	№ 6
<i>Н.Н. Ростова</i> Метафизика посредственности	№ 5
<i>Н.Н. Ростова</i> Сокровенное религии	№ 4
<i>И.И. Рудяк</i> Мировое дерево как фрактал и семиотическая экономика как наука: аскетизм и инновация	№ 4
<i>А.И. Сергеев</i> Философские проблемы внедрения инноваций в повседневную жизнь общества	№ 5
<i>И.Ю. Фомичев</i> Коллективизм в современной философии управления организациями	№ 6

Актуальная социология*Н.Д. Елецкий, М.Ю. Фролов*Концепция разумных потребностей в новых цивилизационных
и экологических реалиях № 2*Е.А. Карцев*Социология знания в контексте трансформации
русского общества № 2*В.В. Кочетков, Л.Н. Кочеткова*

Антиномия современного государства и гражданского общества № 2

*Е.С. Толок*Россия: место и роль института образования
в формировании толерантной личности № 2**Российское перестроение***Р.С. Гринберг*

Российская модернизация: среди шансов и рисков № 1

О.В. Добродеев

Ритмы и тенденции мирового и русского перестроения № 1

В.М. Кишинев

Гуманитарные проблемы нанотехнологической парадигмы № 1

*К.Н. Лебедев*Перестроение экономического образования
как необходимый элемент перестроения русского общества № 1*С.А. Марков*Консервативная модернизация:
попытка новой модели развития России № 1*А.А. Нагорный*

Модернизация: США, Китай, Россия № 1

А.П. Починок

Россия: время прорывного развития № 1

*Д.Е. Сорокин*Сценарии посткризисного развития:
возможности инновационного перестроения № 1*А.И. Фурсов*

Россия на выходе из тупика, или Тьма в конце туннеля? № 1

Р.И. Хасбулатов

Почему Россия не «грозит» модернизация? № 1

Н.Б. Шулевский

Знание и судьба России № 1

Инновации*У.Ж. Алиев*

К общей теории и типологии инноваций № 4

*К.Р. Баянов*Концептуальные основания прогнозирования
социоприродной динамики № 4*К.Р. Баянов*Перспективы социотехнического развития России:
проблемы методологии № 3*В.Г. Белолитецкий*

Актуализация инновационного образования в условиях кризиса № 3

<i>Т.В. Воеводина</i>	
Мобилизационная экономика как условие инноваций в России	№ 3
<i>С.А. Дятлов</i>	
Глобальная инновационная гиперконкуренция как фактор трансформации мировой экономики	№ 4
<i>Н.Д. Елецкий</i>	
Переход к инновационному развитию: значение и границы применимости зарубежного опыта	№ 6
<i>А.А. Залетный</i>	
Основные проблемы инвестиционного банковского процесса в современных российских экономических условиях	№ 6
<i>А.Б. Николаев</i>	
Международный инновационный процесс и концепция национальных инновационных систем	№ 3
<i>А.Б. Николаев</i>	
Современное производственное инновационное развитие — сущность и формы проявления	№ 6
<i>А.Б. Николаев</i>	
Современное производственное инновационное развитие — сущность и формы проявления	№ 6
<i>П.В. Скотный</i>	
Инновационная методология как проблема современного знания	№ 6
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Глобальный кризис науки и контуры грядущей Великой научной революции	№ 3
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
Особенности развития высоких технологий в современной России	№ 4
Россиеведение	
<i>Н.И. Злыгостева</i>	
«Освящение любовью» (семья в контексте русской литературы)	№ 4
<i>Д.П. Подковов</i>	
Зарождение российского типа науки	№ 4
<i>В.С. Сизов</i>	
Учительство и просветительство	№ 4
<i>В.Ф. Шаповалов</i>	
Просто преподавать... (к вопросу о соотношении образования и воспитания)	№ 4
Кризис	
<i>В.Г. Белолитвицкий</i>	
Уроки мирового экономического кризиса и их учет в проектировании направлений развития национального хозяйства	№ 1
<i>Э. Ватт</i>	
Экономический и финансовый кризис в Европе: причины и последствия	№ 5
<i>О.А. Золотарева, А.А. Минченко, Е.А. Колесник</i>	
Глобальный инфаркт	№ 5
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
Кризис России: распад социокультурных общностей	№ 1
<i>Р.М. Нижегородцев</i>	
Модернизация на фоне кризиса: задачи российской экономики	№ 2

<i>А.З. Новак, К. Рычъ</i>	
Каков конец кризиса?	№ 1
<i>Р.М. Нуреев, Д.И. Кондратов</i>	
Автомобильная промышленность: тенденции развития	№ 2
<i>Р.М. Нуреев, М.Ю. Сапьян</i>	
Экономический кризис в России: роль канала обменного курса трансмиссионного механизма.....	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Мировой кризис и мир (непрощенные мысли).....	№ 1
<i>А.С. Филипенко</i>	
Структура мирового финансового кризиса.....	№ 1
<i>М.Л. Хазин</i>	
Почему нынешний кризис — системный?.....	№ 2
Актуальность	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Политический аутизм	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Веяния времени: год 2010-й.....	№ 5
Нано...	
<i>О.В. Иншаков</i>	
Наноиндустриализация в глобальном контексте	№ 5
<i>О.Ю. Мамедов</i>	
Взорвет ли наноиндустриализация современную экономику?	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Наномодернизация.....	№ 5
<i>С.С. Слепаков</i>	
Наноэкономика как научный и социальный феномен	№ 5
<i>А.В. Фесюн</i>	
Наноиндустрия как основа инновационной экономики РФ.....	№ 5
Булгаковедение	
<i>Л.И. Ростовцева</i>	
Философско-хозяйственный аспект политической экономики А.И. Бутовского.....	№ 1
<i>И.И. Рудяк</i>	
Экономика Маркса или хозяйство Булгакова: межсистемная борьба законов как эффект Кулешова.....	№ 1
<i>Н.В. Сомин</i>	
Булгаковская метаморфоза.....	№ 1
Энциклопедия	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Законы (закономерности) общественные	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Панэкономизм	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Система	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Физис	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономизм.....	№ 1

<i>Ю.М. Осипов</i> Экономическая целесообразность	№ 3
Рецензии и отклики	
<i>Ф.И. Гиренок</i> О книге Юр. Михайлова «Реквием»	№ 5
<i>В.П. Казарин</i> Из цепких объятий прошлого	№ 4
<i>В.Я. Курбатов</i> Версты полосаты	№ 4
<i>Т.В. Левина</i> Метатеория сознания, или Первобытная живопись как критика языка	№ 6
<i>П.М. Леоненко</i> Новое фундаментальное исследование экономической глобализации	№ 5
<i>Н.Л. Лескова</i> Нет королевских путей в науку. Очерк об отце — Л.В. Лескове	№ 4
<i>С.М. Миронов</i> Важная историческая задача	№ 3
<i>Г.И. Мойсейчик</i> Кое-что о человеческом лице Швеции, или Черновые заметки о чистовом хозяйстве	№ 6
<i>Г.И. Мойсейчик</i> Хованщина (заметки со спектакля Модеста Мусоргского)	№ 4
<i>С.Ю. Орлова, Е.В. Бушмин</i> Творческая дискуссия	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i> Память — русская память	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i> «Россия, вперед!»	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i> Слово о войне, великой победе и о нас с вами	№ 3
<i>А.А. Погребняк</i> Исчезновение избытка: актуальность Гоголя в контексте осмысления путей российского перестроения	№ 2
<i>Д.П. Подкосо</i> Гоголевский тупик	№ 5
<i>М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычкова</i> Десять лет серии «Российская экономическая мысль»	№ 3
<i>Л.И. Ростовцева</i> «Ното glamouricus», или «Человек гламурный» в России	№ 5
<i>И.И. Рудяк</i> Душа экономики и виртуальное потребление: «Иное» Ю.М. Осипова и «Встречи с Иным» Н.Б. Шулевского	№ 6
<i>И.И. Рудяк</i> Русская пирамида	№ 5
<i>И.И. Рудяк</i> Русский Платон: «метафизическая междисциплинарность» и Академия	№ 5
<i>М.С. Сосницкая</i> Иван Лукаш: постнеоклассик XXI века	№ 1

<i>С. О. Хохлов</i>	
Красота и красивость	№ 5
<i>В. Н. Черковец</i>	
К характеристике политической экономии социализма	№ 2
<i>В. Ф. Шаповалов</i>	
Парадоксы искусства советского периода	№ 6
<i>Э. Шац</i>	
На сцене — книга. Между языком и объектом	№ 4
<i>Э. Шац</i>	
Trattatello	№ 3
<i>И. Г. Шевченко</i>	
Мгла	№ 5
<i>А. Г. Штейнберг</i>	
«Концепт Я-пространства», или Становление принципа женственности в управлении	№ 1
<i>Н. Б. Шулевский</i>	
Философия хозяйства как благая весть жизни	№ 4
Научная жизнь	
<i>А. А. Антропов</i>	
Некоторые аспекты естественнонаучных и технико-технологических трактовок и аналогов экономических процессов и явлений	№ 6
<i>А. Бэттлер</i>	
Российская наука в грезах и реальности	№ 2
Жизнь в обществе постмодерна (<i>В. С. Сизов</i>)	№ 6
Кризис современной науки (<i>В. С. Сизов</i>)	№ 5
<i>А. Б. Николаев</i>	
Некоторые аспекты развития российского производства и инновационного развития	№ 1
<i>Ю. М. Осипов</i>	
Россия: призрак неомодернизации (тезисы)	№ 5
<i>Ю. М. Осипов</i>	
Самоутверждение России — потребность исторического момента	№ 6
<i>Ю. М. Осипов</i>	
Слово об Академии	№ 6
Теоретическая модель социализма в учебниках и научных трудах (<i>А. М. Белянова, И. М. Теняков</i>)	№ 2
Belle-Lettre	
<i>Е. В. Шелкопляс</i>	
Весенняя подсказка для мужчин: смысл жизни известен всем настоящим женщинам	№ 2

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжает в 2011 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.